

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых
научных журналов
и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные
научные результаты
диссертации на соискание
ученой степени

6

2019

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный
университет
им. М.В. Ломоносова;
Российская социологическая ас-
социация*

Адрес редакции:
119992, Москва, Ленинские
горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
социологический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.: (495) 939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
<http://soziologi.ru>

*Гарнитура MysIC.
Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,0.
Тираж 300 экз. Заказ №484.*

Подписано в печать 22.12.2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

В.И. Добреньков

Заместитель главного редактора:

А.И. Кравченко

Заведующая редакцией:

А.А. Ведерникова

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ю.П. Аверин, А.И. Антонов,
С.А. Барков, В.П. Васильев,
Ю.Г. Волков, В.И. Гараджа,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
А.Г. Дугин, Г.В. Дыльнов, Л.Я. Дят-
ченко, С.Г. Ивченков, Н.Р. Исправ-
никова, П.Ф. Кравчук, В.А. Кудряв-
цев, В.Н. Кузнецов, А.И. Куропят-
ник, А.К. Мамедов, А.Л. Маршак,
И.К. Масалков, Ф.И. Минюшев,
А.П. Михайлов, Л.Н. Панкова,
В.Н. Петров, Н.Я. Полякова,
М.В. Романенко, В.В. Серебрянни-
ков, Г.Г. Силласте, Н.Г. Скворцов,
Н.Л. Смакотина, И.Т. Тощенко,
Н.С. Федоркин, М.С. Халиков,
В.А. Шаповалов.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи - до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи необходимо указать полное название статьи, ФИО автора (авторов).

Необходимо указать источники всех приводимых в статье цитат, статистических данных, иной информации. Библиографический список оформляется в соответствии с государственным стандартом (ГОСТ 7.4-95. Издания. Выходные сведения), Все аббревиатуры должны быть пояснены.

Аннотация и ключевые слова к статье на русском и английском языках (до 5 аннотированных предложений и до 10 ключевых слов на каждом языке). Название статьи и ФИО автора также на английском языке.

Авторская справка (если авторов несколько, то авторская справка составляется для каждого из них), в которой указывается: ФИО - полностью; полное название основного места работы; ученая степень и ученое звание; адреса электронной почты.

Содержание

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Козырева Л.Д.* Проблемы формирования и развития институтов гражданского общества в современной России 4
- Кравченко А.И.* Биосоциальная концепция пассионарности Л. Гумилева 12
- Пикалова О.С., Бурмыкина И.В.* Проблема оценки эффективности государственных программ 44

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

- Гулина Д.С.* Ключевые диаспоры в миграционной системе современной России 55
- Евсина Т.А.* Особенности развития гражданского общества в Кузбассе 63
- Жулева М.С.* Пространственный подход к исследованию социальных проблем в трудовой сфере 69
- Зубец А.Н.* Основные социальные и инфраструктурные факторы, определяющие демографическую динамику в регионах России и их привлекательность для миграции 77
- Ибрагимов Р.Н.* Детский спорт как вариант стратегии формирования человеческого капитала (на материале региона Республики Хакасия и юга Красноярского Края) 87
- Куликов С.П., Новиков С.В., Сазонов А.А.* Особенности социальной адаптации и защиты студентов вузов 99
- Панчук Н.Н., Гарнага А.Ф.* Влияние социальных связей на социальную мобильность 108
- Рязанцев И.П., Гридина В.В., Тимонина Т.В.* Духовно-нравственная культура студентов технического вуза 113
- Тимчак К.Н., Осипов Е.М.* Эффективность российской социальной рекламы: критерии и проблемы оценки 126
- Узюмова Н.В.* Оценка влияния корпоративной культуры на социальную эффективность адаптации новых сотрудников.. 132

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ. ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

- Апполонов А.В.* Понятие «religio» в творчестве Альберта Великого 142
- Арчугова А.С.* Ли Чжи (1527-1602): концепция «Детского сердца» 151

- Галанюк А.Е.* Традиции Рождества и сравнительный анализ гимнографии литургического года византийской и римской традиций 157
- Далал Б.* Взаимосвязь между религией и эволюцией через философские взгляды Канта, Гегеля и Вебера: критический обзор 170
- Загирняк М.Ю.* Специфика социального единения в учении С.И. Гессена о социальном праве 179
- Ни Ваян Радита Нови Пуспитасари.* Влияние деятельности НПО на положение женщины в обществе в Индонезии на о. Бали в период всемирной глобализации 189
- Семенович А.В.* Чувственное восприятие судебного процесса 200
- Сизинцев П.В.* Понятие о личности в философско-художественном наследии российского мыслителя Г.С. Сковороды (1722-1794) 211

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Карпова В.М., Марушкина Д.В.* Близость ценностных ориентаций супругов в брачной паре и факторы ее определяющие 219
- Ляликова С.В.* Понятие жизненного цикла семьи и особенности его типологизации в работах отечественных ученых с привлечением исследовательских данных ... 232
- Маленков В.В., Печеркина И.Ф.* Патриотическая самоидентификация в системе гражданских ориентаций молодежи... 249
- Малых С.В.* Виртуальные университеты будущего 263
- Младенов В.И.* Исследование образа одиночества в эмпирических исследованиях 268
- Орлова О.М., Башук Е.Н.* Роль самооценки в проявлении склонности к компьютерной зависимости 279
- Письменная Т.Г., Письменный Р.Г., Погорелов С.С.* К вопросу о состоянии государственно-конфессиональных отношений в Новокубанском районе Краснодарского края в начале 70-х гг. XX в. 284
- Терентьев А.Ю.* Протестное голосование как результат социальной напряженности 289
- Сулимова Е.А., Федорова О.А.* Трудоустройство выпускников высших учебных заведений как социальный процесс 298

Проблемы формирования и развития институтов гражданского общества в современной России

Козырева Л.Д.

В статье анализируются проблемы, возникающие в процессе формирования и трансформации институтов гражданского общества в России. Указано на то, что гражданский активизм реализуется в многочисленных формах. Особое внимание уделяется таким институтам, как общественные инициативы и публичные слушания. Предложены меры, направленные на совершенствование и повышение эффективности деятельности данных институтов.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданское участие, гражданская активность, общественная инициатива, публичные слушания

Формирование гражданского общества – сложный многоплановый и длительный процесс. В некоторых странах формирование основ гражданского общества продолжалось около двух столетий, было полно проблем и противоречий. В нашей стране этот процесс идет всего несколько десятилетий, если не учитывать прерванный Октябрем 2017 богатейший опыт гражданского мироустройства. В этой связи социологический анализ институтов формирующегося гражданского общества представляется своевременным и актуальным, а анализ проблем, возникающих в процессе практической реализации функций институтов, имеет весьма важное теоретическое и практическое значение.

Проблемы развития гражданского общества и повышения эффективности функционирования его структур всегда были в центре внимания руководства страны. Об этом не в последнюю очередь свидетельствует 25-летняя деятельность Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека, играющего роль многолетнего консультативного органа по содействию главе государства в реализации его полномочий в данной сфере. Президент особо подчеркивает, что сегодня перед Советом, как и всем российским обществом, стоят новые масштабные за-

дачи, которые подробно обозначены в майском указе о национальных целях развития страны на ближайшие шесть лет [1].

Президентом отмечено также, что гражданское общество в России в последние годы стало намного активнее, а общественное мнение с развитием современных коммуникаций является все более действенной и эффективной силой. В последние годы появились и активно развиваются самые различные институты гражданского участия, в число которых входят в первую очередь консультативные референдумы, а также различные консультативные общественные советы, активно проводимые общественные экспертизы нормативно-правовых актов, многочисленные общественные инициативы. В качестве примера можно назвать первые результаты деятельности нового института общественного самоуправления – общественных префектур, - на площадке которого происходит диалог между властью и гражданами, предоставляющий большую возможность для реализации гражданских инициатив [2, с.67-74].

Активно развиваются практические все институты гражданского участия – примерно тридцать семь организационно-правых форм организаций «третьего сектора». Главной функцией таких организаций является в той или иной степени расширение пределов свободы и наделение населения делегированной властью, вовлечение населения в процесс социальной активности и социальных изменений, а также непосредственно в процесс развития социальной защиты [3, с.146].

Активно распространяются гражданские и социальные инициативы,

являющиеся формой гражданского активизма. Они приобрели массовость с помощью современных Интернет-технологий. Специалисты выделяют 4 вида интерактивных коммуникационных Интернет-платформ, служащих делу создания и обеспечения функционирования массовых гражданских инициатив, а также решения значимых в обществе проблем публичной сферы: взаимодействие с обращениями граждан, платформы краудфандинга, сервисы волонтерских движений, группы по интересам для обмена мнениями граждан. Заручившись надежной поддержкой средств массовой информации, различные соцсети, мессенджеры и блоги могут довольно быстро мобилизовать человеческие и финансовые ресурсы, активизировать административный ресурс, подключить бизнес и общества к немедленному решению социальных задач [3, с.147].

Волонтерству сегодня уделяется огромное внимание государства по сравнению с другими практиками и институтами гражданского общества. Государственная политика в области волонтерства активно его развивает и помогает реализовать законотворчество и регулирование налогов, поддержку и моральное стимулирование, создание целой инфраструктуры для волонтерской деятельности. По данным Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, 89% российских граждан оказывали за прошедший год добровольную безвозмездную благотворительную помощь незнакомым людям в различных формах [4, с.8].

В последние годы к решению проблем гражданского общества ак-

тивно подключается молодежь. Талант, энергия и креативные способности молодых людей названы Президентом в числе «самых сильных конкурентных преимуществ России». Для молодых создана целая система проектов и конкурсов личностного роста: «ПроеКТОриЯ», «Мой первый бизнес», «Я – «профессионал», «Лидеры России» [5].

Следует отметить, что проблемы развития гражданского общества рассматриваются так или иначе во всех национальных проектах по 12 направлениям стратегического развития, установленным Указом от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»,

Однако на пути формирования «сильного гражданского общества» существует еще немало барьеров. Как сказал Президент, курс на снятие барьеров, укрепление институтов гражданского общества, на либерализацию законодательства отвечает, прежде всего, интересам и запросам наших граждан [6].

Для примера покажем проблемы функционирования двух институтов гражданского общества – общественных инициатив и публичных слушаний.

Институт общественных инициатив

Законодатель определяет «общественные инициативы» как предложения граждан России по вопросам совершенствования государственного и муниципального управления, а также социально-экономического развития страны [7].

Специфика работы этого, относительно нового института граждан-

ского общества, реализующего потенциал гражданского участия, заключается в том, что здесь население обращается не напрямую к властным структурам, а может направлять предложения на портал «Российская общественная инициатива» (РОИ). Портал РОИ создавался в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 года № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива». Предварительная юридическая экспертиза гражданских инициатив осуществляется некоммерческой организацией «Фонд информационной демократии».

Проблемы:

1. *Наличие «административного фильтра» для гражданских инициатив.* Этот «порок» нормативно-правового акта был замечен специалистами еще в 2013 г., но он до сих пор продолжает существовать. Так, специалисты отмечают, что в европейских государствах инициативы направляются в *представительные органы власти*. Указом Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» для федеральных, региональных, и местных инициатив существует *орган исполнительной власти* общей компетенции. Следовательно, происходит «фильтрация» инициатив граждан [8, с.109].

2. *Низкая эффективность деятельности портала.* На конец апреля 2019 г. на портале размещено

почти 15 тыс. инициатив, из них приняты 34 [9]. Показателен пример с инициативой «Мой дом – моя крепость» общественного движения «Право на оружие». Эта организация способствовала внесению российского законодательство «доктрину крепости», согласно которой признать допустимыми любые действия «для защиты имущества, здоровья и жизни близких, собственной жизни и здоровья». Данная инициатива не была принята, а аналогичные законопроекты в Государственной думе не прошли через фильтр соответствующих комитетов [10].

3. *Портал РОИ малоинформативен, плохо структурирован.* О нем не знают не только инициативные граждане, но и общественные организации, которые могли бы выступить в качестве инициаторов гражданских предложений.

Предложения, направленные на совершенствование института общественных инициатив:

1. Основываясь на значительном позитивном опыте реализации гражданских инициатив в европейских странах, внести изменения в Указ Президента от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива», определив в качестве адресата инициатив представительный орган власти (федеральной, региональной, местной).

2. Для повышения эффективности деятельности Интернет-ресурса «РОИ» необходимо по каждой инициативе публиковать результаты ее экспертной оценки и проблемы

реализации. Необходимо разместить рекомендации для четкой и краткой формулировки идеи вносимого предложения-инициативы.

2. Подключив специалистов по позиционированию и продвижению бренда «Российская общественная инициатива», улучшить работу и привлекательность Интернет-ресурса, аккумулирующего гражданские инициативы. Организовать пропаганду деятельности интернет-портала «Российская общественная инициатива» в СМИ.

Институт публичных слушаний

Довольно новой в нашей стране формой участия граждан в управлении государственными и общественными делами стали публичные слушания. Нужно отметить, что законодательной базой права граждан на общественно-политическое участие является Конституция и некоторые федеральные законы и кодексы. Так, Федеральным законом от 21 июля 2014 № 212 ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» установлено, что общественные (публичные) слушания проводятся по вопросам государственного и муниципального управления в сферах охраны окружающей среды, закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и в других сферах в случаях, установленных федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами.

Публичные слушания сегодня являются заранее подготовленными собраниями заинтересованных граждан, властных структур, а также представителей СМИ с целью

обсуждения значимых социально-экономических проблем [11, с. 117].

Перечислим ряд имеющихся проблем:

1. Основной проблемой является не высокий уровень активности населения. Причины низкого уровня гражданского участия заключаются в недоверии к местной власти, нехватка у населения свободного времени (в том случае, если слушания проводятся в рабочее время), недостаток информации о слушаниях, разрыв во времени между процессом слушаний, моментом принятия решений, незаинтересованность некоторых категорий граждан в результатах слушаний, социальная апатия.

2. Другой проблемой в организации и проведении публичных слушаний являются противоречия между группами населения.

3. Недофинансирование публичных слушаний – третья проблема организационного характера и, как следствие низкое качество и небольшое количество материалов, не приспособленные помещения [11, с.119-120].

Предложения, направленные на совершенствование института публичных слушаний:

1. Для повышения уровня гражданского участия в публичных слушаниях, их должную подготовку и эффективное проведение необходимо:

- более широкое и заблаговременное информирование граждан о предстоящих публичных слушаниях, времени и месте ознакомления с материалами, выносимыми на обсуждение с помощью местных СМИ, лидеров общественного мнения, инициативных граждан;

- качественная подготовка материалов, выносимых на обсуждение, их предварительное экспертное обсуждение в формате форсайт-сессий с формулировкой экспертных заключений.

2. Необходимо разработать и внедрить новые социальные технологии по согласованию общественных интересов, в том числе специальные образовательные программы для всех потенциальных участников публичных слушаний, включая местные власти, проектировщиков, инвесторов, местных жителей. В этом отношении ценным представляется опыт применения метода «соотнесения с реальностью», позволяющий агрегировать и предъявить мнения заинтересованных лиц. Данный метод, разработанный Urban Land Institute, направлен на достижение баланса интересов в процессе решения вопросов территориального развития. «Соотнесение с реальностью» подразумевает работу в группах из 8–10 чел., являющихся лидерами в частном, государственном и некоммерческом секторах. Количество участников мероприятия может достигать 300 чел. Метод широко применяется в США с 2005 г. и доказал свою эффективность. Как показала практика, в ходе взаимодействия участники приходили к выводам, до этого им не очевидным, которые, однако, в большей степени будут соответствовать общественным интересам. общественным интересам [12].

3. Предусмотреть финансирование мероприятий, связанных с организацией и проведением публичных слушаний, при формировании бюджета местных органов власти. шире привлекать местный бизнес, заин-

тересованный в результатах публичных слушаний (исключая возможный лоббизм и подкуп участников публичных слушаний).

Заключение

«Сильное гражданское общество» с развитыми институтами гражданского участия – пока еще отдаленная перспектива. Современное состояние российского гражданского общества характеризуется низкой эффективностью функционирования, серьезными проблемами организации и проведения.

Нерешенность проблем гражданского общества находит отражение в резком росте протестных настроений. По данным Центра экономических и политических реформ, в течение года – с 1 октября 2017 г. по 30 сентября 2018 г. – произошел резкий рост протестной активности. Так, во II квартале 2018 г. зафиксировано примерно в 1,5 раза больше протестов по сравнению с I кварталом этого года и более чем на 40% больше протестов по сравнению со II кварталом прошлого года. В III квартале 2018 г. зафиксировано более чем в 3 раза больше протестов по сравнению с началом 2018 г. и примерно в 2,8 раз больше протестов по сравнению с соответствующим периодом 2017 г. Всего за год зафиксировано 2526 протестных акций [13].

Конечно, значительная часть протестов-2018 была направлена против изменений пенсионного законодательства, тем не менее в массе протестующих были и молодые люди, увидевшие негативные для себя последствия в увеличении пенсионного возраста. В ходе акций протеста поднимались такие острые вопросы как рост цен на бензин,

повышение НДС и т.д. Можно выделить и иные распространенные причины для протестной активности россиян – протест обманутых дольщиков, недовольство мусорными полигонами и мусоросжигательными заводами, политический протест и т.д. [13].

Еще велика социальная дистанция личной ответственности. Так, если ощущают ответственность за происходящее во дворе и доме – 88% опрошенных, то ответственность за происходящее в стране – только 52% респондентов. Еще меньше (37%) опрошенных считают, что могут повлиять на то, что происходит в стране [14].

Однако, акцентируя внимание на проблемах развития институтов гражданского общества и их низкой эффективности, справедливости ради, следует сказать то, что эти институты сегодня все же поддерживают состояние равновесия в обществе, примиряя разнородные и разнонаправленные государственные и общественные интересы.

Литература

1. Стенографический отчет о заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека 11.12.2018 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59374>

2. Ламонов Е.В. Общественные префектуры – важный институт гражданского общества (на примере работы общественных префектур г.Тамбова) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2018. № 4. С.67-74.

3. Никовская Л.И. Гражданский активизм и публичная политика в

России: состояние и вызовы / Государство и граждане в электронной среде. Труды XX Международной объединенной конференции «Интернет и современное общество», СПб: Университет ИТМО, 2017.

4. Эффективность волонтерской деятельности // Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора. 2018. № 1 (14)..

5. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 г. – URL:<http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>

6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 г. - URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>

7. О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»: Указ Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 года N 183 – URL: <https://base.garant.ru/70326884/>

8. Филиппова Н.А. Новые институты гражданского участия в России как национальный вариант делегативной демократии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2013. Т. 13. № 2. С. 101-114.

9. Российская общественная инициатива: Интернет-портал – URL: <https://www.roi.ru/>

10. Эксперты поддержали идею инициативы «Мой дом — моя крепость». - URL: <https://open.gov.ru/events/5509980>

11. Козырева Л.Д. Публичные слушания как институт гражданского общества: проблемы организации и проведения // Управленческое консультирование. 2015. № 3 (75). С. 116-122.

12. Крымов С. А. Зарубежный опыт организации публичных слушаний в градостроительной деятельности // Вестник Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2012. № 4. С. 77–90.

13. Рост протестной активности в России: результаты всероссийского мониторинга 2017-2018 гг. - URL:

<http://cepr.su/wp-content/uploads/2018/11/Протесты-в-РФ-всероссийский-мониторинг.pdf>

14. Локус ответственности и возможность повлиять на происходящее на разных социальных дистанциях. Мониторинг состояния гражданского общества . – URL: <https://www.hse.ru/monitoring/mcs/indicators>

Problems of formation and development of civil society institutions in modern Russia

Kozyreva L.D.

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article analyzes the problems arising in the process of formation and transformation of civil society institutions in Russia. It is pointed out that civil activism is implemented in numerous forms. Special attention is paid to institutions such as public initiatives and public hearings. Measures aimed at improving and increasing the efficiency of these institutions are proposed.

Keywords: civil society, civil participation, civic activity, public initiative, public hearings

References

1. Verbatim record of the meeting of the Council for the Development of Civil Society and Human Rights on 12/11/2018 - URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59374>

2. Lamonov EV Public prefectures are an important institution of civil society (on the example of the work of public prefectures of Tambov) // Bulletin of the Voronezh State University. Series Law. 2018. No. 4. P.67-74.
3. Nikovskaya L.I. Civil activism and public policy in Russia: state and challenges / State and citizens in the electronic environment. Proceedings of the XX International Joint Conference "Internet and Modern Society", St. Petersburg: ITMO University, 2017.
4. The effectiveness of volunteering // Information and analytical bulletin on the development of civil society and the non-profit sector. 2018. No 1 (14) ..
5. Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of February 20, 2019 - URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>
6. Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 03/01/2018 - URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>
7. On the consideration of public initiatives directed by citizens of the Russian Federation using the Russian Public Initiative Internet resource: Decree of the President of the Russian Federation of March 4, 2013 N 183 - URL: <https://base.garant.ru/70326884/>
8. Filippova N.A. New Institutions of Civil Participation in Russia as a National Option of Delegative Democracy // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2013.V.13. No. 2. S.101-114.
9. Russian public initiative: Internet portal - URL: <https://www.roi.ru/>
10. Experts supported the idea of the initiative "My home is my castle" - URL: <https://open.gov.ru/events/5509980>
11. Kozyreva L.D. Public hearings as an institution of civil society: problems of organization and conduct // Management Consulting. 2015. No 3 (75). S. 116-122.
12. Krymov S. A. Foreign experience in organizing public hearings in urban development // Vestnik Mosk. un-that. Ser. 21. Management (state and society). 2012. No. 4. P. 77-90.
13. The growth of protest activity in Russia: the results of the all-Russian monitoring 2017-2018. - URL: <http://cepr.su/wp-content/uploads/2018/11/Protests-in-RF-All-Russian-monitoring.pdf>
14. The locus of responsibility and the ability to influence what is happening at different social distances. Monitoring the state of civil society. - URL: <https://www.hse.ru/monitoring/mcs/indicators>

Биосоциальная концепция пассионарности Л. Гумилева

Кравченко А.И.

В статье анализируются основные черты биосоциальной концепции пассионарности Л.Н. Гумилева. Сторонник примордиализма, он считал этносы реальной социобиологической группой, своего рода живым субъектом трансисторических процессов, связывающих различные народы мира в единую цепь пассионарного движения материи. Такой подход существенно расходится с доминирующим в современной этносоциологии конструктивистским подходом, согласно которому этносы - социокультурные конструкты, сформированные не столько кровнородственными связями, сколько единством территории проживания, общим языком и культурой, а главное этнической самоидентификацией, т.е. осознанием себя как единого народа. Помимо трех главных элементов - субэтнуса, этноса и суперэтнуса - Л. Гумилев выделял еще два: консорции и конвексии. Россия представляет собой гигантский конгломерат народов, в котором можно выделить определенную иерархию субэтносов. Движущей силой этносов выступают пассионарии - сверхактивные индивиды, обладающие избытком энергии, за счет которого они способны творить историю и вести за собой целые народы. Если роль негативных пассионариев в общественной жизни повышается, а затем превышает некую критическую черту, социальная система превращается в антисистему. Автор предпринял попытку сопоставить теорию пассионарности Л. Гумилева с теорией иерархии потребностей А. Маслоу.
Ключевые слова: гармоничники, пассионарный толчок, комплиментарность, пассионарный перегрев, иерархия потребностей.

Факторы этногенеза

История человечества у Л.Н. Гумилева рассматривается как протяженное во времени и растянутое в пространстве поле битвы кровнородственных коллективов – этносов. Выдающийся российский ученый трактовал этнос не только и не столько как биологический феномен наподобие демографической популяции, хотя этнос для него - вовсе не социальная группа, поскольку он не связан напрямую с производительными силами. У него этнос – особый тип реальности – биофизической – наделенный соответствующими атрибутами, в том числе самоидентификацией, самодостаточностью, автономией и самотворением. Влияние на этнос социальных, экономических, политических и культурных оказывается вторичным по сравнению с воздействием биофизических. Атрибутивная характеристика «биологическое» стоит на первом месте.

Вместе с тем в его сочинениях можно обнаружить немало суждений, что этнос не только биофизическая, но также биосоциальная и биолого-географическая общность, а этногенез - природный процесс, протекающий в биосфере. Л. Гумилев неоднократно предупреждал о том, что не следует «приравнивать этнос к биологическим таксономическим единицам: расе или популяции... Ни в коем случае нельзя ставить знак равенства между этносом

и популяцией...»¹. В других работах Гумилев говорит о том, что к чисто социальным явлениям сводить этнос также нельзя. Подчеркивая в своей книге «Конец и вновь начало», что «... этнос не биологическое явление, так же как и не социальное», он предлагал «этнос считать явлением географическим, всегда связанным с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный этнос»². Но в другой работе он неожиданно опровергает и это суждение: «Этнос - это элементарное явление, не сводимое ни к социологическому, ни к биологическому, ни к географическому явлениям»³. Специалисты давно отмечали, что в книгах Л.Н. Гумилева довольно много противоречий, а иногда встречаются прямые фактические ошибки.

Преимущественно биологическим признаком этноса он считал прежде всего пассионарность, специально подчеркивая, что этнос – это не просто раса или популяция, а нечто большее⁴. Большее – это социальная составляющая этноса как коллективного субъекта истории и агента групповой социализации. Поэтому биолого-географическую концепцию этноса Гумилева называют также пассионарной теорией этногенеза. Акцентируя роль географической составляющей этногенеза, Гумилев писал: «Этнос - специфическая форма существования вида

Homo sapiens, а этногенез - локальный вариант внутривидового формообразования, определяющийся сочетанием исторического и хронического (ландшафтного) факторов... В этнических феноменах... налицо две формы движения - социальная и биологическая... Этноты являются биофизическими реальностями, всегда облеченными в ту или иную социальную оболочку»⁵.

В этносоциологии специалисты делятся на два лагеря. Одни считают этнос реальной группой, другие - мнимой. Первые называют *примордиалистами*, вторых *конструктивистами*. Вторые не считают нацию реальной группой. Они видят в ней некую социальную конструкцию. Представителей одного этноса объединяют не гены и биология, а какие-то артефакты, например общий символический и социальный капитал, который может использоваться для мобилизации нации, ее объединения, для борьбы за контроль над ресурсами, покорения чужих народов. Этнос с точки зрения конструктивизма – не устойчивая общность с культурными характеристиками, а общность людей, разделяющих представления о сходных чертах культуры, обладающая мифом об общем происхождении и солидарностью. Эти представления – результат усилий элит, этнической интеллигенции по формированию этнической общности⁶.

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990, с. 56, 224, 231.

² Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 1994, с. 47.

³ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990, с. 56.

⁴ Рубин С. Теория этногенеза Л.Н. Гумилева: современный взгляд. Глава II. Изменения и дополнения к этнологии Л.Н. Гумилева //

<http://www.chelny.ru/city/books/Gumilevica/Rubin/Rubin13.htm>

⁵ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990, с. 35, 163, 227.

⁶ См.: Дробижева Л.М. Этничность в современном обществе. Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации // <http://www.socio.ru/wr/2-01/Drobizheva.htm>

Конструктивизм стал особенно популярным в последней четверти XX в., когда сошла на нет волна увлечения примордиализмом. У сторонников биосоциального подхода, в том числе Л.Н. Гумилева, родственник отбор и родственные связи играют решающую роль.

Наряду с биологической и географической компонентами в формировании этноса, согласно его подходу, важный вклад вносят также физические, космические и социальные факторы, между которыми прослеживается причинно-следственная связь: жесткое космическое излучение вызывает мутации в биологическом организме, повышая энергетическую возбудимость этноса. В популяции возрастает число носителей сверхактивности, пассионариев, которые, выступая в роли исторических лидеров, заставляют целые народы передвигаться на большие расстояния (великое переселение народов в Европе 4-6 вв.), совершать великие географические открытия, учреждать мировые религии, покорять соседние страны или создавать великие литературные произведения. С космическими ритмами во многом связаны биологические ритмы в жизнедеятельности этноса, каждый из которых проходит фазы рождения, взросления, расцвета, старости и умирания. Физики и астрономы высказывают серьезные сомнения в том, что космические события, например колебания солнечной активности, имеющей временные параметры, измеряемые годами и десятилетиями, могут как-то влиять на жизненные циклы этноса, растягивающиеся на сотни и тысячи лет, к тому у разных народов происходящие в разное время.

Нам кажется, что у Гумилева этнос - многофакторное и сложноструктурное явление, включающее три главных и практически равноправных компоненты: биологическую, географическую и социальную. Как биологическое и одновременно географическое явление, этнос имеет определенную территорию, с течением времени может перемещаться на далекие расстояния, воевать или покоряться соседями, зависеть от плодородия почвы, удобства транспортных путей. Вместе с тем этнос, как человеческий организм, когда-то рождается, достигает расцвета, а затем старости, может даже умереть. Иными словами над ним властвуют биологические законы. Но не только они. Гумилев рисует жизнь и смерть всех крупных этносов, когда-либо обитавших на планете, прослеживает их эволюцию, перемещения и жизнедеятельность на протяжении целых тысячелетий. В результате его учение приобретает глобально-исторический и одновременно биосферный характер.

Субэтноты, этносы и суперэтноты

Основным в теории Гумилева выступает понятие *этноса* - устойчивого, естественно сложившегося коллектива людей, существующего как энергетическая система (структура) и противопоставляющего себя всем другим аналогичным коллективам. Пространство этноса неоднородно, поэтому внутри любого этноса люди легко выделяются субэтноты - большие группы людей, обладающие резкими поведенческими отличиями. Среди русских это поморы, старообрядцы, сибиряки (чалдоны), казаки, столичные

интеллигенты и т.п. Все они искренне называют себя русскими, но столь же искренне отмечают различия между собой. Сходные по основным признакам индивиды притягиваются, образуя субэтноты, а на их основе этносы. Точно также притягиваются похожие этносы, создавая огромные этнические коалиции - суперэтноты, которые в истории

обычно именуются "культурами", "цивилизациями", "мирами". Таковы, например, "исламский мир" и "западная цивилизация"¹. Именно в рамках суперэтнического единства и происходит, по Гумилеву, развитие культурных форм, которые служат внешним индикатором, отделяющим один суперэтнос от другого.

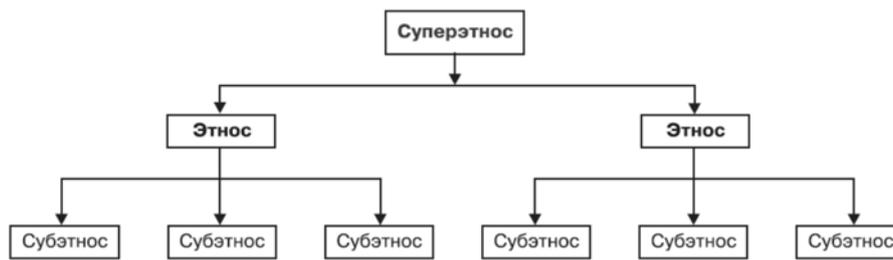

Рис. 1. Иерархия этносов у Гумилева.

Этнос - существующая исторически длительное время совокупность популяций (субэтнот), отличающаяся от других субэтнот не только культурными, но и генетическими признаками. Высший уровень концентрации этнических сил *суперэтнос*, состоящий из множества этносов, а потому приравненный Гумилевым к цивилизации (западная цивилизация), цементируется в культурное и пространственное единство этнической доминантой - системой политических, идеологических или религиозных ценностей. Такие системы носят глобальный и далее несоединимый характер. Различия между разными цивилизационными доминантами слишком велики для того, чтобы позволить дальнейшую концентрацию. Западная и восточные цивилизационные

общности вряд ли когда-либо объединятся на основе общих ценностей. Суперэтнос - это высший и предельный уровень в этнической иерархии. Так, французский суперэтнос включает в себя собственно французов, бретонских кельтов и провансальцев (окситанцев) - самостоятельный этнос романской группы. В российский суперэтнос входят русские, татары, удмурты, дагестанцы, осетины, буряты, ненцы и др. этносы. Понятно, что во французском суперэтносе государство-образующим этносом являются северные французы, а в российском - русские.

Этнос является составной частью биоорганического мира планеты и возникает в определенных географических и климатических условиях. Гумилев определил его

¹ Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. М.: Экспрос, 1993, с. 522

как биофизическую реальность. Но вот какая закономерность прослеживается: чем мельче этническая единица, тем сильнее должна чувствоваться власть биологии, чем

она крупнее, тем мощнее воздействует другое начало - культурное. В итоге мы получаем иерархию этносов и вектор культурного влияния на них (рис. 2)

Рис. 2. Вектор воздействия культурного фактора

Максимум культурного воздействия должен оказаться в верхней части иерархии, там, где размещается суперэтнос. Именно здесь формируются цивилизации, их фундаментом выступает культура, а не биология. Напротив, на низшем уровне, там, где находятся субэтносы, т.е. региональные вариации этноса теоретически должно чувствоваться биологическое начало. Если это так, то в учении Гумилева нет гипертрофирования биологического начала и уменьшения социокультурного, как это принято думать. Оба они играют одинаково важную роль в его теории, хотя на разных стадиях этногенеза, в разные моменты истории и на разных уровнях научного анализа их роль неравная.

Чем выше уровень в этнической иерархии, тем заметнее роль социокультурной доминанты и слабее роль биологической составляющей. Прогрессирующие социальные отношения размывают этническую организацию, делая людей цивилизованными,

то есть похожими друг на друга, независимо от первоначальной этнической принадлежности¹. Чем ниже уровень, тем большее количество этнических единиц располагается на этом этаже, и наоборот. Поэтому субэтносов на планете несколько тысяч, этносов - несколько сотен, суперэтносов - несколько единиц.

На уровне суперэтносов формируется новое культурное явление - *ментальность*. Она представляет собой совокупность культурных канонных, политических и хозяйственных норм, мировоззренческих установок, принимаемых большинством членов суперэтноса как естественные и единственно возможные². Поэтому суперэтнос предстает прежде всего как идейно-религиозная и культурная целостность. Отдельные элементы ментальности меняются по ходу этногенеза, но ее ключевые составляющие остаются неизменными на всем протяжении жизни суперэтноса.

¹ См.: Гуц А.К. Глобальная этносоциология. Учебное пособие. Омск: ОмГУ, 1997.

² Рубин С. Теория этногенеза Л.Н. Гумилева: современный взгляд //

<http://www.chelny.ru/city/books/Gumilevica/Rubin/Rubin12.htm>

Субэтноты соединяются в единый этнос как мирным, так и военным путем, например, захватом одного государства или племени другим. Поэтому на уровне этноса лучше говорить о политических, а не культурных и ментальных скрепах, объединяющих этнические элементы в единое целое. Примером выступает бывший СССР, где политический союз "навек скреплен" более ста очень разных и непохожих субэтнот. Когда СССР распался, на его месте оказалось 15 независимых государств. Это говорит о том, что уровень этнического объединения был неправильным. Либо советский народ не являлся народом, т.е. этносом, поскольку под своим крылом объединял 15 этносов (грузин, литовцев, таджиков и др.), либо советский народ был не этносом, а суперэтнотом, но тогда к нему может применяться лишь понятие цивилизации. И в этом случае о едином советском народе говорить нельзя.

Этносы внутри суперэтнической целостности, считает С. Рубин, не обязательно составляют органическое целое. Между ними часто "происходят военные столкновения за гегемонию в суперэтноте, которая в результате этих столкновений переходит от одного этноса к другому. Однако конфликты между этносами, составляющими суперэтнос, обычно имеют характер борьбы за преобладание, а не войны на полное истребление противника, причем эти конфликты не исключают экономического, политического и

идеологического общения внутри суперэтноса. То есть этносы, входящие в один суперэтнос, комплементарны между собой в гораздо большей степени, в сравнении с этносами, относящимися к другому суперэтноту"¹. Комплементарность, т.е. взаимодополнительность, может быть весьма кратковременной по историческим меркам. Все великие империи, прошлого и настоящего, в конечном счете, распались, будучи побеждены не внешним врагом, а внутренним - разнонаправленностью этнических векторов.

Этносы различаются рядом признаков, в том числе передаваемым из поколения в поколение набором *стереотипов поведения*, со временем превращающийся в традиции. Три фактора - географическая среда (привычный ему ландшафт и система хозяйства), культурная традиция (совокупность форм человеческой искусственной деятельности), этническое окружение (взаимоотношение с соседями, сложившиеся исторически) - формируют то, что Л.Н. Гумилев назвал стереотипом поведения этноса, отличающим один этнос от другого². Не только этносы, но и составляющие его индивиды отличаются друг от друга множеством черт. Гумилев считал, что резкие изменения стереотипа поведения вызываются массовыми мутациями, так называемыми, пассионарными толчками.

Условия природного ландшафта, в пределах которого приходится жить и хозяйствовать членам

¹ Рубин С. Теория этногенеза Л.Н. Гумилева: современный взгляд // <http://www.chelny.ru/city/books/Gumilevica/Rubin/Rubin12.htm>

² Анализируя феномен стереотипа поведения социальной группы, П. Сорокин пришел к

выводу о том, что этот стереотип (шаблон) поведения в значительной мере соответствует стереотипу наиболее влиятельных социальных слоев, входящих в эту группу.

этнического коллектива, определяют тип их хозяйственной деятельности. Таким образом, окружающая этно-ландшафтная среда определяет неповторимый облик каждого этноса¹. На уровне суперэтноса, объединяющего несколько соседних этносов, впервые появляется ментальность (особенности психического склада и мировоззрения) членов этноса.

Небольшие таксоны, составляющие тело этноса, называются субэтносами. Они мало что могут сотворить в истории. Чуть ли не единственная их функция - осваивать свою ландшафтную нишу, привлекая своих и отпугивая чужих (взаимная комплиментарность), бороться и выживать, засеивать, застраивать и переделывать окружающую среду. Субъектами истории являются их старшие братья - этносы и суперэтносы.

Чем выше численность субэтносов, тем крепче его биологическое и социальное здоровье. А чем больше и разнообразные субэтносы, тем устойчивее и живучее этнос. Рост числа субэтносов в этносе характеризует начальную фазу этногенеза, сокращение - конец.

Помимо трех главных элементов - субэтноса, этноса и суперэтноса - Л. Гумилев выделял еще два: консорции и конвиксии. Они расположены ниже нижнего уровня, и таким образом включаются в субэтнос. У себя в Толковом словаре² Гумилев так определяет их:

Конвиксия - группа особей с однохарактерным бытом и семейными связями, низший таксон этнической иерархии.

Консорция - группа людей, объединенных одной исторической судьбой, часто эфемерно на короткое время.

Консорции и конвиксии объединяют людей по более частным, чем у этноса, признакам. Подобные группировки не столь живучи, как этнос. Их век короток: они возникают и распадаются, иногда враждуют между собой, но при этом не теряют ощущения единства этноса (пока последний существует)³. К консорциям относятся кружки, артели, секты и др. Если они не распадаются в скором времени, но сохраняются на протяжении жизни нескольких поколений, то превращаются в конвиксии, т.е. в группы людей с однохарактерным бытом и семейными связями. Конвиксии существуют в любом социуме. Можно рассматривать конвиксию купцов, ведущих восточную торговлю, конвиксию офицеров германского генштаба, конвиксию бомжей Курского вокзала. А консорцией могут быть, например, члены тоталитарной, жестко закрытой секты, хотя справедливо и то, что любая великая религия тоже начинается с консорции⁴.

И этносы, и коллективные стереотипы (традиции) должны находиться в постоянном движении: одни мигрировать и развиваться, другие модифицироваться. В противном случае

¹ Рубин С. Теория этногенеза Л.Н. Гумилева: современный взгляд // <http://www.chelny.ru/city/books/Gumilevica/Rubin/Rubin12.htm>

² Гумилев Л.Н. Толковый словарь понятий и терминов // Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Рольф, 2002.

³ Коваленко М.И. Учение Л. Н. Гумилева и пути развития России // <http://www.hrinstitute.ru/ea23.html>

⁴ Махнач В.Л. Основы этнологии. Историко-культурное введение в политологию // <http://www.archipelag.ru/text/172.htm>

наступит застой и коллапс. У динамичного этноса молодое поколение не похоже на прежнее, и в этносе возникает проблема "отцов и детей". В этносе, находящемся в статическом состоянии - *гомеостазе*, новое поколение воспроизводит жизненный цикл предшествующего, т.е. стереотип поведения не меняется. Такой этнос, в котором процесс этногенеза затух, называется *изолятом*, *реликтом* или *персистентом* (пережившим себя). Более динамичные этносы агрессивны, революционны либо инновационны. Они выживают в любых условиях, а потому им не страшна конкуренция или нападение: они всегда способны уйти из-под удара, быстро перестроиться, восстановиться. Напротив, статичные этносы, находящиеся в состоянии гомеостаза, легко могут стать жертвой агрессии, геноцида, стихийного бедствия или ассимилироваться другими этносами.

Таким образом, этносы, как и живые организмы, находятся в постоянном поле сил, сопутствующих или противоборствующих им, препятствующих или помогающих развитию. В связи с этим Гумилев понятие *этнического поля*. К нему прибегали в свое время самые разные ученые, в том числе К. Левин и П. Бурдьё. Этнические поля, подобно другим видам полей, имеют определенный ритм колебаний. Совпадение последних у разных народов сближает их, столкновение с носителями другого ритма вызывает ощущение отчуждения и агрессии.

Конгломерат народов

Россия — гигантский конгломерат народов. По степени этнического разнообразия с Россией могут соперничать только Соединенные

Штаты Америки, исторически являющиеся страной иммигрантов. Начиная с послепетровского времени, с XVIII в. в состав России вошли те народы, которые и по сей день составляют основу ее этнического разнообразия. С этого момента Россия стала грандиозной генетической и психологической лабораторией, в которой во время совместного существования разнообразных этносов и соответствующих им языков, культур, верований выработывался общероссийский менталитет. Совместные исторические испытания, становясь основой жизненной силы нации, наложили свою специфику на российскую ментальность, подобно тому, как пережитые трудности и невзгоды способствовали закалке национального характера индивида. На пространных России совершался и продолжает совершаться масштабный эксперимент совместного бытия огромного числа народов, как резко различающихся по своим характеристикам, так и относительно близких по языку, культуре, генетическому типу. Российские народы в большинстве своем исторически укоренены на своих территориях, но это не помешало им взаимно проникать друг в друга. Российское этническое многообразие способствовало тому, что российский дух приобрел широту, которая стала отличительной чертой его ментальности, внутреннюю свободу, в отличие от упорядоченности у народов Запада.

В России культурно-исторически сложился и теперь объективно существует социально-генетический субстрат — российский суперэтнос. Исторически и семантически понятия «русский» и «российский» отождествлялись. Единство народов

России создано «единым русским народом во всем сложном сочетании его национальностей». Но у них есть «сходство душевного уклада» (И. Ильин). Российский суперэтнос исторически формировался на основе русского этноса как базового, что отражено в названии общего государства: Русь - Россия. Многие ментальные черты стали общими как русских, так и других наций, естественно, в разной степени у горных народов и равнинных. Более того, с русскими у других наций больше общих черт, чем отличительных.

Исследования показывают, что у группы наших исламских народов набор некоторых фундаментальных ценностей практически тот же, что и у русских. Так, например, главные особенности менталитета российских мусульман (эгалитаризм, коллективизм, конформизм, религиозно-общинная корпоративность и др.) и имеют те же истоки. Таким образом, высказывание: «В татарине много русского, так же и в русском — много от татарина» отражает ментальную характеристику российской общности.

В каждом российском этносе, в каждом его поколении — и в современном тоже — появляются те же глубинные черты, которые сформировались в нем сотни, даже тысячи лет назад. Известно, что господство язычества — прошлое нашей страны, но все же остались еще языческие традиции. Изучая «глубину памяти» язычества, можно сделать следующие выводы. Во-первых, в основе объединения всех наций и народностей современной России лежат и архетипы язычества, и они «держат на себе» великий россий-

ский суперэтнос как единство этнического многообразия. Во-вторых, многие славянские языческие архетипы вошли в парадигму современного православия, т.е. проявляются в наше время. Например, архетип «кумира», или архетип «идола», а главное — «Божества». Народное верование в «мать сыру землю» жило вначале в языческой, а затем в христианской форме. Далее оно трансформировалось в такие образы, как «Мать-Россия», «Родина-Мать». Содержание языческих и библейских культов сказалось на формировании монархической власти в России и «культы личности» (почитание богов перешло в почитание «Царя-Батюшки», а затем — вождя, генсека и т.д.) Это, несомненно, наложило свой отпечаток на общероссийскую ментальность, как и тысячелетие жизни по канонам православия.

Результаты исследований Д. Боллингера, Ш. Паффер, Э. Джонса, Г.У. Солдатовой, Н.М. Лебедевой свидетельствуют о промежуточном положении России на шкале индивидуализма – коллективизма. Авторы отмечают изменения в культуре России, фиксируемые на шкалах культурных измерений. В настоящее время наметился переход русской культуры от коллективистического полюса к индивидуалистическому; русские в бывших союзных республиках отличаются меньшим по сравнению с титульным населением коллективизмом. При контакте с коллективистскими культурами русские отмечают у себя индивидуалистические черты, а с индивидуалистическими культурами - черты коллективизма. Хотя традиционно Россию относили к

феминным культурам (Н.А.Бердяев, В.В.Розанов), в настоящее время индекс мужественности повышается. Согласно данным Ш.Паффер и А.И.Наумова¹ (выборка 250 человек), в середине 1990-х годов в сознании россиян выявлены средний уровень индивидуализма, маскулинности и властной дистанции, умеренно высокий – патернализма и избегания неопределенности. Молодое поколение россиян, вступившее в производственную жизнь в эпоху перестройки, имеет высокие показатели по шкале маскулинности и низкие по шкале патернализма. Если раньше Н.А.Бердяев, В.О.Ключевский и Г.П.Федотов отмечали большую дистанцию власти в России, то сейчас ее показатель уменьшается².

Пассионарии, гармонии и субпассионарии

Этногенез - исторический промежуток жизни народа - характеризуется, как и у человеческого организма, набором и выбросом жизненной энергии. Каждый народ когда-то рождается, растет и набирается сил, достигает своего апогея, а затем увядает и гибнет. Но до тех пор он полон энергии и жизненных сил. В человеческом организме биение жизни обеспечивают **эритроциты** (от греч. erythrós — красный и kýtos — вместилище, клетка) - безъядерные клетки крови с замкнутой кровеносной системой, содержащие гемоглобин. Их называют еще красными кровяными тельцами, они жизненно необходимы нашему телу, поскольку переносят

кислород от легких к тканям тела, а от них к легким - углекислый газ.

В теории Гумилева функцию эритроцитов выполняет особая социальная группа - **пассионарии** (от лат. passio - страсть). К пассионариям Гумилев относит конкистадоров, землепроходцев, поэтов, ерисархов, полководцев. Пассионарии - сверхактивные индивиды, обладающие избытком энергии, за счет которого они способны творить чудеса. Волевые и отважные, они готовы всем пожертвовать во имя своих идеалов и высоких целей. Пассионарий первым берет в руки оружие, когда на страну нападает враг, ищет боя, но с не меньшим пылом он совершает научные открытия, пишет книги, хранит и распространяет веру.

Кроме них российский ученый выделял еще две категории - **субпассионарии** и гармоничные личности. В текстах самого Гумилева вторые названы буквально «гармоничниками». Однако автор взял на себя смелость переименовать их – по аналогии с пассионариями и субпассионариями – в **гармонриев**, что не противоречит правилам словообразования в русском языке. Если пассионарии в биологическом и социальном смысле сверхактивны, то их антиподы субпассионарии - сверхпассивны. Часто они становятся жертвой активистов, если те отрицательно заряжены. У гармоничных личностей активность и пассивность присутствуют поровну. Из них состоит большинство населения любой страны, если она не переживает каких-то толчков, катастроф, скачков, революций и прочих потрясений.

¹ Naumov A., Puffer S. Measuring Russian Culture using Hofstede's Dimensions // Applied Psychology, 2000. № 49 (4). P.709-718.

² См.: Кочетков В.В. Социология межкультурных различий. М.: Социум, 2000.

В обществе, переживающем стационарную фазу развития, три кате-

гории Гумилева подчиняются закону нормального распределения (см. рис. 3).

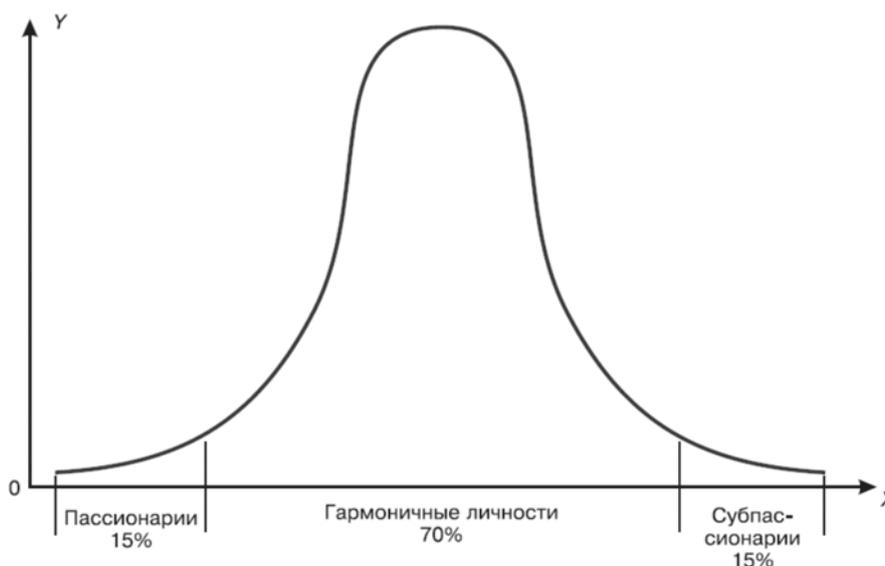

Рис. 3. Нормальное распределение в стационарном обществе пассионарных категорий населения.

Пассионарии и субпассионарии, чрезмерно активные и чрезмерно пассивные категории населения в стабильном обществе составляют статистическое меньшинство - по 15%. Середину статистического континуума, подчиняющегося закону больших чисел, составляют люди, у которых обе крайности соединяются таким образом, что уравновешивают друг друга.

Согласно Гумилеву, пассионарный импульс, если придать ему математическую форму, может выступить количественной мерой, на основании которой можно построить типологию пассионариев, гармона-

риев и субпассионариев. Автор пишет: "Правомочно классифицировать особей: на пассионариев ($P > 1$), гармоничных ($P = 1$) и субпассионариев ($P < 1$)... У гармонических личностей импульсы пассионарности и инстинкта самосохранения уравновешиваются"¹.

Таким образом, если за единицу принимается "импульс инстинкта самосохранения", то пассионарии получают коэффициент пассионарности ($P > 1$), гармонарии ($P = 1$) и субпассионарии ($P < 1$). Если гармонариев поместить в начало системы координат, т.е. взять их в качестве центрообразующего начала, то их пассионарный импульс будет равен

¹ См. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990, с. 327, 282.

0; соответственно пассионарии будут обладать положительным потенциалом (+), а субпассионарии - отрицательным (-).

Таблица 1
Распределение пассионарных импульсов в теории Гумилева

Пассионарии	«Гармоничники»	Субпассионарии
$P > 1$	$P = 1$	$P < 1$
+	0	-

В зависимости от ситуации гармонии готовы стать то сторонниками пассионариев, то сочувствующими субпассионариям.

Пассионарии - это лидеры, активисты, вожатые, которые берут на себя повышенные обязательства и ответственность, выступают с инициативой и передовыми начинаниями, проводят в жизнь какие-либо проекты. Они переносят по телу общества не кровяные тельца, а идеи, проекты, принципы, теории, идеологии. Ведь для общества информации и обмен ею не менее важны обмена крови в организме.

Пассионарии - активные творцы истории. Они не могут находиться в покое, они постоянно движутся, заставляя вслед за собой двигаться и всех остальных. пророк Мухаммед, Александр Невский, Иван Грозный, Жанна д'Арк, Ричард Львиное сердце, Петр 1, Ленин и Сталин, Наполеон и Александр Македонский, Мао Цзэдун и Пол Пот - яркие представители племени пассионариев. Среди них нет Брежнева или Николая 11, хотя они внесли огромную роль в развитие российской державы. По должности можно быть вождями, но не пассионариями. У них нет должности, а потому

пассионарии могут принадлежать к любому сословию. У них нет валентности, поэтому пассионарии не обязаны иметь только положительную доминанту. Они творят как добро, так и зло.

Субпассионариев Гумилев характеризует как людей с негативной энергией. "Их поступками управляют импульсы, вектор которых противоположен пассионарному напряжению"¹. Они не занимаются производительным трудом, стало быть, ведут себя как социальные паразиты, существуя за счет других представителей этноса. К ним относятся бродягами, профессиональные солдаты-наемники (ландскнехты), разбойники, нищие, бомжи, босяки, люмпен-пролетарии, чернь, многочисленные кадры преступников, начиная от мелких воришек до рядовых членов банд и иных преступных сообществ, и прочие отбросами общества. Их жертвой становятся носители нулевой пассионарности (гармонии), т.е. основная масса населения.

Обычно субпассионарии скапливаются в крупных городах, где есть возможность жить, не работая, а паразитируя, и развлекаться. Такое сосредоточение субпассионариев

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990, с. 284, 285.

приводит к громадному росту алкоголизма, ситуативной преступности, наркомании, стихийных беспорядков¹. Самой благоприятной социальной средой для них выступает не социальная организация, скажем, предприятие, банк, школа или поликлиника, где надо дисциплинированно и кропотливо трудиться, а толпа, сборище, тусовка, где можно стать незаметным, расслабиться, предаться наслаждениям. Сборища футбольных фанатов - пример такой среды. В толпе или группировке, находясь в состоянии аффекта, алкогольного или наркотического опьянения, они способны на вандализм, разбой и убийство. Здесь они становятся анонимными, у них появляется возможность переложить всю ответственность на ситуацию или группу. В периоды смут субпассионарии часто образуют банды, промышляющие разбоем, во главе которых находятся пассионарии с негативным, разрушительным, вектором (вожаки, главари, мафиози и прочие руководители преступных групп и организаций).

По мнению С. Рубина², в триаде пассионарии-гармонии-субпассионарии возможны как прямые, так и обратные переходы. В силу объективных (полученные на производстве или в быту инвалидность, безработица и вытекающее из него нищенство) и субъективных (упадок духа и проистекающее из него спаивание, что нередко наблюдается у художников, поэтов и вообще творческих людей) обстоятельств пассионарий может превратиться в

субпассионария. Пассионарий, занимающий высокую государственную должность, может организовать преступную группу, т.е. стать антипассионарием. Эксперты считают, что значительная часть российских депутатов тесно связана с криминальной средой. С достижением преклонного возраста любой пассионарий становится гармоничником, а затем и субпассионарием. Возможны и обратные трансформации. Бывший "вор в законе", т.е. антипассионарий, может стать преуспевающим предпринимателем или депутатом Госдумы, т.е. превратиться в пассионария. Большевики, бывшие при царском режиме антипассионариями, после революции 1917 г. стали пассионариями. И, наоборот, в антипассионариев превратились те, кто до захвата власти большевиками были пассионариями - политическая элита, дворянство, крупная буржуазия.

Иерархия потребностей

Интересно было бы спроецировать концепцию этногенеза Л. Гумилева, в том ее разделе, который касается пассионариев, на иерархическую теорию потребностей А. Маслоу (кстати сказать, тоже русского, родители которого эмигрировали из Одессы в начале XX в., а позже крупного американского социального психолога). Напомним, порядок потребностей у Маслоу назывался иерархическим потому, что они располагаются по восходящей линии от низших (материальных) к высшим (духовным):

¹ Рубин С. Теория этногенеза Л.Н. Гумилева: современный взгляд // <http://www.chelny.ru/city/books/Gumilevica/Rubin/Rubin12.htm>

² Рубин С. Теория этногенеза Л.Н. Гумилева: современный взгляд // <http://www.chelny.ru/city/books/Gumilevica/Rubin/Rubin12.htm>

1. **физиологические**, витальные, потребности — в воспроизводстве людей, пище, дыхании, физических движениях, одежде, жилище, отдыхе;

2. **экзистенциальные** потребности, или потребности в безопасности существования. Они распадаются как бы на два разряда — физические и экономические. Физическая безопасность — это, например, потребность в сохранении здоровья, в отсутствии насилия над личностью и жизнью человека. Выражаясь более широко, т.е. экзистенциально, речь идет об уверенности в завтрашнем дне, стабильности условий жизнедеятельности, потребности в определенном порядке, а также о стремлении избежать несправедливого обращения. Экономические потребности обретаются в сфере труда: гарантия занятости, страхование от несчастных случаев, желание иметь постоянные

средства существования (заработок);

3. **социальные** потребности проистекают из нашей коллективной природы. Мы жаждем дружбы и привязанности, принадлежности к группе, общения, участия в формальной или неформальной организации, заботы о другом и внимания к себе, помощи близким;

4. **престижные** потребности — в уважении со стороны "значимых других", служебном росте, достижении, статусе, престиже, независимости, признании и высокой оценке. Их еще называют потребностями в оценке, или эгоистическими потребностями, ибо они ориентированы на самого себя;

5. **духовные** потребности — в самовыражении через творчество. Это потребность реализовать все, на что способен человек.

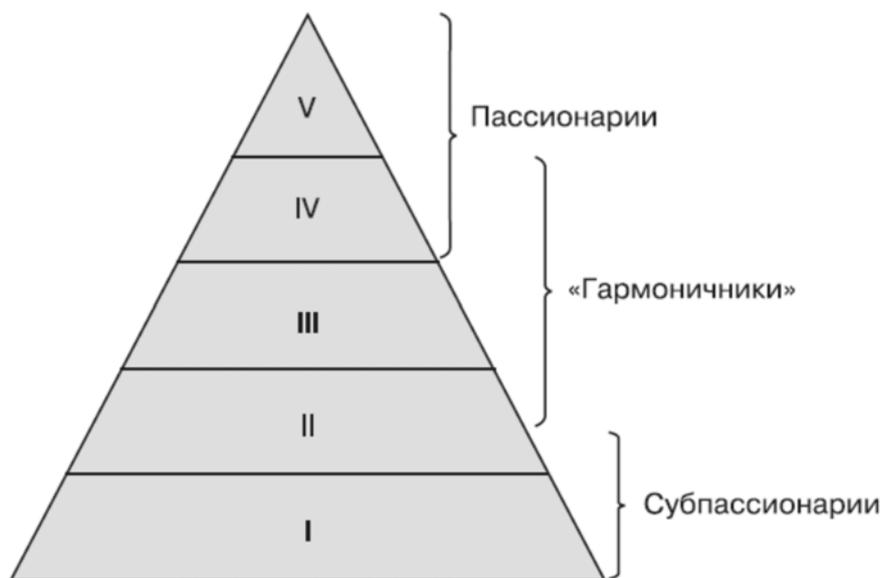

Рис. 4. Графическое изображение связи двух теорий — Л. Гумилева и А. Маслоу.

Субпассионарии ориентированы на так называемые первичные или биологические потребности в еде, жилье, одежде, безопасности, отдыхе. Уровень социальных притязаний низшего класса, который в основном и состоит из субпассионариев, невысок. Гармонии, составляющие средний класс, ориентированы на социальные и престижные потребности. Они нуждаются в хорошо оплачиваемой и престижной работе, дружбе и привязанности, принадлежности к группе, участия в принятии управленческих решений. Но кроме того они ориентированы на карьеру или свой бизнес, профессиональный рост и приобретение модных вещей. Наконец, круг интересов и ценностных ориентаций пассионариев сосредоточен преимущественно на высших, духовных потребностях. Они заключаются в самовыражении.

По мнению В.Л. Махнача, численность пассионариев в этносе не достигает 1%, а число субпассионариев - не более 2-3% (и те, и другие составляют в этносе явное меньшинство)¹. Гармоничники составляют подавляющее большинство членов этноса. Они "интеллектуально полноценны, работоспособны, уживчивы, но не сверхактивны. Более того, безудержное сгорание другого человека, немыслимое без пассионарного принесения себя в жертву, таким людям чуждо и антипатично. Люди этого склада - крайне важный элемент в теле этноса. Они воспроизводят

его, умеряют вспышки пассионарности, умножают материальные ценности по уже созданным образцам. Они вполне могут обходиться без пассионариев до тех пор, пока не появится внешний враг"².

Применение теории Маслоу к учению Гумилева, на наш взгляд, позволит расширить познавательные возможности второго и включить его в более широкую структуру гуманитарного знания.

Антисистема и химеры

Если роль негативных пассионариев в общественной жизни повышается, а затем превышает некую критическую черту, социальная система превращается в **антисистему**. Согласно Гумилеву, "антисистема - системная целостность людей с негативным мироощущением"³. Сегодня социологи активно изучают такого рода негативные общности, но все признают, что первым это понятие в гуманитарное знание ввел именно Л. Гумилев. Он называл их призраками систем, механизмами, способными поменять общественное сознание или мировоззрение на противоположное, деформировать образ жизни целого этноса или его части, субэтноса, социальной страты. Антисистемы отличаются негативным мировосприятием и, как следствие этого, стремятся к разрушению мироздания. Антисистемы — структуры, способствующие сокращению жизни этноса, а, следовательно, разрушительные для общества. Это как бы общество навыворот или, прибегая

¹ Махнач В.Л. Основы этнологии. Историко-культурное введение в политологию // <http://www.archipelag.ru/text/172.htm>

² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. с.282.

³ Гумилев Л.Н. Толковый словарь понятий и терминов // Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Рольф, 2002.

к языку К. Маркса, социальная превращенная форма. Если общество как система конструктивно, созидая и защищая жизнь, то антисистема - деструктивна, разрушая ее. Так некоторые историки уверены в том, что созданное в 1990-е годы общество в Чечне, основанное на бандитизме, разгуле преступности, похищении людей и рабовладении, наконец, терроризме, есть антисистема. К тому же ряду они относят и большевистский режим 1920-30-х годов.

По мысли Гумилева, для появления устойчивой антисистемы необходимы два параметра: упадок пассионарности этноса, возникающий в момент перехода из фазы в фазу местного этногенеза, и внедрение чужого этноса, входящего в другую суперэтническую систему¹. Если оба этноса несовместимы, т.е. между их суперэтническими системами существует отрицательная комплиментарность², то в зоне этнического контакта возникает *химера*.

Вовсе не случайно для описания антисистемы Гумилев использует понятие химеры - сосуществования двух и более чуждых суперэтнических этносов в одной экологической нише. Химерой называется ложно-этническая общность, сложившаяся благодаря любому вторжению в этногенез. Это может быть вторжение культуры, а может быть и вторжение грубой политики. Александр Македонский, создавший мировую империю, начал создавать новый

народ. Вместо того чтобы укреплять государство дружественными отношениями, он постарался всех смешать, как бы взял огромную ложку и размешал всех в одном котле. В итоге, этнос, разумеется, не образовался - образовалась химера³. Новую химеру попытались создать спустя два тысячелетия и назвали ее "советский народ" - новая историческая общность людей, скрепленная идеологическими, но не этническими скрепами. К антисистемам сегодня причисляют тоталитарные секты, выступающие против православия, субкультуру наркоманов, разрушительно влияющих на сознание, здоровье и нравственность молодежи, а также сталинизм, инквизицию, сатанизм, массовую культуру, фашизм, масонство, богумилы в Болгарии и манихейская община в Македонии (X в.) и др. В принципе антисистемой следует называть любую контркультуру, ценности которой всегда направлены против ценностей доминирующей культуры. Действительно, антисистемные идеологии противопоставляют себя любой этнической традиции. Они выступают в качестве разрушителей и ниспровергателей существующих общественных устоев. Таковы средневековые еретики и современные террористы.

В химере господствует бессистемное сочетание несовместимых между собой поведенческих черт, на месте устойчивого национального менталитета появляется кон-

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. с. 473.

² Комплиментарность - положительная (отрицательная) - ощущение подсознательной взаимной симпатии (антипатии) особей, определяющее деление на "своих" и "чужих".

³ Мохнач В. Химера и антисистема. Историко-культурное введение в политологию // <http://www.mahnach.by.ru/lections/ikvp/3.htm>

гломерат разрозненных идей, ценностей вкусов, идеалов и представлений. Утрата традиций равна потере корней, а, следовательно, и адаптивных навыков. Этнос отрывается от кормящего ландшафта. Таким образом, химеру можно охарактеризовать как общность деэтнозированных элементов, выпавших из этнонациональной ниши. Растет численность маргинальных и люмпенизированных слоев, гармоничники побуждают общественное сознание заниматься поиском общенациональной идеи, способной восстановить равновесие и сплотить нацию вокруг позитивных идеалов и ценностей.

Химера может существовать в теле здорового этноса, подобно раковой опухоли, "высасывая" пассионарность из него, как упырь¹, существуя за его счет и не выполняя никакой конструктивной работы. При этом она может оставаться достаточно безвредной, либо превращаться в источник агрессивных антисистем. Возникшие в недрах химеры антисистемы выступают, как правило, инициаторами кровопролитных конфликтов².

Влияние субпассионариев и антисистемы невелико на стадии нормального развития общества, когда институты стабильны, правительство эффективно, законы действительны. Современная Европа тому образец. Гармоничники ориентированы на пассионариев и готовы чуть ли не всем пожертвовать ради прогресса общества. Пассионарность,

согласно Гумилеву, на самом деле обладает заразительностью и магнетизмом, "люди гармоничные, оказавшись в непосредственной близости от пассионариев, начинают вести себя так, как если бы они были пассионарны"³.

Иначе говоря, пассионарии обладают свойством *пассионарной индукции* - заражать окружающих их людей повышенной активностью и энтузиазмом. Примеры - военные эпизоды, когда пассионарные вожди поднимают остальных в атаку; ораторы, возбуждающие толпу, ученые, вдохновляющие своих учеников. Иногда пассионарии не находят своих последователей, их активность встречает непонимание окружающих, что может приводить пассионариев к гибели. Но зато при благоприятных условиях число их приверженцев разрастается как снежный ком⁴.

Пассионарии заражают статистическое большинство неуемной энергией, воодушевляют массы на героические свершения, т.е. на такие деяния, которые сами они, не будучи ведомыми пассионариями, совершить не смогли бы. Пассионарии - возмутители спокойствия. Напротив, субпассионарии, люди малоактивные и безвольные, воодушевлять никого не могут. Они и сами не рады, что уродились такими. Им не хватает биологической энергии и социальной инициативы. Они легко поддаются всему плохому, если это не требует от них мо-

¹ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993. с.41.

² Рубин С. Теория этногенеза Л.Н. Гумилева: современный взгляд // <http://www.chelny.ru/city/books/Gumilevica/Rubin/Rubin12.htm>

³ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990, с. 276.

⁴ Коваленко М.И. Учение Л. Н. Гумилева и пути развития России // <http://www.hrinsitute.ru/ea23.html>

ральных и душевных усилий. Опустившиеся люди - это прежде всего индивиды со слабым характером и отсутствием силы воли.

Пассионарное поле

Когда пассионарии заражают гармоничников, происходит явление, похожее на самонаведение индукции в электрофизике. Собственно так его Гумилев и называет - *пассионарной индукцией*, т.е. изменением настроения и поведения обычных людей в присутствии пассионариев. А где есть индукция, там должно существовать и поле, только не электрическое, а этническое. И оно есть у Гумилева, а называется *пассионарным полем*.

Биосоциальная энергия, которой наделены выдающиеся люди, называется *пассионарностью*. "Пассионарность - это биологический признак... Пассионарии самим фактом своего существования нарушают привычную обстановку, потому что не могут жить повседневными заботами, без увлекающей их цели... Пассионарность отдельного человека сопрягается с любыми способностями: высокими, малыми, средними; она не зависит от внешних воздействий, являясь чертой конституции данного человека; она не имеет отношения к этическим нормам, одинаково легко порождая подвиги и преступления, творчество и разрушение, благо и зло, исключая только равнодушие"¹.

Пассионарность обладает и рядом других свойств, к примеру, будучи биологическим свойством человека, она передается по наследству; являясь чертой психической

конституции человека, она не зависит от внешних воздействий.

Пассионарность напоминает электрический ток. Его можно передать другому источнику, но прежде надо выработать самому. Вот почему пассионарность является а) врожденной способностью особой категории людей - пассионариев (это источники электрического тока), и б) состоянием поля вокруг источника, такой биоэнергетической субстанцией, которая может истощаться и восприниматься, т.е. своего рода магнетизмом.

Пассионарная личность создает вокруг себя какое-то особое напряжение, которое можно назвать "энергетическим полем или сочетанием полей", писал Л.Гумилев в книге "География этноса в исторический период". Пассионарии заражают окружающих своей неумемной энергией, у них появляются последователи, поклонники, сочувствующие и противодействующие их начинаниям. Так брошенный в воду камень распространяет вокруг себя волновые круги. Новые идеи, овладевая чужими умами и душами, вдохновляют последователей на великие свершения. Строительство Днепрогэса и Магнитки, строительство Комсомольска-на-Амуре, неслыханные темпы индустриализации и коллективизации - все это примеры героического подвизничества широких масс советских людей в 1930-е годы. Благодаря Корчагиным и Стахановым в российском обществе сформировалось тогда особое пассионарное поле. Его потенциал был столь велик, что его хватило и на то, чтобы выиграть в 1940-е годы Великую отечественную

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990, с. 281, 285.

войну, а в 1960-е - ударными темпами строить коммунизм. Социальная энергия пассионарности стала сходиться на нет в 1970-е годы, а в 1980-е годы, когда наступил глобальный кризис социализма, и вовсе исчез. Для нового пассионарного толчка потребовалось резко изменить историческую ориентацию общества - перейти от социализма к капитализму.

Взаимодействуя между собой, пассионарные поля объединяют их носителей (пассионариев) в социальные институты - общины, философские школы, дружины, шайки, партии и т.д. В двух отечественных войнах - 1812 и 1942 гг. - дралось поколение воинов-пассионариев, но в остальные периоды времени армию заполняли самые обычные люди, совсем не обязательно способные на сверхусилия. Поколение молодежи последней трети XIX века - пассионарии будущей революции. Пассионариями явились и два последующих поколения, но в 1930-е годы наступает эпоха инертности. Этнос просыпается в период войны 1942 г. и хозяйственных свершений 1950-60-х годов, но в 1970-80-е годы вновь засыпает. Именно пассионарии организуют далекие походы против соседей, либо, наоборот, обороняют свою страну от завоевателей. Именно пассионарии создают новые научные теории, шедевры литературы и искусства. Пассионариями были варяги Рюрика, казаки Ярмака, покорившие Сибирь, мореплаватели и первооткрыватели островов.

Валентность и вектор социальной истории

Как и в физике, в биогеофизике Гумилева излучаемая и поглощаемая энергия не имеет валентности. Иными словами, пассионарность не

имеет отношения к этике, одинаково легко порождая подвиги и преступления, творчество и разрушения, благо и зло. Подобное утверждение создало в теории Гумилева немалое противоречие. Если пассионарии двухвалентны, т.е. могут быть гениями и злодеями, то к их числу стоит приписать не величайшего страдальца Христа, но и величайшего злодея Гитлера. Это правильно, если пассионарность понимать как исключительно высокую энергию, имеющую величину, но не имеющую вектора. Но в том-то и дело, что Гумилев неоднократно подчеркивал, что пассионарность имеет вектор, направленный на творчество и созидание. А куда в таком случае девать великих разрушителей? Получается серьезная неувязка. Социальную систему создают пассионарии, а кто создает антисистему? Субпассионарии к этому неспособны, они лишь строем умеют ходить. Они не лидеры, а ведомые. Не годятся на такую роль и гармонари. У них другая историческая миссия. Одним словом, антигерои есть, а подходящего названия в терминах учения Гумилева нет.

Если у пассионариев убрать вектор (направленность на добро или зло), оставив только величину (огромную энергию), то в их рядах окажутся все выдающиеся личности, причем не обязательно с именами собственными. На самом деле не шекспиров и дostoевские вершат социальную историю (они творят историю художественную). Безымянные садисты, черносотенцы, авангардисты, революционеры, террористы в равной степени выступают пассионариями, поскольку в такой степени возмущают социальный порядок и общественное

мнение, что вынуждают этнос жить по новому, вырабатывать в своей крови защитные антитела, перестраивать социальные институты, совершенствовать механизмы и учреждения, а в конечном итоге - повышают уровень адаптации этноса к среде. Новаторы и антиноваторы, волки и охотники, мученики и садисты, революционеры и террористы в равной степени необходимы обществу, а значит и этносу.

Отсутствие валентности или амбивалентность по отношению к добру и злу у Гумилева вполне объяснима. Ведь пассионарность - только биологическая энергия. Она означает "способность человека жертвовать собой ради идеологических целей", как определил ее сам Гумилев. Вопрос лишь в том, каких целей - добрых или злых. А это уже проблема нравственного выбора человека. Гумилев оставляет за человеком право выбирать и свободу выбора.

В массе своей пассионарии — физически наиболее здоровые люди, их активность, как социальная, так и территориальная, на том и базируется. Они не могут ужиться в регионах с устойчивым социумом, где общество в состоянии противиться их эгоистическим наклонностям, а потому пассионарии составляют основу межрегиональной миграции. Социально активные, если не сказать агрессивные слои населения устремляются из периферии к столице, из Третьего мира в Западную Европу. Они готовы терпеть любые трудности, по полгода жить в лагерях для беженцев, не иметь никаких прав и вида на жительство и все это с единственной целью - добиться желаемой цели, устроить семью в комфортных условиях, а себе

получить простор для вертикальной мобильности и карьеры. Пассионарии ищут любые канал, часто не всегда законные, для удовлетворения своих амбиций, алчности или властолюбия.

Пассионарные волны привносят в спокойные и благополучные регионы, где все давно устоялось, делено и защищено, вирус беспокойства и мятежности. С одной стороны, вливание свежей крови оздоравливает дряхлеющее столичное население - растет население в целом, а также число межнациональных браков. С другой - сюда проникают преступность, наркомания, проституция. Пришлое население, неустроенное в правовом и бытовом отношении, создает тепличные условия для распространения социальных и инфекционных заболеваний. Анализ структуры смертности позволил установить, что социальные болезни коррелируют с группами населения, которые чаще других меняют регион проживания, совершают дальние миграции. В это время регионы выхода мигрантов теряют здоровую и социально активную часть населения, медленно начиная деградировать. Вслед за собой активная молодежь привозит пожилых родителей, которые далеко не всегда благополучно переносят смену климата и места проживания. Таким образом, миграция негативно сказывается на здоровье пожилых людей и провоцирует болезни, приводящие к летальному исходу.

Инстинкты и антиинстинкты

Пассионарность - это выброс биохимической энергии отдельного индивида, группы, класса или поколения в социальное пространство.

Она может осознаваться либо, что происходит гораздо чаще, не осознаваться носителями этого свойства как непреодолимое внутреннее стремление к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (часто иллюзорной). Для пассионарной особи цель представляется иногда ценнее даже собственной жизни, а тем более жизни и счастья современников и соплеменников. Обладание пассионарностью чаще всего не зависит от личных стараний, она есть либо ее нет. С ней надо родиться. Она подобна инстинктивным импульсам, действующим в самых разных направлениях. Поэтому пассионарность приобретает множество форм и модусов своего проявления. Модусы пассионарности разнообразны: тут и гордость, стимулирующая жажду власти и славы в веках; тщеславие, толкающее на демагогию и творчество; алчность, порождающая скупцов и ученых, копящих знания вместо денег; ревность, влекущая за собою жестокость и охрану очага, а примененная к идее - создающая фанатиков и мучеников¹. Величина пассионарного напряжения этноса определяется долей в его структуре пассионариев - сверхактивных особей, не довольствующихся обычной жизнью обывателей.

Вектор биологической по своей природе пассионарности направлен вразрез с биологией же. На подавляющее большинство людей неумолимо действуют законы самосохранения и размножения (а стало быть, и воспитания потомства). Но пасси-

онарии, увлекшись научными открытиями, преобразованием общества или путешествием к далеким землям, забывают о своих супружеских обязанностях, домашнем очаге и воспитании потомства. Их не интересует каждодневная работа с 9 до 18 часов, хождения в магазин за продуктами, карточные игры во дворе, заседания на ученых советах или коротание вечера, сидя у телевизора. Чрезмерно развитая у них страсть, а это и есть пассионарность, заставляет их жертвовать уютом, потомством, земными благами ради какой-то иллюзорной цели, великой мечты либо под давлением внутренних импульсов: честолюбия, тщеславия, гордости, алчности, ревности и прочих страстей.

Каждый человек подчиняется инстинктам самосохранения и продолжения рода, но только не пассионарии. У них происходит все наоборот. Пассионарность – мера страсти, выталкивающая человека за рамки общепринятых норм, а часто и влекущая его еще дальше - за горизонт жизни. Она не считается с инстинктом самосохранения, это воля к смерти. Вопреки жизнеутверждающим инстинктам, которые характерны для большинства людей, у пассионариев преобладают другие инстинкты, а возможно и антиинстинкты - жертвенности. Японские самураи, исламские шахида, христианские циркумцелионы, готовые принять мученическую смерть ради прославления веры или освобождения нации - яркие образцы пассионариев.

¹ Anomalous Materials project // <http://am-project.narod.ru/world/00000090.html>

Получается, что страсть и инстинкт - вещи несовместимые. У героев преобладает первая, у обывателей - второй. Пассионарием человек становится в том случае, когда его страсть сильнее его инстинктов. Ради нее он готов рискнуть и даже пожертвовать жизнью, причем не только своей, но и своих детей.

Полной противоположностью пассионариям являются субпассионарии. Это обыватели, а не герои. Страсть у них слабее инстинктов. Они пассивны, податливы, слабовольны. Над такими всегда издеваются, их покоряют, берут в рабство, к чему-то вечно принуждают.

Посредине пассионарного континуума располагается, если общество нормальное, его золотое большинство - люди уравновешенные и гармоничные. Они рассудительны, дисциплинированы, порядочны. Они не любят рисковать и командовать, осуждают безумцев, чудаков и революционеров. У гармоничного человека сила пассионарности примерно соответствует силе инстинктов.

В своем Толковом словаре Гумилев так и пишет про них: "Гармоничные особи (гармоничники) - особи,

пассионарный импульс которых равен по величине импульсу инстинкта самосохранения"¹.

Л.Н. Гумилев включал в число гармоничных людей также пассионариев с низкими степенями пассионарности, выражающимися в стремлении к успеху и благоустройству без риска для жизни. Это очень работоспособные, дисциплинированные люди, умеющие ставить цели и добиваться успеха. В постиндустриальном обществе им соответствует средний класс, в переходном российском обществе - новые новые русские, или яппи. Они признает законы человеческого общежития и не рискует жизнью без нужды, но при необходимости отважно сражается. У них хорошая зарплата, престижная работа, два высших образования, иномарка, дом за городом и т.д. В результате у Л.Гумилева выстраивается иерархия биосоциальных типажей - от пассионариев до субпассионариев, и каждый со своим неповторимым букетом черт.

Рис. 5. Вектор воздействия культурного фактора

Гармоничники составляют подавляющее большинство членов этноса,

хотя биохимическая энергия у них находится на среднем уровне. Они

¹ Гумилев Л.Н. Толковый словарь понятий и терминов // Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Рольф, 2002.

"интеллектуально полноценны, работоспособны, уживчивы, но не сверхактивны. Более того, безудержное сгорание другого человека, немислимое без пассионарного принесения себя в жертву, таким людям чуждо и антипатично. Люди этого склада - крайне важный элемент в теле этноса. Они воспроизводят его, умеряют вспышки пассионарности, умножают материальные ценности по уже созданным образцам. Они вполне могут обходиться без пассионариев до тех пор, пока не появится внешний враг"¹.

Таким образом, в структуре этноса гармоничники играют исключительно важную роль стабилизирующего фактора, поддерживающего этническую традицию. Гармоничники могут проявлять активность, иногда весьма значительную, но не по собственной инициативе, а только находясь под влиянием пассионариев, т.е. получая пассионарность через механизм пассионарной индукции².

Фазы этногенеза

Обобщив исторические данные о 40 наиболее известных народах Земли, известных с глубокой древности, равно как и существующих ныне, Л.Н. Гумилев разработал модель жизненного цикла этноса, включающего семь фаз (см. рис. 6)

Гармоничники составляют подавляющее большинство членов этноса, хотя биохимическая энергия у них находится на среднем уровне. Они

"интеллектуально полноценны, работоспособны, уживчивы, но не сверхактивны. Более того, безудержное сгорание другого человека, немислимое без пассионарного принесения себя в жертву, таким людям чуждо и антипатично. Люди этого склада - крайне важный элемент в теле этноса. Они воспроизводят его, умеряют вспышки пассионарности, умножают материальные ценности по уже созданным образцам. Они вполне могут обходиться без пассионариев до тех пор, пока не появится внешний враг"³.

Таким образом, в структуре этноса гармоничники играют исключительно важную роль стабилизирующего фактора, поддерживающего этническую традицию. Гармоничники могут проявлять активность, иногда весьма значительную, но не по собственной инициативе, а только находясь под влиянием пассионариев, т.е. получая пассионарность через механизм пассионарной индукции⁴.

Этносы, как и люди, не живут вечно. Как и у людей, у них есть собственный жизненный цикл, но только намного длиннее - от 1200 до 1500 лет. Как известно, человек редко доживает и до 120 лет, хотя нынешние генетики полагают, что потенциал жизнедеятельности у него превышает 150 лет. "Этносы стареют, как люди, и так же слабеют, - отмечал Л.Н. Гумилев. - Только жизненный цикл у них много длиннее".

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990, с. 282.

² Рубин С. Теория этногенеза Л.Н. Гумилева: современный взгляд // <http://www.chelny.ru/city/books/Gumilevica/Rubin/Rubin12.htm>

³ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990, с. 282.

⁴ Рубин С. Теория этногенеза Л.Н. Гумилева: современный взгляд // <http://www.chelny.ru/city/books/Gumilevica/Rubin/Rubin12.htm>

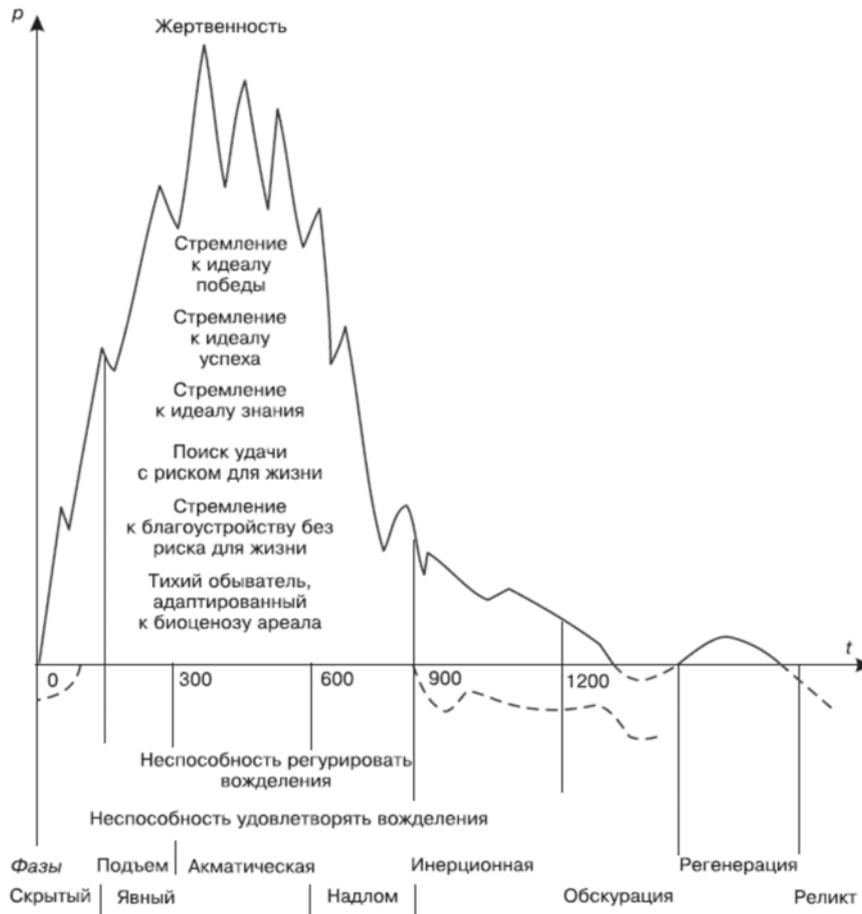

Рис. 6. Фазы жизненного цикла этноса у Гумилева¹

Однако некоторые суперэтнос побивают все рекорды и существуют свыше 3000 тыс. лет, например египетский, китайский, греческий и еврейский, т.е. в 2 раза больше, чем положено по теории Гумилева. Объясняя подобную загадку, С.Рубин² пришел к выводу, что 3,5-4 тыс. лет на определенной

территории существует не суперэтнос, а так называемый гиперэтнос. Он представляет собой последовательно существующие друг за другом три или пять суперэтносов, возникших из общего этнического корня, обладающих похожими языками, культурами и расовыми признаками. Так, история египетской

¹ Источник: Плотинский Ю.М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. Учебн. пособие. М.: Логос, 1998, с.121.

² Рубин С. Теория этногенеза Л.Н. Гумилева: современный взгляд // <http://www.chelny.ru/city/books/Gumilevica/Rubin/Rubin15.htm>

цивилизации представляет последовательность трех суперэтносов: первый возник в 3646 г. до н.э., второй - в 2423 г. до н.э., третий - в 870 г. до н.э.

Жизненный цикл человека включает несколько фаз или стадий, среди них три главные: детство, зрелость и старость. Существуют и более дробные шкалы, на которых появляются новые деления - младенчество, отрочество, юность, пожилой возраст и т.д. В разных обществах и культурах, включая древние и примитивные, число возрастных категорий варьируется от 3 до 17.

Существуют фазы и в жизненном цикле народа или, как говорил Гумилев, этноса. В своем Толковом словаре¹, который для нас должен, по всей видимости, служить наиболее авторитетным источником, он выделяет следующие фазы этногенеза:

1) *фазу подъема*, которая имеет инкубационный и стабилизационный периоды ("период стабильного повышения уровня пассионарного напряжения системы вследствие пассионерного толчка или генетического дрейфа");

2) *акматическую фазу* ("колебания пассионарного напряжения в этнической системе после фазы подъема на предельном для данной системы уровне пассионарности");

3) *фазу надлома* ("резкое снижение уровня пассионарного напряжения после акматической фазы, сопровождающееся расколом этнического поля");

4) *фазу инерции* ("плавное снижение пассионарного напряжения этнической системы после фазы надлома");

5) *фазу обскурации* ("снижение пассионарного напряжения ниже уровня гомеостаза, сопровождающееся либо исчезновением этноса как системы, либо превращением его в реликт");

6) *фазу мемориальную*, или гомеостаза ("состояние этноса после фазы обскурации, когда отдельными его представителями сохраняется культурная традиция").

Кроме этих шести в других произведениях патриарха отечественной этнографии встречаются указания на существование седьмой фазы - *регенерационной*. После нее фазы заканчиваются, а этнос, достигший глубокой старости, вступает в стадию реликта. Но обо всем этом подробнее мы скажем ниже.

Если этнос успешно преодолевает все эти фазы, он превращается в реликт и может существовать неопределенно долго, пока соседи не нарушат его состояние, совершив против него агрессию.

Анализ исторических факт убедил Гумилева в том, что все народы проходят в своем развитии ряд а) одинаковых, б) закономерных и в) совершенно объективных фаз развития, которые можно уподобить различным возрастам человека². Правда, как и люди, далеко не все этносы доживают отмеренный им природой срок. Форс-мажорные обстоятельства, например геологические катастрофы, крупные конфликты или войны, заставляют их сходить с исторической сцены гораздо раньше, оставив потомкам лишь мимолётную память о себе. До сих пор историки спорят: существовала ли Атлантида, которую

¹ Гумилев Л.Н. Толковый словарь понятий и терминов // Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Рольф, 2002.

² Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992. с. 16.

мог населять совершенно уникаль- ный по человеческим меркам эт- нос? Сам Гумилев к списку форс- мажорных факторов прибавлял, как мы помним, еще и космические. Он так и говорил: этносы, образующие суперэтнос, возникают в результате так называемых "пассионарных толчков", имеющих космическую природу.

Поскольку этносы возникают да- леко не одновременно, то этниче- ская фотография мира, запечатлев- шая планету в данную минуту, если подобное вообще возможно, застиг- нет *неравномерность* этногенеза землян. Поскольку каждый народ находится на собственной фазе эволюции, то одни уже прошли свой расцвет, другие еще только входят в стадию молодости, третьи дряхлы, а четвертые еще, быть мо- жет, не родились. Сталкиваясь между собой, воюя и конфликтуя, одни народы рассчитывают на мо- лодость и крепкое здоровье, другие - на мудрость и жизненный опыт, третьи - на силу оружия и достиже- ния науки.

Когда этносу не хватает жизнен- ной энергии, он не то что умирает, но просто засыпает. Это эпоха скуки. Появляется огромное количе- ство обывателей, прекрасно опи- санных Чеховым, жившим среди них и знавшим этот социальный ти- паж. Герои отступают на второй план. Это не их время. Конечно, в любую эпоху есть творческие лич- ности - политики, художники, пред- приниматели, но не они задают тон и определяют ритм эпохи. На начальных, героических фазах эт-

ногенеза пассионариев считают ге- роями и образцами для подража- ния; в цивилизованный период – ту- пыми фанатиками.

Фазы этногенеза определяются количеством пассионариев в этни- ческой системе. Начальная фаза эт- ногенеза - *пассионарный толчок*, когда в силу тех или иных причин резко возрастает число пассиона- риев. Образование новых этносов инициируется появлением в попу- ляции энергичных, инициативных, страстных, волевых людей.

После толчка следует *фаза подъема* с двумя своими перио- дами: инкубационным и стабилиза- ционным. В первом все гудит, бро- дит, перемещается, вскипает, во второй - утихомиривается, оседает, кристаллизуется. Это еще этологи заметили, что когда особой одного вида рождается очень много, напри- мер тучи саранчи, то постепенно они, собравшись в стаю, начинают захватывать прилегающие про- странства, где можно пропитаться. Так и у людей: демографический взрыв повышает желание осво- иться прилегающие ландшафтные зоны. Например, греки в фазе подъ- ема (древние эллины) провели гре- ческую колонизацию - греческие ко- лонии разбросаны чуть ли не всюду по берегам Средиземного и Черного морей. Римляне в фазе этнического подъема добились гегемонии в Ита- лии. Славяне между II в. до н.э. и III в. н.э. спокойно заполнили обшир- ный вмещающий ландшафт от Ду- ная до Северного Причерноморья, а может, и до низовьев Дона¹.

Цель очевидна: прокормить под- растающие поколения. С фазой

¹ Махнач В.Л. Основы этнологии. Историко- культурное введение в политологию // <http://www.archipelag.ru/text/172.htm>

подъема всегда связывают крупномасштабные миграции, появление новых идеологических и религиозных течений. Инкубационный период - это состояние всеобщего хаоса и "разборок". Народы и племена противоборствуют, объединяются с соседями, нападают на врагов. Межусобные войны сменяют территориальную экспансию и завоевательные походы.

Вслед за биомассой пассионарный толчок выплескивает вовне и социальную энергию: формирующийся этнос начинает приводить себя в порядок. У него вырабатывается свод поведенческих стереотипов, которые, передаваясь из поколения в поколение, превращаются в традиции. Над ними настраивается сложная нормативная система, способная обуздать первобытные инстинкты людей и отрегулировать социальные отношения. Запрещают кровосмешение, появляются многочисленные табу, вводится жесткая дисциплина, регламентируется личное поведение, брачные отношения. Вскоре нормативная система кристаллизуется в иерархическую систему господства, которая вначале принимает форму вождества, а затем и раннего государства. Живыми кристаллами, т.е. вождями, бигменами, чиновниками и т.п. становятся все те же пассионарии. В тот же стабилизационный период первой фазы происходит формирование социальных институтов. Продолжительность фазы подъема - от 100 до 200 лет.

Акматическая фаза (перегрев). В молодом организме этноса все еще кипит кровь, жизнь и энергия

бьют через край. Пассионарное напряжение не только продолжает расти, но и достигает своего максимума ("акме" в переводе с греческого означает "высший"). Избыток пассионарности в этносе проявляет себя странным образом. Этническая система в этой фазе характеризуется господством пассионариев жертвенного типа, пассионарный импульс которых наиболее высок, а также наивысшим числом подсистем (субэтносов). Жертвенные пассионарии стремятся к максимальному утверждению себя как личности, а не только к победе своего этнического коллектива в целом, как это было в фазе подъема. Отсюда небывалый рост карьеризма, культура дворцовых интриг, салонная музыка, соперничество за прибыльные должности, протектирование любимчикам, теневые кабинеты, серые кардиналы, многочисленная королевская свита и т.п. Рост индивидуализма - основной вектор общественного развития на этом этапе - в сочетании с избытком пассионарности как раз и служат причиной возникновения того явления, которое названо Гумилевым *пассионарным перегревом*. Если ранее избыточная энергия этноса уходила на завоевания, то теперь она затрачивается на крестьянские восстания внутри страны, бунты и путчи, столкновение конкурирующих элит (остепеневшихся пассионариев), а значит, многочисленные заговоры и дворцовые перевороты, наконец, гражданские и религиозные войны.

Как следствие, снижается резистентность¹ (сопротивляемость) этнической системы. Вражда между

действием антисистем, экологическим катастрофам.

¹ Резистентность этнической системы - ее способность сопротивляться внешним воздействиям: вторжениям иноземцев, разлагающему

борющимися группировками не за-
тихает даже при внешней опасности
(в России так происходило в XVII в.).
Перед лицом общего врага объеди-
няется только народ, а элита про-
должает делить власть, предавать
интересы общества, приводить на
царство иностранных фаворитов. В
подобных условиях трудно создавать
централизованное руководство. В об-
ществе не только много субэтносов,
кругов и кружков, группировок элиты,
но также конфессий и религиозных
сект, идейных и идеологических течений.
В это время истории страны как
никогда насыщена интересными со-
бытиями. Ускоряется ход ее истории.
Акматическая фаза длится примерно
300 лет.

После этого наступает *фаза
надлома* - раскол этнического поля.
Количество пассионариев сокраща-
ется, напротив, ряды маргиналов,
люмпенов и прочих субпассиона-
риев множатся, они играют в обще-
стве все более заметную роль. Те-
перь они уже отказываются с ору-
жием в руках защищать родину от
внешних врагов, как это было на
предыдущей фазе. Но и у элиты по-
ступать так нет никакого желания.
Аристократию не уважают, творче-
ских людей не ценят, в обществе
разрушаются традиционные ценно-
сти, низвергаются нормы права и
морали. Люди становятся нетерпи-
мыми по отношению к чужим взгля-
дам и ценностям (негативная ком-
плиментарность). Духовный кризис
вызывает социальный, экономиче-
ский, а затем и политический. Низы
не хотят жить по старому, а верхи не
умеют управлять по-новому. Равно-

душные ко всему люди, чувству-
ющие себя на этой земле временщи-
ками, хищнически эксплуатируют
ландшафт, истребляя леса и недра,
отравляя реки и озера. "...Надлом -
тяжелая возрастная болезнь и не
всякому этносу суждено ее пере-
жить", - отмечает Л.Н. Гумилев.

Общая пассионарность еще вы-
сока, но при расколе этнического
поля энергия нации уходит на внут-
ренние конфликты, а потеря единой
духовной основы (национальной
идеи) делает возможным проникно-
вление антисистемных учений.

В это период сопротивление эт-
носа к внешним воздействиям (эколо-
гическим катастрофам, вторжению
врагов, идеологическим диверсиям и
экономическим кризиса) не просто
продолжает снижаться, но достигает
максимума. Потому это несчастное
время и называется надломом. По-
сле него кривая развития, взметнув-
шись вверх, резко обрывается вниз.
Тяжело более весь общественный
организм. В крайних ситуациях даже
может произойти преждевременная
гибель этноса. Например, предки гре-
ков - ахейцы из надлома не вышли.
Другой народ - готы, не только самый
грозный, но и самый культурный из
варварских народов, основали в V-VI
вв. королевства в Причерноморье,
Италии, Испании, а в VIII в. исчезли
со страниц истории. Они не вышли из
надлома потому, что были подав-
лены захваченной ими чужой культу-
рой - античной. Русские, по мнению
В.Л.Махнача, вошли в фазу надлома
в начале XIX в. и продолжают нахо-
диться в нем до сих пор¹. Другие при-
меры этнического надлома - граждан-
ская война в России в начале 20 в.

¹ Махнач В.Л. Основы этнологии. Историко-
культурное введение в политологию // <http://www.archipelag.ru/text/172.htm>

(армия из субпассионариев), Тридцатилетняя война в Германии, (3/4 населения погибло). Продолжительность фазы - 200 лет.

Если фаза надлома преодолена, этноса вступает в *инерционную фазу*, сопровождающуюся плавным снижением пассионарности. Возбужденность нации прекращается, энергия локализуется по отдельным группам и индивидам - ученым, артистам, писателям. Это "золотая осень" цивилизации: расцвет науки и искусства, архитектуры и дизайна, накопление материальных и культурных ценностей, поддержание кормящего ландшафта, преобладание законопослушных и работающих гармоничных людей. Укрепление государства и социальных институтов. Активное преобразование ландшафта. В социально-этнической структуре общества доминируют гармоничники и люди с низкой пассионарностью.

Если стране посчастливилось иметь разумное правительство, то оно делает все возможное, чтобы растянуть инерционную фазу, поддерживая местные традиции и языки, создавая социальную инфраструктуру для престарелых, больных и инвалидов, покровительствуя творческим людям. Но самый главный фронт - борьба с преступностью и коррупцией. Через каналы информации населению прививают высокую политическую культуру, воспитывают молодежь в духе прекрасного и возвышенного, в атмосфере уважения к вечным ценностям и общепринятым эталонам поведения. "Однако "золотая осень" человечества неизбежно приходит к

своему концу. Вымирающих пассионариев на высоких должностях сменяют торгошники, часто чуждые коренному этносу. Пропаганда "человеколюбия" приводит к прощению слабостей, небрежению долгом, ненаказуемости, росту преступности. Постепенно усиливается хищническое отношение к природе. Идет рост числа субпассионариев, оседающих в городах. Оторванные от кормящего ландшафта горожане внедряют различные усовершенствования, часто вредные для природы"¹. Инерционная фаза этногенеза, названная Л.Н. Гумилевым "золотой осенью цивилизации", длится 300-400 лет.

Греясь под лучами осеннего солнца, людям и в голову не приходит, что следом за "золотой осенью" наступают "сумерки" - *фаза обскурации*. Для нее характерны низкая пассионарность, напряженность, большое число субпассионариев. В фазе обскурации этнос существует за счет материальных ценностей и навыков, накопленных в предыдущую инерционную фазу. Идет разбазаривание ранее накопленных материальных и культурных ценностей, прекращается поддержка кормящего ландшафта. Возрастает число субпассионариев, которые не хотят работать, но требуют удовлетворения своих потребностей. Долг, трудолюбие, совесть не в почете. Идет разложение общества, трудолюбие осмеивается, интеллектуалы вызывают ярость, сельское хозяйство в упадке, производство сворачивается, благоденствуют лишь торгошники, ростовщики, банкиры. В эту пору ценятся не способности, а

¹ Коваленко М.И. Учение Л. Н. Гумилева и пути развития России // <http://www.hrinsitute.ru/ea23.html>

их отсутствие, не образованность, а невежество, не стойкость убеждений, а беспринципность. Наука сводится к компиляции, идет деградация искусства, пересмотр духовных ценностей. В обществе процветают преступность и коррупция.

Наступает депопуляция, численность населения к концу фазы обскурации значительно сокращается; частично этот процесс тормозится за счет притока представителей окраинных и чужих этносов, которые зачастую начинают доминировать в общественной жизни. Наиболее талантливые и образованные пассионарии не находят достойной оплаты и статуса, эмигрируя за рубеж ("утечка мозгов"). К власти приходят беспринципные авантюристы, играющие в популизм. Распространяются преступность, сексуальные отклонения, армия теряет боеспособность, природоохранительные органы вместо борьбы с криминалитетом способны только обеспечивать безопасное существование верхов. Этническая система утрачивает способность к сопротивлению и может стать легкой добычей более пассионарных соседей. Фаза обскурации предшествует гибели этнической системы или ее переходу в состояние этнического гомеостаза¹. Фаза обскурации - старость этноса, и она может продолжаться 100-200 и более лет.

Иногда после обскурации наступает кратковременная фаза *регенерации* - восстановление этноса за счет остатков пассионарности на периферии, но это лишь короткий

всплеск активности. Она переходит затем в *мемориальную фазу* - близкую к этническому гомеостазу фазу этногенеза, знаменующую завершение этого процесса. Гомеостаз - состояние консервативное. Особи этнической системы в этой фазе враждебны любым изменениям, ибо творческие силы уже растрачены. Культурный взлет нации далеко позади. Пассионарии, как и субпассионарии, редки. Этнос в основном состоит из гармоничных людей, трудолюбивых, не лишенных стремления что-либо изменить в жизни. Жизненный цикл этноса из поколения в поколение не претерпевает существенных изменений. Была энергия и способность этноса к историческому творчеству утрачены, люди только сохраняют традицию предков, легенды, былины, фольклор, моральные принципы. Формы социальной жизни неизменны, государственные структуры упрощены и не довлеют над обществом. Иногда субпассионарии вымирают или изгоняются: их нечем прокормить. Здоровые остатки разрушенного этноса вступают в стадию медленного дрейфа, по возможности поддерживая равновесие с обедневшим ландшафтом - обломками погибшего культурного ландшафта. Небольшой по численности этнос превращается в реликт, если живет в мирном контакте с соседями, или становится изолятом, если в силу природных условий лишается взаимосвязей с другими народами².

Переход от мемориальной фазы к законченной форме этнического гомеостаза носит плавный характер

¹ См.: Гуц А.К. Глобальная этносоциология. Учебное пособие. Омск: ОмГУ, 1997; Рубин С. Процессы этногенеза во всемирной истории. Наб. Челны, 2000; Коваленко М.И. Учение Л. Н.

Гумилева и пути развития России // <http://www.hrinsstitute.ru/ea23.html>

² Плущевский А.М. Физический фактор социальной и культурной динамики народов // <http://balkaria.narod.ru/istoria/bariev/glava12.htm>

и выглядит как постепенное забвение традиций прошлого. Она может длиться как угодно долго. Люди живут настоящим, не думая о будущем. Над почти вымершим социальным пространством господствуют стихийные бедствия, царят агрессия, эпидемий, пьянство или наркомания, приносимые завоевателями, геноцидом, ассимиляцией. Так этнос проходит путь от своего возникновения, через высшую точку к гибели¹.

Выводы

Указывая на очевидную либо намеренную недооценку Гумилевым роли социологических факторов, надо учитывать историческую обстановку, в которой протекало его творчество. Господство научного коммунизма и исторического материализма, опиравшееся на сочинения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, неизбежно приводило к вульгарному пониманию социологии, которое выражалось в гипертрофировании роли классовой позиции и классового происхождения социальных акторов, как индивидуальных, так и коллективных. Естественно, что первичным фактором этногенеза в советской философии выступали классы.

Столкнувшись с подобными взглядами, Л.Н. Гумилев вынужден был искать причины культурного развития в иных, не социологических факторах. Стремясь избавиться от вульгарного социализма, Л. Гумилев, возможно ошибочно, оставил за бортом всю социологию, сосредоточив свое вни-

мание на биологии, географии и истории. Он предложил рассматривать этнос и этногенез как естественные объекты, возникающие не вследствие деятельности человека, а как результат процессов, происходящих в биосфере Земли.

Попытку социологически взглянуть на учение об этногенезе Л. Гумилева надо рассматривать как желание вернуть то недостающее звено анализа, которое выпало под давлением вульгарного социализма, как стремление показать, что это учение не потеряло и никогда не теряло своего значения для мировой социологии. Его актуальность объясняется тем обстоятельством, в ряду прочих достоинств учения, что Гумилев вместо формационной теории, трактующей историю как единый процесс прогрессивного развития от низшего к высшему, выдвинул циклическую, в большей степени соответствующую современным тенденциям в мировой науке. Развитие истории предстает в циклических теориях в виде смены культур, или цивилизаций, каждая из которых проходит одинаковые ступени, которые напоминают возрастные ступени отдельного человека - "детство", "юность", "зрелость" и "старость".

Однако, несмотря на известную противоречивость и недоработанность основных положений, теория этногенеза Гумилева сохраняет свою эвристическую ценность, побуждая десятки ученых и просто любителей применять его концепцию на практике, пытаясь объяснить белые пятна истории, объяснить

¹ Коваленко М.И. Учение Л. Н. Гумилева и пути развития России // <http://www.hrinsstitute.ru/ea23.html>

ритмы социобиологической эволюции разных народов и прежде всего российского. Парадигма этнического развития, предложенная Л.Н. Гумилевым, легла в основу практического исследования, которое велось в НИИ географии. На основе статистического материала, собранного в экспедициях, изучались проблемы развития Нечерноземья России, исследовались гомеостатические этносы Севера, а также русско-эстонские межэтнические связи. Исследования этносов Севера России показали, что большинство из них находятся в завершающей фазе этногенеза — гомеостазе, биоценологическом равновесии со своим ландшафтом.

На наш взгляд, учение Л. Гумилева относится к вершинам мировой научной и философской мысли. Противоречивость и непоследовательность присуща фактически всем созданиям человеческой мысли, которые от этого нисколько не теряют своего значения, стимулируют новые поколения к углублению научного познания. Анализ учения Л. Гумилева помогает расширить познавательный горизонт социологии.

The biosocial concept of passionarity of L. Gumilyov

Kravchenko A.I.

The article analyzes the main features of the biosocial concept of passionarity L.N. Gumilyov. A supporter of primordialism, he considered ethnoses to be a real sociobiological group, a kind of living subject of transhistorical processes that connect the various peoples of the world into a single chain of passionarity matter movement. This approach diverges significantly from the constructivist approach that prevails in modern ethnosociology, according to which ethnoses are sociocultural constructs formed not so much by kinship ties as by the unity of the territory of residence, a common language and culture, and most importantly ethnic self-identification, i.e. awareness of oneself as a single people. In addition to the three main elements — subethnos, ethnos, and superethnos — L. Gumilev singled out two more: consortia and convictions. Russia is a giant conglomerate of peoples, in which a certain hierarchy of sub-ethnic groups can be distinguished. The driving force of ethnic groups are passionaries - super-active individuals with an excess of energy, due to which they are able to create history and lead entire nations. If the role of negative passionaries in public life increases, and then exceeds a certain critical line, the social system turns into an antisystem. The author made an attempt to compare the theory of passionarity of L. Gumilyov with the theory of the hierarchy of needs of A. Maslow.

Keywords: harmonics, passion drive, complementarity, drive heat, hierarchy of needs.

Проблема оценки эффективности государственных программ

Пикалова О.С., Бурмыкина И.В.

В работе поставлена проблема оценки социальной эффективности государственных программ. Представленный обзор существующих подходов к оценке эффективности госпрограмм показывает отсутствие единого подхода к пониманию категории «социальная эффективность». Сделана попытка обоснования необходимости оценки социальной эффективности реализации государственных программ с применением социологических методов. Рассмотрена Государственная программа РФ «Развитие образования» на 2018-2025 годы, проанализирована система целевых показателей для оценки эффективности данной государственной программы. Выявлено отсутствие качественных показателей, указаны недостатки системы оценки эффективности данной государственной программы с помощью предложенной системы целевых показателей. Обоснована необходимость совершенствования критериев оценки государственной программы, внесение в систему оценки эффективности реализации госпрограммы оценку социальной эффективности.

Ключевые слова: государственная программа, эффективность, социальный эффект, методы оценки эффективности, целевые показатели, социальная эффективность.

Введение

Для решения задач, стоящих перед государством, в настоящее время в Российской Федерации используется программно-целевой и проектный подход. Государственные программы и проекты становятся одним из главных инструментов распределения финансовых ресурсов и управления развитием приоритетных отраслей экономики и социальной сферы. Государственные программы предполагают определение целей, задач и плана реализации намеченных результатов в тех сферах, где необходимо активное вмешательство государства, выравнивание диспропорций, поддержка и стимулирование развития. Это подразумевает оценку эффективности исполнения всех намеченных этапов программы в отдельности и всей программы в комплексе.

Проблема оценки эффективности госпрограмм рассматривалась многими исследователями, анализировалась законодателями. Согласно действующему законодательству, каждая государственная программа должна иметь критерии оценки эффективности. Трудности, связанные с такой оценкой, обусловлены, с одной стороны, отсутствием универсальной методики, позволяющей объективно и в полной мере произвести такую оценку, а с другой, трудностью измерения

результата, полученного в ходе реализации госпрограмм.

Практика оценки эффективности деятельности широко распространена в коммерческом секторе, где эффективность рассматривается как относительный эффект, результативность процесса, операции, проекта, определяемые как отношение эффекта, результата к затратам, расходам, обусловившим, обеспечившим его получение [1, с.466].

Государственные программы призваны компенсировать провалы рынка и реализуются в общественном секторе, где чисто экономический подход к измерению результата не применим в силу трудности его измерения. К функциям общественного сектора относится удовлетворение потребностей в общественных благах, не имеющих рыночных цен [2, 308]. Выгоды от реализации государственных программ зачастую являются неосознаваемыми и не имеют денежного эквивалента. Государственные программы, прежде всего, социально ориентированы и результатом их реализации являются не столько количественно измеряемые результаты, сколько качественные изменения в экономической и социальной сферах. Говоря об эффективности госпрограмм, наибольшую значимость, на наш взгляд, приобретает оценка социальной эффективности. Именно социальная эффективность дает комплексное представление о реальных социальных результатах реализации государственных программ.

Социальная эффективность представляет собой сложную научную категорию, в отношении содержания которой в современной социологической и экономической

науках нет однозначного представления. Это накладывает свой отпечаток и на практическую реализацию оценки социальной эффективности: отсутствие разработанных методов не дает возможности проведения оценки социальной эффективности в тех сферах, где она является определяющей характеристикой результата. Именно это противоречие и определяет актуальность исследования социальной эффективности государственных программ и разработки методов для ее оценки.

Объекты и методы исследования

Методами нашего исследования является анализ документов и вторичный анализ публикаций по предмету исследования. Объектами анализа выступали официальные, а именно нормативно-правовые документы.

Анализ публикаций показал, что понятие «эффективность» пришло из экономической сферы, где оно давно используется для оценки результатов производства. Новый экономический словарь определяет эффективность как «способность приносить эффект, оказывать действие». А «эффект» – действие, результат чего-либо [3, с.1078]. В общем представлении эффективность (в переводе с латинского – действенный, производительный, дающий результат) характеризует развитие системы, процессов, явлений. Эффективность выступает как индикатор такого развития.

В английском языке существуют не один термин, соответствующий понятию «эффективность», а несколько – *efficiency*, *effectiveness* и *efficacy*. Между этими терминами

есть содержательное различие. В первом случае понятие эффективности характеризует степень рациональности использования финансовых, организационных, материальных, временных и человеческих ресурсов. Во втором случае термин «эффективность» используется в контексте соотношений «причина-результат». Результативность означает «делать правильные вещи», а эффективность – «делать вещи правильно». В некоторых исследованиях, посвященных эффективности термин «результативность» соотносится с англ. *performance*, что также переводится как «результативность» [4, с.166]. В соответствии с различием англоязычных трактовок, ряд исследователей также выделяет три эквивалента понятию «эффективность»: *efficiency* обычно используется в смысле продуктивности, производительности ресурсов, *effectiveness* – в смысле действенности, т.е. способность производить эффект, результат неких действий, которые не всегда могут быть измерены при помощи количественных показателей, а *efficacy* используется в смысле результативности, оптимальности, т.е. способности производить намеченный результат в желаемом объеме [5, 12]. В своих работах Л.И.Якобсон также выделяет три характеристики, такие как *экономичность*, которая характеризует затратную сторону эффективности, *производительность* – это соотношение количества продукции или услуг и величины затрат на их производство, и *результативность*, которая характеризует соответствие общественных расходов и достигаемых с их помощью результатов конкретным целям, ко-

торым в том или ином случае призван служить общественный сектор [2, с.309]. Говоря в дальнейшем об оценке эффективности госрасходов, Л.И. Якобсон использует термин «результативность», замечая, что ее оценка в общественном секторе невозможна на показателях прибыльности и требует разрабатывать специальные индикаторы достижения целей [2, с.310].

Отечественные исследователи выделяют в качестве основных методов для оценки государственных программ, например:

- метод анализа издержек и результативности, основанный на вычислении стоимости единицы результата;

- метод анализа издержек и выгод, суть которого заключается в денежном выражении всех затрат и выгод от реализации программы;

- метод интегральной оценки, состоящий в присвоении направлениям реализации весовых коэффициентов [6, с.227].

Ряд исследователей, такие как Е.В.Бородайкина и Н.Я.Малий [7, с.99], А.А.Михайлова и В.В.Климанов [8, с.87] рассматривали эффективность государственных программ в отдельных сферах, другие сосредоточили внимание на оценке эффективности государственных программ отдельных регионов, например, О.С.Черников [9, с.360], С.С.Евдокимов [10, 93], В.В.Карпов и др. [11, 158]. Такое многообразие исследований оценки эффективности госпрограмм говорит об актуальности данного вопроса.

Как показывает анализ литературы и нормативно-правовых документов, на сегодняшний день нет общепризнанной универсальной методики оценки эффективности

государственных программ, можно говорить лишь о существовании подходов к проведению оценки. Это отмечают и другие исследователи вопросов оценки социальной эффективности [12, с.121, 13, с.155, 14, с.34]. Исходя из сложившейся практики, можно выделить две составляющие в оценке эффективности: оценка достижения заданных целевых индикаторов с помощью предусмотренных государственной программой мероприятий и оценка ресурсов, необходимых для достижения заданной цели [15, с.134].

Таким образом, общая эффективность госпрограммы складывается из эффективности отдельных подпрограмм, которая, в свою очередь, определяется эффективностью конкретных мероприятий, реализуемых в рамках конкретной подпрограммы. Оценка эффективности мероприятия зависит от выполнения предусмотренных планом сроков реализации и использования финансовых ресурсов. Государственная программа является эффективной, если целевые показатели достигнуты в установленные сроки с минимальными затратами. Такой формализованный подход не предусматривает оценки качественных результатов преобразований, произошедших в социально-экономической системе, не предполагает оценки социального эффекта, использования инструментов социологии для его оценки.

Результаты и их обсуждение

Реализация государственных программ направлена на решение конкретных общественных проблем, а это означает, что результаты их реализации трудноизмеримы и часто не имеют денежных

эквивалентов. Оценка эффективности деятельности в рыночном секторе связана не с произведенным продуктом или оказанной услугой, а с полученным социальным результатом [5, с.13]. Это ставит вопрос об оценке не просто общей эффективности государственных программ, а о выделении социальной эффективности госпрограмм как важного показателя эффективности их реализации.

Анализ научной литературы показывает, что единого, универсального определения категории эффективности отсутствует. Придание эффективности характеристики “социальная” усложняет ее восприятие, делает сферу ее использования еще более неопределенной. Однако социальная эффективность является важным показателем оценки самых разных сторон деятельности человека: от коммерческих проектов до государственных программ.

Именно социальная эффективность отражает количественно не измеряемые результаты, мнение заинтересованных сторон и непосредственных получателей благ и характеризует качественную сторону результата реализации государственных программ.

Некоторые авторы трактуют социальную эффективность как показатель, отражающий повышение уровня жизни населения [14, с.36]. Развивается направление, изучающее эффективность управленческих решений и рассматривающее данное понятие как составное, включающее в себя несколько аспектов, в том числе и социальный [13, с.154, 12, с.121].

Ряд исследователей при оценке социальной эффективности при-

держиваются общего подхода: соотношение полученных социальных результатов с затратами, необходимыми для достижения данного результата. Главной сложностью является определение содержания понятия «социальный результат», «социальный эффект». В отличие от экономического результата, имеющего универсальные единицы измерения и количественное определение, при оценке социального эффекта это, зачастую, невозможно оценить единичными измерителями. Большинство трактовок довольно абстрактны и не дают четкого и однозначного понимания социального результата, социального эффекта. С одной стороны, это позволяет исследователям наполнять содержание понятия в зависимости от объекта и цели исследования. С другой стороны создает ряд трудностей, связанных с оценкой социальной эффективности в каждом конкретном случае. Эти трудности состоят в том, что требуется разработать подход, систему целевых показателей и методику оценки для каждого конкретного случая. Это, в свою очередь, обуславливает наличие большого числа подходов к оценке социальной эффективности и затрудняет сопоставимость результатов оценки сходных проектов, программ, процессов и т.п. А также позволяет влиять на результаты оценки заинтересованные стороны.

Существует ряд авторских методик, в которых к оценке социальной эффективности привлекаются математические, экономические инструменты [16, с.12-21, 17, с.16-30, 18, с.127]. Данные методики обладают рядом особенностей и ограничений, требуют тщательного ана-

лиза. Однако, некоторые исследователи, несмотря на экономический подход в оценке эффективности, замечают, что поскольку социальный эффект характеризует такие показатели, как удовлетворенность населения качеством жизни, для его оценки необходимо применять такие методы оценки как опросы, которые, собственно, и отражают мнение непосредственных благополучателей по поводу конкретных мероприятий и преобразований [14, с.35].

Однако, помимо опросов, для оценки социальной эффективности возможно использовать и другие социологические методы, предоставляющие широкий спектр инструментов как количественной, так и качественной оценки социального эффекта. Обобщение имеющегося опыта и обогащение его социологическими методами позволит повысить достоверность оценки социальной эффективности проектов и государственных программ, реализуемых за счет финансирования из государственного бюджета. Кроме того, на наш взгляд использование социологических методов должно быть гораздо шире: и на этапе планирования, и на этапе реализации, и на этапе финальной оценки эффективности реализации государственных программ. Применение социологических методов необходимо для определения социального эффекта от реализации госпрограмм и мониторинга качественных изменений системы и удовлетворенности благополучателей.

Выделение в отдельную категорию оценку социальной эффективности государственных программ и разработка методики ее проведения повысит объективность оценки

качества эффективности государственных программ, повысит качество управления. Направленные на решение социально-значимых проблем госпрограммы должны улучшать состояние системы, улучшать качественные характеристики целевых сегментов, повышать удовлетворенность благополучателей.

В соответствии с приказом Министерства экономического развития РФ от 16 сентября 2016 г. № 582 «Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации» оценка планируемой эффективности государственной программы проводится ответственным исполнителем на этапе ее разработки. Оценка должна учитывать вклад государственной программы в социально-экономическое развитие соответствующей сферы. Методика оценки эффективности государственной программы должна быть основана на оценке результативности государственной программы с учетом объема ресурсов, направленных на ее реализацию.

Несмотря на заявленную в нормативных документах задачу социально-экономического развития, целевые показатели не отражают социального эффекта и не позволяют оценить социальную эффективность реализации госпрограмм. В качестве целевых выбираются показатели, которые легко измерить, но которые не дают представления о востребованности и качестве реализуемых мероприятий.

В качестве примера проанализируем цели и соответствующие ей

целевые показатели государственной программы РФ «Развитие образования» на 2018–2025 годы¹. В программе обозначены три цели, на выполнение которых она направлена: цель 1 – качество образования, цель 2 – доступность образования, цель 3 – воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций. Анализируя формулировки поставленных в госпрограмме целей можно отметить их направленность на качественные изменения в системе образования всех уровней, а это предполагает соответствующие им целевые показатели оценивания и методы, позволяющие эти показатели измерить. Для реализации заявленных целей в госпрограмме «Развитие образования» предусмотрен ряд подпрограмм, включающих федеральные проекты и ведомственные целевые программы, которые призваны обеспечить реализацию конкретных аспектов отдельной цели, что в совокупности приведет к достижению общих целей госпрограммы.

Как показал анализ, способы оценки, целевые показатели и методы их получения определяют разработчики и исполнители госпрограммы, подпрограмм, федеральных проектов и ведомственных программ, входящих в нее. В качестве таких целевых показателей в основном выступают количественные характеристики результатов деятельности: количество открытых школ;

¹ . Государственная программа РФ «Развитие образования» на 2018–2025 годы от 27.12.2017г.

доля детей, охваченных образовательными услугами, в том числе дополнительным образованием; доля детей школьного возраста, обеспеченных всеми видами отдыха и оздоровления и т.д..

Например, ведомственная целевая программа «Развитие современных механизмов и технологий дошкольного и общего образования» имеет целью обеспечение условий для **обновления российского общего образования**, соответствующего основным **требованиям современного инновационного, социально-ориентированного развития РФ**. В качестве показателей, которые характеризуют данную цель, заявлены «увеличение численности обучающихся в общеобразовательных организациях», «увеличение доли учителей, осуществляющих непрерывное повышение уровня профессионального мастерства и компетентности»¹.

Федеральный проект «Цифровая образовательная среда» имеет целью создание условий для внедрения к 2024 году современной и **безопасной цифровой образовательной среды**, обеспечивающей формировании **ценности к саморазвитию и самообразованию у обучающихся**... путем обновления информационно-коммуникационной инфраструктуры, подготовки кадров, создания федеральной цифровой платформы». В качестве показателей, характеризующих данную цель указаны внедрение во всех субъектах РФ целевой модели цифровой образовательной среды;

обеспечение к 2024 году 100% образовательных организаций Интернет-соединением, а также гарантированным Интернет-трафиком. Если обратиться к паспорту, например, Федерального проекта «Цифровая образовательная среда», в котором детализированы целевые показатели, то и там они носят количественный характер: «доля образовательных организаций, обеспеченных Интернет-соединением...», «количество субъектов РФ, в которых внедрена целевая модель цифровой образовательной среды...», «доля обучающихся ... , для которых формируется цифровой образовательный профиль и индивидуальный план обучения с использованием федеральной информационно-сервисной цифровой образовательной среды...», доля обучающихся..., для которых на ЕПГУ доступен личный кабинет «Образование»; «доля документов ведомственной и статистической отчетности, утвержденной нормативными правовыми актами, формирующаяся на основании однократно введенных первичных данных, в образовательных организациях, реализующих образовательные программы общего образования и среднего профессионального образования, субъектов Российской Федерации, в которых внедрена целевая модель цифровой образовательной среды»². Из представленных целевых показателей все оценивают количественную сторону реализации проекта и не касаются качественных характеристик результатов предусмотренных мероприятий.

¹ . Государственная программа РФ «Развитие образования» на 2018–2025 годы от 27.12.2017г.

² Паспорт федерального проекта «Цифровая образовательная среда» от 07.12.2018г

Представленные выше цели включают в себя категории, имеющие сложную, многогранную структуру. Для оценки каждого из этих элементов необходима система показателей, сочетающих в себе количественные и качественные характеристики.

Большинство имеющихся характеристик выполнения федеральных проектов и ведомственных целевых программ госпрограммы «Развитие образования» состоят их количественно измеряемых показателей, которых недостаточно для оценки качественной составляющей. Например, обеспечение 100% образовательных организаций Интернет-соединением дает представление о материально-техническом оснащении, но не отражает изменения качества образования и уровня удовлетворенности благополучателей качеством услуг. Повышение доли учителей, участвующих в системе непрерывного образования, не отражает качественных изменений в самой образовательной деятельности.

Измерение качественных изменений в системе образования невозможно только через статистические данные, такие как приведенные выше. Для оценки реализации государственной программы необходимо, в первую очередь, делать акцент на социальной эффективности ее реализации. И здесь без использования социологического инструментария не обойтись. Выяснить, отвечают ли произошедшие изменения запросам благополучателей и удовлетворены ли они полученным результатом, выявление изменения запросов общества, не учтенных в запланированных меро-

приятиях, позволяют социологические методы. Проведение оценки мнения непосредственных получателей услуг в ходе реализации программы или проекта позволит корректировать содержание мероприятий и повысит их социальную эффективность. Необходимо разработать методологический подход к интегрированию социологических методов в систему оценки социальной эффективности госпрограмм на всех стадиях: от разработки целевых показателей, позволяющих выявить и измерить социальный эффект запланированных в госпрограмме мероприятий, до оценки социальной эффективности текущего мероприятия и общего системного эффекта от реализации госпрограммы в целом.

Заключение

Анализ научной литературы показывает, что единого, универсального определения категории эффективности отсутствует. Многообразие трактовок понятия эффективности обуславливает и многообразие подходов к ее оценке.

Учитывая особенности направления деятельности государственных программ, их цели и результаты, говоря об эффективности госпрограмм, необходимо в первую очередь, оценивать их социальную эффективность.

Формальный подход к оценке эффективности государственных программ не учитывает интересов непосредственных получателей производимых в рамках госпрограммы благ и не дает полного представления об эффективности государственной программы заказчику и другим заинтересованным

сторонам. Такой подход практически не демонстрирует качественную сторону исполнения государственной программы, действительную необходимость и результативность для благополучателей тех мероприятий, которые реализовывались в рамках государственной программы. Но именно эта оценка и показывает истинную эффективность расходования государственных средств на развитие приоритетных направлений посредством реализации государственных программ. Это даст возможность повысить в итоге эффективность всего управления государственными средствами, поскольку эффективность управления связана с результативностью.

Отсутствие разработанной методики, инструментария проведения социальной эффективности не позволяет в полной мере увидеть результат от реализации госпрограммы, что приводит как к недооценке ее эффективности, так и к переоценке.

В полной мере оценить выполнение поставленной цели возможно только с помощью социологических методов, которые обладают необходимым инструментарием для оценки качественных изменений в различных сферах жизни общества. Применение социологических методов позволяет проводить подобные оценки комплексно, в динамике, глубоко изучая вопрос, определяя наиболее проблемные места и выявляя причинно-следственные связи.

Применение социологических методов еще на стадии формирования системы целевых показателей государственных программ позволит выявить «узкие места» целе-

вого сегмента и повысить обоснованность управленческих решений в отношении направлений финансовых ресурсов в рамках реализации государственной программы.

Литература

1. Райзберг Б.А, Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М., ИНФРА-М, 2011. – 598с.
2. Якобсон Л.И. Государственный сектор экономики: экономическая теория и политика. М., ГУ ВШЭ, 2000. – 367
3. Азрилян А.Н., Азрилян О.М., Калашникова Е.В., Квардакова О.В. Новый экономический словарь. – М.: Институт новой экономики, 2015. – с.1088.
4. Романова Р.И. Успех фирмы: что это такое, от чего он зависит и как его измерить. //Экономическая социология. 2016.№4 (17). С.164-189.
5. Бурмыкина И.В. Социологическая диагностики социальной эффективности реализации проектов некоммерческих организаций для развития региона. – Липецк, 2015. – с.188.
6. Логинов К.К., Кораблева А.А., Бреусова А.Г. Алгоритм оценки эффективности государственных программ на примере Омской области. / Вестник Омского университета. Серия «Экономика», 2015. №4. С.226-234.
7. Бородайкина Е.В. Малий Н.Я. Совершенствование оценки эффективности государственной поддержки сельскохозяйственного производства на региональном уровне. // Управление экономическими системами, 2013. №12 (60). с.98-109.
8. Михайлова А.А. Климанов В.В. Эффективность и результативность

государственных программ в социальной сфере. // Общественные финансы, 2013. №28. с.86-97.

9. Черников О.С. Оценка эффективности реализации государственных программ. Опыт Тверской области. // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер.: Экономика и управление, 2014. №4-2. с.359–367.

10. Евдокимов С.С. Эффективность реализации приоритетных региональных проектов в Волгоградской области. Региональная экономика. Юг России, 2014. №4. с. 92–99.

11. Карпов В.В., Лагзин А.Ю., Логинов К.К. Оценка эффективности муниципальных программ с применением компонентного анализа. // Вестник СибАДИ, 2016. №5(51). с. 157-165.

12. Воробьева Т.Н. О методике оценки эффективности деятельности органов власти субъектов РФ в области развития экономики. // Известия УрГЭУ, 2017. №3(71). с. 119–129.

13. Сингизов И.Ю., Сингизова Н.Б. К вопросу об эффективности деятельности органов государственной власти. // Международный научный журнал «Символ науки», 2017. №4-1. с. 154–158.

14. Марыганова Е.А. Социальная эффективность: понятие и оценка. // Материалы международной научно-практической конференции «Ценности и интересы современного общества» Москва 25-29 мая 2015г. с.34–37.

15. Бреусова А.Г. Оценка эффективности государственных программ. Вестник Омского университета. Серия «Экономика», 2015. №2. с. 128-136.

16. Борисова Е.И., Полищук Л.И. Анализ эффективности в некоммер-

ческом секторе: проблемы и решения: Препринт WP10/2008/08/02 Электронный ресурс. URL: https://www.hse.ru/data/369/581/1239/WP10_2008_02.pdf (дата обращения 25 октября 2019).

17. Ахременко А.С. Социальная эффективность государства в регионах России: 2008-2011 гг. Электронный ресурс : препринт WP14/2013/ URL: https://www.hse.ru/data/2014/11/19/101016764/WP14_2014_05_f.pdf (дата обращения 20 октября 2019).

18. Туманянц К.Н., Сесина Ю.Е. Оценка эффективности социальных расходов регионов РФ с помощью DEA-метода. Региональная экономика: теория и практика, 2018. №16-1. С.123-137.

The problem of evaluating the effectiveness of government programs

Pikalova O.S., Burmykina I.V.

Lipetsk State Pedagogical P.Semenov-Tyanshansky University

The paper raises the problem of assessing the social effectiveness of state programs. The presented review of existing approaches to assessing the effectiveness of state programs shows the lack of a unified approach to understanding the category of "social efficiency". An attempt is made to justify the need to assess the social effectiveness of the implementation of state programs using sociological methods. The State program of the Russian Federation "development of education" for 2018-2025 is considered, the system of target indicators for an assessment of efficiency of this state program is analyzed. The lack of qualitative indicators is revealed, the shortcomings of the system of assessing the effectiveness of this state program with the help of the proposed system of target indicators are indicated. The need to improve the criteria for evaluating the state program, making the system of assessing the effectiveness of the implementation of the state program assessment of social efficiency.

Keywords: state program, efficiency social effect, methods of efficiency assessment, target indicator, social efficiency.

References

1. Reisberg B. A., Lozovsky L. sh., Starodubtseva E. B. Modern economic dictionary. M., INFRA-M, 2011. - 598s.
2. Yakobson L. I. State sector of economy: economic theory and policy. M., higher school of Economics, 2000. – 367
3. Azrilyan A. N., Azrilyan O. M., E. V. Kalashnikova, O. V. Kvardakov New dictionary of Economics. - Moscow: Institute of new Economics, 2015. - S. 1088.
4. Romanova R. I. the Success of the company: what it is, what it depends on and how to measure it. // Economic sociology. 2016.No. 4 (17). Pp. 164-189.
5. Burmykina I. V. Sociological diagnostics of social efficiency of realization of projects of non-profit organizations for development of the region. - Lipetsk, 2015. - pp. 188.
6. Loginov K. K., Korableva A. A., Breusova A. G. Algorithm for evaluating the effectiveness of state programs on the example of the Omsk region. / Bulletin of Omsk University. Economics Series, 2015. No. 4. Pp. 226-234.
7. Borodaykina E. V. Maliy N. Ya. Improvement of efficiency assessment of state support of agricultural production at the regional level. // Management of economic systems, 2013. No. 12 (60). pp. 98-109.
8. Mikhailova A. A. Klimanov V. V. Efficiency and effectiveness of state programs in the social sphere. // Public Finance, 2013. No. 28. pp. 86-97.
9. Chernikin O. S. Evaluation of the effectiveness of the implementation of state programs. Experience of Tver region. // Bulletin of the Tver state University. Ser.: Economics and management, 2014. No. 4-2. pp. 359-367.
10. Evdokimov S. S. Efficiency of implementation of priority regional projects in the Volgograd region. Regional economy. South Of Russia, 2014. No. 4. pp. 92-99.
11. Karpov V. V., Lizin A. Yu., Loginov K. K. evaluation of the effectiveness of municipal programs with the use of component analysis. // SibADI Bulletin, 2016. No. 5 (51). pp. 157-165.
12. Vorobyeva T. N. on the methodology of assessing the effectiveness of the authorities of the subjects of the Russian Federation in the field of economic development. // Izvestiya USUE, 2017. No. 3 (71). pp. 119-129.
13. Shingisov I. Yu., Sigitova N. B. To the question about the effectiveness of activities of public authorities. // International scientific journal "Symbol of science", 2017. No. 4-1. pp. 154-158.
14. Maryganova E. A. Social efficiency: concept and evaluation. // Proceedings of the international scientific and practical conference "Values and interests of modern society" Moscow 25-29 may 2015. p. 34-37.
15. Breusova A. G. Evaluation of the effectiveness of state programs. Bulletin of Omsk University. Economics Series, 2015. No. 2. pp. 128-136.
16. Borisova E. I., Polishchuk L. I. efficiency Analysis in the non-profit sector: problems and solutions: WP10 Preprint/2008/08/02 Electronic resource. URL: https://www.hse.ru/data/369/581/1239/WP10_2008_02.pdf (accessed 25 October 2019).
17. Akhremenko A. S. Social efficiency of the state in the regions of Russia: 2008-2011. Electronic resource: Preprint WP14 / 2013 / URL: https://www.hse.ru/data/2014/11/19/1101016764/WP14_2014_05_f.pdf (accessed 20 October 2019).
18. Tumanyants K. N., Sesina Yu. E. Assessment of efficiency of social expenditures of regions of the Russian Federation by means of DEA-method. Regional Economics: theory and practice, 2018. No. 16-1. Pp. 123-137.

Ключевые диаспоры в миграционной системе современной России

Гулина Д.С.

В данной статье рассмотрены наиболее крупные и влиятельные национальные диаспоры, расположенные на территории Российской Федерации. Целью работы было выделение специфических особенностей и статистических характеристик диаспор для формирования системного представления о ключевых диаспорах, на которые ориентирована миграционная политика современной России. Кроме того, были выделены основания для их сравнения. Эти основания могут быть использованы в последующем анализе потенциала их влияния на миграционную политику современного российского государства.
Ключевые слова: национальные диаспоры, этнические диаспоры, миграция, исторические диаспоры, современные диаспоры, «заходящие диаспоры».

Актуальность темы исследования. Этнические процессы в Российской Федерации, начавшиеся с распада СССР и продолжающиеся по сей день, очень сложны и запутанны [1, с. 16]. Набора понятий, используемых в наше время для описания и анализа этих процессов, недостаточно для работы со всеми возможными их вариациями. Для всего постсоветского пространства стала характерной ситуация, когда представители нескольких различных этносов, традиционные территории которых исторически могли находиться на большом удалении друг от друга, в результате сложных социально-исторических процессов стали соседствовать.

Цель данной статьи – систематизация особенностей, а также статистических характеристик формирования наиболее крупных национальных диаспор.

Категориальный аппарат. В последнее время понятие диаспоры претерпело значительные изменения. Этим термином стало принято обозначать довольно широкий круг явлений, и частота его употребления значительно возросла. Тем не менее, большинством специалистов считается, что диаспору следует определять как часть этноса, проживающего за пределами своего национального государства.

Существует общепринятое на сегодняшний день разделение

диаспор на «классические» («исторические») и «современные». Можно по-разному определять эти категории, одним из общеупотребительных является следующее: если диаспора показывает выраженное стремление к сохранению контактов со странами исхода и поддерживает связи с общинами того же этнического происхождения; у этой диаспоры имеются собственные социальные институты и внутренние организационные структуры, то такая диаспора является исторической. В противном случае её следует скорее отнести к современным.

Социально-исторические особенности формирования диаспор в России. В разные исторические периоды переселение народов по территории России и, как следствие, формирование национальных диаспор происходило как в результате присоединения к России новых земель, так и за счёт миграций населения внутри страны. Последние стали особенно значительными в XIX и XX веках: отмена крепостного права, переход от сельскохозяйственной экономики к индустриальной, Первая Мировая война, Гражданская война, Вторая Мировая, великие стройки коммунизма, переселения народов, ссылка большого числа людей в концентрационные лагеря – всё это лишь некоторые примеры событий и процессов, повлёкших за собой значительную интенсивность миграционных процессов.

Стоит отдельно отметить, что важным фактором образования диаспор является изменение экономической обстановки, спроса и предложения на рынке труда. По-

мимо уже упоминавшегося Промышленного переворота, можно привести в пример Ост-Индскую компанию и переселение чернокожего африканского населения в Америку для работы на плантациях. Также характерными примерами являются ситуации эмиграции из-за национальной или идеологической дискриминации («философский пароход»; эмиграция евреев из фашистской Германии).

После распада СССР образовался новый огромный ареал диаспор. Можно наблюдать укрупнение и развитие «старых диаспор» (армянская, еврейская и другие), которые прочно закрепились в социальной структуре Российской Федерации. В рамках функционирования данных диаспор действуют различные организации, фонды, СМИ, которые направлены не только на усиление сплоченности народа и сохранение культуры, но и на обеспечение тесной связи с исторической родиной (экономически, политически, религиозно). Кроме того, не стоит забывать о функционировании и укрупнении «новых» национальных диаспор, представленных народами стран СНГ (таджикская, узбекская, киргизская и другие). Эффективность перечисленных диаспор неоднозначна, поскольку они слабо организованы (в основном, по принципу «землячества») и не имеют сильной трансгосударственной роли. Тем не менее, они представляют собой источник демографического пополнения населения России. Многие приезжие трудовые мигранты из Юго-Восточной Азии не ограничиваются сезонным перемещением. Они зачастую переходят на круглогодичный заработок в РФ и, как следствие, спустя некоторое

время, перевозят в Россию свои семьи на постоянное место жительства (в основном, в Центральном федеральном округе), а в дальнейшем всецело «оседают» здесь в качестве граждан.

В настоящее время наиболее многочисленны в России диаспоры

армян, украинцев, узбеков, таджиков, казахов, азербайджанцев и т.д. Каждая из них насчитывает более 500 тысяч человек, при этом динамика численности у них различна [2, с. 16] (Таблица 1).

Таблица 1

Численность диаспор по данным Всероссийских переписей населения, тыс. человек.

Диаспора	2002	2010	Изменение численности, %.
Армяне	532000	1182000	+122%
Азербайджанцы	621840	603070	-3,01%
Украинцы	2942961	1927988	-34,5%
Казахи	653962	647732	-0,95%
Белорусы	807970	521443	-35,5%
Немцы	597000	568800	+4,7%
Китайцы	34577	28943	-16,3%

Украинская диаспора. Общая численность украинцев в России составляет 1 миллион 601 тысяча 706 на 2016 г. человек [3]. Большинство украинцев проживают в крупных городах: Москва, Санкт-Петербург, Курск, Воронеж, Саратов, Самара, Астрахань, Владивосток, а также в ряде районов: Кубань (Краснодарский край), Дон, от Оренбурга до Тихого океана, в Закаспийской области, в Приморском Крае над рекой Уссури, в Амурской области («Зеленый Клин») [4].

Армянская диаспора. После распада СССР количество армян, проживающих на территории Российской Федерации увеличилось: беженцы из Нагорного Карабаха, Азербайджана и Абхазии, а также из республик Средней Азии укрывались на территории Российской Федерации от этнических конфликтов. Большое количество армян оказались в Российской Федерации спасаясь от последствий Спитакского землетрясения. Согласно данным

Всероссийской переписи населения 2010 года, в России проживало свыше 1182 тыс. армян, то есть 0,86% от общего населения России. Главные армянские общины располагаются в следующих регионах РФ: Краснодарский край, Ставропольский край, Ростовская область, Республика Крым, Москва, Санкт-Петербург [5].

Армянская диаспора - самая организованная в России - большое количество общероссийских и региональных общественных объединений, и организаций обеспечивают скоординированное взаимодействие армян, цементируют их диаспору, кроме того, деятельность диаспоры и её проблемы и достижения освещаются в многочисленных СМИ, связанных с диаспорой [6, с. 341].

В Москве 16.06.2000 года был учрежден Союз армян России, который в настоящее время является крупнейшей организацией армянской диаспоры РФ и насчитывает 67 региональных отделений, ведущих

активную работу по обеспечению интересов представителей армянской диаспоры и их успешной интеграции в российское общество. Представители армянской диаспоры в Российской Федерации играют важную роль в науке, культуре и иных сферах общественной жизни.

Казахская диаспора. Казахи являются коренным народом в Российской Федерации, десятым по численности среди всех этносов страны. Численность казахов в Российской Федерации по переписи 2010 года составила 647 тысяч человек при этом число мужчин и женщин примерно одинаково. Это составляет 0,45 % всего населения страны. Крупнейшая в России община находится в Астраханской области, там проживает 149415 казахов. Наибольшее количество казахов проживают в Саратовской, Оренбургской, Омской областях и в Республике Алтай [7].

Азербайджанская диаспора. Согласно переписи 2010 года, в России проживало 603070 тысячи азербайджанцев [8]. К 2016 году этот показатель сократился до 552593 человека [8].

Центры азербайджанского расселения: Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Дербент, Новосибирск, Волгоград, Воронеж, Пермь, Амурская область, Ульяновск, Уфа, Нижний Новгород, Ханты-Мансийский автономный округ, Красноярский край, Ростовская и Саратовская области [2, с. 17].

Белорусская диаспора. Численность белорусской диаспоры в

России, согласно переписи населения в 2010 г. составляла 521443 человек. Это крупнейшая белорусская диаспора в мире. Белорусы живут дисперсно в разных регионах России: в Сибири, на Урале, Дальнем Востоке, Карелии, в городах федерального значения: Москве и Санкт-Петербурге [2, с. 18].

Немецкая диаспора. Данная диаспора - одна из самых старых в России. Ее анализ на основе модели Р. Брубейкера [9, с. 13] следует начинать с выявления сторон взаимодействия - Германии, России и немецкой диаспоры. Современные отношения перечисленных акторов можно охарактеризовать как в большей степени конструктивные и бесконфликтные. Неотъемлемое право на репатриацию и полноценное гражданство Германии, являющейся одной из самых развитых стран мира, предоставляется представителям немецкой диаспоры по всему миру как абсорбент и магнит одновременно. Германия остается центром притяжения для немцев всей Восточной Европы, она обеспечила массовую репатриацию немцев с помощью предоставления гарантий репатриации и полноценного гражданства [10, с. 109].

Немецкое правительство и общественность воспринимают российских немцев как соотечественников в силу их этнической принадлежности, также как и российское правительство и общество, т.к. российские немцы имеют российское гражданство. Более того, российской правительством не раз высказывалось о необходимости заботы о немецких репатриантах из России и СНГ в самой Германии, т.е. претен-

дует на то, чтобы рассматривать репатриированных в Германию немцев как соотечественников. Подобная ситуация приводит к формированию сложного клубка идентичностей и лояльностей, и российские организации немцев стремятся лоббировать свои интересы как перед немецкими, так и перед российскими властями.

Таким образом, немцы, проживающие на территории России, являются объектом опеки как Российской Федерации, так и ФРГ. Как правило, все немцы, проживающие в СНГ, обозначаются термином «российские немцы» [10, с. 114]. Самые многочисленные немецкие диаспоры расположены на территориях Российской Федерации - 597 тысяч человек (2002 г.) [11], 568,8 на 2010 г. и Казахстана - 178 тысяч человек (2009 г.) [12]. Проживание в различных государствах СНГ не мешает восприятию российских немцев как единой этнической группы. Социально-экономической и культурное развитие российских немцев является одним из важнейших направлений внешней политики ФРГ.

Немецкий культурный центр имени Гёте, активно работающий с российскими немцами опирается в своей деятельности на следующие определение: «Российские немцы – это люди, принадлежащие к немецкому меньшинству, проживающие на территории России, а также исторически и политически связанных с нею областях (Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Украине, Таджикистане и других республиках СНГ)» [13, с. 86]. Соответственно, ФРГ воспринимает российских немцев как эквивалент немцев советских, проживавших на территории всего Советского Союза.

Политика российских властей в отношении немцев, проживающих на территории Российской Федерации также определяется несколькими факторами. Вопросы, связанные с деятельностью немецкой диаспоры входят в «национальную политику» законодательной и исполнительной властей федерального и регионального уровней. Проблема российских немцев во многом зависит от общей этнической проблематики, решаемой властями Российской Федерации. Федеральный центр стремится проводить общую и скоординированную национальную политику, вырабатывает набор типовых и универсальных решений различных этнокультурных проблем.

Китайская диаспора. Если отдельно останавливаться на китайской диаспоре, то ее численность в Российской Федерации вызывает споры среди научного и экспертного сообщества. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 года, лишь 34,5 тысячи человек на территории Российской Федерации были этническими китайцами, большая часть из которых проживала в Москве и на Дальнем Востоке (28943 человек по данным Всероссийской переписи 2010 г.). Однако многие российские эксперты считают, что реальное количество китайцев, проживающих на территории Российской Федерации, значительно выше. В экспертном сообществе наиболее достоверной оценкой считается 200 – 400 тысяч, максимум 500 тысяч человек. Первым эти данные озвучил В.Г. Гельбрас [14, с. 40]. С. Приходько в 2004 году оценил численность китайцев в

Российской Федерации в 150-200 тысяч человек [15].

Существенная часть трудовых мигрантов в Российской Федерации уклоняется от регистрации, не являются исключениям и китайцы. В 2006 году на территории Российской Федерации легально работали 201 835 китайцев, а в 2007- уже 331 тысяча. Две наиболее крупные китайские диаспоры в Российской Федерации находятся в Москве и на Дальнем Востоке [15].

Объединения народов республик в составе России. В данной статье стоит также сказать несколько слов и об этнических диаспорах, представляющих собой объединения непосредственно народов Российской Федерации. В данные диаспоры включены представители республик России: чеченцы, чувашаи, ингуши, буряты и т.д. Особенности данных диаспор в том, что их представители концентрируются, в основном, в городах-миллионниках России (особенно в Москве). Кроме того, стоит отметить широкий спектр занимаемых ими социальных позиций (поскольку они являются гражданами РФ и имеют, зачастую, высшее образование). Этническим сообществам, которые лишены территориально-государственных автономий, для сохранения этнической идентичности со стороны государства предлагается институт национально-культурных автономий и культурных центров. Главная цель российской этносоциальной политики - воспитание лояльных граждан Российской Федерации, то есть, в первую очередь, органы государственной власти, ответственные за национальную политику, позициони-

руют представителей этих этнических групп как россиян, а не якутов, татар, бурятов и немцев.

«Зарождающиеся» диаспоры. Немаловажным процессом в контексте исследования диаспор и миграционной политики России является формирования «новых диаспор», которые уже сегодня имеют статус «зарождающихся». Их формирование происходит под воздействием трансформации временной трудовой миграции в постоянную. В первую очередь, к ним следует отнести таджикскую, узбекскую, киргизскую, китайскую диаспоры.

Заключение. Таким образом, были рассмотрены основные национальные диаспоры, функционирующие на территории Российской Федерации, а также произведена систематизация особенностей и статистических характеристик их формирования.

Наиболее высокие показатели интеграции наблюдаются у белорусской и украинской диаспор, т.к. украинцы и белорусы - славянские народы, культура которых близка русской. Численность этих диаспор сокращается из-за интенсивных интеграционных процессов - их представители с легкостью меняют свою национальность.

Наиболее устойчива в России численность казахской диаспоры, которая колеблется в пределах 630-650 тыс. человек на протяжении последних 25 лет [15]. За этот же период, число азербайджанцев, проживающих в России, увеличилось почти в 2 раза: с 304 до 603 тыс. человек, а армянской диаспоры - увеличилась с 532 тыс. человек до 1,2 млн.

За период между Всероссийской переписью населения 2002 г. до переписи 2010 г. численность азербайджанцев в РФ официально сократилась. В 2002 г. в России насчитывалось 621840 азербайджанцев, в 2010 г. - 603070. Возможно, такое изменение было связано с массовым отъездом азербайджанцев на Родину. По данным ФМС, количество въездов из Азербайджана в Россию в 2014 г. уменьшилось на 27,6 %.

Численность граждан Азербайджана (не только этнических азербайджанцев) на 2016 г. в России составляла 552593 человек. Из них 349498 - мужчины, а 203095 - женщины. Количество же граждан Армении, находящихся в 2016 г. на территории России, меньше, чем граждан Азербайджана – 534 851 человек [8].

Следует также отметить, что белорусы, украинцы и армяне расселяются равномерно по всей территории России, азербайджанцы преимущественно живут в европейской части России (на юге и Кавказе). Сибирь, Урал и Поволжье - регионы преимущественного расселения казахов [2, с. 18].

Характерным для территории России является функционирование ряда диаспор, существующих в зачаточном состоянии, которые реализуют свои политические интересы (политическую функцию), являясь тем самым мостом, соединяющим прошлое и настоящее. К таким диаспорам относятся: корейская, осетинская, болгарская и т.п. И, несмотря на их малочисленность, особенности политической природы и некоторую нестабильность функционирования, всё же при рассмотрении этнополитической обстановки в России их необходимо учитывать.

Литература

1. Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. 2004. №3. С. 16-24
2. Арутюнян Ю. В. Об этнических диаспорах в российской среде // СоцИс 2013, № 07. С. 12-23.
3. Россия в цифрах. 2017: Крат. стат. сб. / Росстат - М., 2017. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/rusfig/rus17.pdf
4. ДемоскопWeekly - Приложение. Справочник статистических показателей, № 685-686, (9–22 мая 2016 г.).
5. Армянская диаспора // Евро-Инфо. 12.10.2016. URL: <http://europa.in.ua/novosti-ukrainy/item/3545-1453547483>
6. Гребенюк А.А. Миграция из Армении в Россию: некоторые тенденции развития миграционных процессов» (в сборнике Миграционные мосты в Евразии: Сборник материалов VI международной научно-практической конференции "Роль миграции в социально-экономическом и демографическом развитии посылающих и принимающих стран Евразии"). М., 2014. С. 339 – 343.
7. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/>
8. В России подсчитали каждого гражданина Азербайджана // Haqqin.az. URL: <https://haqqin.az/news/61225>
9. Brubaker R. The "diaspora" diaspora // Ethnic and racial studies. N.Y., 2005. Vol. 28, №1. P. 1 - 19.
10. Brubaker R. National Minorities, Nationalizing States, and External National Homelands in the New Europe // Daedalus, Vol. 124, No. 2. What Future for the State? (Spring,

1995). P. 107 - 132. URL: <http://www.jstor.org/stable/20027299>

11. Национальный состав России по переписи 2002 года. / Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>

12. Kazakhstan Statistical Data / Ivisa.com. URL: http://www.stat.kz/p_perepis/Pages/default.aspx

13. Лукьянчикова М.С. Проекты Гете-института для немецкого меньшинства в Российской Федерации – меры помощи по поручению Министерства иностранных дел Германии // Актуальные вопросы изучения и преподавания немецкого языка: язык как основа сохранения и развития идентичности российских немцев. Материалы международной научно-практической языковой конференции. М., 2010.

14. Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М., 2001.

15. Приходько С. Мы не должны бояться Китая // Известия. 21.03.2004.

Key diasporas in the migration system of modern Russia

Gulina D.S.

Lomonosov Moscow state University

This article examines the largest and most influential national diasporas located on the territory of the Russian Federation. The aim of the work was to identify specific features and statistical characteristics of diasporas to form a systematic view of the key diasporas, which are oriented migration policy of modern Russia. In addition, the grounds for their comparison were highlighted. These grounds can be used in the subsequent analysis of the potential of their influence on the migration policy of the modern Russian state.

Keywords: national diasporas, ethnic diasporas, migration, historical diasporas, modern diasporas, "emerging diasporas".

References

1. Toshchenko Zh.T., Chaptukova T.I. Diaspora as an object of sociological research // Sociological studies. 2004. No3. S. 16-24
2. Harutyunyan Yu. V. On ethnic diasporas in the Russian environment // SotsIs 2013, No. 07. P. 12-23.
3. Russia in numbers. 2017: Short Stats / Rosstat - M., 2017. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/rusfig/rus17.pdf
4. DemoscopeWeekly - Application. Handbook of Statistical Indicators, No. 685-686, (May 9–22, 2016).
5. The Armenian Diaspora // Euro-Info. 10/12/2016. URL: <http://euroua.in.ua/novosti-ukrainy/item/3545-1453547483>
6. Grebenyuk A.A. Migration from Armenia to Russia: Some Trends in the Development of Migration Processes "(in the collection Migration Bridges in Eurasia: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference" The Role of Migration in the Socio-Economic and Demographic Development of the sending and receiving countries of Eurasia "). M., 2014. S. 339 - 343.
7. Federal State Statistics Service. URL: <http://www.gks.ru/>
8. In Russia, each citizen of Azerbaijan was counted // Haqqin.az. URL: <https://haqqin.az/news/61225>
9. Brubaker R. The "diaspora" diaspora // Ethnic and racial studies. N.Y., 2005. Vol. 28, No. 1. P. 1 - 19.
10. Brubaker R. National Minorities, Nationalizing States, and External National Homelands in the New Europe // Daedalus, Vol. 124, No. 2. What Future for the State? (Spring, 1995). P. 107 - 132. URL: <http://www.jstor.org/stable/20027299>
11. The national composition of Russia according to the census of 2002. / All-Russian census of 2002. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>
12. Kazakhstan Statistical Data / Ivisa.com. URL: http://www.stat.kz/p_perepis/Pages/default.aspx
13. Lukyanchikova M.S. Goethe Institute's projects for the German minority in the Russian Federation - assistance measures on behalf of the German Ministry of Foreign Affairs // Actual problems of studying and teaching the German language: language as a basis for the preservation and development of the identity of Russian Germans. Materials of the international scientific and practical language conference. M., 2010.
14. Gelbras V.G. Chinese reality of Russia. M., 2001.
15. Prikhodko S. We should not be afraid of China // News. 03/21/2004.

Особенности развития гражданского общества в Кузбассе

Евсина Т.А.

В статье на примере Кузбасса рассматриваются региональные факторы развития гражданского общества. Факторный анализ таких составляющих, как многонациональность, природно-климатические условия, удаленность территории от федерального центра, помогает более эффективно рассмотреть процессы формирования и развития гражданского общества как в рамках определенного региона, так и в Российской Федерации в целом.

Ключевые слова: факторный анализ, гражданское общество, региональные особенности, Кузбасс, многонациональность, природно-климатические условия, удаленность.

Согласно ряда экспертных мнений гражданское общество в современных условиях должно стать «рычагом становления демократии, рыночной экономики, путем к правовому государству» [7]. В самом широком смысле гражданское общество понимается как определенное состояние социума, при котором человек является высшей ценностью, признаются, соблюдаются и защищаются его права и свободы, а государство способствует динамичному развитию экономики и политической свободы [1,3,6,8].

Гражданское общество – специфичный элемент, подверженный историко-культурному аспекту своего развития. Специфика каждой отдельной страны, ее местоположение, занимаемая территория, культура и мировоззрение людей, оказавшихся на данной территории и объединенных государственными границами, их вероисповедание, и, в целом, весь ход исторического развития оказывают непосредственное воздействие на возникновение и формирование гражданского общества в каждом конкретном государстве.

Однако в рамках страны, особенно такой, как Россия, отличающейся огромной территорией, множеством субъектов, многонациональным, многоконфессиональным,

многокультурным населением, развитие гражданского общества подвержено региональным специфическим особенностям. С точки зрения региональных показателей сегодня возможно более эффективное рассмотрение процессов формирования гражданского общества. Ярким примером этому является такой регион как Кузбасс.

Одним из ведущих факторов формирования гражданского общества в регионе является многонациональность. На формирование Кузбасса как многонационального региона повлияли, в первую очередь, производственные отношения, сложившиеся вокруг одного из самых больших и уникальных в мире месторождений каменного угля, которые и привлекли в регион, представителей более 100 народов (этносов, наций) со своим укладом, мировоззрением, вероисповеданием. Сложный этнический состав Кузбасса стал следствием кадровой политики при решении проблемы восполнения трудовых ресурсов для создания мощного угольно-металлургического комплекса. Резкое увеличение численности населения произошло за счет спецконтингента довоенного и послевоенного периода, эвакуированных во время Великой Отечественной войны, представителей комсомольскихстроек.

В итоге целенаправленно под контролем государства за достаточно короткий период происходит смешение, с одной стороны, представителей различных этнических групп, с другой стороны, русскоязычного населения разных регионов России. Профессор А. Садовый рассматривает русских Кузбасса как «особую этнографическую группу,

которую объединяет своя историческая судьба, свое восприятие политических процессов».

В процессе ассимиляции между этносами складываются общие интересы, взгляды, позиции, желания улучшать условия существования, построить совместное будущее в регионе, что обусловило переход от этнической идентификации к идентификации гражданской, осознанию себя неотъемлемой частью региона. Таким образом, гражданское общество Кузбасса, с одной стороны, исторически сфокусировало в себе интересы как отдельных этносов, так и населения в целом, образуя единое общество. С другой стороны, гражданское общество отражает особенности многонациональности, «само гражданское общество сегментизировано, то есть в рамках целого одновременно существуют и функционирует независимые от него разнообразные формы общественной жизни» [2].

В настоящее время значимость национального фактора в Кузбассе повышается в связи с волнами миграции из депрессионных регионов Средней и Центральной Азии, Кавказа. Отмечается ущемление экономических интересов местного населения со стороны представителей других национальностей [4]. Данная напряженность отражается на развитии гражданского общества региона, происходит временное торможение, пока не определятся точки соприкосновения и не появится общность интересов. В связи с этим сложность формирования гражданского общества в многонациональном регионе состоит в достижении социального согласия и обеспечении межэтнического доверия как условия диалога культур.

Еще одним из ведущих региональных факторов в развитии гражданского общества Кузбасса являются суровые природно-климатические условия, обуславливающие дискомфортность проживания в регионе. Обеспечение стабильной работы жилищно-коммунального сектора, состояния дорог, постоянная зависимость от погодных условий, отличающихся перепадами температур, неравномерностью осадков, длительным холодным и морозостойким периодом, затормаживают во многом развитие гражданских инициатив, выводя на первый план бытовую комфортность.

Непосредственно с природно-климатическими условиями связаны сложно складывающиеся трудовые отношения работников горнодобывающего региона. Тяжелый, зачастую опасной для жизни и здоровья физический труд непосредственно занятых в угледобывающей отрасли, низкая возможность получения и дальнейшая негарантированность рабочих мест, как следствие нестабильности экономики Кузбасса, обуславливает социальную напряженность населения региона в целом.

Ситуацию усугубляет неблагоприятная экологическая составляющая территории. По данным Министерства природных ресурсов и экологии РФ (январь 2019 года) в рейтинге регионов с самым загрязненным воздухом Кемеровская область занимает 8 место, Новокузнецк вошел в 20-ку российских городов с неблагоприятной экологической ситуацией и стал участником масштабного проекта «Чистый воздух». На каждую тонну добытого в Кузбассе угля приходится 3,82 кг попутных примесей (не считая газов, в

том числе радиоактивных). На каждого жителя региона приходится 280 кг опасных веществ, количество которых по мере увеличения угледобычи только растет [9].

Как следствие неблагоприятных условий региона является ежегодное увеличение смертности и снижение рождаемости: убыль численности населения составляет в среднем 0,5 % в год. Разрыв между смертностью и рождаемостью в 2016 году составил 5734 человека, в 2017 году – 9455 человек, в 2018 году – 11865 человек [10].

Неблагоприятная ситуация региона отражена в рейтинге Росстата об уровне удовлетворенности качества жизни в регионах РФ, в котором Кузбасс занимает 56 место среди 85 субъектов РФ.

Таким образом, данные факторы приводят к ухудшению качества жизни населения, следовательно высокому уровню социальной напряженности в регионе и, как результат, высокой миграции, причем миграции, в первую очередь, высококвалифицированных трудовых кадров и молодежи. Пополнение трудовых ресурсов происходит, в свою очередь, за счет дешёвой рабочей силы с низким уровнем образования и квалификации из депрессивных регионов. Все это, безусловно, негативно влияет на развитие гражданского общества в Кузбассе, точнее, тормозит его развитие, ибо развитие гражданской инициативы характерно для высокообразованного, высококультурного населения, понимающего сущность социально-политических процессов и желающего осуществлять положительные изменения, тем самым повышая уровень и качество жизни общества.

Нельзя не учесть еще один фактор развития гражданского общества - удаленность региона от федерального центра - непосредственно влияющего на социальную и общественно-политическую активность. С одной стороны, отмечается инертность отдаленных регионов, в том числе и Кузбасса, меньшее количество и качество реализуемых на уровне субъекта социальных проектов.

С другой стороны, именно определенная закрытость региона от реакционных мыслей, идей центра, обеспечивает видимую социально-политическую стабильность: граждане Кемеровской области в настоящее время практически не участвуют в митингах, демонстрациях, публично не высказывают и не отстаивают свои взгляды.

При этом следует учесть, что Кузбасс имеет пример гражданской активности 90-х годов XX века. Л.Н. Лопатин говорит, что именно «июльская 1989 года забастовка шахтеров Кузбасса вызвала политический эффект домино не только в СССР, но и во всем мировом социальном лагере» [5]. Кузбасс в сложное время переломных 90-х взял на себя ведущую роль в утверждении российской демократии, в смене государственной парадигмы. Негативные факторы развития региона взрастили сильные стороны гражданского сознания: насильственный характер переселения, лагерная система, суровые природные условия, тяжелый физический труд закалили волю и характер населения, сформировали особую ментальность кузбассовцев, выразившуюся в умении стойко переносить все тяготы как повседневной,

так и трудовой жизни, терпеливо относиться к окружающим, ценить качество жизни, но при этом остро чувствовать несправедливость. В самые сложные социально-политические моменты именно кузбассовцы взяли на себя ответственность за регион и страну в целом. Как ни парадоксально это звучит, но именно Кузбасс в далекие 90-е дал импульсы развитию гражданского общества РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие гражданского общества в Кузбассе, отражая основные черты общероссийского плана, во многом, обусловлено спецификой горнодобывающего региона. Региональные особенности многонациональности, природно-климатических условий, удаленности от федерального центра, непосредственно влияя на процессы развития гражданского самосознания, определили специфику гражданского общества региона. Причем данная специфика имеет как отрицательные, так и положительные моменты. Следовательно, именно учет региональных факторов во многом содействует более эффективному рассмотрению процессов развития гражданского общества, тем самым определяя действенные модели этого развития внутри региона и, как следствие, государства в целом.

Литература

1. Висханова П.Г. Особенности формирования гражданского общества в России // Журнал «Право и государство: теория и практика», №3, 2018 – с.82-93.
2. Джантуева Ф.Р. Модели развития институтов гражданского об-

щества в условиях многонационального региона // Журнал «Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова. Общественные науки», №4, 2010 – с. 7-11.

3. Золоева З.Т., Овасапова Д.А., Гассиева С.Р. Проблемы формирования гражданского общества в России // Сборник статей V Международной научно-исследовательского конкурса. – Пенза: Издательство МЦНС «Наука и Просвещение», 2018, – с.161-163.

4. Королева Д.П. Межнациональное и межконфессиональное взаимодействие в Кузбассе // Молодежный научный форум: электр. сб. ст. по мат. I междунар. студ. науч.-практ. конф. № 20(50). URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_in_terdisciplinarity/20\(50\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_in_terdisciplinarity/20(50).pdf) (дата обращения: 09.12.2019)

5. Лопатин Л.Н. Шахтеры и «начальство» о рабочем движении Кузбасса в 1989-90-е гг. К 20-летию забастовки (Историография. Анализ. Мнения.) – Кемерово: КемГУКИ, 2009, - 225с.

6. Мухтярова Н.Х. Социально-философский дискурс: о формировании гражданского общества в России // Сборник Наука сегодня: глобальные вызовы и механизмы развития: материалы международной научно-практической конференции. – Вологда, 2019, – с.108-111.

7. Останин О.В. Формирование гражданского общества в России // Актуальные проблемы современного общества и пути их решения в условиях перехода к цифровой экономике: материалы XIV международной научно-практической конференции: в 4 частях. – Москва: издательство «Московский университет им. С.Ю. Вите, 2018, – с. 143-147.

8. Фастович Г.Г. К вопросу о формировании гражданского общества в Российской Федерации // Научно-практический электронный журнал «Эпоха науки», декабрь, 2018 – с.75-77.

9. Экологическая повестка в Кемеровской области // Давыдов. Индекс. Политическая жизнь, 7 июня 2019 // Метод доступа <https://davydov.in/politics/ekologicheskaya-povestka-v-keмеровской-oblasti> (дата обращения 07.12.2019).

10. Население Кемеровской области // Метод доступа <https://kemerovostat.gks.ru> (дата обращения 07.12.2019).

Features of the development of civil society in Kuzbass

Evsina T.A.

Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev

The article on the example of Kuzbass examines regional factors in the development of civil society. The factor analysis of such components as multinationality, climatic conditions, and the remoteness of the territory from the federal center helps to more effectively consider the processes of formation and development of civil society both within a specific region and in the Russian Federation as a whole.

Key words: factor analysis, civil society, regional features, Kuzbass, multinationality, climatic conditions, remoteness.

References

1. Viskhanova P.G. Features of the formation of civil society in Russia // Journal "Law and State: Theory and Practice", No. 3, 2018 - p. 82-93.
2. Dzhantueva F.R. Models of the development of civil society institutions in a multinational region // Journal "Bulletin of the North Ossetian State University. K.L. Khetagurova. Social Sciences", No. 4, 2010 - p. 7-11.
3. Zoloeva Z. T., Ovasapova D. A., Gassiev S. R. Problems of the formation of civil society in Russia // Collection of articles of the V International Research Competition. - Penza: Publishing House of the ICSN "Science and Education", 2018, p. 161-163.
4. Queen D.P. Interethnic and interfaith interaction in the Kuzbass // Youth Scientific

- Forum: elektr. Sat Art. by mat. L Int. Stud. scientific-practical conf. No. 20 (50). URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_interdisciplinarity/20\(50\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_interdisciplinarity/20(50).pdf) (accessed December 12, 2019)
5. Lopatin L.N. Miners and "bosses" about the labor movement of the Kuzbass in 1989-90. To the 20th anniversary of the strike (Historiography. Analysis. Opinions.) - Kemerovo: KemGUKI, 2009, - 225s.
 6. Mukhtyarova N.Kh. Socio-philosophical discourse: on the formation of civil society in Russia // Science today: global challenges and development mechanisms: proceedings of an international scientific and practical conference. - Vologda, 2019, - p. 108-111.
 7. Ostanin OV The formation of civil society in Russia // Actual problems of modern society and ways to solve them in the transition to the digital economy: materials of the XIV international scientific-practical conference: in 4 parts. - Moscow: publishing house "Moscow University. S.Yu. Vite, 2018, - p. 143-147.
 8. Fastovich G.G. To the question of the formation of civil society in the Russian Federation // Scientific and Practical Electronic Journal "The Age of Science", December, 2018 - p. 75-77.
 9. The environmental agenda in the Kemerovo region // Davydov. Index. Political life, June 7, 2019 // Access method <https://davydov.in/politics/ekologicheskaya-povestka-v-kemerovskoj-oblasti> (accessed December 7, 2019).
 10. The population of the Kemerovo region // Access method <https://kemerovostat.gks.ru> (accessed December 7, 2019).

Пространственный подход к исследованию социальных проблем в трудовой сфере

Жулева М.С.

Статья носит методологический характер и посвящена возможности использования социального картирования для визуализации и анализа эмпирических данных. Показано, что построение карт позволяет систематизировать проблемы и установки социально-территориальных общностей, выявлять масштаб распространения проблем. Приведённые результаты могут быть использованы в целях комплексного анализа развития территорий, при подготовке стратегий социального развития.

Ключевые слова: социологическое исследование, пространственный анализ, социальное картирование.

Социальное картирование представляет собой обобщённое название нескольких методов, относящихся к категориям пространственно-графических методов отображения информации [3, с. 75]. Данные методы являются междисциплинарными и активно применяются в ряде социальных наук: социологии, социальной психологии, антропологии, этнографии, социальной и экономической географии. Благодаря возможности визуализации данных социальная карта позволяет систематизировать и контролировать изменение потребностей и установок жителей тех или иных территорий, выявлять масштаб распространения социальных проблем, прогнозировать изменение социальных процессов. Проективное значение социального картирования связано с возможностью разработки альтернативных сценариев развития социального пространства, что, в свою очередь, позволяет выработать оптимальную стратегию развития региона.

Первые подходы к применению картографических знаний в исследовании социальных процессов сформировались в конце XIX в., когда особенно актуальным становится изучение социальных последствий урбанизации. В этот период наиболее активно метод социального картирования использовался американскими и английскими исследователями, дифференцировавшими городское пространство по ряду социально значимых критериев, связанных, прежде

всего, с качеством жизни людей. Так, Ч.Бут в 1889 г. составил «карты бедности» Лондона, выделив неблагоприятные районы и определив количественный состав и социально-демографические характеристики населения этих зон [6]. Исследование охватывало сравнительный анализ условий жизни различных слоев населения, связи бедности с занятостью, условиями труда и регулярностью доходов. Оно охватило весь Лондон и базировалось на огромном эмпирическом материале. Город был поделен на 50 районов, которые были упорядочены по пяти критериям: проценту бедности, проценту скученности населения, уровню рождаемости, уровню смертности, проценту ранних браков. Ч.Буту удалось визуально отобразить социальную структуру современного ему Лондона в виде социальных карт [2].

Использовался этот метод и представителями Чикагской школы Р.Парком и Э.Берджессом в 20-е гг. XX в. Благодаря их работам категории «социального пространства», «границ», «дистанции», «ареала», «зон» распространения какого-либо явления, прочно вошли в социологический словарь [4, с. 8]. Проект «Карта Чикаго, составленная на основе социальных исследований» становится знаковым в истории социального картирования как метода. В ней обобщалось большое количество информации, касающейся физических характеристик, экономического развития, политических границ и других важнейших пространственных свойств американского мегаполиса [2].

В рамках современной социологии метод социального картирования используется как в русле коли-

чественной, так и качественной методологии. И.А.Скалабан [3, с. 67] выделяет основные подходы к его применению:

1. **Социально-статистический подход** обеспечивает наибольшую преемственность в традициях составления социальных карт. Данный подход лежит в русле методов, применяемых в экономической географии, и на сегодняшний день является наиболее популярным при исследовании социальной сферы. Результаты, полученные с его помощью, активно используются в сфере социального управления и проектирования. Суть данного подхода заключается в визуальной картографической репрезентации количественных данных, полученных как из официальных статистических источников, так и в ходе социологических исследований. Метод используется в том случае, если в задачи исследования входит комплексный многофакторный анализ пространственных границ распространения того или иного социального явления.

2. **Социально-антропологический подход** является междисциплинарным и широко используется в социологии, социальной антропологии, этнографии и психологии. Он базируется на качественных характеристиках исследуемого феномена, которые не поддаются четкому математическому измерению, например, социальное самочувствие населения, формы и содержание межличностных отношений и др. К данному направлению можно отнести и так называемое «когнитивное картирование», нацеленное на анализ того, как тот или иной субъект социального действия (индивид или группа) воспринимает

определенную проблему, на установление его вероятностной реакции на изменение ситуации.

Сторонники когнитивного подхода считают, что подобным путем можно объяснять поведение личности в различных ситуациях, что когнитивное картирование позволяет с высокой степенью вероятности осуществлять социальное прогнозирование [5]. В целом эвристический потенциал этого подхода определяется его возможностями в выявлении особенностей субъективного восприятия жителями тех или иных территорий занимаемого ими пространства.

3. Социально-сетевой подход применяется в русле социологических концепций, акцентирующих внимание на взаимодействиях людей (символический интеракционизм, сетевая теория) и на их повседневной жизни (феноменологическая социология, социология повседневности). Картирование в такой трактовке используется в качестве вспомогательного метода отображения типов социальных связей между субъектами различного масштаба – от индивидов до государств. При этом строится сетевая диаграмма коммуникаций и накладывается на карту, что позволяет выявить взаимосвязи между пространственной дистанцией и характером взаимоотношений, сложившихся между акторами.

4. Проектный подход предполагает создание и использование социальных карт в качестве одного из методов, необходимых для социального проектирования. В данном контексте картирование помогает систематизировать потребности и проблемы населения различных территорий, проанализировать их не только в рамках факторов, непосредственно

на них влияющих, но и в более широком социальном, политическом, экономическом ключе. Проективные методики социального картирования позволяют изучить мнение респондентов и экспертные оценки различных параметров развития человеческого потенциала территорий, выявить возможные альтернативные сценарии социального развития определённого локального пространства – посёлка, города, региона [5]. При этом карта становится способом коммуникации между населением и органами управления, позволяет вовремя обнаружить негативные тенденции и минимизировать риски в социальной сфере.

Вышеизложенные подходы не являются обособленными друг от друга, они могут быть применены комплексно в случае необходимости всестороннего исследования пространственных факторов социальной среды. В рамках нашего исследования метод социального картирования был использован для визуальной репрезентации ареала распространения и специфики социальных проблем, актуальных для работников нефтегазовой сферы. Это позволило диагностировать особенности распространения и создать визуализированную модель локализации социальных проблем работников нефтегазовой отрасли на основе анализа данных анкетного опроса.

Для выявления социальных проблем в ходе анкетного опроса респондентам было предложено проанализировать степень их удовлетворённости различными аспектами трудовой деятельности по шкале «удовлетворён - не удовлетворён». Среди исследуемых параметров были такие, как: оценка респондентами соб-

ственного профессионально-должностного статуса и перспектив его повышения, заработной платой и социальным пакетом предприятия, возможностью реализации творческого потенциала. Совокупные параметры неудовлетворённости указанными аспектами труда позволили сделать выводы о масштабах и характере распространения социальных проблем в трудовой сфере нефтегазового сектора ЯНАО.

В целях системного видения социальных проблем и облегчения процедуры картирования в ходе

анализа интервал шкалы измерения был преобразован в бинарную оппозицию «удовлетворён – не удовлетворён». Респонденты, пропустившие вопрос или затруднившиеся ответить, не учитывались в ходе анализа. В результате была сформирована сводная таблица, которая послужила источником выявления проблем работников нефтегазовой отрасли ЯНАО и построения социальных карт. Для решения задачи картирования эмпирические индикаторы удовлетворённости трудом были объединены в четыре блока:

Таблица 1

Распределение респондентов, не удовлетворённых различными аспектами трудовой деятельности, по городам (в частотах и в % от общего количества опрошенных в городе)

Работники, не удовлетворённые трудовой деятельностью							
	Город						Итого
	Губкинский	Муравленко	Надым	Новый Уренгой	Ноябрьск	Тарко-Сале	
Блок 1 РАБОТА							
выполняемая работа	10,8%	20,0%	23,0%	19,5%	28,9%	13,8%	20,9%
профессия	4,6%	15,4%	20,6%	21,1%	28,9%	11,5%	18,8%
характер выполняемой работы	12,3%	16,9%	26,7%	23,4%	26,8%	18,5%	19,7%
Блок 2 ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ							
должность	23,1%	41,5%	33,6%	27,8%	30,0%	26,2%	30,3%
творческая инициатива	19,2%	30,0%	35,8%	24,7%	25,9%	9,2%	28,7%
возможности самореализации	30,8%	36,9%	37,6%	35,3%	32,4%	30,0%	34,3%
возможность карьерного роста	34,6%	45,4%	42,1%	35,8%	34,3%	53,8%	36,9%
Блок 3 ПРЕДПРИЯТИЕ							
подразделение предприятия	10,0%	20,8%	22,4%	14,5%	18,1%	16,2%	17,7%
предприятие в целом	13,8%	22,3%	23,6%	13,4%	24,3%	16,2%	19,3%
Блок 4 ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА							
заработная плата	60,0%	60,0%	47,6%	39,2%	51,9%	50,8%	48,9%
система премирования	51,5%	57,7%	50,0%	37,9%	45,1%	53,8%	46,0%

1. «РАБОТА» - содержательные характеристики труда, обусловленные профессией.

2. «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ» - аспекты, связанные с деятельностной мотивацией индивида в профессиональной

сфере: удовлетворённость занимаемой должностью, возможность самореализации, творческая инициатива, перспективы карьерного роста.

3. «ПРЕДПРИЯТИЕ» – оценка предприятия в целом и структурного подразделения, где работает респондент.

4. «ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА» – оценка уровня заработной платы и организации премирования.

Распределение респондентов, проживающих в разных городах, абсолютно или относительно не удовлетворённых базовыми аспектами трудовой деятельности, представлено в следующей таблице (Табл. 1).

На основе приведённой таблицы было разработано четыре карты, соответствующих четырём типам социальных проблем в трудовой деятельности. Для оценки масштаба их распространения была разработана условная шкала измерения, дающая представление о наличии или отсутствии кризисной ситуации и её глубине.

Первая карта представляет визуализацию степени удовлетворённости работников содержанием и спецификой выполняемой работы. Результаты исследования свидетельствуют о среднем (20-34% респондентов высказывают недовольство) или незначительном (10-19%) масштабе распространения неудовлетворённости этим базовым аспектом трудовой деятельности: так, в г. Надыме, г. Муравленко и г. Ноябрьске степень неудовлетворённости содержанием работы в целом выше, чем в других исследуемых городах. Выбранная профессия в большей степени не устраивает респондентов из г. Надыма, г. Ноябрьска и г. Новый Уренгой. Наименее

всего такого рода проблемы выражены в г. Губкинский.

По блоку профессиональной самореализации, как показывает карта 2, социальные проблемы выражены более отчётливо и имеют высокую (35 – 49%) или среднюю (20-34%) степень распространения. Совокупная оценка четырёх критериев позволяет заключить, что наибольший уровень неудовлетворённости возможностями реализации профессионального потенциала присутствует у работников нефтегазовой отрасли г. Надыма и г. Муравленко. В г. Тарко-Сале социальные проблемы в этой области также выражены в значительной степени, однако имеется существенная дифференциация оценок различных аспектов профессионального роста. Так, занимаемой в настоящий момент должностью во всех обследованных городах недовольны от 20 до 34% работников, в г. Муравленко этот показатель составил 41,5%. Недостаточные возможности проявления творческой инициативы и самостоятельности в работе отмечает около трети респондентов из г. Надыма. Среднюю степень распространения эта проблема имеет во всех остальных городах (кроме г. Губкинский, где только 17,9% респондентов указали на это и г. Тарко-Сале, где данная проблема не выражена). Возможностями карьерного роста абсолютно или относительно не удовлетворены от трети до половины опрошенных работников г. Надыма, г. Муравленко, г. Новый Уренгой, г. Губкинский. В г. Тарко-Сале отсутствие перспектив карьерного роста становится серьёзной проблемой и затрагивает более половины опро-

шенных работников. Схожие показатели наблюдаются и в их оценках возможности профессиональной самореализации в целом.

Карты социальных проблем в трудовой сфере нефтегазового сектора ЯНАО.

Рис.1 Блок 1 - Работа

Неудовлетворенность: 1 – работой в целом, 2 – профессией, 3 – характером выполняемой работы.

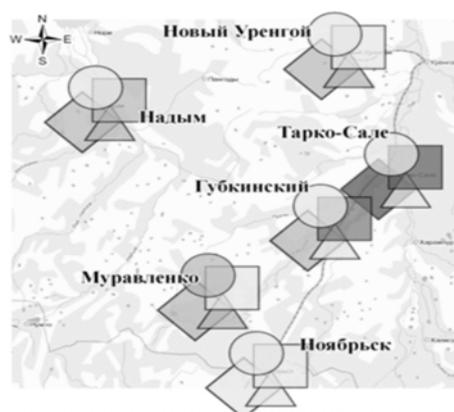
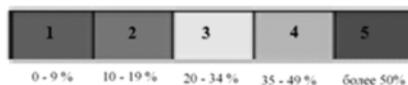

Рис.2 Блок 2 - Профессиональная самореализация

Неудовлетворенность: 1 - должностью, 2 - возможностями проявления инициативы, самостоятельности; 3 - возможностями самореализации; 4 - возможностями карьерного роста

Пояснения: 1 – Социальная проблема отсутствует, 2 – имеет незначительное распространение, 3 – имеет среднюю степень распространения, 4 – имеет высокую степень распространения, 5 – затрагивает большинство работников

Уровень удовлетворённости предприятием, на котором трудятся респонденты, достаточно высок. Как показывает карта 3, компания в целом и конкретное её подразделение устраивает большинство респондентов г. Губкинский, г. Тарко-Сале и г. Новый Уренгой. В г. Надыме и г. Муравленко неудовлетворённость предприятием имеет средний масштаб распространения. В целом, респонденты не склонны к дифференцированной оценке деятельности фирмы и того структурного подразделения, где они работают. Расхождение во мнениях наблюдалось лишь в г. Ноябрьске, где работники дали более высокую оценку своему отделу, нежели компании в целом.

Важнейшей социальной проблемой, затрагивающей большинство респондентов, является неудовлетворённость уровнем оплаты труда. На карте 4 видно, что более половины опрошенных работников, проживающих в г. Муравленко, г. Тарко-Сале и г. Губкинский не удовлетворены размером заработной платы и существующей в компании системой премирования. В г. Ноябрьске оплата труда также не устраивает свыше половины респондентов, организацией премирования не довольна почти половина (45,1%). В г.

Надыме и г. Новый Уренгой проблема выражена не так остро, но, тем не менее, свыше трети респондентов также заявляют о недостаточности своей заработной платы.

Карты социальных проблем в трудовой сфере нефтегазового сектора ЯНАО.

Рис. 3 Блок 3 – Предприятие

Неудовлетворенность: 1 – подразделением предприятия, 2 – предприятием в целом..

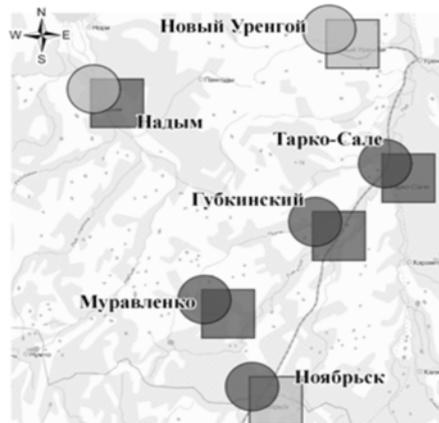
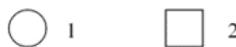

Рис.4 Блок 4 – Заработная плата

Неудовлетворенность: 1 – заработной платой, 2 – системой премирования.

Пояснения: 1 – Социальная проблема отсутствует, 2 – имеет незначительное распространение, 3 – имеет среднюю степень распространения, 4 – имеет высокую степень распространения, 5 – затрагивает большинство работников

Таким образом, результаты социального картирования наглядно демонстрируют пространственную локализацию основных видов социальных проблем в трудовой деятельности работников нефтегазового сектора ЯНАО. Полученные карты проблем могут быть использованы в целях комплексного анализа развития территорий, при подготовке региональных, муниципальных и корпоративных стратегий социального развития, в практике социального прогнозирования и проектирования развития территориальных образований.

Литература

1. Боришполец К. П. Когнитивное картирование в исследованиях политических ситуаций и процессов [Текст] / К.П. Боришполец // Методы политических исследований. М: Аспект Пресс, - 2005 – 221 с.
2. Кравченко, А. И. История зарубежной социологии [Текст] : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям "социология" и "соц. антропология" / А. И. Кравченко. - Москва : Культура : Акад. проспект, 2005. - 701 с.
3. Скалабан И. А. Социальное картирование как метод анализа социально-территориального пространства [Текст] / И. А. Скалабан // Журнал исследований социальной

политики. - 2012. - Т. 10, - № 1. - С. 61–78.

4. Ярская-Смирнова Е.П., Романов П.В. «Город затейный...» Калейдоскопическое жизненное пространство [Текст] / раздел из книги: Визуальная антропология: городские карты памяти / Под редакцией П. Романова, Е. Ярской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. - 312 с.

5. Vajjhala Sh. «Ground Truthing» Policy: Using Participatory Map-Making to Connect Citizens and Decision Makers. Summer, 2006 [Электронный ресурс] // Международный журнал посвященный проблемам экологии, энергетики и природных ресурсов «Resources». - URL : <https://www.resourcesmag.org/archives/quotground-truthingquot-policy-using-participatory-map-making-to-connect-citizens-and-decision-makers/>

6. What were the poverty maps? [Электронный ресурс] // Онлайн-архив Чарльза Бута. «Карты бедности» Лондона. Poverty maps of London. - URL : <http://booth.lse.ac.uk/static/a/4.html#v>

Spatial approach to the study of social problems in the labor sphere

Zhuleva M.S.

Tyumen Industrial University,

The article is methodological in nature and is devoted to the possibilities of using general mapping for visualization and analysis of empirical data. It is shown that the construction of cardboard allows you to systematize the problems and the installation of socio-territorial communities,

to identify the extent of the distribution of problems. The above results can be used for a comprehensive analysis of the development of territories, in the development of strategies for social development.

Keywords: sociological survey, spatial analysis, social mapping.

References

1. Borishpolets K.P. Cognitive mapping in studies of political situations and processes [Text] / K.P. Borishpolets // Methods of political research. M: Aspect Press, - 2005 - 221 s.
2. Kravchenko, A. I. The history of foreign sociology [Text]: textbook. manual for university students enrolled in the field of "sociology" and "social. anthropology" / A. I. Kravchenko. - Moscow: Culture: Acad. Prospect, 2005. -- 701 s.
3. Skalaban I. A. Social mapping as a method of analysis of socio-territorial space [Text] / I. A. Skalaban // Journal of Social Policy Studies. - 2012. - Т. 10, - No. 1. - S. 61–78.
4. Yarskaya-Smirnova E.R., Romanov P.V. "The city is fancy ..." Kaleidoscopic living space [Text] / section from the book: Visual Anthropology: Urban Memory Cards / Edited by P. Romanov, E. Yarskaya-Smirnova (Library of the Journal of Social Policy Studies). M.: LLC "Option", TsSPGI, 2009. - 312 p.
5. Vajjhala Sh. Ground Truthing Policy: Using Participatory Map-Making to Connect Citizens and Decision Makers. Summer, 2006 [Electronic resource] // International journal dedicated to the problems of ecology, energy and natural resources "Resources". - URL: <https://www.resourcesmag.org/archives/quotground-truthingquot-policy-using-participatory-map-making-to-connect-citizens-and-decision-makers/>
6. What were the poverty maps? [Electronic resource] // Charles Booth Online Archive. London Poverty Maps. Poverty maps of London. - URL: <http://booth.lse.ac.uk/static/a/4.html#v>.

Основные социальные и инфраструктурные факторы, определяющие демографическую динамику в регионах России и их привлекательность для миграции

Зубец А.Н.

Рассматриваются вопросы влияния обеспеченности объектами социальной инфраструктуры на демографическое положение в регионах. Показано, что на уровень рождаемости в регионах в наибольшей степени влияют уровень безработицы среди женщин, численность врачей на 1000 жителей региона, обеспеченность детскими и взрослыми поликлиниками, денежные доходы и величина прожиточного минимума. На миграционный прирост населения в наибольшей степени влияет обеспеченность населения жильем, возможности ведения бизнеса, связанность территории - плотность автомобильных дорог с твердым покрытием, доступность широкополосного интернета, обеспеченность местами в детских садах, развитие общественного транспорта, уровень дохода населения, обеспеченность местами отдыха и культурной инфраструктурой.

Ключевые слова: Рождаемость, Миграция, Социальная инфраструктура, Доходы населения

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет средств Научного фонда Финуниверситета по теме «Подготовка макроэкономических прогнозов на основе данных о потребительских настроениях населения»

В 2019 году после непродолжительного периода роста численность населения России стала сокращаться. Впервые за текущее десятилетие население страны сократилось почти на 100 тыс. человек. Эксперты отмечают две причины для этого. Во-первых, снижение миграционного притока, поскольку как рынок труда Россия перестала быть конкурентоспособна по отношению к своему окружению. Во-вторых, снижение рождаемости. Сократилось не только число рождений в целом, но и количество рождений на одну женщину. В 2018 году данный показатель составил 1,58 ребенка. Причины для этого, как отмечают эксперты, не только в следствиях демографической ямы девятых годов 20 века, но и в экономической политике последних лет, которая не может преодолеть экономическую депрессию. При этом с 2006 года уровень смертности снижается, а показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении растет. Продолжительность жизни в России превысила среднемировую в 2017-м году и составляет 73 года. В результате,

наибольший «вклад» в депопуляцию России вносит ситуация с рождаемостью.

По мнению автора, единственной результативной мерой поддержки рождаемости в России оказались программы материнского капитала, особенно федеральные. В то же время адресные меры социальной поддержки, оказываемой по критериям нуждаемости, незначительно влияют на рождаемость.

Таким образом, обстоятельства определяют необходимость использования новых инструментов улучшения демографической ситуации в России, обеспечивающих долгосрочное повышение социального оптимизма, что влияет на рождаемость.

Ключевыми стратегическими документами на этом направлении являются Указ Президента Российской Федерации №204 от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и разработанные национальные проекты в области демографии, здравоохранения, образования, жилья и городской среды, культуры и др. В соответствии с Указом Президента России «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» первой национальной целью, стоящей перед Правительством Российской Федерации, является обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации. Одновременно с этим требуется обеспечить повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году – до 80 лет).

Решение данных задач невозможно без развития социальной инфраструктуры. Более того, выделенные в данном Указе направления в значительной степени отражают области развития социальной инфраструктуры. К ним, в первую очередь, следует отнести «Здравоохранение», «Образование», «Жилье и городская среда», «Культура».

В этой связи большой интерес представляет выделение факторов социальной инфраструктуры, определяющих демографическую ситуацию в регионах. Социальная инфраструктура – это отрасли, подотрасли, которые опосредованно связаны с процессом производства в смысле обеспечения условий трудовой и общественной деятельности населения, деятельности в сфере культуры, быта, социального и межличностного общения [1,2].

Понятие социальной инфраструктуры часто используется вместе с понятием «социальная сфера», иногда смешивается и отождествляется с ним. Социальную сферу часто понимают как «совокупность отраслей, организаций, непосредственным образом связанных и определяющих образ и уровень жизни людей, их благосостояние, потребление» [3]. К ней относят сферу услуг – образование, культуру, здравоохранение, социальное обеспечение, физическую культуру, общественное питание, коммунальное обслуживание, пассажирский транспорт, связь [4]. В экономической литературе советского периода понятие социальной инфраструктуры было тождественно понятию «непроизводственная сфера» [5]. В связи с уточнением определения «социальная инфраструктура» отметим,

что в понятии «инфраструктура» акцент сделан на реальные объекты, обеспечивающие жизнедеятельность как отдельного человека, так и социума. Актуальное в настоящий период понятие «качество жизни» опирается на показатели уровня развития/функционирования социальной инфраструктуры [6].

Сегодня под *социальной инфраструктурой* понимается сочетание элементов и компонент территориальных социо-эколого-экономических систем, детерминируемое как условие сохранения человеческого потенциала, накопления человеческого капитала и воспроизводства регионального хозяйства.

В свою очередь, социальная инфраструктура делится на:

1. Социально-экономическую – обеспечивает всестороннее развитие личности (образование, здравоохранение, культура);

2. Бытовую – создает определенные условия жизнедеятельности населения (розничная торговля, коммунальное хозяйство, жилой фонд и т. д.).

Если рассматривать социальную инфраструктуру региона как совокупность социальных учреждений, то могут быть выделены следующие цели их функционирования:

– формирование и развитие трудовых ресурсов территории;

– формирование человеческого капитала, тем самым обеспечивая социальную привлекательность территории;

– обеспечение занятости населения и формирование регионального продукта.

Численность населения является наиболее значимым демографическим фактором, влияющим на социальную инфраструктуру. Чем

больше население, тем больше потребность в обеспечении базовым уровнем благ и санитарных услуг, а также в медицинском обслуживании. Менее очевидным, но не менее важным является число домашних хозяйств. В малообеспеченных группах населения размер домохозяйства, как правило, велик. По мере роста доходов на душу населения и пожилых людей размер домашних хозяйств может значительно сокращаться, но число домашних хозяйств может увеличиваться, повышая спрос на обеспечение основных услуг, таких как водоснабжение, электроснабжение и телекоммуникации.

Возрастная структура населения также влияет на спрос на конкретные виды инфраструктуры. Население моложе трудоспособного возраста предъявляет, при прочих равных условиях, более высокий спрос на инфраструктуру, связанную с предоставлением образовательных услуг. И наоборот, чем больше доля населения трудоспособного возраста, тем выше спрос на инфраструктуру, которая может способствовать созданию рабочих мест, включая инфраструктуру, дополняющую и повышающую производительность частного сектора. Аналогичным образом значительное число пожилых людей нуждаются в инфраструктуре, благоприятствующей их потребностям, такой, как наличие учреждений долгосрочного ухода, более комфортные жилищные условия.

Обеспечение объектами социальной инфраструктуры меняется по мере изменения возрастных структур населения. Страны с высоким уровнем рождаемости будут испытывать

огромное давление со стороны населения в отношении обеспеченности образовательными учреждениями на всех уровнях системы образования, а также столкнутся с перспективой дальнейшего роста числа потенциальной рабочей силы, что усилит давление на правительство в целях создания благоприятных для бизнеса условий.

Для уточнения параметров социальной инфраструктуры, необходимых для улучшения демографического состояния России в целом и ее отдельных регионов, был проведен дополнительный анализ влияния составляющих инфраструктуры и ее характеристик на основные параметры демографического состояния страны и отдельных территорий. Для анализа демографической ситуации по регионам и по стране в целом были выбраны следующие показатели:

- Суммарный коэффициент рождаемости (число детей, родившихся у одной женщины в течение ее жизни),
- Сальдо миграционного потока по регионам,
- Ожидаемая продолжительность жизни при рождении.

При этом из общего числа рассматриваемых регионов исключены

- Регионы Северного Кавказа, отличающиеся от остальной России более высокими стандартами демографического поведения – общественными требованиями к наличию детей в семье,
- Территории с незначительным населением,
- Северные регионы,
- Регионы с очень среднедушевыми доходами, которые намного превышают. При этом для дальнейшего исследования были отобраны следующие показатели,

характеризующие демографическую ситуацию в регионе. Это:

1. Общий коэффициент рождаемости (число детей, родившихся у одной женщины в течение ее жизни)
2. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет,
3. Коэффициент миграционного притока населения региона (на 10 000 человек населения),

К числу социальных и инфраструктурных факторов, влияние которых на демографические показатели было проанализировано, относятся:

1. Уровень безработицы,
2. Среднедушевые денежные доходы населения,
3. Фактическое конечное потребление домашних хозяйств на душу населения,
4. Доля расходов на питание в общих расходах домохозяйств,
5. Число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения,
6. Величина прожиточного минимума в регионе,
7. Общая площадь жилых помещений на 1 жителя региона,
8. Удельный вес аварийного жилого фонда в его общей площади,
9. Удельный вес семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, в общем числе семей,
10. Удельный вес семей, получивших жилые помещения, в числе семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях
11. Удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг, в процентах от общей суммы потребительских расходов

12. Охват детей дошкольным образованием, обеспеченность детей дошкольного возраста местами в детских садах,

13. Удельный вес школьников, обучающихся во вторую и третью смену,

14. Численность населения на одну больничную койку,

15. Численность населения на одного врача,

16. Численность населения на одного работника среднего медицинского персонала,

17. Численность зрителей театров, посещения выставок и иных культурных мероприятий,

18. Число спортивных залов, плавательных бассейнов на 1000 жителей,

19. Численность детей, отдохнувших в оздоровительных лагерях за лето (на 1000 жителей региона),

20. Число зарегистрированных убийств и покушений на убийство на 100 000 человек населения,

21. Число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения,

22. Число малых предприятий на 10 000 человек населения,

23. Число индивидуальных предпринимателей на 10 000 человек населения,

24. Ввод в действие квартир на 1000 человек населения, (тысяч м² общей площади жилых помещений),

25. Число мест в общеобразовательных организациях и дошкольных образовательных организациях, мест,

26. Перевозки населения автобусным транспортом,

27. Плотность автомобильных дорог общего пользования,

28. Число ДТП на 100 000 человек населения,

29. Число погибших в ДТП на 100 000 человек населения,

30. Доля семей, имеющих доступ к широкополосному интернету,

31. Удельный вес убыточных организаций,

32. Задолженность перед работниками по зарплате,

33. Экспорт продукции региона в дальнее зарубежье и в страны СНГ на душу населения.

Корреляционный анализ показал, что в наибольшей степени на общий коэффициент рождаемости влияют следующие показатели (в порядке убывания значимости):

1. Уровень безработицы среди женщин – вытеснение женщин из трудовой деятельности, в определенной степени вынуждающее их к положению домохозяйек, занятых уходом за детьми,

2. Численность врачей на 1000 жителей региона,

3. Обеспеченность детскими и взрослыми поликлиниками,

4. Денежные доходы и величина прожиточного минимума.

Как видно из данного перечня, ключевыми факторами, обеспечивающими повышение рождаемости, являются вытеснение женщин из состава рабочей силы – в определенной степени, принуждение к уходу за детьми, а также создание медицинской инфраструктуры для детей и взрослых. Денежные доходы и размер прожиточного минимума (от которого зависит в том числе и величина различных пособий), хотя и играют определенную роль в повышении рождаемости, но она несравнима со значением первых двух факторов. Обеспечен-

ность детскими дошкольными учреждениями, как показал анализ, мало влияет на показатели рождаемости.

На ожидаемую продолжительность жизни при рождении больше всего влияют следующие факторы:

1. Обеспеченность населения поликлиниками,
2. Численность врачей на 1000 жителей,
3. Обеспеченность населения жильем,
4. Плотность автомобильных дорог с твердым покрытием,
5. Развитие предпринимательства – число индивидуальных предпринимателей на 1000 жителей.

На миграционный прирост населения в наибольшей степени влияют следующие инфраструктурные факторы:

1. Обеспеченность населения жильем – площадь жилых помещений на 1 жителя, объемы строительства жилья,
2. Возможности ведения бизнеса - число индивидуальных предпринимателей на 10 000 человек населения,
3. Плотность автомобильных дорог с твердым покрытием,
4. Доступность широкополосного интернета,
5. Обеспеченность местами в детских садах,
6. Развитие общественного транспорта,
7. Уровень дохода населения,
8. Обеспеченность местами отдыха и культурной инфраструктурой.

Как видно, и здесь также уровень дохода населения не является ключевым фактором, обеспечивающим привлекательность региона для миграции. Основные факторы привлекательности регионов для мигрантов – это доступность жилья и возможности для ведения бизнеса, а также развитие дорожной инфраструктуры.

Одним из ключевых индикаторов качества жизни являются миграционные потоки – жители «голосуют ногами» за качество жизни в городах, перемещаясь туда, где выше уровень жизни, качество медицины и образования, где больше возможностей для самореализации и роста. Особенно важны миграционные потоки молодежи – именно эта группа населения более всего чувствительна к возможностям для профессионального и личностного развития, к возможностям повышения качества собственной жизни. Кроме того, именно молодежь является основой потенциала экономического роста и социального развития регионов. Поэтому миграционные потоки молодежи являются, с одной стороны, индикатором сравнительного качества жизни в регионах, и, с другой стороны, показателем потенциала их развития.

В рамках исследований, проводимых Финансовым университетом, респондентам в возрасте от 18 до 30 лет задается вопрос: «В ваших планах есть переезд в другой город в поисках лучшей жизни? Если да, то когда?»

Рисунок 1. Готовность молодежи к миграции

Среди молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет две трети (67%) ответили, что не собираются уезжать с сегодняшнего места жительства, а 33% рассматривают возможность уехать в другой город. Из них 29% собираются покинуть свой город в течение ближайших семи лет.

Самое большое число потенциальных мигрантов мы видим в следующих городах с населением более 250 тыс. человек (см. Таблицу в Приложении):

- Тольятти,
- Омск,
- Барнаул,
- Челябинск,
- Волгоград,
- Магнитогорск,
- Кемерово,
- Липецк,
- Набережные Челны,
- Ульяновск.

Города с самой низкой долей молодых людей, намеренных покинуть родной город, это:

- Севастополь,
- Грозный,
- Краснодар,
- Симферополь,
- Москва,
- Тюмень,
- Новосибирск,
- Новокузнецк,
- Томск,
- Рязань.

Надо отметить, что довольно часто городами со значительными исходящими миграционными потоками становятся крупные центры с развитой социально-экономической инфраструктурой и большим количеством ВУЗов, обеспечивающих получение молодежью современного хорошего образования.

В крупных городских центрах существует современный средний

класс, являющийся примером для подражания для остальной молодежи в части объема потребления и качества жизни. Имеются современные возможности для личностного развития, путешествий, знакомства с тем, уровнем жизни населения в крупнейших мегаполисах России или за границей. Высокий уровень образования означает, с одной стороны, знакомство с современными стандартами качества жизни, а с другой стороны, хорошее образование подразумевает возможности выбора рабочих мест с достаточно высоким уровнем оплаты труда, которых в этих городах может быть недостаточно. Противоречие между

высоким стандартам качества жизни, который молодые люди осваивают на примере более успешных сограждан, и недостатком квалифицированных высокооплачиваемых рабочих мест, на которых этот стандарт качества жизни можно реализовать, и вызывает миграцию молодежи в города, где они могут найти высокооплачиваемую работу, навыки для которой они освоили в родном городе.

Как показало исследование, молодежь не готова уезжать из комфортных городов и тех мест, где имеются возможности для самореализации и повышения собственного благополучия.

Таблица 1
Готовность к миграции среди молодежи в возрасте до 30 лет по городам с населением более 250 тыс. человек

	Доля молодых людей в возрасте до 30 лет, намеренных покинуть город в течение ближайших 7 лет		Доля молодых людей в возрасте до 30 лет, намеренных покинуть город в течение ближайших 7 лет
Архангельск	33%	Новороссийск	32%
Астрахань	37%	Новосибирск	25%
Балашиха	29%	Омск	47%
Барнаул	45%	Орёл	32%
Белгород	33%	Оренбург	27%
Брянск	31%	Пенза	27%
Владивосток	30%	Пермь	31%
Владикавказ	29%	Петрозаводск	34%
Владимир	30%	Подольск	27%
Волгоград	41%	Ростов-на-Дону	32%
Волжский	32%	Рязань	26%
Вологда	29%	Самара	34%
Воронеж	26%	Санкт-Петербург	29%
Грозный	17%	Саранск	30%
Екатеринбург	30%	Саратов	28%
Иваново	32%	Севастополь	16%
Ижевск	33%	Симферополь	21%
Иркутск	29%	Смоленск	33%
Йошкар-Ола	30%	Сочи	31%
Казань	28%	Ставрополь	31%
Калининград	31%	Стерлитамак	35%

	Доля молодых людей в возрасте до 30 лет, намеренных покинуть город в течение ближайших 7 лет		Доля молодых людей в возрасте до 30 лет, намеренных покинуть город в течение ближайших 7 лет
Калуга	29%	Сургут	31%
Кемерово	39%	Тамбов	31%
Киров	32%	Тверь	30%
Кострома	31%	Тольятти	55%
Краснодар	21%	Томск	26%
Красноярск	28%	Тула	30%
Курган	33%	Тюмень	24%
Курск	32%	Улан-Удэ	31%
Липецк	38%	Ульяновск	37%
Магнитогорск	39%	Уфа	34%
Махачкала	30%	Хабаровск	30%
Москва	21%	Химки	28%
Мурманск	33%	Чебоксары	30%
Набережные Челны	37%	Челябинск	44%
Нижневартовск	34%	Череповец	34%
Нижний Новгород	31%	Чита	33%
Нижний Тагил	32%	Якутск	28%
Новокузнецк	26%	Ярославль	35%

Литература

1. Отчет о НИР «Анализ и моделирование демографической ситуации в России с учетом развития социальной инфраструктуры» Финансовый университет при Правительстве РФ, 2019. 245 с.

2. Социальное управление: Словарь/ Под ред. В.И. Добренькова, И.М. Слепенкова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. 366 с.

3. Борисов А.Б. Большой экономический словарь. М.: Книжный мир, 1999. 895 с.

4. Райзберг Б.А., Лозовский Г.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М., 1996. 479 с.

5. Шепотько Л.А., Полонский В.Я., Прокопа И.В. Капитальные вложения в социальную инфраструктуру села. М.: Экономика, 1983. 143 с.

6. Медведева И.А. Алгоритм выделения приоритетных направлений развития социальной инфраструктуры региона// Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. 2014. №1(7). С. 19-23.

The main social and infrastructural factors determining the demographic dynamics in the regions of Russia and their attractiveness for migration

Zubets A.N.,

Financial University under the Government of the Russian Federation

The problems of the impact of social infrastructure development on the demographic situation in the regions are considered. It is shown that the birth rate in the regions is most affected by the displacement of women from work, to a certain extent forcing them to the position of housewives engaged in child care, the number of doctors per 1000 inhabitants of the region, the provision of children's and adult clinics, cash income and the subsistence minimum. Migration population growth is influenced by the security of the

population, capabilities of doing business, density of automobile paved roads, access to broadband Internet, places in kindergartens, public transport development, the income level and cultural infrastructure.

Keywords: Fertility, Migration, Social infrastructure, Incomes

References

1. Research report "Analysis and modeling of the demographic situation in Russia taking into account the development of social infrastructure" Financial University under the Government of the Russian Federation, 2019.2445 p.
2. Social Management: Dictionary / Ed. IN AND. Dobrenkova, I.M. Slepikova. - M.: Publishing House of Moscow State University, 1994.366 s.
3. Borisov A.B. Great economic dictionary. M.: Book World, 1999.895 s.
4. Raizberg B.A., Lozovsky G.Sh., Starodubtseva E.B. Modern economic dictionary. M., 1996. 479 p.
5. Shepotko L.A., Polonsky V.Ya., Prokop I.V. Capital investments in the social infrastructure of the village. M.: Economics, 1983. 143 p.
6. Medvedeva I.A. Algorithm for identifying priority areas of development of the social infrastructure of the region // Bulletin of Moscow University named after S.Yu. Witte. 2014. No1 (7). S. 19-23.

Детский спорт как вариант стратегии формирования человеческого капитала (на материале региона Республики Хакасия и юга Красноярского Края)

Ибрагимов Р.Н.

В теории человеческого капитала объектом инвестиций могут служить любые способности и таланты человека. К ним можно отнести не только интеллект, но и потенциальные успехи человека в спорте. В структуре человеческого капитала особое место занимает мотивация, обеспечивающая действием целеполагание в эксплуатации человеческого капитала. В такой дефиниции она почти точно совпадает с понятием пассионарности. В виталистской парадигме именно пассионарность является главным фактором и в жизненной траектории отдельного индивида, и в динамике развития целых регионов и стран. В этом отношении побуждения к занятиям спортом со стороны детей и их родителей ещё актуальнее, т.к. спорт – это наиболее простая и естественная форма выражения пассионарности. В статье представлены результаты первого этапа эмпирического исследования отношения родителей региона Республики Хакасия и юга Красноярского края к занятию спортом их детей, а также теоретико-методологические основания к постановке проблемы. Подтвержденной в исследовании базовой гипотезой служило предположение о преобладающем витально-иррациональном характере родительского попечения, что заставляет внести коррективы в понятие человеческого капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал, детский спорт, родитель ребенка-спортсмена, пассионарность.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00365

Человеческий капитал традиционно определяется как совокупность знаний, компетенций, талантов и мотиваций человека, служащие адресатом инвестиций и способные приносить прибавочную (добавленную) стоимость. В нашей концептуальной модели ставится акцент на видовом признаке «мотивация». Несмотря на то, что этот признак буквально заявляется в классических определениях человеческого капитала (например, у Г.Беккера [7, С.16]), в формулах расчета степени развитости человеческого капитала он явочным порядком практически не участвует.

В концепции реализуемого проекта понятие мотивации конкретизировано в концепте пассионарности. Его содержание благодаря Л.Н.Гумилеву общеизвестно и общепонятно [см.напр. 2, С.465], хотя часто встречается непонимание и неприятие этого концепта. Чтобы сэкономить на дискуссии, предлагается пойти гипотетико-дедуктивным путем от трех тезисов.

Тезис 1. Пассионарность и ее носители (пассионарии) существуют.

Тезис 2. Пассионарность – главное, решающее качество в самореализации человека.

Тезис 3. Признак пассионарности выражен в носителях неравномерно («больше-меньше»), значит принципиальная возможность выразить ее в количественных и формализованных показателях существует.

Пояснение к тезису 1. Тезис очевиден во всех смысловых плоскостях и парадигмах. Он очевиден в парадигме «здорового смысла», т.к. у всех есть знакомые с прозвищем «шило в... мягком месте». Существование людей с повышенной активностью – в буквальном смысле медицинский факт. Это носители т.н. «гена авантюризма». Это означает, что пассионарность – реальный, объективно существующий социальный факт. Но пассионарность также очевидный факт и для социологического конструктивизма, ибо здесь реальность воздвигается «большинством голосов». Стигматы вроде «экстремист» или «гиперактивный ребенок» у всех на слуху.

Пояснение к тезису 2. Эталонные носители человеческого капитала, «отцы-основатели» бизнес-империй часто были троечниками на школьной или студенческой скамье (С.Джоббс, Д.Трамп, Г.Боинг и др.).

Итак, *пассионарность является ключевым компонентом в структуре человеческого капитала*. И поэтому, в качестве пояснения к тезису 3, частично решается методологическая проблема количественного измерения мотивации вообще и феномена пассионарности в частности. Пассионарности как особого рода индивидуальной и социальной энергии всё равно, в какие формы воплощаться. Эта «жидкость» может выливаться в «деструктивные»

и «конструктивные» емкости. «Деструктивная» разновидность пассионарности имела в истории множество воплощений – от восстания Спартака до Майдана. Но разрушительная пассионарность – тема особого исследования. «Конструктивная» пассионарность, в свою очередь, также проявляется во всех сферах общественной жизни – в политике, экономике, искусстве, волонтерстве, в быту. И всё это – предметы особого рассмотрения.

Но *самым простым способом «заземления» пассионарной энергии является физическая активность и, соответственно, ее привычная для нас социокультурная форма – спорт*. [4, С.16] Этим соображением – что изучать сложное надо всегда начинать с изучения простого – и объясняется выбор данного направления исследования. Инвестиции в людей предполагают их возврат в будущем [5, С.84]; добавленную стоимость лишь *будут* вырабатывать объекты капитализации. В качестве объектов капитализации будущих успешных спортсменов можно рассматривать разные возрастные категории. Например, сейчас активно развивается спорт пожилых, и, помня, какую важную роль в расчете человеческого капитала играет фактор долголетия, спорт пожилых представляет собой особый исследовательский интерес.

Пока же, руководствуясь принципом «от простого – к сложному», мы должны сосредоточиться на самом очевидном объекте «спортивной капитализации» – на юных спортсменах. Поэтому объектом капитализации в данном формате выступают дети.

И подобные способ и направление капитализации могут приносить порой феноменальные дивиденды. Например, клуб «Барселона» решил на инвестицию в Л.Месси, когда тому исполнилось только 11 лет. Месси принес бизнес-структуре «Барселоны» к настоящему моменту несколько сотен миллионов долларов чистой прибыли. [1, С.438] И важно здесь не только, кто является *объектом* капитализации в области спорта – т.е. будущие успешные спортсмены – но и *субъект* капитализации, т.е. инвестор и выгодоприобретатель.

Классическая теория человеческого капитала усматривает три внешних субъекта капитализации человека – государство, бизнес и семья [3, С.102]. Внутренним субъектом является сам человек, инвестирующий в себя. Чистым примером автокапитализации является, например, биатлонистка К.Мякарайнен, которая более десятка лет выступает на условиях самокупаемости.

Те же три внешних субъекта имеют место и в сфере спорта. Как происходит здесь процесс капитализации со стороны перечисленных инстанций, эмпирически может быть выявлено с помощью разных методов. Для социального государства вложение средств в перспективу спортивных успехов – это, в первую очередь, расходная статья бюджетов разных уровней, и здесь исследовательская стратегия сосредоточивается на анализе финансовых документов. А также разразившихся постфактум допинговых скандалов – методом контент-анализа публикаций СМИ. Бизнес-субъектов в спорте интересует, как правило, гарантированная при-

быль, поэтому он обычно ограничивается «короткими» инвестициями. Детерминация здесь глубже и тоньше, соответственно, и инструментарий, наряду с документальной аналитикой, должен обогащаться рядом качественных методов. [6, С.250]

Семья как инвестор – самый «туманный» из субъектов капитализации будущих спортсменов. Как и в случаях с государством и бизнесом, общие количественные показатели – посещаемость спортивных секций – вполне доступны для анализа. Но если мы точно знаем, что для государства вложения в детский спорт – это бюджетное невосполнимое обременение по выполнению социальных обязательств, а для бизнеса – это вложения с перспективой быстрого возврата добавленной стоимости, то в случае с родителями (опекунами) юных спортсменов всё далеко не так однозначно. Даже сам экономический подход родителя к ребенку неодинаково выражен в разных странах, регионах и культурах. Скажем, во Франции или Финляндии ребенок – это фактически собственность государства, а родитель рассматривается здесь как временный наемный воспитатель. Для россиянина же случаи изъятия социальными службами детей из семьи, особенно по причине «избыточной любви», не просто не характерны, но пока даже непредставимы.

Итак, семей с детьми-спортсменами много, педагогических стратегий – тоже, и какова пропорция между этими стратегиями – неясно как в статическом, так и в динамическом (имея в виду, что соотношение мотиваций может претерпевать су-

ществленные изменения со временем) аспектах. Оба аспекта лучше и адекватнее всего изучается формализованными количественными методами – анкетированием и, для выявления динамики среды, мониторингом. Этим был обусловлен выбор метода в нашем исследовании.

Исследование на вышеозначенную тему проводилось в рамках более широкой темы «Проблемы формирования человеческого капитала: региональное измерение». *Территориально-демографической средой* исследования было население Республики Хакасия (РХ) и некоторых районов юга Красноярского края, расположенных в Хакасско-Минусинской котловине – Минусинского, Шушенского, Курагинского и Ермаковского. Данные районы тесно связаны с РХ экономически и культурно, что позволило объединить их в тематике нашего грантового проекта.

В настоящее время и Республика Хакасия, и южные районы Красноярского края находятся в состоянии экономической депрессии со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями. А именно: перспектива трудоустройства в индустриальный сектор экономики и для взрослого, и для подрастающего поколения здесь существенно уже, чем в крупных агломерациях. Поэтому и понимание спортивной карьеры как одного из способов выживания здесь актуальнее, чем, например, престижная мотивация «стать именно великим спортсменом». Вопрос только в том, в каких степени и формах реагирует на эту проблему и перспективу самонаселение региона.

Анкетирование носило выборочный характер. Выборка составля-

лась на основе статистических данных министерств спорта РХ и Красноярского краев и составила примерно 1/10, или 229 респондентов-родителей. В РХ было опрошено 123 респондентов, в Курагинском районе Красноярского края – 14, в Шушенском районе – 24, в Минусинске – 45, в с. Ермаковское – 23 респондента. Половая структура выборки: 37,6% мужчины, остальные – женщины. По возрасту: младше 25 лет 7,0%, 25-34 года 41,0%, 35-54 года 47,6%, старше – 1,7%. Половозрастные характеристики также учитывались в пропорции выборки.

Пропорция распределения респондентов по доходам по техническим причинам не могла быть увязана с генеральной совокупностью (т.е. с общим числом родителей), однако коррелировалась с общеэкономическими показателями по РХ и югу Красноярского края. Единственным отступлением оказалось число крайне бедных, которых не 1,3%, а около 7%. Не хватает на одежду 11,8%; на крупные бытовые приборы – 30,6%; на квартиру или автомашину – 43,7%, самых состоятельных – 10,9%.

Распределение по видам спорта показало, что наибольшей популярностью среди потребителей спортивного воспитания пользуются различные единоборства (в совокупности 14,4%), футбол (32,3%) и волейбол (24,0%). Последние два варианта легко объяснимы сочетанием двух обстоятельств: 1) это командные виды спорта, занятие которыми в рамках одной секции может одновременно собрать до 50 детей; 2) наличие относительно недорогой первичной инфраструктуры (зал с волейбольной сеткой есть в

каждой школе, футбольная площадка – тоже). Популярность силовых единоборств резко возросла в регионе – как и по всей России – в конце 1980-х-начале 1990-х гг. и с тех пор устойчиво сохраняется.

Вопрос «Как давно Ваш ребенок посещает эту секцию?» преследовал задачу выявить распределение детей по стажу занятий конкретным видом спорта. Выявляемая здесь информация важна по двум причинам. Во-первых, занятия спортом, как и прочие факультативные занятия детей, представляют собой довольно динамичную и неопределенную картину. Посещение спортивных секций детьми не обладает такой же степенью обязательности, как посещение взрослыми мест работы и зависит от целого ряда субъективных факторов: «понравилось-разонравилось», удобство, родительская толерантность, эмоциональная близость с тренером, с другими детьми, посещающими секцию, и т.п. Этот фактор ставит перед спортивным руководством дополнительную задачу интенсивного и регулярного мониторинга ситуации с посещаемостью детских спортивных секций.

Во-вторых, разброс посещаемости, отраженный в ответах на вопрос, позволяет отразить широту предложения выбора и рейтинг популярности отдельных видов спорта. Это, в свою очередь, дает представление о двух показателях, имеющих непосредственное отношение к проблематике человеческого капитала. Первый – традиции популярности видов спорта, сложившиеся в регионе. Например, Хакасия и юг Красноярского края еще с 1960-х гг. являются одним из важнейших в России месторазвитий

хоккея с мячом. Местная команда «Саяны» регулярно борется за самые высокие места в чемпионате России; в г. Абакан однажды (1987 г.) даже проводился чемпионат мира по бэнди. То же самое можно сказать про традиции греко-римской и вольной борьбы, связанные с «культом» знаменитого олимпийника Ивана Ярыгина. Данный показатель отражает социокультурную составляющую человеческого капитала и является методологически качественным.

Другой показатель – коммерческая привлекательность представленных в распределении видов спорта. Дети ходят в те или иные секции не только потому, что им или их родителям это нравится, но и потому, что финансовое положение их семей это позволяет. В этом смысле распределение по видам спорта является косвенным, но очень важным показателем потребительской активности населения в целом и семей с детьми – в частности. Данный показатель является количественным и, следовательно, поддается формализации. Распределение по стажу посещения отражает принцип фильтрации будущих спортсменов по силе и устойчивости их мотивации.

Следующий вопрос «Что подвигло Вас устроить Вашего ребенка в данную секцию?» имел задачей выявить соотношение мотивов родителей обеспечить или поддержать занятия своих детей спортом. Это уже прямой выход на проблематику человеческого капитала. Его классическое выражение, а именно когда родители ясно и недвусмысленно рассматривают занятия ребенка спортом как выгодное вложение денег, сил и роди-

тельской любви, отражено в варианте ответа «считаем, что в спорте наилучшая для ребенка профессиональная перспектива». Значение здесь составило 6,6%.

Вариант «нам нравится именно этот вид спорта» является «бессознательной» вариацией классической теории. «Нам» – это родителям, конструирующим в своем сознании привлекательный бренд какого-либо вида спорта и навязывающим свой выбор ребенку. Что именно стоит за этой «бессознательно-тоталитарной» версией – действительная симпатия к спорту, реализация в ребенке несбывшихся собственных мечтаний или надежда на финансовую конвертацию спортивных достижений ребенка – для нас уже неважно, поскольку здесь значим сам факт приоритета родительского выбора и, к тому же, выявить это без квалифицированной психологической экспертизы затруднительно.

Два следующих варианта укладываются в виталистскую парадигму, и также подразделяются на «сознательный» («ребенок активный, надо куда-то девать энергию») и «бессознательный» («мы ничего не решали, это была инициатива ребенка») подвиды. Сторонниками рационалистической стратегии «заземления энергии» выступили 24,9% респондентов; предоставили проявление инициативы ребенку (или имитировали демократизм) 29,3%. В сумме виталистские представления о спортивном воспитании составляют более половины опрошенных (54,2%), что в целом подтверждает концептуальную модель исследования.

Самая распространенная мотивация, как и ожидалось, носила

«оздоровительный» характер (28,4%), хотя преобладание этого варианта и не носило ярко выраженного характера. Вариант «камера хранения», предполагающий наибольшее равнодушие, («нужно было чем-то занять свободное время ребенка») выбрали 5,2% респондентов, что сопоставимо с грешностью.

Следующий вопрос предполагал детализацию экономических резонансов и мотивов семей, чьи дети занимаются спортом. Из таблицы №4 видно, что наибольшее финансовое участие родителей требуют такие статьи расходов, как покупка спортивной одежды и обуви (77,3%), финансирование сборов на соревнования (28,4%) и покупка спортивного инвентаря (20,1%). Цифры показывают, что родительское сообщество в регионе является не факультативным, не вспомогательным институтом, а одним из ключевых спонсоров детского спорта в РХ и на юге Красноярского края. Одновременно такое распределение значений показывает, что и для родительского сообщества, несмотря на преобладание «традиционалистских» мотиваций, вложение финансовых средств не является второстепенной функцией.

Разброс результатов также показывает, что в чистом виде рассматривают необходимость затрат именно как вложение инвестиций крайне незначительное число родителей. Это особенно заметно по двумерной таблице (столбец №7 «в спорте наилучшая для ребенка профессиональная перспектива»). Эффект капитализации возникает чаще не как результат рациональной стратегии, а как побочный эффект иных побудительных мотивов

– любви (28%), заботы (31,2%), утилизации активности (22,6%) и пр.

Бессознательный, стихийный характер капитализации хорошо заметен на еще одном показателе в этой таблице. Довольно большой процент родителей – 46,7% – убеждены, что все расходы на детский спорт должно нести государство в лице спортивного учреждения. Иными словами, финансирование занятий своих детей почти для половины родителей – неприятная, но вынужденная обязанность.

Подавляющее большинство родителей (76,5%) удовлетворены или условно удовлетворены материально-техническими условиями, в которых занимаются спортом их дети. Это неудивительно при том наборе видов спорта, который имеется в регионе. Это, как правило, малобюджетные виды спорта. Даже хоккей с мячом в плане экипировки и содержания инфраструктуры в несколько раз бюджетнее хоккея с шайбой. Справедливости ради надо сказать, что в последнее десятилетие в развитии спортивной инфраструктуры Хакасии произошли существенные сдвиги в лучшую сторону: построены новый спортивный центр, бассейн, реконструированы несколько стадионов. Так что в оценке материальных условий частично возможна и авансовая мотивация.

Та же картина наблюдается с отношением родителей к качеству работы тренерского состава. В РХ и на юге Красноярского края традиционно уделяется много внимания спорту вообще и детскому спорту в частности. Отрицательно оценивают работу тренерского состава не более 2%. Помня о том, что РХ и юг Красноярского края – не самый экономически благополучный регион,

что большинство родителей имеют достаток ниже среднего, что тренерские ставки также невысоки, можно интерпретировать столь высокую оценку тренерского труда примерно так: «Спасибо, что хотя бы работают». Также высокая оценка говорит о жизненной позиции самих родителей, в которой поддерживается здоровый баланс требовательности и благодарности.

В процессе анкетирования проверке подвергался также показатель эмоциональной привязанности родителей. Он характеризует перспективу капитализации будущих успехов как бы «от противного»: бизнес, если придерживаться простейшего обиходного смысла – а именно это ожидается от сканируемой среды – это когда «ничего личного». В этом смысле максимально отрицательное значение, замаскированное в варианте «ребенок молчит о своих неудачах», образует нулевое значение шкалы эмоционального освоения родителем своего статуса. Результат обнадеживает: на данной позиции оказалось количество респондентов, сопоставимое с погрешностью – 3,5%.

С другой стороны, если учитывать тенденции в психологии бизнеса, дело развивается тем успешнее, чем глубже его душевное сопровождение со стороны участников. В нашем случае участники эмоционального контакта – это родители. Для выявления качества и степени такого контакта были взяты крайние ситуации: негативная (проигрыш) и позитивная (выигрыш, успех).

Если ребенок терпит поражение, в подавляющем большинстве случаев (78,6%) преобладает родственное сопереживание. Более

сдержанная позиция «не вмешиваться» проявляется лишь в 14,8% случаев. Позитивный повод для демонстрации эмоциональной близости родителей и детей-спортсменов даёт почти точное повторение негативного. Устраивают праздник или иначе показывают свою радость 82,1% родителей; на эту группу накладывается пересечением группа, в которой родители подкрепляют общий успех какими-либо материальными вознаграждениями (14,8%). Всего лишь 8 респондентов (3,5%) – как и в негативном сценарии – ответили, что и своими успехами дети с ними не делятся. Именно эта позиция показывает, что если экономический мотив «капитализации ребенка» и имеет место, он точно не сопровождается эмоциональным отчуждением. И наоборот, двумерное распределение показало, что в совокупности практически все родители, прямо или косвенно, осознанно или неосознанно возлагающие надежды на экономическое или профессиональное будущее их детей, эмоционально переживают с детьми и их успехи, и их неудачи.

Ответы на вопрос «Связываете ли Вы свои представления о будущем Вашего ребенка со спортом?» распределились таким образом, что

перспективы превращения занятий спортом в источник заработка в будущем прямо или в снятом виде рассматриваются более чем третью родителей (37,1%). Резервом этой категории являются те, кто затруднился с ответом (14,0%). В промежутке между затруднившимися и теми, кто отрицает для себя спортивное будущее своих детей (15,7%) находится группа «фаталистов», т.е. родителей, для которых спортивные перспективы не являются предметом проблематизации, напряженного размышления. Таких 33,2%.

Налицо определенным диссонанс с данными, дающими представление о целях и мотивах родителей, отдающих детей в спортивные секции. Напомним, там открыто поделились надеждами на успешное профессиональное будущее всего лишь 6,6%. Такой лаг объясняется тем, что далеко не все родители представляют себе своих детей именно профессиональными спортсменами, но при этом чувствуют, что любительский спорт или фитнес станет неотъемлемой составляющей их будущей жизни. В этом и состоит специфика стихийной, естественной капитализации.

Таблица 1

Связываете ли Вы свои представления о будущем Вашего ребенка со спортом?

Варианты ответа	Число ответивших	% от числа ответивших	% от общего числа опрошенных
да	85	37,1	37,1
нет	36	15,7	15,7
не думал(а) об этом	76	33,2	33,2
затрудняюсь ответить	32	14,0	14,0
Итого ответивших:	229	100,0	100,0

Не секрет, что родители часто проецируют на социализируемых

детей свои предпочтения, приоритеты, идеалы и мечты. Не секрет

также, что состояние спорта в региональном сообществе осмысливается и переживается тем актуальнее, чем ближе к субъекту предмет осмысления. Поэтому в ходе исследования апробировался не только рефлект, но и конструкт детского спорта, то есть коллективно воображаемое состояние спорта, которым мог бы («если бы довелось») заняться и ребенок, и сам родитель. Анкетный вопрос, посвященный данной проблеме, формировался как полузакрытый, позволяющий респондентам представить самостоятельное представление. В число нормативных включались варианты с высокодоходными рекреационными (такими, как «большой теннис» или «хоккей с шайбой») и экзотические, редкие виды спорта («гольф»).

Выяснилось, что мечтам родителей в наибольшей степени соответствуют большой теннис (23,6%), конный спорт (конкур, выездка) (21,8%), хоккей с шайбой (16,6%). Немало голосов получили также гольф, автоспорт, паркур, художественная гимнастика и регби. Это ничто иное как социальный заказ, и, будем надеяться, власти республики и края отреагируют на аналитические записки с обозначенной информацией.

При этом двумерное распределение показало, что список желаемых видов спорта заполнялся пропорционально показателям платежеспособности. Большинство опрошенных родителей относятся к категориям «доход средний» (машина, но не квартира) и «доход ниже среднего» (холодильник, но не машина). Для представителей этих социальных страт обеспечение до-

ступа своих детей к занятиям престижными и/или экзотическими видами спорта – это даже не инвестиции, а жертва. Таким образом, и в данной позиции преобладающим является вариант стихийной капитализации.

Тема жертвенности нашла продолжение в следующем вопросе: «Предположим, что Ваш ребенок стал подавать в спорте большие надежды и для их реализации необходимо переехать поближе к крупному тренировочному центру, то...». Наиболее решительный и затратный вариант «мы готовы переехать даже за границу» выбрали 19,7% респондентов. Готовы переехать в столичные города (Москва, Санкт-Петербург) всего 7,0%.

Такой скепсис в отношении столиц объясним: они слишком далеки от Хакасии, слишком хлопотным представляется переезд, и неоправданно малым – бонус, ибо семья всё равно остаётся в России. Вероятно, преобладающим мотивом здесь служит «если уж сниматься с места, так за рубеж». Кстати, большинство родителей, выбравших эти два варианта (88,2% по двумерному распределению), принадлежат к стратам «доход средний» и «выше среднего»; то есть их готовность к решительной географической мобильности имеет веский экономический background.

Это, в свою очередь, довольно яркий штрих к явлению, выходящему за рамки «детско-спортивной» тематики – к эрозии пассионарности из провинциальных местностей. Этот эффект часто фигурирует в отечественных исследованиях; с ним столкнулся и автор в ходе других исследований (например, «Молодежный экстре-

мизм в республиках Тыва и Хакасия»). Молодые пассионарии готовы уезжать из отдалённых территорий в метрополию и за границу не только поодиночке, но и в составе семей. Что тревожит.

«Готовы переехать в близлежащий крупный город» 38,0% опрошенных. Для Хакасии и юга Красноярского края такими адресами миграции служат Красноярск, Кемерово, Новосибирск, реже – Томск и Иркутск. Аналогично обстоит дело и с привлекательностью перечисленных городов как крупных спортивных центров.

Глагол «придётся» в формулировке «нам придётся отказаться от переезда» использовался преднамеренно, чтобы вычленил и подчеркнуть мотив жертвенности. Этот вариант выбрали 33,2% респондентов. Как и ожидалось, им воспользовались преимущественно представители малоимущих слоёв с доходом ниже среднего.

Важным для исследования был также вопрос социогенеза, образования общностей на базе родительства детей-спортсменов. Во-первых, коммуникация здесь осложняется опосредованным – через детей – характером контактов. Во-вторых, занятия детей спортом носят факкультативный характер, который можно было бы расценить как несущественный и необязательный.

Тем не менее, оказалось, что социальная роль «родитель ребенка-спортсмена» обладает достаточно высоким коммуникативным потенциалом. «Тесно дружат» 16,6% респондентов, «знакомы и регулярно созваниваются» 29,3%, «знакомы шапочно» 24,9%. Лишь четверть (27,1%) не изъявляют желания сблизиться с

другими родителями. Можно с уверенностью заключить, что представленные показатели косвенно свидетельствуют о своеобразной сетевой структуре, которая потенциально или в снятом виде обогащает спектр институтов гражданского общества. Но этот тематический дрейф нуждается в отдельном исследовании. По крайней мере, при описании пассионарности часто упоминается высокий потенциал социогенеза (пассионарная индукция), и в этом смысле можно вести речь не только о детях-спортсменах как о естественных носителях признака, но и об их родителях, находящих время, силы и смысл поддержания коммуникативных связей.

Вывод. Классическое понимание человеческого капитала предполагает рациональную стратегию инвестирования в формирование и развитие талантов, способных в перспективе принести прибыль. При этом одним из основных субъектов капитализации человека в классической парадигме выступает семья. Такая парадигма зародилась и получила наибольшее распространение в США и Европе.

В нашем исследовании были предприняты несколько корректировок с целью прояснить действие абстрактных формул и положений применительно к российской глубинке. В первую очередь это касается дисциплинарного базиса курса «человеческий капитал». Классическая (и неоклассическая) теория – экономическая, и строится дедуктивным образом из общестрановых показателей, одним из которых, кстати, является ожидаемая продолжительность жизни, проще говоря – здоровье.

Мы пошли обратным путем: здоровье, а конкретнее – практики по

его развитию, следует изучать индуктивными методами, от конкретного – к абстрактному, в дисциплинарных рамках социологии. Тематические рамки также были предельно конкретны: характеристики семьи как капитализатора детского спорта в пределах ограниченной территории проживания. Из общестрановых вводных данных использовалась лишь информация, что в России, в отличие от Запада, семья не является первичным капитализатором и выгодоприобретателем от вложений в будущего гражданина. Одним из немногих исключений здесь как раз и является детский спорт.

В ходе исследования выяснилось, что классическим эталонам формирования человеческого капитала напрямую соответствует ничтожно малое число семей. Очень немногие рассматривают занятия спортом собственного ребенка как рациональное вложение средств. Гораздо чаще в результатах возникали варианты, где сам ребенок с его естественной пассионарностью выступал целью, а не средством. Проще говоря, в подавляющем большинстве случаев мотивами действий родителей выступали любовь, забота, сопереживание, стремление придать активности ребенка конструктивные формы.

Такая стратегия, если эту жизненную позицию можно назвать стратегией, является преимущественно иррациональной, в отличие от классической теории человеческого капитала. Само собой, иррационально-стихийное отношение родителей к занятиям их детей вовсе не означает неуспешности их «стратегии». Наоборот, стихий-

ность, естественность – это важнейшие, фундаментальнейшие характеристики витального компонента в структуре человеческого капитала. В отличие от знаний и умений пассионарный мотив не нарабатывается системой упражнений, но без энергии, направленной в конструктивное русло никакие знания и умения не принесут не только обогащения, но даже элементарной пользы.

В этом смысле «стихийно-виталистские» стратегии, преобладающие в социальном поведении родителей юных спортсменов Хакасии и юга Красноярского края, заметно преобладают, что может служить основанием для сдержанного оптимизма.

Литература

1. Балаге Г. Месси – гений футбола. М.: Эксмо, 2017. – 624 с.
2. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв. – М.: Айрис-пресс, 2013. – 560 с.
3. Диденко Д. В. Интеллектуально-экономическая экономика: человеческий капитал в российском и мировом социально-экономическом развитии. – СПб.: Алетейя, 2015. – 408 с.
4. Захаров М.А. Социология и философия спорта в образовательном пространстве СГАФКСТ: состояние и перспективы / М.А. Захаров // Теоретико-методологические проблемы физической культуры и спорта: сборник статей. - Смоленск: СГАФКСТ, 2005. – 211 с.
5. Плискевич Н.М. Человеческий капитал в трансформирующейся России – М.: Институт экономики РАН, 2012. – 231 с.
6. Супиков В.Н. Социальные проблемы спорта: курс лекций. / В.Н. Су-пиков. - Смоленск - Пенза, 2006. – 314 с.

7. Becker G.S. Human Capital. N.Y.: Columbia University Press, 1964, 264 pp.

Children's sports as a variant of the strategy of forming human capital (based on material from the region of the Republic of Khakasia and the south of the Krasnoyarsk territory)

Ibragimov R.N.

Katanov Khakass State University

In the theory of human capital, any person's abilities and talents can serve as an object of investment. These include not only intelligence, but also the potential success of a person in sports. In the structure of human capital, a special place is occupied by motivation, which is volitional aspiration, which ensures the goal-setting in the exploitation of human capital. In such a definition, it almost exactly coincides with the concept of passionarity. In the vitalist paradigm, it is passionarity that is the main factor both in the life trajectory of an individual and in the dynamics of the development of entire regions and countries. In this regard, the incentives for sports on the part of children and their parents are even more relevant, because Sport is the simplest and most natural form of expression of passion. The article presents the results of the first stage of an empirical study of the attitude of parents in the region of the Republic of Khakassia and the south of the Krasnoyarsk Territory to the sport of their children, as well as theoretical and methodological grounds for posing the problem. The basic hypothesis confirmed in the study was the assumption of the prevailing vital-irrational nature of parental care, which forces us to make adjustments to the concept of human capital.

Keywords: human capital, children's sport, parent of a child-athlete, passionarity.

References

1. Balage G. Messi - the genius of football. M.: Eksmo, 2017. -- 624 p.
2. Gumilyov L.N. Ethnogenesis and biosphere of the Earth / L.N. Gumilyov. - M.: Iris-press, 2013. -- 560 p.
3. Didenko D. V. Intellectual-intensive economy: human capital in the Russian and world socio-economic development. - St. Petersburg: Aletheia, 2015. -- 408 p.
4. Zakharov M.A. Sociology and philosophy of sport in the educational space SGAFKST: status and prospects / M.A. Zakharov // Theo-retic-methodological problems of physical culture and sports: a collection of articles. - Smolensk: SGAFKST, 2005. -- 211 p.
5. Pliskevich N.M. Human Capital in Transforming Russia - M.: Institute of Economics, RAS, 2012. - 231 p.
6. Supikov V.N. Social problems of sports: a course of lectures. / V.N. Su-peaks. - Smolensk - Penza, 2006. -- 314 p.
7. Becker G.S. Human Capital. N.Y.: Columbia University Press, 1964, 264 pp.

Особенности социальной адаптации и защиты студентов вузов

Куликов С.П., Новиков С.В., Сазонов А.А.

Статья посвящена анализу особенностей формирования и развития социальной адаптации и защиты студентов высших учебных заведений. Выделены основные аспекты присущие социальной адаптации студентов университетов. Представлены органы занимающиеся саморегулированием, направленным на развитие процессов адаптации обучающихся студентов. Рассмотрены основные виды дотаций, получаемые студентами в ВУЗах в рамках реализации механизмов социальной защиты. Приведены основные правила, способствующие облегчению процесса социальной адаптации студентов. Авторами приведена система психологического сопровождения студентов обучающихся на первом курсе качественным образом способствующая улучшению социальной адаптации.

Ключевые слова: социальная адаптация, психологические особенности студентов, социальная политика, молодежная политика, социальная защита.

В современной науке и практике понятие адаптации занимает ключевые позиции при разработке методов повышения эффективности подготовки студентов. Адаптация студентов включена в ряд фундаментальных вопросов образования: подготовка конкурентоспособных специалистов, развитие личности, профессионализация, социализация студентов. От успешности вузовской адаптации зависит профессиональное становление студентов, их вхождение в новую социальную ситуацию развития. В настоящее время в связи с модернизацией российского образования потребность в исследованиях вузовской адаптации возрастает. При этом имеющиеся разработки не в полной мере соответствуют росту данной потребности. В частности, в них не отражено влияние на процесс профориентации абитуриентов и адаптации студентов в ВУЗе возрастающих информационных потоков. Под их воздействием у учащихся формируются образы ВУЗа и факультета, основанные на предпочтении тех или иных условий подготовки к профессиональной деятельности, на идеальных представлениях о социальной среде ВУЗа и факультета. Вместе с тем образы ВУЗа и факультета складываются и на основе оценки представленных в том или ином ВУЗе или факультете реальных условий. Исследование закономерностей взаимной обусловленности адаптации студентов и формирова-

ния образа ВУЗа и факультета может дать результаты, важные для разработки мер упреждающей адаптации [4,5].

Современными тенденциями, характерными для российской молодежи в целом, являются индивидуализм, карьеризм, переход к потребительскому стилю жизни. Навязывание ценностных образцов, которые, с одной стороны, несут печать экономическо-нравственной депрессии, а с другой – ставящие успех на вершину личных культурных стратегий, приводит к проникновению достигательских стратегий во все молодежные идентичности. Ценности индивидуализма и карьеризма уже давно прочно вошли в жизненный стиль, и ценность коллективной деятельности не является определяющей для молодежи, конструирующей собственный стратегический путь, однако, патерналистские настроения во многом производятся и воспроизводятся и на данном этапе развития общества. Формирование эффективной молодежной политики в ВУЗе сегодня относится к одной из важных задач, которые стоят перед системой образования в целом. Несмотря на снижение определяющей роли высшего образования для реализации успешного трудового пути, исследователи признают, что студенты ВУЗов представляют собой наиболее образованную часть молодежи, что лишь повышает значимость конструирования гуманистической, успешной и здоровой личности, и места высшего учебного заведения в этом процессе [3].

Адаптация включает взаимодействие психологических, социальных и биологических факторов. Выде-

ляют три главных аспекта адаптации: дидактический, профессиональный и социальный. Социальная адаптация предполагает активное приспособление индивида к условиям среды как физического, так и социального. Именно ее рассмотрим подробнее. Адаптация представляет собой приспособление живого организма к динамическим условиям внешней и внутренней среды. В психологии интенсивно изучают адаптацию человека как личности в социальной среде с учетом требований общества, собственных потребностей, интересов и возможностей [1,2].

Социальная адаптация представляет собой сложный многогранный процесс активного приспособления индивида к социальной среде в которой он находится. У каждого индивида социальная адаптация происходит в зависимости от ценностных ориентаций, избранных целей, возможностей. Она имеет непрерывный характер, но наиболее сказывается при изменении деятельности человека его социального окружения. Специфика адаптации первокурсника зависит от того, насколько его жизненные ориентации и интересы сосредотачиваются на обучении в ВУЗе или тесно с ним связаны. Рассмотрим систему психологического сопровождения студентов обучающихся на первом курсе (рис. 1.).

Важным моментом социальной адаптации является определенное противостояние между личными планами, привычками, способностями студента и тем, положением, которое он занимает в группе, на курсе, в ВУЗе, теми требованиями, которые относятся к нему, как к студенту. Выделяют два главных момента в процессе социальной адаптации [5]:

Рис.1. Система психологического сопровождения студентов обучающихся на первом курсе высшего учебного заведения

1. Успешность студента. Чувство удовлетворенности результатами учебной работы.

2. Социальный успех. Заключается в освоение новых условий жизни, завоевание авторитета в студенческом коллективе и особенно у преподавателей ВУЗа.

Особенностью коллектива на начальном этапе адаптации является то, что став студентами, они попадают в среду, где никто ничего не знает друг о друге. Но студенты учащих в классе были замкнуты в себе, застенчивые, тихие, пассивные, могут проявить свои способности и занять определенный статус в группе. Можно сказать, что среда на первых порах более благоприятным для самореализации и самораскрытия, поскольку ее изменение и новизна снимает некоторые эмоциональные барьеры. Стремление к самоутверждению личности в новом

коллективе может привести к конкуренции и борьбе между его членами за лидерство [3].

В таких случаях очень сложно тем студентам первокурсникам, которые были лидерами в школе, привыкли быть первыми, а в студенческой жизни не выдержал этой борьбы. Тогда возникает ощущение отторжения и ненужности данному коллективу. Причиной возникновения этих ощущений является то, что человек не может сразу изменить свой статус и занять место, к которому привык и всегда стремился. Дополнительной проблемой является то, что группа не хочет видеть данную личность в той или иной роли. Такой ход событий больно влияет на личность данного студента, который в будущем не способен бороться с натиском всей группы и может стать «аутсайдером». В ВУЗе для развития про-

цесса адаптации студентов существуют следующие органы студенческого самоуправления [2]:

- руководящий орган;
- студенческий совет на уровне факультета;
- представители совета на потоке или в академической группе.

Руководящий орган возглавляет председатель студенческого самоуправления. Его выбирают каждый год из числа нескольких кандидатов, каждый из которых представляет свою программу развития университета и роли студенческого самоуправления в ВУЗе. Кандидат, получивший большинство голосов, становится лидером студенческого самоуправления и находится в тесном взаимодействии с администрацией ВУЗа: от согласованности их действий зависит, насколько успешными будут студенческие инициативы. Кроме председателя и его заместителя в состав самоуправления входят студенты, ответственные за работу по разным направлениям. Выделяют такие сектора деятельности [1]:

- процесс обучения;
- культурная работа, спорт и пропаганда здорового образа жизни;
- научное направление, дисциплина и самоорганизация;
- связи с общественностью и организация мероприятий, и социальная работа.

Задача ответственных студентов – собрать команду, которая будет реализовывать проекты студенческого самоуправления. Концерты, КВН, интеллектуальные игры, театральные постановки – все эти мероприятия обычно организуют именно активисты. Те же, кому

ближе организационная работа, сотрудничают с администрацией: участвуют в составлении расписания, сотрудничают с библиотекой, предлагают новые направления развития ВУЗа и улучшения студенческой жизни.

Для студентов, магистрантов и аспирантов ВУЗов доступны разнообразные меры поддержки, как на региональном, так и на федеральном уровне. Социальная поддержка доступна разным категориям студентов; в зависимости от категории выплаты могут быть как единовременными, так и регулярными. Дотации назначаются и выплачиваются студенческими и профсоюзными организациями (администрацией) университета на основании личного заявления студента. Рассмотрим основные виды дотаций, получаемых студентами в ВУЗах в рамках социальной защиты [4,6]:

Дотация Мэри Москвы. Ежемесячная дотация Мэри г. Москвы устанавливается в целях социальной защиты студентов, обучающихся на дневных отделениях государственных вузов г. Москвы, и действует в течение учебного года. Дотации назначаются и выплачиваются студенческими и профсоюзными организациями (администрацией) ВУЗов на основании личного заявления студента. Выплата дотации Мэри Москвы студентам осуществляется Университетом ежемесячно в течение учебного года с момента подачи заявления и подтверждающих документов в профсоюзную организацию. Критерии получения:

- студенты-сироты;
- студенты-инвалиды;
- студенты из многодетных семей;

- студенты, имеющие детей;
- студенты-участники военных действий;
- студенты, имеющие родителей-инвалидов, родителей-пенсионеров;
- студенты из неполных семей и т.д.

Материальная помощь обучающимся студентам. Единовременная материальная помощь оказывается нуждающимся студентам и аспирантам очной формы обучения, обучающимся за счет средств федерального бюджета и являющимися гражданами РФ. Единовременная материальная помощь распределяется в пределах выделенных средств фонда материальной помощи. Размер выплаты определяется на основании решения стипендиальной комиссии. Приказ о выплате материальной помощи издается ежемесячно на основании решения стипендиальной комиссии. Обучающийся может воспользоваться единовременной материальной помощью не более двух раз в календарный год. Обстоятельства, учитываемые при оказании единовременной материальной помощи:

- обучающиеся – дети-сироты или дети, оставшиеся без попечения родителей, а также студенты из числа детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;
- обучающиеся – члены многодетных семей;
- обучающиеся из малоимущих семей;
- обучающиеся из неполных семей;
- обучающиеся – инвалиды;
- обучающиеся, имеющие одного или обоих родителей – инвалидов;

- обучающиеся, имеющие одного или обоих родителей – пенсионеров и т.д.

Государственная социальная стипендия студентам. Государственные социальные стипендии назначаются студентам, являющимся гражданами Российской Федерации, обучающимся за счет средств бюджетных ассигнований федерального бюджета по очной форме обучения по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры. Право на получение государственной социальной стипендии имеет студент, подавший заявление в Студенческий офис Университета (СтО) и представивший документ (удостоверение, справка, военный билет, уведомление о назначении государственной социальной помощи и пр.), подтверждающий соответствие одной из категорий граждан, указанных выше. Государственная социальная стипендия в повышенном размере может быть назначена студентам первого и второго курсов, сдавших сессию на «отлично» или «хорошо» или «отлично» и «хорошо» и относящимся к категориям лиц, имеющих право на получение государственной социальной стипендии или являющимися студентами в возрасте до 20 лет, имеющими только одного родителя – инвалида I группы. Повышение размера государственной социальной стипендии осуществляется с учетом результатов сессии на текущий семестр. Государственные социальные стипендии получают студенты, относящиеся к следующим категориям лиц:

– дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лица, потерявшие в период обучения обоих родителей или единственного родителя;

– дети-инвалиды, инвалиды I и II групп, инвалиды с детства;

– подвергшиеся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС и иных радиационных катастроф, вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне и т.д.

Для облегчения процесса социальной адаптации можно использовать определенные правила, например:

1. Старайтесь выполнять новую интересную работу.

2. Активно старайтесь получить нужную информацию и знания.

3. Не избегайте тех, кто хочет помочь.

4. Не создавайте эмоциональный барьер в общении с одноклассниками, будьте приветливыми и доброжелательными.

5. Проводите свободное время с пользой, заводите новых друзей.

6. Всегда будьте оптимистом, верьте в свои возможности.

Итак, на основе проведенного выше теоретического исследования можно сделать следующие выводы, что социальная адаптация студентов к учебному процессу в ВУЗе зависит от различных компонентов окружающей среды и внутреннего состояния самих студентов. Изменение среды требует от вчерашних школьников не только старания и подготовки, но и изменений. Трудности, с которыми сталкиваются первокурсники, не всегда могут

быть решены успешно ими самими. В таких случаях нужна помощь и поддержка деканата, кураторов, преподавателей, а в некоторых случаях психолога.

Выводы

Исследование данного вопроса открывает перспективы для управления процессом адаптации через управление образом, складывающимся в сознании студента. Используемые технологии нацелены на работу с ограниченным контингентом (лекции, тренинги, семинары), а изменение в оценке среды влияет на массовое восприятие, что позволяет экономить материальные и временные ресурсы. Кроме того, оценка среды имеет более долговременный эффект, чем используемые контактные технологии повышения эффективности адаптации за счет устойчивости создаваемых стереотипов. Таким образом, разработка проблемы адаптации студента в ВУЗе становится одной из насущных задач психологической науки. Вопрос детерминации процесса адаптации является одним из важнейших в социальной, педагогической психологии и психологии труда. Это вопрос о том, в какой мере успешность подготовки студентов в ВУЗе зависит от объективных и субъективных факторов. Разные авторы фокусируют свое внимание на различных элементах данного понятия: среда, личность. В настоящее время в психологической науке преобладают аналитические попытки описания влияния сложившегося образа ВУЗа на адаптацию студентов. Как следствие, эти попытки не являются конструктивными, а списки предлагае-

мых показателей и факторов вариативны и эмпирически не подтверждены. Такая зависимость остается невыявленной в силу ограниченности подходов к решению данного вопроса.

Литература

1. Балабанова А. М. Особенности адаптации студентов в вузе // Молодой ученый. – 2018. – №14. – С. 254-256. – URL <https://moluch.ru/archive/200/49242/> (дата обращения: 20.11.2019).
2. Пономарев П.А., Штильников Д.Е., Пономарева А.П. Социально-психологическая адаптация студентов-первокурсников // Психологические науки: теория и практика: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2017 г.). – М.: Буки-Веди, 2017. – С. 38-42. – URL <https://moluch.ru/conf/psy/archive/238/12364/> (дата обращения: 20.11.2019).
3. Роголева Г.И. Социальная адаптация студентов на основе педагогической поддержки // Молодой ученый. – 2015. – №1. – С. 479-484. – URL <https://moluch.ru/archive/81/14523/> (дата обращения: 20.11.2019).
4. Распоряжение Правительства РФ от 15 мая 2013 г. № 792-р «Об утверждении государственной программы РФ «Развитие образования» на 2013–2020 г.г.» // Документ распоряжения опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации от 27 мая 2013 г. № 21 ст. 2671, на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 20 мая 2013 г.
5. Руденко А.Н. Педагогическая поддержка личностного роста студента средствами разноуровневого обучения / А. Н. Руденко // Знание. Понимание. Умение, 2011. – № 3. – С. 315–318.
6. Смирнов А.А. Адаптация студентов и образ вуза: монография / А.А. Смирнов, Н.Г. Живаев; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – 168 с.
7. Куликов С.П., Новиков С.В., Просвирина Н.В., Сорокин А.Е. Мониторинг эффективности реализуемых программ и проектов в области молодежной политики в российских образовательных организациях. Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 10 (96). С. 76-83.
8. Куликов С.П., Новиков С.В., Сорокин А.Е., Борзов О.А. Нормативные и правовые основы деятельности государства в области молодежной политики. Финансовая экономика. 2018. № 6. С. 196-198.
9. Куликов С.П., Новиков С.В., Просвирина Н.В., Щитов К.В. Анализ количественных показателей, влияющих на эффективность проведения общественно значимых мероприятий образовательными организациями рф. Финансовая экономика. 2018. № 8. С. 473-478.
10. Куликов С.П., Новиков С.В., Просвирина Н.В., Драгунова Е.В. Оценка качественных индикаторов, характеризующих опыт образовательных организаций в области молодежной политики, дополнительного образования и формирования здорового образа жизни. Финансовая экономика. 2018. № 8. С. 467-472.

11. Просвирина Н.В., Тихонов А.И., Новиков С.В. Воспитание студенческой молодёжи в контексте культурного развития личности. Московский экономический журнал. 2018. № 3. С. 19.

12. Михайлов А.А., Федотова М.А., Тихонов А.И., Новиков С.В. Проблемы профессионального самоопределения студенческой молодежи. Финансовая экономика. 2018. № 6. С. 206-210.

13. Куликов С.П. Об актуальных подходах к организации деятельности волонтерских центров и объединений в образовательных организациях высшего образования. Глобальный научный потенциал. 2018. № 12 (93). С. 170-173.

14. Метечко Л.Б., Сорокин А.Е., Тихонов А.И., Новиков С.В. Эпоха трех "Э" и возможные тенденции развития. Московский экономический журнал. 2017. № 4. С. 92.

15. Метечко Л.Б., Сорокин А.Е. Кластерная стратегия экоиновационного развития машиностроительной отрасли. СТИН. 2017. № 10. С. 27-30.

Features of social adaptation and protection of university students

Kulikov S.P., Novikov S.V., Sazonov A.A.
Moscow aviation institute (national research university)

The article is devoted to the analysis of features of formation and development of social adaptation and protection of students of higher educational institutions. The main aspects of social adaptation of University students are highlighted. The bodies engaged in self-regulation aimed at the development of adaptation processes of students are presented. The main types of subsidies received by students in Universities in the framework of the implementation of social protection mechanisms are considered. The basic rules that facilitate the process of social adaptation of students are given. The

authors present a system of psychological support of students enrolled in the first year qualitatively contributes to the improvement of social adaptation.

Keywords: social adaptation, psychological characteristics of students, social policy, youth policy, social protection.

References

1. Balabanova A. M. Features of the adaptation of students in high school // Young scientist. - 2018. - No. 14. - S. 254-256. - URL <https://moluch.ru/archive/200/49242/> (accessed: 11/20/2019).
2. Ponomarev P.A., Shtilnikov D.E., Ponomareva A.P. Socio-psychological adaptation of first-year students // Psychological Sciences: Theory and Practice: Materials of the V Intern. scientific conf. (Moscow, June 2017). - M.: Buki-Vedi, 2017. -- S. 38-42. - URL <https://moluch.ru/conf/psy/archive/238/12364/> (accessed: 11/20/2019).
3. Rogaleva G.I. Social adaptation of students based on pedagogical support // Young scientist. - 2015. - No. 1. - S. 479-484. - URL <https://moluch.ru/archive/81/14523/> (accessed: 11/20/2019).
4. The order of the Government of the Russian Federation of May 15, 2013 No. 792-r "On approval of the state program of the Russian Federation" Development of education "for 2013–2020" // The document of the order was published in the Meeting of the legislation of the Russian Federation of May 27, 2013. No. 21, Art. 2671, on the "Official Internet Portal of Legal Information" (www.pravo.gov.ru) May 20, 2013
5. Rudenko A.N. Pedagogical support of student personal growth by means of different levels of education / A. N. Rudenko // Knowledge. Understanding. Skill, 2011. - No. 3. - S. 315–318.
6. Smirnov A.A. Adaptation of students and the image of the university: monograph / A.A. Smirnov, N.G. Zhivaev; Yarosl. state un-t them. P.G. Demidova. - Yaroslavl: Yaroslavl State University, 2010. -- 168 p.
7. Kulikov SP, Novikov SV, Prosvirina NV, Sorokin A.E Monitoring the effectiveness of ongoing programs and projects in the field of youth policy in Russian educational organizations. Regional problems of economic transformation. 2018. No. 10 (96). S. 76-83.
8. Kulikov S.P., Novikov S.V., Sorokin A.E., Borzov O.A. Normative and legal foundations of state activity in the field of youth policy. Financial economics. 2018. No. 6. S. 196-198.

9. Kulikov S.P., Novikov S.V., Prosvirina N.V., Shchitov K.V. Analysis of quantitative indicators affecting the effectiveness of socially significant events by educational organizations of the Russian Federation. *Financial economics*. 2018. No. 8. S. 473-478.
10. Kulikov S.P., Novikov S.V., Prosvirina N.V., Dragunova E.V. Assessment of quality indicators characterizing the experience of educational organizations in the field of youth policy, additional education and the formation of a healthy lifestyle. *Financial economics*. 2018.No 8.P. 467-472.
11. Prosvirina N.V., Tikhonov A.I., Novikov S.V. Education of student youth in the context of the cultural development of the individual. *Moscow Economic Journal*. 2018. No. 3. P. 19.
2. Mikhailov A.A., Fedotova M.A., Tikhonov A.I., Novikov S.V. Problems of professional self-determination of student youth. *Financial economics*. 2018. No. 6. S. 206-210.
13. Kulikov S.P. On current approaches to organizing the activities of volunteer centers and associations in educational organizations of higher education. *Global scientific potential*. 2018.No 12 (93). S. 170-173.
14. Matechko LB, Sorokin A.E., Tikhonov A.I., Novikov S.V. The era of the three "E" and possible development trends. *Moscow Economic Journal*. 2017. No. 4. P. 92.
15. Metechko LB, Sorokin A.E. Cluster strategy of eco-innovative development of the engineering industry. *STIN*. 2017. No. 10. P. 27-30.

Влияние социальных связей на социальную мобильность

Панчук Н.Н., Гарнага А.Ф.

В статье рассматривается актуальный вопрос аспектов социальной мобильности в современном обществе. Рассмотрены как вертикальная, так и горизонтальная мобильность. Авторами поднята тема влияния социальных связей на вероятность социальной мобильности конкретных индивидов и групп. Проведен экспертный опрос молодых преподавателей ВУЗа с целью выяснить их отношение к наличию или отсутствию полезных связей у них самих и их коллег и их значению при продвижении по карьерной лестнице. Результаты опроса подтвердили предположение авторов о том, что больше половины респондентов пользуются своими связями для осуществления восходящей социальной мобильности, а у 60 % опрошенных социальные связи относятся к группе семейных взаимоотношений – в их организациях работают родственники и знакомые. Таким образом, индивиды имеют возможность менять свой социальный статус и переходить из одной страты в другую благодаря своим социальным связям.

Ключевые слова: социальная мобильность, вертикальная мобильность, горизонтальная мобильность, социальные связи.

Понятие социальной мобильности появляется благодаря Питириму Сорокину, ученому из России. Сорокин в книге под названием «Социальная и культурная динамика» описывает систему мобильности, которая делится на два класса: вертикальная и горизонтальная. Вертикальная может быть восходящей и нисходящей – человек или группа забирается выше или ниже в социальной иерархии; горизонтальная – это перемещение между какими-то категориями, которые находится примерно на одном уровне, например, между двумя профессиями, которые одинаково престижны, одинаково доходны [1].

Большая идея Сорокина заключалась в демонстрации, что во всемирной истории есть глобальные циклы и мобильность возрастает и сокращается не в каком-то одном направлении.

В настоящее время социологи задаются вопросом: «насколько справедливо устроено наше общество?». Могут ли талантливые умные дети, родившиеся в бедных семьях подняться на самый верх или же наоборот, дети ленивые, родившиеся в богатых семьях, опуститься ниже по социальной лестнице. Согласно международным исследованиям, в США, дети, которые родились в семьях, принадлежащих к нижним слоям населения, в соотношении 20 % к 45-ти годам останутся примерно посере-

дине карьерной лестницы; 60 % смогут подняться выше и 8 % добираться до самого верха карьерной лестницы [2, с. 78-99].

Для России показатели неизвестны, поскольку не было никаких исследований, которые бы показывали, что происходило последние 30 лет. Если опираться на косвенные показатели, то уровень мобильности должен быть приблизительно сопоставим с США.

Другой вопрос, который волнует социологов – это социальные связи, которые влияют на социальную мобильность.

Доктор социологических наук, профессор Гофман Александр Бенционович утверждает, что «общество обширно и формируется непосредственно на основе взаимодействия различных индивидов. При этом каждый из нас может осознанно или неосознанно влиять друг на друга. Основополагающим пунктом для влияния является авторитет, высокое положение в иерархической лестнице или высокая духовная развитость» [3].

Зачастую в России социальная мобильность происходит благодаря таким социальным связям, как семейные, например: в семье врачей дети обычно тоже становятся врачами, в семье педагогов дети тоже строят карьеру в образовательной сфере.

Так, авторами был проведен экспертный вопрос в университете. Было опрошено 40 молодых преподавателей ВУЗа в должностях ассистента и преподавателя, возраст респондентов – 25-30 лет (только закончили аспирантуру или еще учатся в аспирантуре на последних курсах). Респондентам предлагалось ответить на 2 вопроса:

– Работают ли в этом ВУЗе Ваши родственники или знакомые?

– Помогают ли Ваши связи продвинуться по карьерной лестнице?

Последний вопрос является открытым, ответы на него заняли от 20 до 60 минут, мнения респондентов оценены с помощью контент-анализа. Проанализировав ответы, авторы получили следующие результаты:

Отвечая на первый вопрос 60 % опрошенных ответили, что у них здесь работают родственники или знакомые.

В ответе на второй вопрос были получены следующие ответы: 55 % пользуются своими связями в ВУЗе для того, чтобы получить повышение или продвижение в карьере.

15 % опрошенных не злоупотребляют своими связями и оставшиеся 30 % респондентов утверждают, что не имеют связей.

Данный опрос показал нам, что социальные связи в различных сферах нашего общества играют непосредственную роль в продвижении по карьерной лестнице.

Сферы общества обширны и играют разные роли в жизни индивида. Именно поэтому в каждой из них он может вести себя по-разному и в каждой свои привилегии. В какой-то человек играет социальную роль подчиненного, а в какой-то – авторитета. Для примера можно привести мужчину, который, находясь дома, выполняет функцию отца, а это, как известно, авторитет. Он может помочь ребенку, поговорить с ним о его проблемах, научить чему-либо, а тот в знак уважения будет слушать его и стремиться к тому, чтобы пододать своему роди-

телю. На работе этот отец выполняет роль подчиненного. Мужчина сможет повлиять на своего ребёнка, но такого не произойдет с его работодателем. Однако, это лишь один из многих видов отношений в обществе.

Из-за смены социальных ролей в процессе жизни индивиды склонны к изменению поведения в зависимости от того, в какой сфере находятся. Человек не позволяет себе на работе, как дома, быть в растянутой майке и просторных штанах, вести себя так, как это делает наедине с собой. На работе он, как правило, принимает облик работника, соблюдает правила хорошего поведения и тона.

Кроме общих люди имеют и индивидуальные черты, накопление которых привело к распаду кровнородственной общины и формированию индивидов. Эти черты становятся основой разделения индивидов в обществе. Связь имеет относительный характер и присутствует лишь в определенном отношении, поскольку вещи с какой-то стороны тождественны и предусматривают свою противоположность – изолированность. То есть индивиды имеют такие черты, изменение одного из которых не затрагивает другого. Изолированность имеет смысл лишь для взаимосвязанных элементов, она подчеркивает автономность их существования и то, что лишь в таком статусе между ними может возникнуть связь. Связь между относительно отделенными индивидами отображает понятие отношений.

В отличие от понятия связи, что характеризует сущностный уровень познания общественных процессов и явлений, понятие отношений —

категория бытия. Отношения фиксируют не только взаимозависимость, но и отделенность индивидов от общества, единство и отличие их целей, они являются наиболее глубокой характеристикой общества и его индивидов. В отношениях консервируются общественные черты индивидов, отображается их статус в обществе, позиции, с которых они вступают в связи. Поэтому отношения отображают определенное состояние общества, характеризуют онтологическое измерение его строения, раскрывают внутреннюю структуру общества. В этом смысле правомерным является вывод классиков, что природа общества определяется совокупностью общественных отношений.

Определение содержания общественных отношений нуждается в изучении количественных и качественных характеристик связей, которые лежат в их основе. Качественные признаки общественных связей связаны с определенными ценностями, что объединяют индивидов в соответствующих областях жизни. Поэтому соответствующие социальные нормы являются основанием для относительного выделения политических (властных), экономических, социальных, духовно-культурных отношений. Все они связаны между собой и отображают разные стороны общественной жизни индивида.

На содержание общественных отношений влияет и количественная определенность связей, которая связана с характером и глубиной изолированности индивидов. В зависимости от прочности общественных связей имеет место корреляционная или функциональная

зависимость индивидов от общества, формируется разный уровень развития общественных отношений.

Если мы имеем власть, то способны контролировать определенные действия других людей, а это высоко значимо в жизни человека. Есть люди, способные сопротивляться контролю и указам, и имеющие на то определенные аргументы, а есть и те, кто "слаб" в обществе и не могут существовать без вышестоящего. Это вид властных отношений или же пример сильных связей, о чем подробно написал М. Грановеттер в статье «Сила слабых связей» [4, с. 32-34].

Тожественные отношения обычно происходят среди хороших друзей. Они построены на доверии друг к другу, взаимопонимании, помощи и сочувствии. Однако, в наше время это редкий тип отношений, поскольку уровень доверия между людьми стремительно падает. В контраст этому можно поставить конфликтные отношения. Никогда не замечали, как меняется наше поведение при общении с тем, кто нам мил, и с тем, кто нас изрядно раздражает? Это происходит из-за постоянного подавления друг друга, навязывания принципов, взглядов и прочего. В таких отношениях постоянно присутствует напряженная атмосфера и исправить ситуацию можно лишь одним способом – найти взаимопонимание. Данный вид связи, согласно М. Грановеттеру можно назвать слабым [4, с. 34-39].

Исходя из всего можно сделать вывод, что сфер и видов социальных отношений большое множество. Каждый из нас ежедневно

меняет роли, а вместе с тем и происходит социальная мобильность. Мы можем занимать различные позиции – властвовать или подчиняться, быть заботливым ребенком и примерным родителем. Различные виды поведения способны менять состояние индивида и его мировоззрение.

Таким образом, индивиды имеют возможность менять свой социальный статус и переходить из одной страты в другую благодаря своим социальным связям.

Литература

1. Филиппов А. Ф. [Электронный ресурс]: Парадоксальная мобильность – URL: http://magazines.russ.ru/oz/2012/5/2f.html#_ftn1 (дата обращения: 27. 05. 2019).
2. Социальная и культурная динамика: Исслед. изм. в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ. отношений = Social & Cultural dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, law and Social Relationships / Питирим Сорокин; Пер. с англ. В. В. Сапова. — Санкт-Петербург: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2000. — 1054 с.
3. Гофман А. Б. [Электронный ресурс]: Социальная мобильность и ее разновидности – URL: <https://openedu.ru/course/hse/GSOC/> (дата обращения: 26. 05. 2019).
4. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.

The impact of social connections on social mobility

Panchuk N.N., Garnaga A.F.
Pacific National University

The article deals with the topical issue of aspects of social mobility in modern society. Both vertical and horizontal mobility are

considered. The authors raised the topic of the influence of social ties on the probability of social mobility of specific individuals and groups. An expert survey of young University teachers was conducted in order to find out their attitude to the presence or absence of useful connections between themselves and their colleagues and their importance in moving up the career ladder. The results of the survey confirmed the assumption of the authors that more than half of the respondents use their connections to implement upward social mobility, and 60 % of the respondents social ties belong to the group of family relationships – relatives and friends work in their organizations. Thus, individuals have the ability to change their social status and move from one stratum to another due to their social connections.

Keywords: social mobility, vertical mobility, horizontal mobility, social connectivity.

References

1. Filippov A.F. [Electronic resource]: Paradoxical mobility - URL: http://magazines.russ.ru/oz/2012/5/2f.html#_ftn1 (accessed: 27. 05. 2019).
2. Social and cultural dynamics: Issled. rev. in large systems of art, truth, ethics, law and societies. Relations = Social & Cultural dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, law and Social Relationships / Pitirim Sorokin; Per. from English V.V. Sapova. - St. Petersburg: Publishing House Rus. Christian. humanitarian. Institute, 2000 .-- 1054 s.
3. Hoffman A. B. [Electronic resource]: Social mobility and its varieties - URL: <https://openedu.ru/course/hse/GSOC/> (accessed: 26. 05. 2019).
4. Granovetter M. Strength of weak ties // Economic Sociology. 2009. Vol. 10. No 4. P. 31-50.

Духовно-нравственная культура студентов технического вуза

Рязанцев И.П., Гридина В.В., Тимонина Т.В.

В статье представлен анализ результатов промежуточного этапа межвузовского социологического исследования, посвященного духовно-нравственной культуре современного российского вуза.

Духовно-нравственная культура выявлялась через набор ценностей студентов Самарского государственного технического университета, взаимодействующих друг с другом в пространстве учебного заведения. В исследовании определялось мировоззрение учащихся через анализ таких показателей, как ответственность, авторитеты, значимые модели поведения, отношение к Другому, духовность, патриотизм.

Результаты исследования показывают, что к духовно-нравственной культуре студенты технического вуза относят общекультурные образцы нравственности, а их ценности основаны на заимствовании идей самых различных идеологий (индивидуализм, либерализм, ценности семьи, дружбы, любви к Родине, отрицательное отношение к политическим и религиозным институтам). Ценностный портрет студента СамГТУ обнаруживает такие черты, как прагматизм, ориентированность на успех и материальное благополучие, приятное времяпровождение, чувство ответственности за себя и своих близких, узкий круг авторитетных людей и мнений.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, культура, вуз, студенческая молодежь, мировоззрение, духовность, значимые другие, ответственность.

Политическая и социальная нестабильность, утрата духовно-нравственных ценностей, преобладание материальных ценностей над духовными, способствуют кризису духовно-нравственной культуры во всем мире [1,3]. Понятие духовно-нравственной культуры отличается многообразием подходов к его определению. Ученые определяют духовно-нравственную культуру как сферу духовной деятельности, которая включает систему образования, воспитания, систему ценностей и убеждений, образцов поведения, систему самореализации личности [3]. Нарастание негативных тенденций, связанных с кризисом духовно-нравственных ценностей в обществе, требует пристального изучения данного социального явления и поиска эффективных комплексных подходов к изменению сложившейся ситуации. Значимость формирования духовно-нравственной культуры подчеркивается и в важнейших государственных документах, принятых в 2015 г., где заявлено «о сохранении и приумножении традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитании детей и молодежи в духе гражданственности; сохранении и развитии общероссийской идентичности народов Российской Федерации, единого культурного пространства страны» [5,6].

Осенью 2018 года факультетом социальных наук православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета в десяти светских и религиозных образовательных учреждениях России было проведено межвузовское социологическое исследование «Духовно-нравственная культура российского вуза». Общее количество респондентов светских вузов составило 2310 человек. Одним из вузов-участников исследования стал Самарский государственный технический университет (СамГТУ). В СамГТУ было опрошено 273 учащихся разных курсов и направлений подготовки. При генеральной совокупности в 2550 обучающихся репрезентативность выборки по СамГТУ является достаточно высокой, с доверительной вероятностью 90%. В опросе приняли участие студенты третьего (79,6%) и второго (18,6%) курсов обучения, поскольку основная часть вопросов анкеты была ориентирована на студентов старших курсов. В этом возрасте (20-24 года) молодых людей отличает определенная социальная зрелость, нацеленность на завершение образования в вузе и дальнейшее планирование своего будущего. В опросе почти поровну приняли участие респонденты мужского и женского пола (52,6% и 47,4% соответственно).

Одной из основных целей проводимого исследования было изучение духовно-нравственной культуры в современном российском вузе, которая выявлялась через набор ценностей, которыми руководствуются современные студенты и преподаватели, взаимодействуя друг с другом в пространстве

университета. В данном исследовании вуз рассматривается как ценностно-символическое пространство, в котором реализуются и передаются аксиологические практики основных агентов образовательного процесса (сам вуз, преподаватели, учащиеся, а также агенты так называемого «внешнего влияния» — государство в виде образовательной реформы и преобладающая в обществе мировоззренческая ориентация — религиозная, т.е. духовно-нравственная, или светская (секулярная) [4]. Духовно-нравственная культура в исследовании понимается как «культурный образец» в трактовке Т. Парсонса и последователей структурно-функционального подхода, которые определяют культуру и духовность через социальное поведение и взаимодействие. Понимая духовно-нравственную культуру как «культурный образец», можно предположить, что в его основе будет не только своеобразие культуры определенного народа и исторического периода, но и то, что разделяемо многими поколениями людей и может быть рассмотрено как смыслообразующее, связывающее народы и поколения между собой.

Учащиеся СамГТУ – преимущественно граждане Российской Федерации (98,5%), среди которых (37,2%) - жители города-миллионника Самары, а также выходцы из небольших городов, поселков, сел и деревень.

Уровень материальной обеспеченности респондентов позволяет отнести более половины опрошенных в СамГТУ (52,9%) к людям, чьи семьи материально обеспечены и не испытывают затруднений в удо-

влетворении основных потребностей. Остальную часть респондентов можно отнести к той группе, чей доход ниже среднего.

Чуть больше половины опрошенных (53,6%) заявили о своей профессиональной принадлежности православию, еще 5,8% иным христианским конфессиям, 21,2% назвали себя атеистами, а 8,8% опрошенных отметили о наличии у них своей собственной веры.

Анализ религиозного поведения учащихся СамГТУ показывает, что из более половины респондентов, назвавших себя православными, значительная часть не приобщена к церковной жизни, мало знакома с православием и его основами, практически не участвует в таинствах церкви и других церковных практиках, не посещает богослужения (более 80%), не читает духовной литературы, а такая аскетическая практика, как пост, вовсе не рассматривается ими как необходимая.

Общеизвестно, что ценности свидетельствуют о мировоззрении человека, которое включает в себя оценки и отношение к самым разным сферам жизни – профессии и труду, семье и детям, гражданским свободам, политике и политическим деятелям, религии и вере и т.д. Мировоззрение – довольно вместительная (главным образом, матричная, взаимодополняющая) структура сознания, которая является существенным регулятором человеческого поведения во множестве ситуаций, происходящих с человеком в течение жизни.

Одной из основных задач исследования было желание установить, какого мировоззрения придерживаются учащиеся современных рос-

сийских вузов, элементов какого мировоззрения в их сознании больше – консервативного или либерального, традиционного или модернистского, сугубо материалистического или с ориентацией на идеализм. Для этого нами были выделены следующие показатели: наиболее значимые модели поведения, ответственность и ее границы, авторитетное мнение, терпимость, отношение к Другому, духовность, отношение к своей стране (патриотизм). Проанализируем некоторые из показателей данного списка.

1. Наиболее значимые модели поведения

Для построения одного из вопросов по оценке данного показателя в анкете была использована ценностная шкала Шварца. Студентам предлагался ряд суждений, каждое из которых требовалось оценить на степень их согласия / несогласия. Согласно полученным данным, суждение, с которым полностью согласились 73,4% опрошенных – «Для меня важно быть верным другом». Следующими по степени согласия с ними учащиеся стали следующие суждения: «Для меня важно быть успешным» (58%), «Для меня важно самому принимать решения, быть свободным и независимым» (55,8%), «Для меня важно жить в безопасном окружении» (55,5%), «Для меня важно хорошо проводить время» (54%).

Таким образом, мы видим, что наряду с вполне традиционной ценностью дружбы, которая оказывается достаточно важной для студентов, есть ряд ценностей, разделяемых учащимися, которые можно от-

нести к либеральному мировоззрению – индивидуализм и независимость, жизненный успех, признание, приятное времяпрепровождение (гедонизм).

Сравнивая данные СамГТУ с результатами ответов на данный вопрос в Тюменском государственном университете, где по ряду показателей просматриваются схожие тенденции, следует отметить, что при общем сходстве популярности суждения «Для меня важно быть верным другом» в обоих университетах, остальные позиции выбранных суждений распределились иначе: на первом месте в ТюмГУ оказалось «Для меня важно жить в безопасном окружении» (60,2%), затем «Для меня важно самому принимать решения, быть свободным и независимым» (54,5%), на третьем «Для меня важно быть успешным» (50,9%), на четвертом «Для меня важно быть уважаемым человеком» (45,5%). В отличие от студентов СамГТУ, учащиеся ТюмГУ в большей степени хотят жить в безопасности и для них менее важно быть успешными, при этом есть потребность в уважении, одобрении других, тогда как в СамГТУ это не столь актуально, а значимым является приятное времяпровождение. В подобных различиях просматривается несколько иной ценностный портрет учащегося СамГТУ, который более независим, ценит успех, благополучие, в большей степени ориентирован на беззаботное (отчасти гедонистическое) отношение к жизни, и скорее всего, в меньшей степени консервативен. Тот факт, что студенты СамГТУ в меньшей степени, чем учащиеся ТюмГУ озабочены жизнью в безопасном окружении,

может говорить как об их относительно некомформизме, так и об ориентированности на «условно демократические» ценности.

Одним из ценностных критериев в шкале Шварца является суждение о богатстве. Согласно полученным данным, для учащихся СамГТУ эта ценность значима, но не первостепенна, и хотя для 69,3% опрошенных (в ТюмГУ - 61%) она имеет значение, но сама оценка складывается в результате двух позиций «важно, но не первостепенно» и «полностью согласен». Возможно, что богатство и материальное благополучие рассматривается учащимися СамГТУ как необходимая и составляющая часть успешности, которая является для них по-настоящему значимой ценностью. Интересно при этом, что для студентов ТюмГУ ценность богатства была не только (количественно) менее привлекательна, чем для опрошенных в СамГТУ, но и на первый план выступала иная ценность – помощь другим, отраженная в суждении «Для меня важно помогать окружающим». У почти 74% респондентов ТюмГУ это высказывание вызвало положительные оценки, что больше, чем в отношении суждения о материальном благополучии. Это позволило нам предположить, что такая ценность, как бескорыстная и искренняя помощь ближним, молодежи ТюмГУ ближе, чем сугубый прагматизм. Вместе с тем, в СамГТУ суждение о важности помогать другим набрало меньшие проценты (69,7%) не только в сравнении с ТюмГУ, но и с данными по суждению «Для меня важно быть богатым». Видимо, материальная сторона жизни играет не последнюю роль в жизни учащихся СамГТУ, и у

студентов присутствует четкая ориентация на трезвый расчет и прагматизм.

Самым непопулярным суждением у студентов и СамГТУ и ТюмГУ стало: «Для меня важно быть скромным, держаться в тени, не привлекать внимание» (51 % и 50,3% не согласившихся). Очевидно, что скромность в настоящее время не является привлекательной чертой характера.

Описанные выше результаты позволяют сделать следующие выводы: учащиеся СамГТУ – это люди с разнообразным набором ценностей, где присутствуют как ценности либерализма, ориентированные на защиту личностных свобод и интересов, так и сугубо традиционные ценности, например, верность в дружбе, стремление к жизни в безопасном окружении (в мире без войн и катаклизмов). При этом в сравнении с данными, полученными в ТюмГУ, студенты СамГТУ в большей степени ориентированы на успех и благополучие.

Следующим вопросом в анкете, направленным на выявление наиболее значимых моделей поведения среди учащихся, был вопрос о свободном времени и предпочтениях в том, как его проводить. Его результаты показали, что наиболее популярным видом досуга среди опрошенных являются встречи с друзьями, причем, как в виде прогулок (71%), так и виртуальных встреч в интернет-пространстве (57%). Общение с друзьями является для студентов первостепенным. Следующими по популярности в списке ответов - занятия спортом (почти 60% респондентов), встречи с родными (51%) и чтение книг (46%). Если сравнивать полученные данные в

СамГТУ с результатами в ТюмГУ, можно заметить существенную разницу в ответах: в СамГТУ студенты в большей степени готовы заниматься спортом, и в меньшей предпочитают проводить свободное время с книгой в руках. В этом косвенно можно увидеть активную позицию к жизни, не созерцательное, а деятельное участие в ней, и отчасти, уже замеченный ранее гедонизм, склонность заниматься спортом, своим телом и здоровьем.

Для студентов Самарского Политеха менее значимым, чем для студентов ТюмГУ, являются занятия творчеством, предпочтение отдается компьютерным играм и поездкам на море, природу.

2. Ответственность и ее границы

Одним из обсуждаемых в современном мире является вопрос об ответственности и ее границах. Зрелой личностью сегодня признается сегодня тот, кто умеет определять границы, не впадая в зависимость от людей, обстоятельств. В связи с этим, на наш взгляд, важно проанализировать мировоззрение студентов через призму их представлений о границах и собственной ответственности. В анкете было предложено несколько вопросов, связанных с оценкой респондентов того, за кого они готовы нести ответственность, и насколько готовы вмешиваться в жизнь других людей, в том числе тех, кто нуждается в помощи.

Проанализируем полученные результаты в сравнении с данными по ТюмГУ (табл. 1).

Как показал опрос в СамГТУ, значительная часть учащихся готова нести ответственность за семью и себя (почти 75%). В этом есть

проявление существенных расхождений со студентами ТюмГУ, которые значительно чаще указывали, что готовы нести ответственность, в первую очередь, за себя. Если мы посмотрим на другие позиции, то и в них найдем отражение той же особенности: учащиеся СамГТУ в большей мере, чем студенты ТюмГУ заявляют о признании необходимости своей ответственности за других. Так, например, в СамГТУ чуть выше процент тех, кто считает необходимым нести ответственность за своих детей (пусть даже гипотети-

чески, так как у большинства опрошенных своих детей еще нет), они же в большей степени признают свою личную ответственность перед человечеством в целом. Данный факт может указывать на то, что в техническом вузе, в отличие от университета с большим спектром специальностей, в том числе гуманитарного и социального профиля, уровень осознанной ответственности (по крайней мере, заявляемой) несколько выше. И хотя очевидно, что разница в полученных количественных оценках не слишком значительна, тем не менее, она есть.

Таблица 1

За кого Вы готовы нести ответственность?	Студенты СамГТУ (%)	Студенты ТюмГУ (%)
За себя	74,8	81,7
За семью	79,1	75,9
За друзей	41,5	40,8
За своих детей	26,7	23,5
За страну в целом	11,2	11,6
За человечество в целом	12	9,6
За одноклассников	6,6	7,4
За свой город/поселок	7,8	7,3
За коллектив на работе	3,9	3,0
Ни за кого	0	0

Таблица 2

Есть ли среди Вашего ближайшего окружения, знакомых люди, воспринимающие, как норму:	Нет (%)	Да (%)
Жизнь, основным интересом которой является шопинг	60,2	39,8
Бегство от реальности (употребление наркотиков)	78,8	21,2
Виртуальную, а не реальную жизнь (проводят время в социальных сетях, за компьютерными играми)	31	69
Сексуальные отношения с людьми своего пола	79,6	20,4
Сексуальные отношения вне брака	26,6	73,4
Связи с несколькими сексуальными партнерами	43,4	56,6
Общение с использованием мата и оскорблений	21,2	78,8
Разгульную жизнь (ежедневные пьянки, вечеринки, тусовки в ночных клубах)	40,9	59,1

Если говорить о ближайшем окружении респондентов, то можно увидеть в нем не только примеры негативного, но и в некоторых случаях девиантного поведения.

Например, большинство опрошенных отметили, что среди их ближайшего окружения и просто знакомых распространено общение с использованием мата и оскорблений, развиты сексуальные отношения вне

брака, проведение значительной части времени в социальных сетях, за компьютерными играми, разгульный образ жизни (табл. 2).

Примечательно то, что проценты по вузам (СамГТУ и ТюмГУ) по ряду показателей почти одинаковые: в ТюмГУ 77,7% опрошенных указали, что в их ближайшем окружении и среди знакомых есть те, кто в своей разговорной речи употребляет мат и оскорбления, 70,5% отметили, что среди их ближайшего окружения и знакомых распространено сожительство, еще 65% учащихся ТюмГУ указали, что многие из тех, кто их окружают, проводят значительную часть своего времени в социальных сетях, за компьютерными играми. Таким образом, можно предположить, что общая морально-нравственная обстановка довольно схожая, в независимости от региона и вуза. При этом, на вопрос о том, как студенты относятся к подобным формам поведения, большинство из них ответили, что «человек свободен поступать так, как он хочет». Когда жизненные ориентиры современного человека подменены, самое распространенное мнение - «это не мое дело, каждый вправе поступать так, как он хочет», относясь толерантно к проявлениям любых отклонений. Безнравствен-

ные поступки других людей не вызывают желание помочь, они безразличны и воспринимаются как норма жизни. Лишь около 13% опрошенных (столько же и в ТюмГУ) обеспокоены подобным поведением и стараются говорить с людьми об этом. Общее количество осознающих, что подобное поведение не является приемлемым, и тех, кто старается этому противостоять, составляет 23,6%.

3. Авторитетное мнение

Как известно, формирование мировоззрения и ценностных ориентаций происходит в течение всей жизни и во многом связано с социализацией. На первых этапах жизни, существенное влияние на индивида оказывают значимые другие - родители, семья, ближайшие родственники, в более зрелые годы этот круг существенно расширяется и включает в себя друзей, сверстников, знакомых, других людей, чье мнение авторитетно.

С точки зрения формирования духовно-нравственной культуры и соответствующей социализации в исследовании нам было важно определить, кто является значимым другим для современного студента, есть ли такие люди и кто они (таблица 3).

Таблица 3

<i>Чье мнение для Вас наиболее авторитетно?</i>	<i>СамГТУ (%)</i>	<i>ТюмГУ (%)</i>
Родители и родственники	85,2	88,5
Близкий друг	60,1	67,5
Писатель, актер, музыкант	8	9,4
Преподаватель в вузе	6,8	8,9
Ученый	11,8	7,7
Нет, авторитетов для меня не существует	2,7	5,3
Президент РФ	6,5	4,1
Учитель в школе	3,4	3,0
Известный предприниматель	2,6	2,8
Священник, духовный отец	1,9	2,6
Патриарх Русской Православной Церкви	0,8	1,1

Результаты исследования показали, что наиболее важным и ценным мнением для учащихся СамГТУ и ТюмГУ является мнение родителей и родственников, а также близких друзей. Причем, учащиеся ТюмГУ в большей степени, чем студенты СамГТУ, тяготеют и прислушиваются к мнению этих двух групп «авторитетов». Вместе с тем, несмотря на имеющиеся различия, есть и определенные сходства: круг значимых других в обоих случаях довольно узкий, к ним, в первую очередь, относятся близкие люди – семья и друзья. Отметим, что тех, кто отметил, что авторитетных мнений для него не существует, оказалось немного, что свидетельствует о том, что нынешнее поколение студентов все-таки признает авторитеты. Другой вопрос - есть ли сегодня настоящие авторитеты или их катастрофически мало? Очевидно, что ни школа, ни вуз, ни тем более Церковь такими авторитетами не являются.

4. Веротерпимость. Отношение к Другому

За годы экономических и политических реформ в России, как свидетельствуют данные таких социологических служб, как ВЦИОМ, ФОМ, появилось новое поколение россиян, разделяющих европейские ценности и образ жизни. В качестве таких ценностей они называют материальное благополучие, комфорт, здоровье, свободу воли и самореализации, независимость, толерантное отношение к людям иных национальностей, религий, культур, сексуальной ориентации и т.д. Что же происходит в этом смысле с ценностями российских студентов, рож-

денных и воспитанных в период либерализации России, ее ориентации на современные европейские ценности? Насколько приемлемо для них толерантное отношение к представителям других народов и религий?

Одним из вопросов анкеты был вопрос об отношении к людям другой национальности. Он звучал следующим образом: «Считаете ли Вы, что к людям других национальностей следует относиться с уважением?» Анализ данных этого вопроса было решено сделать так же в сравнении с ТюмГУ, что позволит увидеть особенности учащихся СамГТУ.

Согласно полученным данным, большая часть учащихся ТюмГУ ответила на данный вопрос однозначно: к людям другой национальности надо относиться с уважением. Причем 55,6% из них поставили наивысшую оценку, обозначив тем самым полное согласие с предложенным утверждением. Отрицательные оценки минимальны, как и процент затруднившихся ответить, что свидетельствует о том, что мнение по данному вопросу сформировано и не вызывает сомнений. Ответы студентов СамГТУ иные. При заметном полном согласии большинства с тем, что к людям других национальностей следует относиться с уважением, их 41%, что меньше, чем в ТюмГУ (55,6%). При этом заметны колебания в сторону меньших «положительных» оценок, а также в сторону более высоких процентов ответа «затрудняюсь ответить». Таким образом, можно предположить, что среди части студентов СамГТУ, в отличие от учащихся ТюмГУ, этот вопрос вызвал некоторую неопределенность.

Другой вопрос касался оценки того, насколько важной в жизни человека является его религиозная вера. Уважительное отношение к людям других национальностей, согласно европейскому прочтению толерантности, предполагает, в том числе, уважительное отношение и к их религиям.

Результаты опроса показали, что данный вопрос вызвал более серьезные затруднения, как у студентов СамГТУ, так и у учащихся ТюмГУ, чем предыдущий, о чем свидетельствует определенный разброс в ответах и заметный процент тех, кто затруднился с ответом.

Больше четверти респондентов (и в том, и в другом случае) затруднились с ответом, еще почти 33% опрошенных в СамГТУ и почти 36% в ТюмГУ заявили, что религиозная вера в жизни человека совсем или почти не важна, еще 39,4% учащихся в СамГТУ и 37,7% в ТюмГУ ответили, что напротив, очень или почти важна. Таким образом, мы видим, что для студентов обоих вузов, которые склонны считать, что к людям другой национальности нужно относиться с уважением, с трудом ответили на вопрос о том, насколько важна религиозная вера в жизни человека. Здесь мы видим, что часть учащихся оказались не готовыми, уважая людей другой национальности, безоговорочно принимать и их веру. В этом смысле учащиеся СамГТУ были даже более категорично настроены, чем опрошенные в ТюмГУ, хотя часть студентов отнеслась к этому с безразличием (33% в СамГТУ, и 35,8% в ТюмГУ).

Мы попросили студентов также оценить их степень готовности вступить в разного рода отношения с

представителями различных религий, где крайняя форма приемлемости выражалась в позиции «готов вступить в брак», противоположная ей – «предпочел бы не видеть в своей стране». Оценка ответов респондентов производилась при помощи шкалы социальной дистанции Э. Богардуса.

Как выяснилось, различия существуют и не каждый представитель иной религии вызывает добрые чувства. Например, вступить в брак студенты СамГТУ чаще всего были готовы с православными (57,7%), обозначив существенный разрыв от иных конфессий и религий. Менее всего учащиеся СамГТУ и ТюмГУ были бы готовы вступить в брак с иудеями (9% и 12% соответственно), которые по какой-то причине вызывают в этом смысле наименьшее принятие. Возможно, потому, что правоверные иудеи особенно религиозны и догматичны.

Обращает внимание тот факт, что дружить студенты обоих вузов были бы готовы с представителями любых конфессий. Интересно и то, что в качестве выбора друга иной конфессии в двух вузах есть определенная солидарность: интересны и предпочтительны католики (43% и 45% соответственно), еще больше буддисты (45,3% и 47,4%), мусульмане (41,2% и 45,9%), а вот протестанты заметно меньше (почти 32% и 39,2). Интересен тот факт, что высокую степень принятия вызывают буддисты, видимо, как что-то экзотическое, отдаленное для нашей страны, и скорее всего, воспринимающееся как безобидное религиозное течение.

Таким образом, мы снова наблюдаем, что толерантное отношение

имеет свои пределы: при достаточно уважительном отношении к людям иной национальности, принадлежность к религии имеет значение, поскольку с одними были бы готовы вступать в брак и дружить, а иных и не хотели бы видеть на территории своей страны.

Еще один вопрос, раскрывающий тему отношения к другому/другим, был сформулирован в анкете так: «Как должен поступать человек, который чувствует себя виноватым?». Вопрос был полузакрытым и содержал несколько «контрольных» для исследования вариантов ответов.

Основная часть опрошенных - 78% (в ТюмГУ - 81,8%) считает, что когда человек чувствует себя виноватым в отношении другого, то должен осознавать свою ошибку и просить прощения. Еще один значимый процент – те, кто считает, что в момент переживания своей вины стоит поделиться переживаниями с семьей, друзьями (12%). Процент таких учащихся одинаков в СамГТУ и ТюмГУ. Таким образом, мы видим, что чувство вины не считается лишним у современной молодежи, а наоборот, демонстрирует способность человека чувствовать, переживать, осознавать свою неправоту, советоваться по этому поводу с другими, искать возможность выхода из ситуации, примирения и т.д.

5. Духовность

В анкете в качестве отдельного открытого вопроса был вопрос о том, как учащиеся СамГТУ понимают духовность, что они вкладывают в это, как определяют данное понятие. С точки зрения цели исследова-

ния это было важно по нескольким причинам. Во-первых, в последние десятилетия стало распространено мнение, что хотя религиозность среди современников и уходит, но духовность, понимаемая, как свой собственный мистический опыт, связь с богом вопреки церковным таинствам и т.д., напротив, сохраняется. При этом делается вывод, что в этом есть проявление процессов десекуляризации (в терминологии Белла), постсекуляризации (в терминологии Хабермаса) и т.д. Поэтому для большинства ученых религиозность перестает быть критерием духовности и понимается сегодня шире, зачастую вне рамок традиционных религий. В связи с этим, современные социологи религии говорят о том, что в настоящее время мы наблюдаем не смерть духовности как способности человека ощущать трансцендентное вообще, а скорее смерть традиционных религий, которые уходят в прошлое вместе с традиционными обществами и соответствующими системами.

В результате анкетирования студентов СамГТУ, вопрос о духовности вызвал интерес у 87% респондентов, часть которых дали такие ответы: «я не понимаю, что это такое», «не знаю», «что-то» и т.д. Вместе с тем основная масса опрошенных предложила и свои формулировки. Все полученные в СамГТУ суждения можно разделить на несколько групп:

а) трактующие духовность как набор нравственных качеств в человеке - саморазвитие, рост, принятие себя и окружающего мира - таких суждений было большинство;

б) в религиозном ключе, и они составили вторую группу суждений;

в) как морально-нравственные ценности в человеке, воспитанные самим обществом;

г) как атавизм и рудимент для современного человека;

д) как культурное явление.

Отметим, что в СамГТУ, в отличие от ТюмГУ, говоря о духовности, студенты выделили еще одну группу, которую мы обозначили:

е) «духовность как важная и необходимая часть жизни человека».

Данные ответы во многом совпадают с результатами исследования духовно-нравственной культуры Востоиловой Е.В. [2].

В результате проведенного исследования было получено довольно объемное и многослойное представление о ценностях студентов СамГТУ, которые отличает заимствование самых разных идей из разных идеологических систем. Это и ценности индивидуализма и свободы либерального мировоззрения, и традиционные ценности семьи и дружбы, любви к своей Родине, которые можно отнести к консервативному стилю мышлению; и резко отрицательное отношение к государству, церковным институтам и их инициативам, в определенном смысле атеизм. Это свидетельствует, в первую очередь, о присутствии в обществе самых разных мировоззрений и отсутствии единой идеологии, о том, что конструирование ценностных представлений происходит на основании различных источников, которые не контролируются ни вузом, ни школой, ни церковью, и отбираются либо под влиянием семьи, либо на основании выбора самого индивида. В этом смысле мы имеем дело с индивидом, который ценит свою свободу и

весьма осторожно относится к тому, кто оказывает ценностное влияние.

При этом, если говорить о ценностном портрете учащихся СамГТУ в сравнении со студентами ТюмГУ, можно отметить, что он обладает несколькими уникальными чертами, в качестве которых можно выделить: с одной стороны, большой прагматизм и ориентированность на успех, с другой, большая устремленность быть ответственным не только за себя, но и своих близких; любовь к Родине и вместе с тем критическое восприятие действительности, убежденность, что могут сами в ней что-то изменить; осторожное отношение к людям иных религий, вместе с тем, настороженность и недоверие к религии и религиозному в целом. Таким образом, учащиеся СамГТУ, в отличие от студентов ТюмГУ, представляются нам более независимыми в своих суждениях, более свободными от влияния чуждых им идеологий, признающими приоритетными интересы, прежде всего, своей страны.

Сами студенты СамГТУ при ответах на вопросы анкеты проявили себя как вполне самостоятельные личности, которые ориентированы на карьеру и успех, материальное благополучие, приятное времяпрепровождение. Главными авторитетами, формирующими сознание личности студента СамГТУ, остаются родители, родные, близкие, друзья, при этом наблюдается их чуть большая восприимчивость и разносторонность, в отличие от студентов ТюмГУ, которая проявляется в выборе в качестве авторитетов известных ученых, успешных предпринимателей. Вместе с тем, надо констатировать тот факт, что

круг авторитетных людей и мнений достаточно узок и ограничивается, как правило, ближайшим окружением, в который совсем не входят педагоги школ, преподаватели вузов и тем более представители церкви. При этом учащиеся как СамГТУ, так и ТюмГУ, нельзя назвать циниками или людьми, не признающими авторитеты вовсе, они нуждаются в них, но видят их не в каждом, находят не во всех социальных системах.

Сами же студенты, в основной своей массе (почти 80%) связывают духовно-нравственную культуру с общекультурными образцами нравственности и университетскими традициями советского времени.

Литература

1. Боташева Х. Ю. Духовно-нравственные ценности студента университета в зеркале социологического анализа // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №77.

2. Востроилова Е.В. Духовно-нравственная культура как учебная дисциплина глазами студентов / Е.В. Востроилова // Физическая культура, спорт и здоровье в современном обществе. Воронеж: научная книга, 2017. С. 452–455.

3. Николаева И. И. Содержание формирования духовно-нравственной культуры студента // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2015. №1 (157).

4. Рязанцев И. П., Подлесная М. А., Петрова А. А., Козлов И. И., Пахарь А. М. Ценностные ориентации студенческой молодежи в вузах светской и религиозной направленности // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. №3.

5. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 N 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». - [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/ (дата обращения 04.12.2019).

6. Указ Президента № 683 от 31 декабря 2015 г. «О стратегии национальной безопасности РФ». - [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения 04.12.2019).

Spiritual and moral culture of students of a technical university

Ryazantsev I.P., Gridina V.V., Timonina T.V. Orthodox St. Tikhon Humanitarian University, Samara State Technical University

The article presents analysis of the results of a sociological study on the spiritual and moral culture of a modern Russian university.

Spiritual and moral culture was determined through the values of students Samara State Technical University. The study examined the students' worldview through indicators such as responsibility, authority, behavior patterns, attitude towards others, spirituality, patriotism.

The results of the study show that students of a technical university attribute cultural samples of morality to a spiritual and moral culture. Students' values are based on the borrowing of various ideas (individualism, liberalism, family values, friendship, love for the motherland, negative attitude to political and religious institutions). The student's values at Samara State Technical University include traits such as pragmatism, a focus on success and material well-being, a pleasant pastime, a sense of responsibility for oneself and one's loved ones, a small number of authoritative people and opinions.

Keywords: spiritual and moral values, culture, high school, students, worldview, spirituality, behavior model, significant others, responsibility.

References

1. Botasheva H. Yu. Spiritual and moral values of a university student in the mirror of

- sociological analysis // Bulletin of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen. 2008. No. 77.
2. Vostroilova E.V. Spiritual and moral culture as an educational discipline through the eyes of students / E.V. Vostroilova // Physical culture, sport and health in modern society. Voronezh: scientific book, 2017. S. 452–455.
 3. Nikolaeva I. I. The content of the formation of the spiritual and moral culture of a student // Bulletin of the Adygea State University. Series 3: Pedagogy and Psychology. 2015. No1 (157).
 4. Ryazantsev I. P., Podlesnaya M. A., Petrova A. A., Kozlov I. I., Pakhar A. M. Value orientations of students in secular and religious universities // Vestnik RUDN. Series: Sociology. 2016. No3.
 5. Order of the Government of the Russian Federation of May 29, 2015 N 996-r “On approval of the Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period until 2025”. - [Electronic resource] - Access mode. - URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/ (accessed 04.12.2019).
 6. Presidential Decree No. 683 of December 31, 2015 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”. - [Electronic resource] - Access mode. - URL <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (access date 12/04/2019).

Эффективность российской социальной рекламы: критерии и проблемы оценки

Тимчак К.Н., Осипов Е.М.

Создание, размещение и продвижение социальной рекламы сопровождается множеством факторов, одним из которых является оценка эффективности социального сообщения. Специалисты рекламной отрасли часто задаются вопросом о правильности подходов к осуществлению анализа социального контента. Современные реалии таковы: не существует единого комплекса критериев, позволяющих установить соответствие социальной рекламы заявленной теме, оценить ее креативность, новизну, узнаваемость, запоминаемость, восприятие аудиторией. Не менее важно, что и на пути к самой оценке эффективности социальной рекламы встречается множество проблем, оказывающих пассивное воздействие и препятствующих быстрому и качественному усвоению социального сообщения обществом.

Ключевые слова: социальная реклама, оценка эффективности, критерии эффективности, целевая аудитория.

Современная социальная реклама является необходимым элементом общественной коммуникации. Обладая явными преимуществами (информирование о социально значимых проблемах и изменениях, трансляция культурных и моральных норм и правил поведения, воспитание новых нравственных идеалов), социальная реклама имеет ряд проблемных зон. Из всех недостатков отечественной социальной рекламы следует выделить наиболее существенный – отсутствие единого комплекса оценки эффективности социального контента. Реклама создается с целью воздействия на сознание аудитории и дальнейшего побуждения к действию (социального или коммерческого характера). Степень силы, с которой рекламное сообщение повлияло на потребителя, и есть эффективность.

Термин «эффективность» полисемантический. В зависимости от ситуации, в которой его применяют, раскрывается конкретный смысл. Эффективность в коммерческой рекламе можно оценить в результате повышения уровня узнаваемости и популярности продукта и возрастающий спрос на услуги и товары. В отношении социальной рекламы гораздо сложнее зафиксировать и

определить эффективность, поскольку цели и задачи социальных сообщений имеют каждый свою специфику, коренным образом отличающуюся от задач коммерческой рекламы[3].

Наиболее популярными являются следующие понятия эффективности социальной рекламы:

«Эффективность социальной рекламы заключается в результатах воздействия на целевую аудиторию, проявляемых в трансформации её негативных стереотипов и установок, изменении образа жизни и поведения, формировании социальных ценностей»[1].

«Эффективность воздействия социальной рекламы может рассматриваться как изменение социальной установки личности, изменение её когнитивной, интенциональной, эмоциональной и поведенческой составляющих, что выражается в достижении положительных конечных результатов»[2].

«Эффективность социальной рекламы заключается в социальном регулировании поведения целевой аудитории и основана на социальной ответственности субъектов; качестве социорекламной кампании, управления, технологии производства и креатива социальной рекламы; проявляется в настоящее время, в среднесрочной и долгосрочной перспективах»[4, с. 85-94].

Иными словами, эффективность социальной рекламы определяется результатами воздействия на аудиторию, проявляясь в виде изменений их ценностных ориентаций, поведенческих моделей и взглядов. Социальная реклама не обладает ярко выраженным, просчитываемым эффектом. Поэтому, основной

результат, который она дает, проявляется в долгосрочной перспективе (как правило, в течение одного-двух десятилетий).

Исследовать эффективность рекламы в Интернете можно намного быстрее и продуктивнее, чем в традиционных каналах коммуникации (телевидение, наружная реклама, радио). Это обусловлено более масштабным распространением, меньшими затратами на создание и размещение материалов, а также за счет возможности оставлять комментарии под социальными роликами изображениями, размещать онлайн-опросы и получать первичную реакцию на конкретное опубликованное сообщение. Технологии виртуального пространства позволяют социальной рекламе постепенно зарабатывать популярность и завоевывать новую аудиторию.

Критерии эффективности социальной рекламы.

До сих пор единого комплекса критериев эффективности социальной рекламы не существует. Каждый исследователь определяет свой комплекс критериев.

Рассмотрим несколько критериев аппаратов определения эффективности социальной рекламы. Дмитриева Л.М. обозначает следующие критерии коммуникативной эффективности[1]:

- *Концентрация на одной идее.* В каждом социальном сообщении должна быть только одна ясно и четко выраженная мысль.

- *Конкретно заданные параметры целевой аудитории.* Социальная реклама должна быть обращена к определенной аудитории, сформированной по обозначенному, в соответствии с задачей социального сообщения, признаку:

пол, возраст, статус, доход, вероисповедание, география, профессиональный профиль и тд.

- *Способность привлечь, заинтересовать и удержать* внимание аудитории с помощью социальной рекламы.

- *Понятность*. Социальная реклама должна быть сконструирована максимально понятно, легко и доступно, чтобы целевая аудитория смогла принять и истолковать материал без трудностей. Цель создания сообщения – вызвать однозначную реакцию у общества. В ином случае, можно получить негативные социальные настроения и отторжение социальной рекламы.

- *Запоминаемость*, чтобы целевая аудитория и все, кто познакомился с социальным сообщением, могли легко воспроизвести содержание. Поэтому информацию необходимо преподнести лаконично (по возможности), емко и доступно для понимания.

- *Убедительность*. Задача любого рекламного ролика – вызвать интерес и завоевать доверие у аудитории. Сообщение должно быть сконструировано таким образом, чтобы зрители прониклись, поверили.

- *Способность мотивировать*. Социальная реклама должна не только освещать проблемы, но и мотивировать аудиторию на изменение своей модели поведения, направленной на решение кризисных ситуаций.

Другая модель критериев эффективности социальной рекламы была предложена Э.Н. Фетисовым и С. Б. Колмаковым[4, с. 85-94]:

- *Индекс осведомлённости*. Соотношение числа представителей

целевой аудитории, способных передать содержание социального сообщения, к общей численности целевой аудитории.

- *Воспроизведение и узнавание*. При прохождении опроса, интервью или беседы с представителем, оценивающим эффективность социальной рекламы, важно, сколько элементов, характеристик из сообщения сможет перечислить респондент.

- *Распознаваемость*. Характеристика социального сообщения, позволяющая соотнести его с конкретной тематикой.

- *Запоминаемость*. Способность социальных сообщений надолго сохраниться в памяти аудитории.

- *Притягательность*. Оригинальная подача, правильное творческое решение при создании сообщения, полное согласование с общей концепцией социальной рекламы вызывают у аудитории позитивную реакцию, удивление, восторг (в положительной рекламе), эмоционально и информационно обогащают людей.

- *Агитационные возможности*. Способность социальных роликов побудить членов общества изменить свое поведение, ориентиры, ценности и нормы для решения социальных проблемы и улучшения жизни социума.

Отсутствие единого критериального аппарата заметно усложняет оценку эффективности социальной рекламы, поскольку каждый исследователь изучает и анализирует сообщения, исходя из собственной концепции. Но, в рассмотренных выше (и других) комплексах, можно выделить общие характеристики, которые необходимы при оценива-

нии социальной рекламы: понятность, доступность, моносемантизм каждого сообщения, качественное исполнение, узнаваемость и широкий охват аудитории.

Проблемы, возникающие при оценке эффективности социальной рекламы. К сожалению, попытки оценить любое социальное сообщение могут сопровождаться рядом трудностей, заметно усложняющих процесс исследования рекламы.

Шовина Е.Н. определила ряд фундаментальных проблем оценки эффективности социальных сообщений [5, с. 137-148]:

1. Длительность изменения поведения целевой аудитории в результате воздействия социальной рекламы. Отсчет производится от момента запуска рекламной кампании до получения первых ожидаемых и наблюдаемых результатов (может пройти от нескольких месяцев до десятилетий).

2. Широкий охват различных слоев населения социальной рекламой в результате проведения социальной кампании. Изменение поведения наблюдается и замеряется по наибольшей части реагирующей аудитории. В коммерческой рекламе для исследования эффективности достаточно измерить изменение поведения 1-10% аудитории.

3. Сложность при выявлении связи между началом проведения социальных кампаний и первыми социальными изменениями. На поведение общества воздействует много факторов, поэтому установить степень влияния на человека именно социальной рекламы весьма трудно.

4. Наличие специфических критериев для отдельно взятого типа социальной рекламы. Если

цель социальной рекламы заключается в привлечении внимания общества к проблеме или указании на конкретный факт, как на проблему, то определять эффективность необходимо оценив количество людей, отозвавшихся исправить и решить проблему. Часто социальная реклама несет задачу изменить поведенческую модель общества, внести определенные коррективы (например, отказ от употребления алкогольной продукции). Поставленная задача намного сложнее обычного привлечения внимания, следовательно, и решение ее будет требовать больших усилий и затрат.

5. Личностные психологические особенности человека определяют его реакцию на социальное сообщение. Наличие у человека сформированных установок, ценностных ориентиров, мотивов, волевых качеств и иных характеристик оказывает влияние на восприятие социальной рекламы. Таким образом, может сложиться ситуация, когда социальное сообщение будет понято или истолковано иначе, чем задумывал автор, соответственно и реакция будет получена отличная от ожидаемой.

6. Наличие оппозиционных групп в социуме, осложняющих идею продвижения социальной рекламы. Наиболее яркими представителями «оппозиции» являются алкогольные и табачные предприятия (несмотря на публикацию материалов, предупреждающих о вреде употребления алкоголя и табакокурения, продажа товаров осуществляется в полной мере).

7. Использование социальных роликов в качестве инструмента пиар-акции. Коммерческие компании иногда запускают социальные

проекты для продвижения своего бренда, повышения популярности товара и уровня продаж.

Добиваться определенного эффекта от социальной рекламы нужно посредством информационного оснащения аудитории, напоминания им о состоянии и степени нерешенности социальных проблем, формирования определенного отношения к проблеме и побуждения к действию. «Воздействие на сознание аудитории» должно быть продуманно на самых ранних этапах создания рекламной кампании:

- разработка единой концепции, создающей требования, условия и рамки для социальных сообщений и акций;

- подбор правильной целевой аудитории, основывается на исследовании различных социальных групп по следующим характеристикам: география, демография, психология, поведенческие механизмы, тип мышлений, род деятельности и другие);

- позиционирование социальной кампании;

- структурирование социальной кампании;

- подбор соответствующих каналов коммуникации, для размещения обращения (медиапланирование тщательно продумывается и организуется, отбираются те каналы, которые пользуются популярностью у целевой аудитории и наиболее ей доступны)[6].

Эффективность современной социальной рекламы зависит от многих факторов. Помимо четко продуманной стратегии, грамотного исполнения и продвижения, необходимо активное участие со стороны органов государственной власти и,

непосредственно, общества. Определение и утверждение единого критериального аппарата для оценки эффективности социальной рекламы позволит создавать более качественный рекламный продукт, который заинтересует общественность и станет привлекательным каналом коммуникации.

Литература

1. Дмитриева Л.М. Социальная реклама. 2009.

2. Козубова Г.А. Эффективность психологического воздействия социальной рекламы на ценности современной молодёжи. Диссертация на соискание степени кандидата наук по специальности 19.00.05 / Г.А. Козубова.– М., 2006.– 182 с.

3. Николайшвили. Г.Г.. Социальная реклама. Москва. 2008.

4. Фетисов Э.Н., Калмыков С.Б. Эффективность социальной рекламы / Социальная работа в России: состояние и перспективы развития. 2010. №7. С.85-94

5. Шовина Е.Н. Эффективность социальной рекламы (на примере Мурманской области) / Проблемы развития территории: вып. 2 (70). 2014.– С. 137-148.

6. Эффективность социальной рекламы. [Электронный ресурс]-режим доступа: <http://sociama.ru/effektivnost-sotsialnoj-reklamy/> Дата обращения: (01.10.2019)

Efficiency of the russian social advertising: criteria and problems of evaluation

Timchak K.N., Osipov E.M.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The creation, placement and promotion of social advertising is accompanied by many factors, one of which is the assessment of the effectiveness of social communication.

Advertising industry experts often ask about the correctness of approaches to the analysis of social content. Modern realities are as follows: there is no single set of criteria allowing to establish the conformity of social advertising to the declared topic, to evaluate its creativity, novelty, recognizability, understandability, perception by the audience. It is equally important that on the way to assessing the effectiveness of social advertising itself, there are many problems that have a passive effect and hinder the rapid and high-quality assimilation of social communication by society.

Key words: social advertising, performance evaluation, performance criteria, target audience.

References

1. Dmitrieva L.M. Social advertising. 2009.
2. Kozubova G.A. The effectiveness of the psychological impact of social advertising on the values of modern youth. The dissertation for the degree of candidate of sciences in the specialty 19.00.05 / G.A. Kozubova.– M., 2006.– 182 p.
3. Nikolayshvili. GG. Social advertising. Moscow. 2008.
4. Fetisov E.N., Kalmykov S.B. The effectiveness of social advertising / Social work in Russia: the state and prospects of development. 2010. No. 7. S.85-94
5. Shovina E.N. The effectiveness of social advertising (for example, the Murmansk region) / Problems of the development of the territory: issue. 2 (70). 2014.– S. 137-148.
6. The effectiveness of social advertising. [Electronic resource] - access mode: <http://sociama.ru/effektivnost-sotsialnoj-reklamy/> Date of access: (01.10.2019)

Оценка влияния корпоративной культуры на социальную эффективность адаптации новых сотрудников

Узюмова Н.В.

Статья посвящена оценке влияния корпоративной культуры на социальную эффективность адаптации новых сотрудников. В работе предпринята попытка уточнения таких понятий как корпоративная культура, социальная адаптация новых сотрудников, социальная эффективность адаптации новых сотрудников. На основе предложенной методики в июне 2019 года на базе коммерческой организации «Вектор» автором было произведено социологическое исследование, посвящённое данной проблематике, в рамках которого были изучены степень адаптированности нового персонала, произведён анализ кадровой политики, рассмотрены особенности корпоративной культуры и системы адаптации, дана оценка социальной эффективности адаптации новых сотрудников.

Ключевые слова: Корпоративная культура, социальная адаптация новых сотрудников, социальная эффективность адаптации новых сотрудников, оценка социальной эффективности.

В условиях современной экономики сотруднику уже недостаточно быть просто специалистом и добросовестно выполнять свою работу. Во всё возрастающей гонке за инновациями и развитием информационных технологий, когда человек уже вынужден конкурировать с машинным трудом, ставка должна делаться на личную инициативу, работу на опережение, нестандартное мышление, умение работать в команде, т.к. знания устаревают стремительно, а немалые инвестиции в обучение и развитие персонала должны приносить компаниям прибыль. Поэтому, чрезвычайно важно выстроить такую систему адаптации, которая будет достаточно гибкой, чтобы отвечать целям организации и умело использовать внутренние побудительные силы работников, обеспечивая социальную эффективность.

Таким образом, формируется противоречие между знанием о потребности совершенствования механизма управления социальной адаптацией сотрудников, в зависимости от корпоративной культуры организации, и незнанием путей реализации этих действий. В этой связи, возникают следующие вопросы: какова корпоративная культура данной организации? Как она взаимосвязана с адаптацией новых

сотрудников? Какие особенности характеризуют кадровую политику организации? Насколько сотрудники удовлетворены своей работой?

Целью эмпирического исследования является изучение влияния корпоративной культуры коммерческих организаций на эффективность адаптации новых сотрудников.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Оценить уровень адаптированности сотрудников, работающих в компании не более года.
2. Провести анализ кадровой политики организации.
3. Изучить особенности корпоративной культуры организации.
4. Исследовать существующую систему адаптации персонала.
5. Оценить социальную эффективность адаптации новых сотрудников.

Объектом исследования являются сотрудники изучаемых компаний.

Предметом исследования – восприятие и оценка сотрудниками системы социальной адаптации в коммерческой организации.

Основными понятиями данного социологического исследования являются:

корпоративная культура, социальная адаптация и социальная эффективность.

Корпоративная культура – метод непрямого управления, основанный на представлении о коммерческой организации как разновидности социальной организации, обладающей едиными ценностями, в рамках которой согласованы цели и ожидания компании и сотрудников. Корпоративная культура включает в себя:

ценностные ориентации, этические нормы и правила поведения, стандарты качества выпускаемой продукции и услуг, дистанцию власти, возможность проявления инициативы.

Социальная адаптация в коммерческой организации – это процесс встречной активности сотрудника и организации, основанный на согласовании взаимных требований и ожиданий, в результате которого работник становится полноценным членом трудового коллектива, способным ориентироваться в социальной среде компании и самостоятельно выполнять трудовые функции.

Успешность адаптации зависит от степени усвоения, глубины интериоризации корпоративной культуры, в результате которой нормы, стандарты, ценности, присущие новой социальной среде, из внешней доминанты, будучи приняты индивидом, становятся его внутренними ориентирами, частью его личности. Иными словами, это процесс «переплавки» требований среды в личные ценности человека, его внутренний кодекс поведения [2, с. 140].

Социальная адаптация и интериоризация протекают в сферах деятельности, общения и самосознания.

Мера успешности социальной адаптации определяется следующими признаками: удовлетворенностью работой, психологической включенностью в организацию, приверженностью духу компании, хорошим эмоциональным самочувствием, нежеланием перейти на другое место работы.

Система адаптации новых сотрудников организации – комплекс мер, направленный на повышение

эффективности включения нового персонала в структуру компании.

Социальная эффективность управления адаптацией новых сотрудников – есть соответствие социальных результатов деятельности руководства по обеспечению условий адаптации, с одной стороны, и позитивная оценка сотрудниками такой управленческой деятельности, с другой [3, с. 112].

Основная гипотеза исследования: в целом, корпоративная культура организации положительно влияет на эффективность социальной адаптации.

Гипотезы-следствия:

1. Для большинства новых сотрудников характерен средний уровень адаптированности.
2. Кадровая политика направлена на карьерный рост сотрудников внутри организации.
3. Изучаемые компании имеют сильные корпоративные культуры.
4. Основным фактором адаптации является система наставничества.

Для того, чтобы оценить степень адаптированности новых сотрудников, необходимо замерить уровень удовлетворённости как работой в целом, так и отдельными сторонами трудовой ситуации, в частности, а также изучить силу идентификации новичка с компанией, его степень овладения социальными нормами и правилами.

В целях анализа кадровой политики следует определить её тип, преимущественную ориентацию на внешний или внутренний рынок труда, возможности карьерного роста для сотрудников, особенности формирования оплаты труда.

Рассмотрение особенностей корпоративной культуры организации требует анализа материалов из открытых источников, в том числе, корпоративных сайтов и порталов для поиска работы, изучения корпоративных документов, получение обратной связи от сотрудников, руководителей и сотрудников службы персонала.

Изучение системы адаптации персонала предполагает анализ её структуры, целей и задач, степень формализации, определение ответственных сотрудников, ограничение сроков проведения, и наконец, критерии эффективности такой системы.

Оценка социальной эффективности адаптации новых сотрудников пересекается с уровнем адаптированности, но помимо замера удовлетворённости работой, предполагает также положительную оценку сотрудниками самой системы адаптации и деятельности руководства по обеспечению её условий.

В качестве методов эмпирического исследования выбраны анализ документов, изучение материалов из открытых источников (корпоративный сайт, порталы для трудоустройства), экспертный опрос, глубинное интервью и вторичный анализ литературы.

Разработанный инструментарий включает сценарий глубинного интервью с новыми сотрудниками и бланк экспертного опроса.

Надёжность полученных данных обеспечивается сопоставлением ответов респондентов как с реальными фактами (зафиксированными в документах), так и с ответами других респондентов. Также ответы новых сотрудников сравниваются с

мнениями экспертов, что преследует цель выявить несоответствия и информацию, требующую дальнейшего изучения.

Далее, перейдем к рассмотрению полученных в ходе исследования данных.

Для того чтобы изучить *уровень адаптированности сотрудников*, работающих в компании не более года, респондентам задавался вопрос об их уровне удовлетворенности работой [1, с. 134].

Сотрудников с высоким уровнем адаптированности отличает высокая удовлетворенность работой, способность получать удовольствие от своей трудовой деятельности, что служит положительным подкреплением и стимулирует у новичков желание браться за более сложные задания. Помимо этого, изучение удовлетворенности трудом помогает исследовать факторы, с помощью которых осуществляется удержание сотрудников в организации.

Перейдем к рассмотрению уровня удовлетворенности работой в целом. Среднее значение этого показателя в компании «Вектор» составило 4,6, при этом низкие удовлетворенности не выразил ни один из опрошенных сотрудников, 40% удовлетворены на «4», и высшую оценку выбрали более половины вновь принятых сотрудников (60%).

Из полученных данных можно заключить, что новый персонал организации в целом высоко адаптирован.

Распределение ответов по возрастным группам помогло выявить следующие закономерности: наиболее удовлетворены работой в целом сотрудники 30 – 49 лет, то есть категория сотрудников, находящаяся

в самой активной фазе трудовой деятельности, а наименьшую удовлетворенность показывают работники в возрасте до 24 лет, только начинающие карьеру. По продолжительности работы наиболее удовлетворенными являются сотрудники, чей стаж в компании составляет от 1 до 3 месяцев.

Затем, мы обратились к респондентам с просьбой оценить, чувствуют ли они себя частью организации. Распределение ответов выглядит следующим образом (представлено на рисунке 1.): 40% начинающих сотрудников полностью согласны с данным утверждением, ещё 40% частично согласны и 20% респондентов занимают пограничную позицию «ни да, ни нет».

Таким образом, респонденты демонстрируют достаточно высокую степень идентификации с компанией. Полученные данные подтверждают, что группа сотрудников, со стажем от 1 до 3 месяцев ощущает себя наиболее адаптированной.

Подводя промежуточные итоги, можно сделать вывод о том, что в целом сотрудники удовлетворены работой в «Векторе» и достаточно успешно адаптируются. Таким образом, наша первая гипотеза о среднем уровне адаптированности новых сотрудников коммерческой организации не подтвердилась, так как уровень адаптации – высокий.

Следующая задача состояла в *анализе кадровой политики коммерческой организации*. В результате экспертного опроса мы можем заключить, что кадровая политика «Вектора» относится к **закрытому типу**, так как предприятие предпочитает заполнять вакансии участниками внутреннего рынка труда. В практической деятельности это

означает, что новые работники преимущественно набираются на начальные позиции, и постепенно, накапливая опыт, квалификацию и связи поднимаются по карьерной

лестнице. Данный тип кадровой политики характерен для компаний, придающих большое значение сильной корпоративной культуре и социальному капиталу, накопленному внутри данной организации.

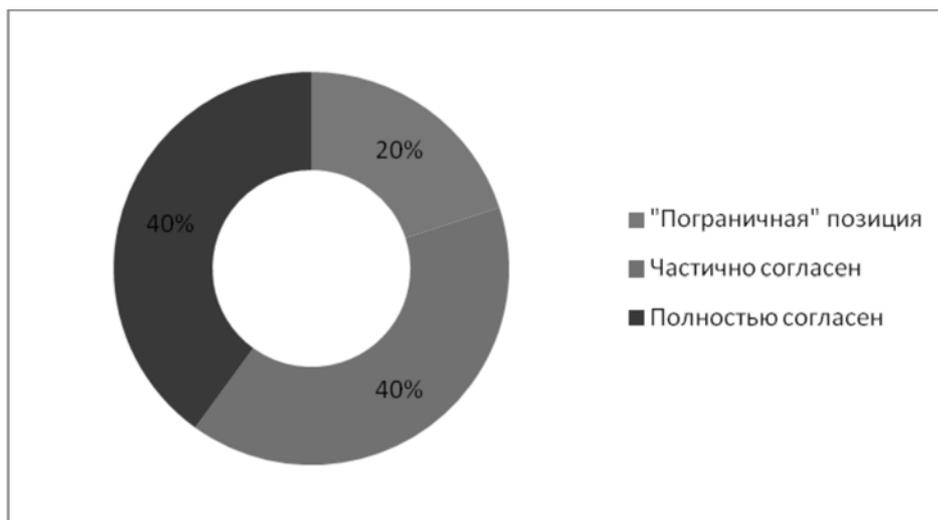

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы со следующим утверждением? Я чувствую себя частью (сотрудником) Вектор»

Таким образом, наша вторая гипотеза о том, что компания «Вектор» ориентирована на внутренний рост сотрудников, подтвердилась. Поскольку возможности карьерного роста внутри коммерческой организации доступны преимущественно в предприятиях с закрытой кадровой политикой, то, для обеспечения вертикального продвижения должен соблюдаться ряд условий: появление вакансий (предполагается перемещение сотрудников), рост организации (в том числе открытие новых филиалов) и понятные критерии поощрения.

Также отметим роль корпоративной культуры, которая будет поощрять амбиции сотрудников, поддерживать дух соревнования, стремление к большему и демонстрировать

образцы для подражания, и наконец, предоставлять возможности проявить себя и вырасти.

Этой цели служат, в частности, рассказы о руководителях и ключевых сотрудниках, добившихся карьерных высот своим усилием, в «Вектор» такой репутацией обладает один из основателей компании, который «с нуля» основал компанию, и вместе с единомышленниками привёл её к лидерству на рынке, благополучно пережив несколько слияний и поглощений.

Политика «Вектора» в сфере заработной платы была озвучена на одном из ежегодных отчётных телемостов сотрудников и генерального директора: «Мы отслеживаем ситуацию на рынке труда и платим своим сотрудникам немного выше

конкурентов». Таким образом, снимается проблема конкуренции на уровне оплаты труда с другими компаниями исследовательской сферы, и большее значение приобретают факторы нематериальной мотивации, одним из которых является привлекательная корпоративная культура.

Итак, *рассмотрение особенностей корпоративной культуры организации* требует, помимо получения информации от сотрудников, руководителей и сотрудников службы персонала, обращения к внешним источникам, в том числе, к корпоративным сайтам и порталам для поиска работы.

В начале исследования начинающим сотрудникам «Вектора» был задан вопрос о том, существует ли, по их мнению, в данной коммерческой организации корпоративная культура? Положительный ответ дали две трети респондентов (71,4%), сотрудники пояснили, что компанию отличает «уважение и тёплое отношение со стороны коллег», «открытость, прозрачность и простота», также была отмечена налаженность бизнес-процессов и упорядоченность корпоративной культуры. С момента основания компания задумывалась как «бизнес с человеческим лицом».

На следующем этапе были изучены публикации, направленные на привлечение потенциальных сотрудников, а именно: корпоративные сайты, (в том числе разделы «карьера», «о нас»), страницы на интернет-порталах по подбору персонала (hh.ru). Из анализа были исключены видео- и фото-изображения, ввиду разнородности информации. Важно отметить, что публикации на корпоративных ресурсах

во многом являются официальным взглядом на корпоративную культуру и в дальнейшем будут проверены на соответствие реальности, уже в процессе осуществления трудовой деятельности сотрудником.

Анализ материалов позволяет говорить о высокой нацеленности на результат, поскольку ключевыми категориями (лидерами по частоте упоминания) является триада «проект»-«задача»-«решение».

Также высока ценность «развития» и «движения вперёд», которые связаны с «прокачкой» профессиональных навыков и личностных качеств. Развивающемуся бизнесу необходимы постоянные инновации, генерировать которые способны только активные, вовлеченные сотрудники, которые находятся в постоянном поиске новых нестандартных решений и способов совершенствования уже существующих бизнес-процессов. Как отметили руководители «Вектора»: «почва для развития дана бесплатно».

Красной нитью проходит взаимосвязь целей развития организации и сотрудника: «прокачка есть точно у всех – специфика бизнеса и задачи клиентов позволяют всегда развиваться». Однако, такой подход возможен только в том случае, если организацию составляют инициативные, высокопрофессиональные, самостоятельные сотрудники, готовые идти на хорошо просчитанный риск. Если работник не таков, последует расставание: «если мы видим, что человек не заинтересован в росте, работа для него как наказание, то нужно расходиться».

Также, в «Векторе» ценится самостоятельность и умение бросить вызов: «самим ставить себе задачи», «то, чем мы занимаемся, не

делает больше никто». В таких условиях важен экспертный контроль, который исходит не столько от руководителя, сколько от коллег, таких же профессионалов, которые могут квалифицированно оценить конкретное решение: «успешность – это соглашение между человеком и его командой», поэтому коммерческая организация «поощряет компетенции, рост профессионалов».

Корпоративная культура «Вектор» достаточно гибкая и предполагает большой уровень свободы, в том числе при выборе графика работы и соблюдении дресс-кода.

Таким образом, представленные в открытом доступе материалы дают соискателям довольно полное представление о корпоративных культурах организаций, что является первым шагом для успешной предварительной адаптации новых сотрудников и их успешного включения в трудовую деятельность. Тем не менее, нами было выявлено некоторое рассогласование информации, представленной на корпоративном сайте с ответами респондентов касательно возможности горизонтального и вертикального карьерного роста внутри компании «Вектор». Подводя итоги по данной задаче, можно сделать вывод, что изученная компания имеет сильную корпоративную культуру, которая оказывает значительное управленческое воздействие на своих сотрудников, таким образом, подтвердилась наша третья гипотеза-следствие.

Решение следующей задачи – *изучение системы адаптации персонала*, предполагает рассмотрение её структуры, целей и задач, степень формализации, определение ответственных сотрудников,

ограничение сроков проведения, и наконец, оценка социальной эффективности такой системы.

В «Векторе» адаптацию новых сотрудников контролирует непосредственный руководитель, исходя из специфики отдела, он назначает новичку коллегу-наставника, как прокомментировала данную практику Анна, директор по персоналу: «руководитель отвечает за людей, не эйч ар». Активное взаимодействие новичка и наставника длится около 1,5-2 месяцев, как отметил один из руководителей отделов: «новичок попадает в команду и через 3 месяца уже понятно сработается ли он в коллективе». Наставник рассказывает руководству об успехах подопечного, о возникающих трудностях, может обратиться за помощью или советом. Также процесс адаптации курирует отдел персонала.

Большинство опрошенных нами сотрудников «Вектора», описывая первый день работы в компании, отмечали доброжелательность коллег, «уютный офис», многим запомнились свежие фрукты, которые закупает для сотрудников компания. Вот так рассказывает о своём опыте социальной адаптации работник отдела программных разработок: «понравился сам офис. Несмотря на то, что я работал первый день, все сотрудники здороваются и создается ощущение, что я тут работаю уже давно и нахожусь на своем месте».

Все без исключения новички, отмечали благожелательно настроенный коллектив, таким образом, корпоративная культура, посредством агентов социализации, с первых дней работы в организации «обволакивает» и сопровождает вновь принятых сотрудников.

Согласно результатам нашего исследования социальная адаптация к корпоративной культуре (в том числе на стадии столкновения) происходит достаточно комфортно, возникающие затруднения, как правило, связаны с внешними для работы факторами, например, с открытым офисным пространством, когда сотрудники каждого отдела работают в одном большом помещении, с невысокими стенами-перегородками.

Руководство определяет наставников ситуационно, и только на начальный срок, пока работник не начал исполнять обязанности в полную силу.

Вопреки первоначальной гипотезе о решающей роли наставника, новички «Вектора» скорее отмечали вклад в адаптацию непосредственного руководителя и коллектива в целом: «больше всего помогли сориентироваться непосредственные руководители», «знакомство происходило постепенно, помогали все коллеги, к которым обращался за помощью», «помог руководитель и коллеги».

Таким образом, непосредственный руководитель ориентирует вновь принятых работников в общих и организационных вопросах, разобравшись в сути профессиональных задач помогают коллеги и наставник, общение с которым более интенсивное.

Достаточно неформальный подход к адаптации в «Векторе» подтверждается ответами респондентов: только 33,3% начинающих сотрудников считают, что в их коммерческой организации существует система адаптации новичков, отрицательно ответили 20% персонала,

40% затруднились с ответом, данные представлены на рисунке.

Таким образом, гипотеза о том, что наставничество является основным фактором адаптации сотрудников «Вектора» подтвердилась частично, так как значительная роль в данном процессе принадлежит непосредственному руководителю и более опытным коллегам, которые на равных выступают агентами адаптации.

Пятая задача состоит в оценке социальной эффективности адаптации новых сотрудников и пересекается с уровнем адаптированности, но помимо замера удовлетворённости работой, предполагает положительную оценку сотрудниками самой системы адаптации и деятельности руководства по обеспечению её условий.

Как было показано выше, новые сотрудники «Вектора» высказывают высокий уровень удовлетворённости отношениями с непосредственным руководителем. Отчасти это можно объяснить тем, что около трети новичков только начинают свой профессиональный путь и нуждаются в большем внимании со стороны авторитетной персоны. Однако высоко оценивают данный аспект и сотрудники среднего возраста (30-49 лет).

Значительное влияние оказывает сильная корпоративная культура, которая активно воздействует на новичков через других агентов адаптации: равных по статусу друзей, коллег, наставника, клиентов и заказчиков.

Однако высокая удовлетворённость персонала имеет свою цену, несмотря на то, что компания «не может позволить разбазаривать

кадры», как отмечает один из ключевых руководителей организации: «деятельность должна быть формализована, чтобы новый человек приходил в компанию и просто начинал работать, поэтому мы движемся условно от состояния «семьи» к «мануфактуре». Вызов заключается в том, чтобы «сохранить ценности, дух корпоративной культуры, без ущерба для бизнес-показателей».

В итоге, мы можем заключить, что социальная эффективность адаптации новых сотрудников изученных компаний – выше среднего уровня, однако в «Вектор» имеет место противоречие между высокой оценкой социальной эффективности сотрудниками и интересами субъекта управления.

Заключение

На основе проведенного социологического исследования можно сделать следующие выводы:

1. Корпоративная культура «Вектор» положительно влияет на эффективность социальной адаптации новых сотрудников, поскольку способствует сильной идентификации с компанией, с первых дней включает новичка в систему социальных связей организации, на ценностном уровне поддерживает принципы взаимопомощи, дружеского плеча и работы в команде.

2. В целом сотрудники удовлетворены работой в организации и достаточно успешно адаптируются. Гипотеза о среднем уровне адаптированности новых сотрудников не подтвердилась, так как уровень адаптации – высокий.

3. Кадровая политика «Вектор» относится к закрытому типу, так как предприятие предпочитает заполнять вакансии участниками

внутреннего рынка труда. Следовательно, гипотеза о том, что кадровая политика данной организации направлена на карьерный рост сотрудников внутри компании, подтвердилась.

4. Изученная компания имеет сильную корпоративную культуру, которая оказывает значительное управленческое воздействие на сотрудников, таким образом, подтвердилась наша третья гипотеза-следствие.

5. Представленная корпоративная культура характеризуется значительной нацеленностью на результат, предполагает командную организацию работы, лояльность со стороны руководителей, которая сочетается с контролем срока и качества выполняемых заданий.

6. Гипотеза о том, что наставничество является основным фактором адаптации, подтвердилась частично, так как значительная роль в данном процессе принадлежит непосредственному руководителю и более опытным коллегам, которые на равных выступают агентами адаптации.

7. Социальная эффективность адаптации нового персонала «Вектора» – выше среднего уровня, при этом, имеет место противоречие между высокой оценкой социальной эффективности сотрудниками и интересами субъекта управления.

Литература

1. Николаев, А.А. Социология управления: учебное пособие / А.А. Николаев. – М.: Альфа-М : ИНФРА-М, 2011. –272 с.

2. Персикова, Т. Н. Корпоративная культура: учебник / Т.Н. Персикова. – М.: Логос, 2015. – 288 с.

3. Тюриков, А.Г. Оценка социальной эффективности управления регионом по критерию качества жизни населения / А.Г. Тюриков, А.С. Якунин// Армия и общество. – 2011. – №1 (25). –С. 111-117.

Assessment of the impact of corporate culture on the social efficiency of adaptation of new employees

Uzyumova N.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to assessing the impact of corporate culture on the social efficiency of adaptation of new employees. The paper attempts to clarify such concepts as corporate culture, social adaptation of new employees, social efficiency of adaptation of new employees. On the basis of the proposed method in June 2019 on the basis of a commercial organization "Vector" the author has produced a sociological study on the subject, in which was studied the degree of adaptability of new staff, analysis of personnel policy, the peculiarities of corporate culture and system adaptation, the estimation of social efficiency of adaptation of new employees.

Keywords: Corporate culture, social adaptation of new employees, social efficiency of adaptation of new employees, evaluation of social efficiency.

References

1. Nikolaev, A. A. Sociology of management: textbook / A. A. Nikolaev. - Moscow: alpha-M: INFRA-M, 2011. 272 p.
2. Persikova, T. N. Corporate culture: textbook / T. N. persikova. - M.: Logos, 2015. - 288 p.
3. Tyurikov, A. G. Estimation of social efficiency of management of the region by criterion of quality of life of the population / A. G. Tyurikov, A. S. Yakunin // Army and society. - 2011. - No. 1 (25). P. 111-117.

Понятие «religio» в творчестве Альберта Великого

Апполонов А.В.

В статье рассматривается вопрос о том, как трактовал понятие «religio» средневековый мыслитель Альберт Великий (фон Больштедт) (ок. 1200–1280). Автор показывает, что Альберт предложил новую – сравнительно с предшествующей христианской традицией – интерпретацию этого понятия. Данная новизна выражалась прежде всего в том, что он использовал понятие «religio» безразлично по отношению ко всем религиям – на том основании, что все люди обладают некими врожденными представлениями, составляющими общее «начало религии». Кроме того, автор отмечает, что Альберт, расходясь с традиционными христианскими представлениями о происхождении нехристианских религий, полагал, что они вводились законодателями и правителями для обеспечения нормального функционирования государства и достаточно эффективно служили этой цели.
Ключевые слова: Альберт Великий, история философии, понятие «religio», естественная религия, естественная теология, схоластика, христианская теология.

Начиная как минимум с выхода в свет работы У. К. Смита «Смысл и цель религии» [1] проблемы, связанные с историей понятия «religio», привлекают все большее внимание религиоведов, культурологов, философов и теологов. На сегодняшний день опубликовано значительное число сочинений, посвященных эволюции этого понятия и его аналогов в современных европейских языках [см. 2; 3; 4; 5], но сказать, что тема полностью исчерпана, нельзя. Например, исследователи довольно редко обращают внимание на трактовку понятия «religio» в творчестве средневекового философа и теолога Альберта Великого (фон Больштедта) (ок. 1200–1280), хотя, как представляется, детальное рассмотрение данного вопроса могло бы оказаться крайне полезным для понимания многих аспектов общей эволюции названного понятия в период XIII–XV вв.

Перед тем, как приступить к исследованию данной темы, необходимо сделать несколько важных замечаний относительно того, как «religio» – в качестве слова естественного языка и особого понятия философского и религиозного дискурса – интерпретировалось до Альберта фон Больштедта. Первичные значения латинского «religio»

формировали своеобразную объект-субъектную диалектику, которую можно описать как диалектику священного. В эпоху римской архаики «*religio*» в своем объективном смысле соотносилось со священными силами и объектами (в том числе, маркируя связанные с ними ритуалы, обряды и табу), а в своем субъективном смысле – с субъективными состояниями, порождаемыми в людях этими объектами и силами, и означало чувства страха, беспокойства и благоговейного трепета [см. 6; 7; 8]. При этом в своем объективном значении термин «*religio*» довольно часто употреблялся по отношению к культурам отдельных божеств как к совокупности соответствующих ритуалов и табу (например, «*religio Cereris*» («культ Цереры»), «*religio Iovis*» («культ Юпитера»), «*religio Iunoni*» («культ Юноны») и т.д.); отсюда происходила обычная для Античности трактовка *religio* как божественного культа («*cultus Dei*», «*cultus divinus*»). Для совокупного обозначения подобных культов, составлявших официальную римскую религию, латинские авторы часто использовали множественное число от «*religio*» («*religiones*»); однако уже у Цицерона появляется зонтичный термин «*Religio populi Romani*», «религия римского народа» [9, с. 158], охватывающий все эти разнообразные *religiones* – так возникает (довольно смутное поначалу) представление об особых «национальных» (насколько этот термин можно применять к Античности) религиях. Утверждение христианства как наднационального монотеизма эксклюзивистского типа обусловило появление новых трактовок объективного значения *religio*. Отцы

Церкви, полагая, что ни одна религия, кроме их собственной, не может считаться истинной ни в каком смысле, старались употреблять термин «*religio*» в значении «божественный культ» применительно только к христианству, а все прочие религиозные традиции квалифицировали как пустые суеверия или дьяволопоклонство. Тем не менее, в определенных ситуациях им приходилось использовать данный термин и по отношению к иноверческим традициям: например, Тертуллиан писал о «*religio Romana*» («римской религии»), Лактанций – о «*religio deorum*» («религии богов», то есть язычестве) и т.д. [см. 10; 11; 12] Впрочем, как бы то ни было, начиная с эпохи раннего Средневековья и вплоть до XII в., употребление термина «*religio*» в значении «религия», или «культ» становится относительно редким (фактически это значение сохраняется лишь в цитатах из сочинений авторов предшествующего периода и в комментариях к ним). Как пишет Рене Готони, «слово “*religio*” часто появлялось в сочинениях христианских писателей вплоть до V в., а затем использовалось довольно редко. Как представляется, существует корреляция между частотой использования слова “*religio*” и исторической ситуацией религиозного плюрализма. Когда христианская Церковь практически устранила своих конкурентов, уже не было необходимости в его употреблении» [13, p. 42].

Однако в XIII в. ситуация начала меняться. Западноевропейские мыслители открыли для себя античную религиозно-философскую традицию, практически забытую в «темные века» раннего Средневековья, а также арабскую (вернее,

арабоязычную) науку (включавшую, в том числе, астрологию и вместе с ней так называемый «гороскоп религий»¹). Кроме того, значительно расширились знания европейцев об окружающем мире: крестоносцы, паломники и путешественники (такие как Джованни Плато Карпини, Гильом де Рубрук, Рикольдо да Монтекроче, Бурхард Саксонский и др.) возвращались домой с массой новых сведений о восточных землях, в том числе и о восточных религиозных традициях. Все это в совокупности вело к возникновению (довольно смутных поначалу) идей о том, что христианство, даже будучи единственной *истинной* религией, не является единственной *религией*, как то утверждали Отцы Церкви. В этом отношении творчество Альберта Великого вполне отвечало духу времени. Он куда активнее, чем его непосредственные предшественники, интересовался нехристианскими религиозными традициями, писал о естественной религиозности всех людей, а также, основываясь на изучении трудов Аристотеля, сделал несколько примечательных выводов о социальных аспектах *religio*, связав ее с *leges* (законами) различных народов.

Говоря об основных идеях Альберта Великого, относящихся к теме настоящей работы, прежде всего следует отметить его учение о естественном характере *religio*. В трактате «О благе» он писал, что

«начало *religio* в том, что Богу надлежит поклоняться и Его следует почитать, и этому учит природа, а не вера; но то, что божественный культ такой-то или такой-то – этому учит разум и вера» [14, Тр. V, гл. 1, а. 3]. Фактически здесь мы видим концепцию естественной религии – если не в завершенном, то как минимум в зачаточном ее виде. Знание (вероятно, довольно смутное) о существовании Бога и о том, что ему нужно поклоняться, присуще всем людям без исключения, и это – естественное начало религии; тем не менее, несмотря на эту общую основу, культовые практики в разных религиозных традициях различны, поскольку к указанному «началу религии» добавляются некие дополнительные элементы, определяемые разумом и верованием.

Для полноты картины можно добавить еще одну иллюстрацию, которая демонстрирует убежденность Альберта в том, что человек религиозен по самой своей природе. Речь пойдет об одном из (традиционных) доказательств бессмертия души, которое в изложении доминиканского мыслителя выглядит следующим образом. 1) Все, что само по себе является достойным и благочестивым и относится к добродетели и религии (*ad religionem et honestatem*), не зависит от тела, а потому люди стремятся к таковому не из-за его полезности или сопряженности с каким-либо телесным

¹ Концепция «гороскопа религий» обычно связывается с именем Абу Машара Джафара ибн Мухаммада ибн Умара аль-Балкхи (787–886), известного на латинском Западе как Альбумазар. Аль-Балкхи оказал колоссальное влияние на средневековую астрономию, астрологию и физику, как восточную, так и западную. В своей широко известной «Книге о

религиях и династиях» («Kitāb al-mudkhal al-kabīr»; лат. перевод «De magnis coniunctionibus»), а также в некоторых других своих работах он отстаивал гипотезу, согласно которой астрология может предсказывать будущее не только отдельных людей или человеческих сообществ, но и религий.

удовольствием. 2) «Но религия есть знание и попечение о божественных ритуалах (*religio autem est scientia et cura caerimoniarum divinarum*)¹, участие в которых, их изучение и изобретение (*inventio*) происходит только благодаря чему-то подобному, пребывающему в душе» [15, vol. 9, p. 411]. 3) Итак, в душе человека имеется нечто (некая сила (*vis*), или способность), обладающая подобием и соприродностью (*connaturalitas*) с «достойным, благочестивым и религиозным» («*honestum, pium et religiosum*»), и она стремится к таковому как подобное стремится к подобному. 4) Однако поскольку «достойное, благочестивое и религиозное» не зависит от тела, то и та душевная сила, которая к этому стремится, также от него не зависит. 5) Следовательно, человеческая душа, обладающая такой силой, не зависит от тела и способна существовать даже после его гибели. 6) Об этом свидетельствует также то, что из всех живых существ только человек стремится к «достойному, благочестивому и религиозному».

Итак, мы видим, что Альберт обнаруживает онтологическую укорененность в душе человека если не самого «религиозного», то, по меньшей мере, чего-то «подобного и соприродного» ему; более того, обнаружив таковое, он формулирует оригинальный аргумент в пользу бессмертия души (сам Альберт, впрочем, считал, что впервые этот

аргумент был сформулирован Платоном в «Тимее» и затем воспроизведен Макробием в «Сне Сципиона»), а также указывает, что среди всех живых существ один лишь человек способен желать «не связанных с телом» благ, то есть «достойного, благочестивого и религиозного». Как представляется, очень трудно заявить о религиозной природе человека более очевидным образом.

Далее я хотел бы коснуться вопроса, связанного с корреляцией между понятиями «*religio*» и «*secta*», а также «*religio*» и «*lex*», обнаруживающейся в некоторых работах Альберта. Нельзя сказать, что случаи, в которых наблюдается подобная корреляция, встречаются часто, но они, тем не менее, показательны. Во-первых, следует отметить интересный фрагмент из комментария к аристотелевскому трактату «О небе и мире», где Альберт обсуждает вопрос о происхождении вселенной. В этом фрагменте говорится о *religiones*, которые предлагают определенные варианты решения этой проблемы. Альберт пишет: «*Religiones* [в этом отношении] разделяются на четыре типа... Сабей говорили, что мир не возник и не будет разрушен. Стоики, следуя Платону, учили, что мир возник, но не разрушится. Пифагорейцы в законах Пифагора (*in legibus Pythagorae*) сообщали, что мир возник и погибнет (и с ними были со-

¹ В этой связи небезынтересно, что в «Сумме теологии» Альберт, ссылаясь на Цицерона, писал, что «теология – религиозная наука» («*theologia scientia religiosa est, secundum quod Tullius... religionem diffinit, dicens, quod "religio est quae curam caerimoniamque cuidam naturae quam superiorem vocant, affert"*») [15,

vol. 31, p. 12]). Насколько я могу судить, трактатки *religio* как науки, а теологии – как «религиозной науки» впервые появляются именно у Альберта. Поэтому, на мой взгляд, все позднейшие попытки интерпретации религии как особой разновидности *scientia* должны, таким образом, восходить к XIII в. и к Альберту Великому.

гласны Эмпедокл, Анаксагор и Гераклит, хотя они и по-разному писали об этом)... А некоторые из сарацин утверждают нечто совершенно безрассудное, вводя четвертый закон (*lex*), согласно которому мир не возник, но будет разрушен. И ни один из этих законов не согласуется с законом Моисеевым, который учит, – на основе пророчеств, а не физики (*propheticæ non physicæ*), – что мир появился не через возникновение, но через сотворение, и будет разрушен по воле Господа» [15, vol. 4, p. 93].

Итак, во-первых, мы видим в этом фрагменте необычное с точки зрения современности смешение религиозных и философских традиций. Однако для самого Альберта все выглядело иначе. Так, например, он полагал, что «закон Пифагора» (о котором он знал, естественно, из пересказов позднейших доксографов) «учит поклоняться Богу» [ibid., p. 6], а в ходе рассмотрения вопроса об ориентации (на запад, восток или полдень) верующих при молитве выстраивал гомогенный (с его точки зрения) ряд, который включал тот же «закон Пифагора», а также «закон Трисмегиста», «христианский закон», «закон Магомета» и «закон Моисея» [ibid.]. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что традиции сабеев, пифагорейцев, стоиков, (некоторых) мусульман и иудеев (и, насколько речь идет о творении мира, христиан тоже) квалифицируются у него и как *leges*, и как *religiones*. Этот подход Альберта не является для его эпохи чем-то аномальным –

границы между философией и религией представлялись многим мыслителям Средневековья (да и поздней Античности, в общем-то, тоже) весьма прозрачными (достаточно вспомнить слова Иоанна Скота Эриугены о том, что истинная религия – это истинная философия, и наоборот [16, col. 357 D]). Тем не менее, мы видим, что у Альберта уже намечена довольно четкая дистинкция между некоторыми (так сказать, «человеческими») религиями, которые вместе с философией рассматривают мир *physicæ*, и истинным законом («законом Моисея»), который имеет сверхъестественное пророческое происхождение. В дальнейшем (и мы увидим это даже у Роджера Бэкона, младшего современника Альберта¹) тенденция по более четкому и последовательному отделению религиозных традиций от философских школ будет только усиливаться (хотя, вероятно, в некоторых случаях проведение демаркации между ними в принципе невозможно, и дело здесь не только в личных установках интерпретатора).

Как бы то ни было, достаточно очевидно, что Альберт признавал множественность религиозных традиций (а не просто оппозицию «(истинная) религия – суеверие»), а также обозначал эти традиции посредством терминов «*religio*» и «*lex*». Вот еще один пример подобного подхода, в котором мы, помимо прочего, можем наблюдать соседство слов «*religio*» и «*secta*». В географическом трактате «О природе мест» Альберт перечисляет различные народы (среди которых персы,

¹ Согласно Бэкону, существует шесть «основных сект», или религий, а именно: язычество,

идолопоклонство, «секта татар», ислам, иудаизм и христианство (подробнее см.: [17]).

греки, скифы, андрофаги, сарацины и т.д.), после чего указывает, что «многие имена этих народов изменились – либо из-за завоеваний, либо из-за оставления земель, либо же из-за новых сект и религий (*propter novas sectas et religiones*)» [15, vol. 9, p. 569].

Кроме того, в этой же связи можно отметить следующий примечательный фрагмент. Приводя цитату из сочинения Цицерона «О нахождении» («Обычное право – то, которое лишь частично выводится из природы, а в большей степени основано на обычае; и такова религия, а также все те [законы], которые были упомянуты выше...» [18, p. 328]), Альберт слегка, так сказать, расширил ее, в результате чего она приняла следующий вид: «Обычное право – то, которое лишь частично выводится из природы, а в большей степени основано на обычае; и такова религия, которая различается у разных [народов] в силу разных обычаев (*religionem quae multis institutis modo differt apud diversos*)» [15, vol. 7, p. 368]. Почему Альберт внес коррективы в текст римского философа? Дело, возможно, в том, что в предыдущем абзаце у Цицерона сказано, что *religio* относится «к естественному закону, который порождается не мнением, но внедряется в саму нашу природу некоей силой» [18, p. 328]. Вполне вероятно, Альберт заметил данное обстоятельство и решил объяснить, как и почему естественная религия превращается в элемент обычного права; поэтому он сначала несколько изменил оригинальный текст, а затем добавил уже непосредственно от себя, что «такое имеет свой исток в природе, а различается из-за обычаев, мнений

мудрецов и постановлений правителей» [15, vol. 7, p. 368]. Как представляется, Альберт хотел показать, что в данном случае речь идет о религиях, которые возникают на основе естественной религии («относящейся к естественному закону»), но в силу разных обстоятельств (из-за «обычаев, мнений и постановлений») приобретают такие формы, которых сама естественная религия не имеет (впоследствии некоторые философы Нового времени называли подобные религии «положительными религиями»). Впрочем, как бы ни обстояло дело с этим вопросом, можно отметить, что здесь мы опять обнаруживаем идею о разнообразии *религий*, но не традиционную еще со времен Отцов Церкви оппозицию «(истинная) религия – суеверие».

Еще яснее Альберт высказывается в своем комментарии к «Метафизике»: «Для государства людей (*civitas hominum*) не требуется, чтобы люди ясно понимали истину, но нужно лишь, чтобы люди были благочестивы, поддерживали справедливость и сохраняли государство (*respublica*), а потому законодатели не искали начал истины, но скорее давали заповеди благочестия (*pietas*), которые могли бы легко подвигать [людей] к управлению и сохранению государства надеждой на награду и страхом наказания. И потому было создано множество богов, множество культов и религий (*cultus multi et religiones*), в которых обреталась не истина, но, скорее, то, что наилучшим образом подвигает [людей] к сохранению государства (*ad reipublicae conservationem*)» [15, vol. 6, p. 129]. Итак, мы видим, что в

этом фрагменте, во-первых, ложные религии (при ясном и недвусмысленном утверждении их ложности) фигурируют именно как *religiones*, а во-вторых, они столь же ясно и недвусмысленно объявляются полезными для общества и для «сохранения государства». Естественно, здесь вкратце воспроизводятся идеи Цицерона о пользе (и даже необходимости) государственной религии и аналогичные идеи его предшественников (таких, как Платон и Аристотель). Тем не менее, Альберт, пожалуй, более радикален, чем упомянутые философы: с довольно необычным для мыслителя его эпохи прагматизмом (если не сказать – цинизмом) он пишет, что нормальное функционирование государства можно обеспечить при помощи опирающегося на авторитет религии набора стимулов (угроз и обещаний), а знание истины и сознательное культивирование гражданских добродетелей не столь уж необходимы. В этом смысле показательно, что, говоря о допустимости ростовщичества с точки зрения аристотелевской политики, Альберт отмечает, что ростовщичество, конечно, «несовместимо с совершенством христианской религии (*religio Christiana*)», но вполне совместимо с «политическим» (*civile*), а «Аристотель говорит здесь как политик (*civiliter*)» [15, vol. 8, p. 66]. Конечно, сам Альберт никогда не признал бы, что при прочих равных «политическое» должно быть предпочтительно «совершенству христианской религии» (более того, как мы уже видели, он иногда даже высказывал идею о том, что «религиозное», как и «достойное» может быть желаемым самым по себе, а не вследствие своей полезности); тем

не менее, доминиканский магистр очевидным образом вводил (или, вернее, воскрешал) дискурс о, скажем так, политической целесообразности в религиозных вопросах, который впоследствии найдет свое более последовательное и радикальное воплощение в работах Никколо Макиавелли, Томаса Гоббса и Бенедикта Спинозы.

Исходя из сказанного выше, можно сделать следующие принципиальные выводы. Начиная с XIII в. в трактовке термина «*religio*» начинают происходить существенные изменения, которые находят свое отражение и в творчестве Альберта Великого. Если ранее в христианской мысли доминировала тенденция разграничивать христианский и нехристианский культы через отнесение первого к *religio*, а второго – к *superstitio* (суеверию), то уже Альберт использовал понятие «*religio*» безразлично по отношению как к христианству, так и к религиям «неверных». Это оказалось возможным прежде всего благодаря его учению о том, что у всех людей имеются некие врожденные представления, составляющие общее «начало религии». Согласно Альберту, это единое начало присутствует во всех людях от природы, а различия в религиозных традициях обусловлены различиями «обычаев, мнений мудрецов и постановлений правителей» (понятно, что в случае иудаизма и христианства их место занимает божественное откровение). Дальнейшее развитие этого дискурса в творчестве мыслителей эпохи Возрождения привело к формированию концепции «общей религии» («*religio communis*»), а затем, уже в эпоху Нового времени, концепции «естественной религии» («*religio naturalis*»).

Литература

1. *Smith W. C.* The Meaning and End of Religion. New York: Macmillan Co., 1963.
2. On the Concept of Religion / ed. Feil E. Albany, N.Y.: State University of New York Press, 2000.
3. *Fitzgerald T.* The Ideology of Religious Studies. New York, Oxford: Oxford University Press, 2000.
4. *Feil E.* Religio. Bände 1–4. Forschungen zur Kirchen- und Dogmengeschichte. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1986–2012.
5. *Nongbri B.* Before Religion. A History of a Modern Concept. New Haven, London: Yale University Press, 2013.
6. *Warde-Fowler W.* The Latin History of the Word “Religio” / Transactions of the third international congress for the History of Religions. Vol. II. Oxford: Clarendon press, 1908. P. 169–175.
7. *Kobbert M.* De verborum “Religio” atque “Religiosus” usu apud Romanos: quaestiones selectae. Regimonti: Hartungiana, 1910.
8. *Otto W.* Religio und Superstitio // Archiv für Religionswissenschaft. Bd. 12 (1909). P. 532–554; Bd. 14 (1911), P. 406–422.
9. *Цицерон.* Философские трактаты. М.: Издательство «Наука», 1985.
10. *Апполонов А. В.* Тертуллиан о языческой религии // Религиоведческий альманах. 2017. № 1 (3). С. 4–25.
11. *Апполонов А. В.* У. К. Смит о трактате Аврелия Августина «De vera religione» // Религиоведческий альманах. 2018. № 1-2 (5). С. 24–48.
12. *Апполонов А. В.* Понятие «religio» у Луция Цецилия Фирмиана Лактанция // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 1. С. 63–73.
13. *Gothóni R.* Religio and Superstitio reconsidered // Archiv für Religionspsychologie / Archive for the Psychology of Religion. 1994. №. 1 (21). P. 37–46.
14. *Albertus Magnus.* Opera Omnia ad fidem codicum manuscritorum edenda. T. 28. Monasterii Westfalarum: Aschendorff, 1951.
15. *Albertus Magnus.* Opera omnia / ed. A. Borgnet. Parisiis: Apud Ludovicum Vivès, 1890–1899.
16. *Ioannes Scotus Erigena.* De praedestinatione / Patrologiae cursus completus: Series Latina. Vol. CXXII. Parisiis: J.-P. Migne, 1865. Cols. 327–438.
17. *Апполонов А. В.* Классификация религий у Роджера Бэкона // Научный информационно-аналитический, культурно-просветительный журнал «Государство, религия, Церковь в России и за рубежом». 2012. № 1. С. 211–221.
18. *Cicero.* De inventione, De optimo genere oratorum, Topica. Cambridge MA: Harvard University Press; London: William Heinemann Ltd, 1949.

Concept of “religio” in Albertus Magnus’ thought

Appolonov A.V.

Lomonosov Moscow State University

The article examines the question of how the concept of “religio” was interpreted by medieval theologian and philosopher Albertus Magnus (c. 1200–1280). The author shows that Albertus proposed a new – in comparison with the previous Christian tradition – interpretation of this concept. This novelty consisted mostly in the fact that he applied the concept of “religio” indifferently to all religions (on the grounds that all people have some kind of innate ideas that make up the common “origin of religion”). In addition, the author notes that Albertus, diverging from traditional Christian doctrine

about the genesis of non-Christian religions, believed that they were introduced by lawgivers and rulers to ensure the normal functioning of the state and have served this purpose quite effectively.

Keywords: Albertus Magnus, history of philosophy, the concept of "religio", natural religion, natural theology, scholasticism, Christian theology.

References

1. Smith W. C. The Meaning and End of Religion. New York: Macmillan Co., 1963.
2. On the Concept of Religion / ed. Feil E. Albany, N.Y. : State University of New York Press, 2000.
3. Fitzgerald T. The Ideology of Religious Studies. New York, Oxford: Oxford University Press, 2000.
4. Feil E. Religio. Bände 1–4. Forschungen zur Kirchen- und Dogmengeschichte. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1986–2012.
5. Nongbri B. Before Religion. A History of a Modern Concept. New Haven, London: Yale University Press, 2013.
6. Warde-Fowler W. The Latin History of the Word "Religio" / Transactions of the third international congress for the History of Religions. Vol. II. Oxford: Clarendon press, 1908. P. 169-175.
7. Kobbert M. De verborum "Religio" atque "Religiosus" usu apud Romanos: quaestiones selectae. Regimonti: Hartungiana, 1910.
8. Otto W. Religio und Superstitio // Archiv für Religionswissenschaft. Bd. 12 (1909). R. 532–554; Bd. 14 (1911), R. 406-422.
9. Cicero. Philosophical treatises. M. : Publishing house "Science", 1985.
10. Appolonov A. V. Tertullian about pagan religion // Religious almanac. 2017. No. 1 (3). S. 4–25.
11. Appolonov A. V. W. C. Smith on the treatise of Aurelius Augustine "De vera religione" // Religious almanac. 2018. No. 1-2 (5). S. 24–48.
12. Appolonov A. V. The concept of "religio" by Lucius Cecilius Firmian Lactantius // Philosophical Journal. 2019. Vol. 12. No. 1. P. 63–73.
13. Gothóni R. Religio and Superstitio reconsidered // Archiv für Religionspsychologie / Archive for the Psychology of Religion. 1994. no. 1 (21). P. 37–46.
14. Albertus Magnus. Opera Omnia ad fidem codicum manuscriptorum edenda. T. 28. Monasterii Westfolorum: Aschendorff, 1951.
15. Albertus Magnus. Opera omnia / ed. A. Borgnet. Parisiis: Apud Ludovicum Vivès, 1890-1899.
16. Ioannes Scotus Erigena. De praedestinatione / Patrologiae cursus completus: Series Latina. Vol. CXXII. Parisiis: J.-P. Migne, 1865. Cols. 327–438.
17. Appolonov A. V. Classification of religions by Roger Bacon // Scientific informational-analytical, cultural and educational journal "State, religion, the Church in Russia and abroad." 2012. No. 1. P. 211–221.
18. Cicero. De inventione, De optimo genere oratorum, Topica. Cambridge MA: Harvard University Press; London: William Heinemann Ltd, 1949.

Ли Чжи (1527-1602): концепция «Детского сердца»

Арчугова А.С.

Статья посвящена анализу одного из центральных эссе философа «Изречение детского сердца» (тун синь шо), где на двух страницах нашла отражение большая часть философских мыслей Ли Чжи. Статья содержит детальное изучение понятия «детское сердце» с момента его первого упоминания в философских трудах китайских мыслителей и до появления термина в философии Ли Чжи, также в статье присутствует авторский перевод фрагментов эссе и комментарии к переводу.

Ключевые слова: китайская философия; неоконфуцианство; минская философия; Ли Чжи; «Книга для сожжения»; учение о сердце (синь сюэ).

Ли Чжи (1527–1602) – уникальнейший философ и историк династии Мин, его произведения одновременно вдохновляющие и подстрекательные. Одной из основных концепция его философских взглядов была концепция «детского сердца», которая нашла свое отражение в эссе из «Книги для сожжения» (*Фэнь шу*) «Изречение детского сердца» (*тун синь шо*).

Прежде чем перейти к пониманию Ли Чжи «детскости сердца» обратимся к истории появления этого биннома. Изначально тезис о «детскости сердца» имел значение скорее отрицательное. В классических конфуцианских произведениях «детскость» ассоциировалась с ребячеством и глупой наивностью. Впервые он встречается во входящем в «Тринадцатиканоние» (*Ши сань цзин*) «Комментарии Цзо [Цюмина]» (*Цзо чжуань*) к канонической летописи «Чунь цю» (Весны и осени). В «Чжоу и» (Книга перемен) так же присутствует похожий термин: «детский взгляд [на вещи]» (*тун гуань*). Здесь этот термин тоже использован с негативным окрасом, он характеризует «Дао ничтожных людей» [1, с. 330-441].

Позже понятие «детскости сердца» обрело положительный оттенок. Произошло это благодаря Мэн-цзы, который стал понимать

под «детским сердца» - чистоту и полноту восприятия. Мэн-цзы считал, что человек от рождения наделен знанием этических норм, но необходимо постоянно самосовершенствоваться, чтобы не утратить это знание. Самосовершенствование (*сю шэнь*) – это процесс, включающий в себя воспитание и развитие врожденных моральных склонностей. Этот процесс требует интуиции, рефлексии и исследования. Великий человек - «это тот, кто не теряет своего детского сердца» (*чи цзы чжи синь*) [2]. В «Дао дэ цзине» (Каноне Пути и благодати, V–II вв. до н.э.) говорится о тождестве «благодатной мудрости» и «детскости». Эта мысль получила выражение и в трактате «Хуайнань-цзы» (цз.2): «в век совершенной благодати люди имели детские и неразумные сердца» (*тун мэн чжи синь*).

Другим интеллектуальным ресурсом Ли Чжи в вопросе о «детском сердце» был Ло Жу-фан и его концепция «сердце младенца» (*чи цзы чжи синь*). Ло Жу-фан (1515 – 1588), будучи одним из сторонников тайчжоуской школы последователей Ван Ян-мина, изучал идею «благомыслия» Ван Ян-мина, особенно его заинтересовал тезис о врожденности «благомыслия». Вслед за Ван Ян-мином он считал, что человек рождается со знанием системы моральных норм. Источником «гуманности», а также «долга/справедливости», «благопристойности» и «мудрости» Ло считал «сердце младенца», «объемлющее небесный принцип». «Сердце младенца не нуждается в обучении и размышлении». В связи с этим он делил знание на «челове-

ческое» (*жэнь чжи*), т.е. повседневное, появляющееся благодаря размышлению, и «небесное» (*тянь чжи*), т.е. спонтанное. Для обретения знания «человеческого» необходимо знание «небесное».

Ло Жу-фан делал акцент на спонтанности и естественности, которые являются атрибутами действий ребенка. Все люди рождаются с «сердцем младенца», а мудрец – это тот, кто сохранил это сердце. Ло считал, что «сердце ребенка», в первую очередь, проявляется в морали, Ли Чжи однако считает, что «сердце ребенка» тесно связано со всеми сферами жизни, будь то эстетические, этические или политические.

Ли Чжи, опираясь на идеи своих предшественников, создает специальное «учение о детском сердце» (*тун синь шо*). Наибольшее освещение данная концепция получила в одноименном эссе, вошедшем в его «Книгу для сожжения».

Концепция «детского сердца» Ли Чжи основывается на таких понятиях, как чистота (*цзин*) и пустота (*кун*). Но «чистое» и «пустое» сердце вовсе не означает изначальную доброту, как можно было бы подумать, также не означает эгоистичность, которую Ли Чжи приписывал природе человека. Но что же тогда означает детское сердце Ли Чжи? И откуда в детском сердце берутся желания и эгоизм? Попробуем разобраться по порядку.

В «Изъяснении детского сердца» говорится: «Ребенок – это начало человека, сердце/разум ребенка – это начало сердца/разума» [3, с. 276]. Понятия «начало человека» и «начало сердца/разума» имеют различные интерпретации в конфуцианстве, даосизме и буддизме.

Ван Цзи в «Воспоминаниях о путешествии на Юг» (*Нань ю хуэй цзи*) писал, что в буддизме «началом человека» считается момент его зачатия, т.е. момент «до рождения» (*фу му вэй шэн чжи цянь*), в даосизме – появления на свет (*чу тай ши*), человек рождается естественным/подлинным, а в конфуцианстве с «началом человека» ассоциируется момент, когда младенцу уже присуще знание любви и уважения (*чжи ай чжи цзин*) [4, с. 465-467]. Получается, что этот момент *жэнь чжи чу* наиболее ранний у буддистов, затем идут даосы, и только потом – конфуцианцы. Для буддистов человек начинается с момента зачатия, эмбрион еще даже не успел сформироваться, его сердце – пустота и небытие. У даосов начало – момент рождения, появления на свет, когда ребенок еще не успел соприкоснуться с миром, он полностью сохранил естественность своей природы. И наконец, конфуцианский человек – человек, который уже успел соприкоснуться с миром и узнать, что такое любовь и уважение.

В одном из «Ответных [писем] [г-ну] Тао Ши-гую» Ли Чжи подчеркнул важность положения о том, что началом человека является момент до его рождения [5, с. 22]. Таким образом, *жэнь чжи чу*, из «Исяснения детского сердца» - это то начало, о котором говорили буддисты. Отсюда следует, что основными свойствами сердца являются буддийские чистота и пустота. В «Ответе Мин Иню» (*Да Мин Инь*) Ли Чжи писал: «То есть 'родители еще не дали жизнь', значит, моего тела пока еще нет, моего тела пока еще нет, следовательно, моего сердца

тоже еще нет» [3, с. 163]. Таким образом, «детское сердце» до появления человека на свет – небытие/отсутствие (*у*), но это «отсутствие» следует понимать как пустоту (*кун*) сердца и природы, об этом Ли Чжи пишет чуть дальше в этом же письме: «Все те, кто говорит о сердце и о природе, [на самом деле] не знают, [что значит] сердце и природа. Почему же? Потому что сердце и природа изначально пусты» [3, с. 163]. Сердце в этот момент еще не соприкоснулось с материальным миром, оно отгорожено от этого мира стеной (*цян би*). Абсолютная пустота (*чжэнь кун*) Ли Чжи есть именно не подвергшаяся влиянию внешнего мира чистота (*цзин*). Детское сердце – чистота и пустота, не вытесненные внешним материальным миром (*вай юань*) и всем увиденным и услышанным в нем (*цзянь вэнь*). Если внешний мир вторгается в такое сердце, то человек теряет его [3, с. 163]. Итак, мы определились, что чистота и пустота – главные атрибуты детского сердца Ли Чжи.

Еще одним атрибутом детского сердца является его естественность (*цзы жань*). Естественность следует из чистоты и пустоты сердца. Сердце отгорожено от воздействия внешнего мира, оно сохраняет внутреннюю естественность. Такая естественность тождественна естественности, о которой говорили Лао-цзы и Чжуан-цзы (*Дао фа цзы жань*), это отказ от целенаправленного течения дел. Естественность – это сердце в свой самый первый миг (*цзуй чу и нянь*) [3, с. 276]. Интересным представляется анализ профессора Фуданьского университета Сюй Цзянь-пина этих четырех

иероглифов. Он выводит из них сразу несколько версий интерпретации: Во-первых, *и нянь* – миг, момент; во-вторых, Сюй Цзянь-пин связывает *и нянь* с идеями/мыслями, рождающимися после соприкосновения пяти основных органов человека (*янь, эр, би, шэ, шэнь*) с внешним миром (*чу юань*). Глаза видят свет и наслаждаются красотой (*сэ нянь*), уши слышат звуки музыки (*шэнь нянь*), нос чувствует запахи (*сю нянь*), язык ощущает пищу, наслаждается ее вкусом (*ши нянь*), а тело соприкасается с внешним миром (*чу нянь*). Все это – естественные потребности человека (*цзы жань эр жань*). И наконец, в-третьих, наиболее любопытная связь – связь *цзуй чу и нянь* с первыми впечатлениями ребенка, с его первыми шагами, первыми словами и т.д. Все это ребенок делает для себя (*вэй цзи*), а это, соответственно, отсылает нас еще к одной более ранней идее Ли Чжи о том, что природе человека свойственна эгоистичность (*цзы сы*) [6, с. 118-126].

В качестве атрибута тун синь также следует уделить особое внимание биному «подлинность – ложность» (чжэнь – цзя). Эти два понятия становятся центральными в эссе «Изъяснение детского сердца». Ли Чжи пишет: «Если обладаешь сердцем ребенка – обладаешь и подлинным сердцем. Если отрицаешь сердце ребенка, то подлинное сердце отрицаешь тоже» [3, с. 277]. Иероглиф чжэнь означает истинность, подлинность, искренность; иероглиф цзя – ложь, фальшь, подделка, лицемерие. Чжэнь – символ чистоты, невинности,

подлинности «детского сердца». Цзя – символ всего того, что презирал Ли Чжи в современном ему мире: лицемерие, чрезмерное следование нормам – все то, что становится причиной потери «детского сердца». Лицемерие внешнего мира развращает человека, заставляет его терять и забывать порывы «сердца ребенка»: «С самого начала, звуковые и визуальные впечатления поступают через уши и глаза, когда человек позволяет им доминировать внутри него, детское сердце теряется. Человек взрослеет, здравый смысл проникает через уши и глаза, когда человек позволяет ему доминировать внутри него, детское сердце теряется» [3, с. 277]. Ли Чжи говорит о том, что детское сердце не опирается на здравый смысл, и не содержит его внутри себя, здравый смысл скорее даже антоним «детского сердца». В таком разрезе «детское сердце» напоминает «благомыслие» (лян чжи) Ван Ян-мина, которое также подразумевает отсутствие влияния «увиденного и услышанного» (цзянь вэнь). Ван Ян-мин писал: Благомыслие, как и «детское сердце», обладает естественностью, спонтанностью, априорностью. Но есть и отличия в этих двух понятиях: Ли Чжи считал, что здравый смысл и детское сердце не совместимы, там, где есть одно, нет второго, а сердце руководствуется личными интересами (сы); Ван Ян-мин полагал, что благомыслие и здравый смысл сосуществуют:

«увиденное и услышанное не может быть использовано, если нет благомыслия» [7].

В эссе «Изъяснение детского сердца» Ли Чжи несколько раз подчеркивал, что главное – избегать лицемерия, и быть честным и искренним во всех аспектах своей жизни: *«Вследствие этого, человек станет говорить ложные речи ложным людям, чтобы угодить им, делать ложные дела с ложными людьми, чтобы угодить им, с ложными людьми обсуждать ложные тексты, чтобы угодить им. Нет ничего не ложного, нет никого, кто не был бы доволен»* [3, с. 276].

В целях сохранения «детского сердца» Ли Чжи предлагает сосредоточиться на собственных мыслях. К тому же, хотя многое из того, что предложено нам физическим и социальным миром служит только, чтобы заглушить наши «детские сердца», все же есть определенные тексты и учителя, которые, наоборот, могут помочь защитить «детское сердце» от вредных воздействий. Книги, которые помогают сохранить чистоту и невинность сердца, сами должны быть порождением спонтанного и естественного «сердца ребенка». Ли Чжи предлагает обойтись без классических канонов, и призывает: «Поэтому я предпочитаю спонтанные тексты, написанные тем, у кого сердце ребенка, что уж говорить о конфуцианском каноне, Лунь юй, Мэн-цзы?! 6 канонов, Лунь юй, Мэн-цзы, если не превознесенные летописцами слова мудрецов, или речи чиновников, восхваляющих своих

наставников, то изречения учителей, записанные по памяти несостоятельными приспешниками и бестолковыми учениками, непоследовательные, незаконченные и основанные на собственных наблюдениях» [3, с. 276].

Еще один способ спасти «детское сердце» (которым воспользовался сам Ли Чжи) – уход из обиденного мира (*чу ши*). Уход из социального мира может помочь защитить *тун синь* от влияния лицемерной общественной жизни, сохранить его естественность, спонтанность и подлинность.

«Изъяснение детского сердца» – это своего рода итог философских размышлений Ли Чжи, все его мысли, так или иначе, нашли отражение в этом небольшом эссе. Концепция детского сердца – это уникальное явление китайской культуры, оказавшее огромное влияние на литературу и философию того времени.

Литература

1. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Вост. лит-ра, 2006. Т. 1. Философия / ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов, 2006. 727 с.
2. Мэн-цзы. Ли Лоу ся (Мэн-цзы: Ли Лоу. Часть вторая), [Электронный ресурс]. URL: http://www.guoxue.com/jinbu/13jing/mengzi/13j_mzml.htm (дата обращения: 01.12.2019)
3. Ли Чжи. Фэнь шу (Книга для сожжения). Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсюань чубаньшэ, 2010.
4. Ван Лун-си. Ван Лун-си сяньшэн цюань цзи (Полное собрание [сочинений] г-на Ван Лун-си),

Тайбэй: Хуавэнь шуцзюй, 1970. 799 с.

5. Ли Чжи. Сюй фэнь шу (Продолжение книги для сожжения). Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсюань чубаньшэ, 2010.

6. Сюй Цзянь-пин. Ли Чжи сы сянь янь бянь ши (История формирования взглядов Ли Чжи), Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2005. 391 с.

7. Ван Ян-мин. Чуань си лу: Да Оуян чун и (Записи преподающего и воспринятого), [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zhwhdjt.com/list.php?fid=200> (дата обращения: 01.12.2019)

Li Zhi (1527-1602): Concept of child-like Heart-mind
Archugova A.S.

Peoples' Friendship University of Russia

The article is devoted to the analysis of one of the central works of the philosopher - essay "On the Child-like Heart-mind" (Tongxin Shuo), which reflects most of the philosophical thoughts of Li Zhi in two pages. The article contains a detailed study of the concept of "child-like heart-mind" from the moment it was first mentioned in the philosophical works of Chinese thinkers until the term appeared in the philosophy of Li Zhi, the article also contains the author's translation of fragments of an essay and commentary on the translation.

Key words: Chinese philosophy; Neofucianism; thinkers of the Ming dynasty; Li Zhi; A Book to Burn; Xin xue.

References

1. The spiritual culture of China: encyclopedia: in 5 tons / hl. ed. M. L. Titarenko. M.: Vost. Litra, 2006. T. 1. Philosophy / ed. M.L. Titarenko, A.I. Kobzev, A.E. Lukyanov, 2006.727 p.
2. Mencius. Lee Low Xia (Mencius: Lee Low. Part Two), [Electronic resource]. URL: http://www.guoxue.com/jinbu/13jing/mengzi/13j_mzml.htm (accessed: 12/01/2019)
3. Lee Ji. Fen Shu (Book for Burning). Beijing: Shehui Kesue Wen Xuan Chubanshe, 2010.
4. Wang Lun-si. Wang Lun-xi xiangsheng quan ji (Complete Works [Mr. Wang Lun-xi]), Taipei: Huawen Shuju, 1970. 799 p.
5. Lee Ji. Xu Fen Shu (Continuation of the book for burning). Beijing: Shehui Kesue Wen Xuan Chubanshe, 2010.
6. Xu Jian-ping. Li Zhi sy xiang yan bian shi (History of the formation of Li Zhi's views), Beijing: Renmin Chubanshe, 2005.391 s.
7. Wang Yang-min. Chuan si lu: Da Ouyang chun and (Records of the taught and perceived), [Electronic resource]. URL: <http://www.zhwhdjt.com/list.php?fid=200> (accessed: 12/01/2019)

Традиции Рождества и сравнительный анализ гимнографии литургического года византийской и римской традиций

Гапанюк А.Е.

Статья посвящена изучению проблемы Рождественских традиций. Данная вопрос в целом связан с изучением религиозных ритуалов. Он стоит на стыке культурологии и религиоведения. В настоящее время отсутствует полное описание и сравнительный анализ христианских традиций литургического года. Данное в работе описание восполняет этот пробел в материале. В статье приводится обзор основных праздников Западной традиции. Также проводится сравнение ритуала особых дней литургического года, имеющих свои специфические богослужебные особенности. В статье также отмечаются характерные черты богослужебных традиций Рождества в Европе.

Ключевые слова: богослужение, Византийский обряд, Римский обряд, литургический год, Рождество, традиции

Введение. В настоящее время важно изучение многих гуманитарных тем и областей, которые не рассматривались ранее ввиду засилья особых форм идеологии. Сегодня важны и междисциплинарные исследования в новых развивающихся науках. Так, можно заключить, что вопросы теологии, связанные с культурологической проблематикой в наши дни, были бы интересны для рассмотрения.

Существует много тем на стыке культурологии и теологии. Это, например, изучение культурного наследия древней церкви в католицизме (в области церковного права, нравственности, агиографии, патрологии), экуменизма и культурной конвергенции деноминаций, истории и динамики богослужебных уставов, особых дней года (и современных текстов, например, акафистов), истории и «структур служб», переменных текстов греческого, современного и «до-Никоновского» русского типиконов). Важно понимание богослужения и традиций древневосточных церквей, изучение культурных истоков классических христианских идей (например, идеи «Чистилища», «согласия отцов», отношения к иерархии в англиканской

церкви), агиографии новых западных святых в контексте введения их в православный календарь. Интересно и рассмотрение вопросов на стыке теологии и технических дисциплин (календаря и расчета даты Пасхи). Сегодня особенно актуально изучение общехристианского наследия и традиции. Так, узко-конфессиональные учебные заведения открыты для диалога. В МДА, например, студенты учат не только сравнительное богословие, но и культуру - григорианский хорал (<https://mpda.ru/education/choral-school/>). В МДА в темах дипломов есть проблематика «Богослужбный и общежительный устав монастырей бенедиктинской традиции Римско-Католической Церкви: история и современность» (http://old.mpda.ru/data/2018/03/27/1237459015/ltogovaja_attestatsija_TsPD_dekabr_2017.docx). Данные вопросы связаны с проблемой культуры. С культурой связано и изучение конфессий и их традиций. В некоторых группах изучается «конфессиоведение» - рассмотрение традиций католических (папство, вероучение), православных (древнее наследие), лютеранских (осмысление протестантизма), англиканских (консервативный и либеральный протестантский подход), старокатолических (умеренно католических), кальвинистских (смелых реформационных), радикальных реформационных (упрощения), новых движений (идей изменения культуры).

Если мы возьмем главные принципы конфессий, то мы увидим, что главные богословские разделы - догматическое, основное, нравственное, сравнительное богосло-

вие, история христианства, библистика, каноническое право, литургия - близки для разных христианских традиций. Вера в Троицу, две природы Христа, идея спасения объединяет всех. А различия связаны с почитанием ангелов и святых, мощей и икон. И это добавляет важности изучения христианской культуры (а не просто описаний памятников наследия и естественных достижений). Даже упрощения служб, использование ранних богослужений и история богослужений вообще, модель жизни клирика разных конфессий и многое другое похоже у разных христианских групп.

Европейские традиции формировались под влиянием римского и греческого наследия. Тридентское или древнее богослужение с разным числом служителей, готические храмы, базилики образуют важные составляющие католической традиции. Для православия же характерны свои черты. Древние традиции некоторых отделившихся церквей имели меньшее значение, как и традиции протестантов, которые во многом были продолжением католических. Так, католики сохранили основные элементы устройства базилики и алтаря, облачений, утвари и поз (процессии с вносом кадила, каждение), чина мессы, треб, суточных служб и литургического года. Лютеране же только возродили многие практики (крестное знамение, каждение, полные облачения, которые изначально были утрачены, хотя лютеране сохранили традицию иметь на алтаре разное число свечей в зависимости от праздника). Однако, одной из самых интересных представляется тема праздников.

Праздники в традиции. Хотя даже в СССР возможны были работы в области эротологии, изучения музыки, театра, но все равно полноценное описание религиозных традиций было недоступно ввиду цензуры (как в чуть более ранний период де-факто преследовалось в России инославие, а в Англии - католицизм). Достаточно вспомнить споры о допустимости "елки", укрепившейся народной традиции на "зимние праздники" и не прижившиеся "революционные" традиции. В наши дни мы видим обилие новых технических достижений, которые освобождают человека от трудного рутинного труда (в том числе и в сельской местности). Но этот процесс замены людей в ненаучных областях и образовании техническими устройствами еще не завершен. Интересно заметить, что погруженный в рутину человек в определенные моменты хочет изменений в жизни. И эта особенность известна и характерна для самых ранних практик.

Древнейший пласт общественной жизни представляют собой праздники. Они не только связаны с отменой работы и отдыхом в определенные сезоны и дни, но и религиозными и народными традициями. И в наши дни эта тема не менее актуальна. Необходимо отметить, что в народной традиции закрепляются, видимо, те праздники, которые в действительности связаны с укоренившимися традициями. Так, на 8 марта дарят цветы, и этот праздник тяжело изжить и заменить другим - религиозным днем (как и 9 Мая с флагами, головными уборами, салютом). Но многие праздники просто исчезали очень

спокойно, так как не были восприняты народом и не стали частью наследия.

Некоторые праздники отражают важный визуальный элемент. Они образуют целые циклы - осени, зимы, весны-лета. Праздник жатвы и День благодарения (с украшением храма урожаем, снопом), Октоберфест (застолье, мясная пища, национальная одежда), Halloween (тыква, маскарад, прошение подаяния), День всех душ (свечи на могилах родственников в северной традиции у поляков, финнов) - празднуются осенью. Зимний цикл составляют Адвент - с праздниками свечей и пением (новены, роратных месс, характерным "календарём" и венком, праздником Мартина и Николая с театрализованными представлениями о Мартине и мальчике-епископе), Рождество (с "Рождественским деревом" лютеран, поленом сербов, колядованием, пением, ездой на санях, подарками и посещением вечерних и ночных служб), Новый год (на который французы, одев характерные шапки, идут, например, в пиццерию) и "Рождественская" группа праздников - 12 ночей и Сретение (совпадающее в традиции с "Днем сурка"). Весенний цикл связан с Пасхой и переходит на лето (Масленица и Карнавал, сжигание фигуры, "вторник - день исповеди", Пепельная среда и Прощеное воскресенье, Пасхальное триденствие с зажиганием костров на Севере Европы, венчание статуи Девы Марии венком в мае, установка майского дерева-березы на Пятидесятницу и те же обряды на праздник Иоанна Предтечи). В наши дни их дополняют обычаи переодевания «лепреконами» и расклеива-

ния трилистников на праздник святого Патрика, и дарения валентинок на праздник святого Валентина. Следует сразу сказать, что для современного человека во многом главным стал праздник Рождества (его значение после коронации Карла Великого возросло, и уменьшило былую роль праздника Богоявления с подарками) - символика которого перешла и на Новый год. Поэтому важно не забывать и об этом празднике. Многие праздники связаны с архаичными традициями, возрождаемыми как созданное ныне "колесо года". Не все они, вероятно, были связаны с сельским хозяйством. Но так или иначе закрепляются те обычаи, которые вносят особенности в обычный ритм богослужений, будничной работы. Хотя часто они могут считаться по значению не такими важными, с точки зрения отмечаемого события. Так, православные и католики в храм часто ходят освящать вербы, яйца (у католиков отсутствуют "кулич и пасха", а "hot cross bun" не является их полным аналогом), но не на те праздники, которые не имеют культурных традиций. Хотя, следует заметить, что и на особые богослужения пасхального триденствия католики до реформ богослужения тоже часто не ходили. Поэтому важно описать дни с особыми традиционными церемониями церковного года греческого Востока и католического Запада и отметить их характерные церемонии. Следует сразу оговориться, что в главном традиции греков и католиков, по сравнению с древним обычаем (нео-савваитской и тридентской эпохой), значительно изменены. Например, католики оставили после реформ богослужения в

1962-1970 годах только Пасхальное триденствие, крестный ход в Вербное воскресенье и упрощенный крестный ход из соседнего здания в храм на праздник Сретения. Греки меньше упростили богослужение при введении ими "Типикона Великой Церкви", но все же новый чин имеет отличия от традиционного. Часто богослужение совершается епископом с осенением дикирием и трикирием. На утрени «Жениха» страстного понедельника выносятся образ Спасителя, епископ целует образ, делает поклон и осеняет, три раза крест и плащаницу носят вокруг престола, на службе Акафиста епископ кадит в митре и мантии, Канон Андрея Критского читается обычно (он, как и Акафист, связан с повечерием), листья рассыпают на прокимне в Великую субботу, Евангелие читается у врат храма до утрени Пасхи, чтение Евангелия на разных языках совершается не на Пасху, а на пасхальной вечерне «агапе». Часы отсутствуют, последние ектении утрени дочитываются тихо перед литургией. Но на Афоне и в монастырях служат по уставу с предстоянием на входе в форме полукруга (почти как у староверов), с помазанием ближе к концу службы, чтением Евангелия с Престола, епископ стоит в мантии справа у стасидии всю службу (может иногда кадить на полиелее, но также не в полном облачении). На практике в греческих храмах епископ приходит к концу утрени и в мантии поет катавасии. Входы совершают через весь храм, при епископе встают рядами у его стасидии справа и слева.

Мы остановимся на кратком описании основных отличий важных литургических дней согласно тридентскому чину и славянскому (русскому)

типикону, который сходен с Афонскими уставами и "Оком Церковным". Последние три устава образуют, наряду с "Типиконом Великой Церкви", четыре главных типа обрядов на Востоке. У католиков сохранились и другие обряды: амвросианский, мозарабский (иногда служат ранние доминиканские, кармелитские и другие богослужения). Кроме этого, совершаются особые службы, часто связанные с традициями, описанными в «Собрании Древних литургий» [1] (которое наряду с изданием «иноческих уставов» и «деяний вселенских соборов» [2], житий св. Дмитрия Ростовского было важным источником в XIX веке). Остановимся на праздниках по сезонам, чтобы выявить сходство культурных традиций (в остальное время богослужение совершается по установленному образцу, универсальному для Западного обряда и для Восточного обряда отдельно). Можно обратиться к Триденсткому миссалу [3], Типикону [4] и Богослужебным указаниям [5], в которых описывается разный тип богослужения Востока и Запада. Менее актуальны Октоих, Минеи, Ирмологий, Требник, Архиерейский Чиновник, Соборные чиновники, Служебник (хотя в нем печатается распространенный в балканских странах чин освящения колива на праздники, а не только на заупокойной утрене-парастасе), Часослов (включающий чин Параклесиса – молебна Богородице, популярного у греков и русских, хотя греки могут служить молебен любому святому).

Осень - Православие:

Малозначительные особенности имеет служба "индикта" - церковного новолетия.

Крестовоздвижение включает чин выноса креста на славословии

(как в крестопоклонную неделю) и в больших соборах - чина воздвижения его на 4 стороны света с многократным пением "Господи помилуй".

Католицизм: На некоторые праздники в неримских обрядах устраивали процессии (например, на День всех святых). Суточная служба за усопших имела свои особенности и была очень упрощенной. Утренняя, полунощница и вечерня за усопших служились на День всех душ вместе с Реквиемом (у лютеран это – воскресенье вечности, когда к алтарю на ступени и на подсвечник все ставят свечи).

Зима - Православие: Рождество и Крещение Господне имеют царские часы и вечернюю литургию Василия Великого.

Сретение на Украине включает западный чин освящения свечей Петра Могилы.

Католицизм: Особые дни (Ember days) с многочисленными чтениями и рукоположениями по Римскому понтификалу [6] делили весь год на четыре периода.

В Адвент совершались ранние мессы со свечами (Rorate mass) и шествием, устанавливалась Богородичная свеча. Рождественская полунощница предваряла Рождественскую мессу, на которой священник вносил в ясли статую младенца-Христа. Перед ней читали «преконию» - мартиролог на Рождество. Богоявление включало объявление даты Пасхи служителем в каппе и освящение воды (в древности, в связи с пением «Тебе Бога Хвалим», на полунощнице).

Сретение имело процессию со свечами (а на праздник Власия прикасались ко рту скрещенными свечами). Ранее в неримских обрядах во время процессий могло быть и

кропление (на воскресных мессах в течение всего года вначале кропили водой).

Весна - Православие: Подготовительные недели к Великому посту имеют пение дополнительного псалма "На реках вавилонских". В среду и пятницу сырной недели совершается особая аллилуйная служба, аналогичная постной.

После Прощеного воскресенья с изменением цвета облачений в середине и чином прощения в конце начинается Великий пост (служится аллилуйная служба и по средам и пятницам литургия Преждеосвященных Даров).

На первой неделе поста читается на повечериях Канон Андрея Критского. В пятницу освящается коливо. В воскресенье - чин торжества православия в память о почитании икон.

На Крестопоклонной неделе совершается вынос и поклонение кресту на славословии утрени (Вторая неделя поста связана с Григорием Паламой, и как воскресенье Иоанна Лествичника, не имеет особенностей, как и неделя Марии Египетской).

В воскресенье Поста вечером служится Пассия - великая вечерня с каждением храма, чтением Акафиста страстям Христовым и страстного Евангелия с проповедью и гимнами Великой Пятницы. На Украине в Пятницу читали Евангелие на малом повечерии).

На пятой седмице поста совершается "Мариино стояние" - служба с чтением Канона Андрея Критского и жития Марии Египетской в паузах.

В субботу Акафиста совершается утренья с вставками фрагментов Акафиста в паузах, в которые по

уставу положено читать поучительные чтения.

Благовещение имеет много богослужебных особенностей при выпадении на тот или иной день поста (особенно при совпадении в Великой Пятницей, что также происходит и оценивается неоднозначно).

Вербное воскресенье включает освящение верб и каждение на 50 псалме на утрени (Лазарева суббота имеет незначительные особенности). Страстная седмица включает каждый день литургии преждеосвященных Даров и имеет свои особенности. А в Великий четверг служится вечерняя литургия Василия Великого, в соборных храмах - чин омовения ног и часто общее елеосвящение. В Великую пятницу совершается утренья с чтением в паузах 12 страстных Евангелий. Читаются царские часы, а на вечерне - выносятся плащаница. В Великую субботу служат утренью с похвалами на 17 кафизме и крестным ходом с плащаницей и Евангелием по славословии и чтениями. Литургия Василия Великого начинается с вечерни и включает 15 паремий и переоблачение в белое в память о крещении оглашенных. Освящается хлеб и вино, и вечером начинают чтение Деяний апостолов. На полунощнице-(панихисе из псалма и канона) плащаницу заносят и кладут на алтарь, где она лежит весь пасхальный период. Ночью совершают крестный ход, предваряемый тихим пением клира и открыванием царских врат до отдания Пасхи. У врат храма начинают особую пасхальную утренью (на ней иногда меняют облачения разных цветов) и пасхальные часы с ночной литургией (все службы начинают "Пасхальным началом"). Вечером

служится пасхальная вечерня с чтением Евангелия в царских вратах алтаря. На всех службах используется диаконская свеча, трех-свечник с крестом и многократное каждение. Недели после Пасхи отличаются, в основном, только пением троекратного "Воскресение Христово". А на отдание Пасхи служат по уставу с использованием "Пасхального начала" (а на практике просто по пасхальному чину).

Католицизм: Пепельная среда начинала Великий пост мессой, на которой посыпали пепел на голову.

Пальмовое воскресенье имело процессию с пальмами-вербами, предваряемую чтением Евангелия. В Страстное время в Испании устраивали шествия «капиротов» (людей в острых колпаках) со священной статуей и священником. Триденствие Пасхи очень интересно. В Великий Четверг месса была обычной, но совершалась унесение Святых Даров, разоблачение алтаря, омовение ног и алтаря (при папе и в монастырях была трапеза). В Великую Пятницу клирики молча входили, совершали поклон, читали чтения (трое читали страстное Евангелие), священник возглашал «торжественные молитвы», вносился для поклонения крест, с которого снимали покров, совершалось его целование, вносились Святые Дары и совершалось причащение Преждеосвящёнными Дарами. В Великую субботу благословляли огонь, вносили его в храм, и диакон читал «Освящение свечи», затем читали чтения, литанию, освящали купель крещения, и шла обычная месса без проприев с торжественным пением «Аллилуия». Совершалась особая «темная» полунощница или утренняя, во время которой поочередно

тушили свечи треугольного 15-свечника («герции»), потом последнюю свечу уносили за алтарь, устраивали шум и выносили ее в знак Воскресения Христова. На Пасху не было важных особенностей (кроме пения секевенции, сохраненной еще всего для нескольких дней). Вечерня Пасхи имела в раннем римском чине обычай хождения к купели крещения [7]. До сих пор суточные службы не имеют, как в древности, гимна и чтений на этой неделе. Хотя остальные дни года не имеют принципиальных особенностей.

Rogations – шествия с литанией и окроплением полей были популярны в период до Пятидесятницы.

Лето - Православие:

Пятидесятница включает вечерню, которая имеет во время пауз читаемые на коленях в царских вратах молитвы. Лето полноправно начинал Петров пост.

На праздник Преображения совершают освящение плодов.

Успение в русской традиции имеет особую службу в вставленными в 17-ю кафизму похвалами, выносом плащаницы, крестных ходом с ней вокруг храма на Великом славословии. Петров, Рождественский и Успенский посты имеют по уставу особые аллилуйные службы, как в Великий пост.

Другие службы не имеют принципиальных особенностей, кроме отличий в некоторых песнопениях (и отдельных традиций, например, освящения фруктов и цветов на Успение у католиков и других практик, описанных в старом [8] и новом францисканских требниках [9]).

Католицизм:

На Пятидесятницу была служба, аналогичная литургии Великой суб-

боты, но без освящения свечи (которая хранилась до этого времени). В после-раскольный период появилась традиция устраивать праздник Тела Христова с процессией и останками с осенением Святыми Дарами у четырех алтарей во время шествия по городу. Праздники формировались долго - осенью был введен праздник Христа-Царя, на 1 января Праздник Девы Марии вместо Обрезания, были праздник Визитации, Сердца и Имени Иисуса и Марии.

Католическая и православная традиции сохранили очень ранние особенности литургического года. Практически все они в значительной степени сложились еще до разделения Церквей. Они являются отголосками практик и шествий в Иерусалиме, описанными еще паломницей Егерией. Можно условно сказать, что практически к моменту этих описаний уже сложилось и закрепилось большинство праздников мучеников и святых, Пасхальные праздники и ранние Рождественские традиции (без разделения Рождества и Богоявления, как у армян, в отличие от Запада). Это связано с проблемами месящесловов ранней Церкви, которые также уже изучались (достаточно вспомнить «Полный месящеслов Востока» архиепископа Сергия Спасского). Рассмотрев особенности дней года, можно сказать, что католическая и православная традиции во многом дополняют друг друга и друг без друга не до конца описывают полноту понимания церковной традиции. Это связано с особенностями истории.

Рождество, богослужение, традиции. Можно сделать некото-

рые выводы по поводу литургического года вообще. Католическая и православная традиции литургического года были очень интересны. В целом можно условно выделить два важных цикла праздников - Рождественский (от Адвента до Великого поста) и Пасхальный цикл (от Великого поста до Адвента). В католической традиции происходили изменения, но все же ее можно считать более образцовой, так как протестанты только сохранили или возродили традиции. Многие традиции, как литургическая драма на Рождество, сохранились именно у лютеран. Хотя сам Лютер был против драматической традиции крестного хода на Вербное воскресенье и внесение статуи «ослика» *palmeisel* (символика осла была так популярна, что на мессе могли произносить «и-хо»), и у лютеран часто только дети устраивают ход по храму с вербами. Но после реформации была изменена архитектура храма, введены скамьи, отменены многие культурные атрибуты богослужения. Литургическая драма с вознесением статуи Христа под купол на Вознесение, высыпание розовых лепестков из-под купола Пантеона на Пятидесятницу, звучание труб и пение гимна «Приди Создатель» во многом ушли из традиции, как и преграды хора, символические похороны надписи «Аллилуия» в начале Поста. Некоторые западные традиции были близки к восточным (например, амвросианская, где отсутствовала литургия по пятницам, читались торжественные часы в Великую Пятницу, пост начинался в воскресенье, в Великий четверг литургия была вечерняя, сохранялись ранние традиции *tradatio, redditio symboli*). Были утраченные в наши

дни традиции зажигания и освящения огня во все дни Пасхального триденствия. Хотя многие Пасхальные традиции - катание и прятание яиц, обливание, прутики были характерны более для Востока. Где-то мы видим наследие ранних практик. Пятидесятница у славян, вероятно, начало цикла Ивана Купалы (середина лета), где характерны майское дерево и хоровод, венки, прыжки через костры. Многие традиции были связаны с сезонами сбора урожая (как освящение винограда на Преображение) или первых плодов на праздник жатвы у лютеран. Где-то ранние традиции устанавливались на примерно один и тот же период года. У католиков сбор урожая приурочивали к Успению. Это традиция «Lammes» с мессой Богородицы Успения и выпекания из нового урожая облатки для причастия. Если православная традиция колядования, приглашения священника в дом для «славления», посещения ночной литургии хорошо известна, то католические службы и базирующиеся на них протестантские не описаны на русском языке. Необходимо сказать о некоторых богослужениях Рождества, согласно монашеской, тридентской [10] и сарумской традициям. Католическая «тридентская» традиция включает полунощницу из инвентария (94 псалма), гимна, в праздники – трех ноктурн (псалмов и трех чтений с ответными песнопениями), гимна «Тебе Бога хвалим», молитвы-коллекты и заключения. В будни была одна ноктурна (у монахов добавлялась еще одна с маленьким чтением, а на ноктурнах было по четыре чтения). В наши дни этот чин называется «час чтений», соверша-

ется в любое время дня, а инвентарий все равно остался первым песнопением дня (которое собирало на службу молившихся у разных алтарей) и вместо ноктурн включает псалмы и два чтения с ответными песнопениями. В праздники могут добавляться библейские песни и чтение Евангелия, преобразуя службу в бдение. Следует отметить, что полунощницу не монахи совершали ближе к утру. И только Собор Парижской Богоматери сохранял ее служение в 12 часов ночи. Во Франции хранили много реликтов, как древний монашеский обычай помнить всю службу, кроме коллект, наизусть, без чего не посвящали в служители (коллекты читали по книжечке, которую хранили в рукаве стихаря), сохраняли греческую мессу на праздник святого Дιονисия и некоторые восточные песнопения. На Рождество секулярные каноники, которыми часто были короли (и поэтому митра стала частью короны) читали при папе чтения полунощницы, могли снимать на ноктурнах покрыва разного цвета, что символизировало Ветхий и Новый заветы и грядущую эру. Была особенность Богоявления - на этот праздник освящали мел, ладан, воду и писали мелом на двери «СМВ+», служитель в каппе возглашал дату Пасхи. Монахи в своем чине читали в конце службы Рождества и Богоявления Евангелие-Генеалог, с церемониями как на мессе. Им стали подражать и многие светские обряды, как, например, сарумский. В самом же сарумском чине священник кадил на средних респонсориях полунощницы, и только для каждения одевал каппу, как и у доминиканцев. Каппу носили

певцы-главы хора, а аколиты тунику. То есть богослужение было очень торжественным. В тридентском же чине можно было облачиться для мессы уже на Рождественской полунощнице (хотя обычно епископ на ней стоял в сарра магна, а священник одевал каппу только при подходе свещеносцев на запев гимна в конце) [11]. Следует отметить, что прочие суточные службы в римском и других обрядах были очень близки и строились по единой структуре. В наши дни они строятся так же (только ранее гимн мог быть после чтений на главных службах). Это начальный возглас «Боже в помощь мне приди» - «Господи на помощь мне поспеши», гимн, псалмы, чтение, ответное песнопение, на главных службах Библейская песнь, прошения, молитва, заключительный возглас («Благодарим Господа»-«Благодарение Богу»). На вечерне поется песнь Богородицы, на утрени – Захарии, и они сопровождаются каждением (священник и обычно шесть его помощников, стоящих перед алтарем, одевают каппы), на повечерии – песнь Симеона. Священник осеняет себя крестным знаменем в начале служб и всегда сидит, как и на мессе, лицом на север с южной стороны алтаря.

Заключение. С празднованием Рождества связано много интересных историй. Достаточно вспомнить, как в СССР Сталин разрешил елку (правда, появлялись специфические игрушки, вроде космонавтов), хотя после Революции запрещали не Советские старые праздники и, возможно, хороводы. В 2000-х годах по указанию мэра Москвы Ю.Лужкова стали украшать

витрины. Интересно, что даже в Японии (для которой характерен обмен снежирями в храмах на Новый год, омовение статуи Будды – водосвятие) гирляндами украшают деревья, как в описаниях Д.Толкиена. Артек, общественное питание и соцобеспечение не смогли заменить тягу к празднику. Популярными персонажами были Дед Мороз, Снегурочка, для детей устраивали «Елку». На Западе было больше традиций, и они распространялись и в России. Это и Праздник всех святых осенью (введен в Клуни), Рождество, праздник святого Патрика (с кельтскими и народными традициями), день святого Валентина (который пришел не из-за «католического прозелитизма», но из-за его светской природы, основанной на римских языческих традициях). Важен литургический календарь, отличный на Востоке и Западе (дни памяти святых).

Разные страны имеют свои традиции Рождества. Если во Франции на Новый год в колпаках ходят в пиццерию, лютеране после вечерни на улице поют колядки (одна из них связана со святым Вацлавом [12]), пока Санта-Клаус ездит на санях и дарит подарки, утром же – основное застолье и месса, литургическая драма. Католики, например, в Польше, едят вечером 12 постных блюд и поют колядки, отламывают облатки с пожеланиями и идут на ночную мессу (где на Евангелии часто вносят в ясли фигурку Христа), утром устраивается застолье. Православные сохранили свои обычаи (у сербов – рождественское полено, германское «Yule log»).

Только литургический год (с особыми благословениями предметов - плодов, воды, у русских - куличей)

добавляет красочности в богослужение, тогда как обычно главные публичные службы: литургия и месса, вечерня и семь таинств почти всегда неизменны. Людям для посещения храма важны эти внешние образы. Это важно для Запада. Во многом День всех святых и усопших (осенью существует обычай хоронить мух и клопов) – начало подготовки к Рождеству (на могилы ставят свечи «Свет души»). «Черная пятница» и «День благодарения» в данном контексте нам менее интересны. Адвент (у амвросиан такой же по продолжительности пост, как Филиппов у греков) с его продолжающейся символикой света темными зимними ночами (а также венком Иоганна Хинриха Вихерна, звездой, елкой, календарем) разделен на 2 части – первая вспоминает в галльской традиции Второе Пришествие Христова, вторая часть – Иоанна Предтечу. Вторая часть связана с «о-антифонами». Рождество предваряют на Западе праздник святого Николая с его «мальчиком-епископом», святого Мартина и Люсии (происходит из образа Младенца Христа, популярного в Польше и у лютеран). Англикане вместо полунощницы Рождества (когда снимают 3 покрывала с алтаря) ввели службу девяти «чтений и колядок». Известны рождественские традиции первого гостя и игры с огнем у шотландцев. Были и локальные элементы. Интересны традиции «пещного действия», вырезания вертепов из камня в Кракове, установка снопа-дидуха на Рождество на Украине, вождения козы. Многие традиции: орехокол-щелкунчик, торт «полено» - переосмысливаются. Некоторые традиции просто сохра-

няются – носки над камином у дымохода для Санта-Клауса и эльфов, Елка Лютера, венки с омелой, плющом и остролистом, колядки, карамельная трость, открытки и подарки, «крестингл» (цитрусовые украшения), глинтвейн и имбирное печенье. Существует традиция оставлять печенье для Санта Клауса с его упряжкой, моравская звезда, олени, снежный шар с глицерином.

Продолжают праздник Рождества с его тремя мессами дни «Boxing day» - святого Стефана (ранее на него освящали овес), Иоанна (в этот день освящают вино, и мужья дают его женам со словами «любовь святого Иоанна»), Власия (когда две скрепленные свечи прикладывают к горлу). Богоявление на Западе – это праздник трех царей-волхвов, а Крещение – следующее за ним воскресенье (так разделены и Пятидесятница с Троицей). Вспоминаются и праздники святого Василия, Бертольда, которые имеют скорее светский характер для западного человека. Самайн, День сурка, день святой Бригиды и Сретение – праздники, близкие по дате. Сретение продолжает традицию освящений свечей (как освящают в дни года пепел, вербы). Сретенскими свечами прижигали волосы, а потом гуляли до карнавала. Светильники-арки в окне, похожие на «герции» темной утрени, ввели шахтеры (чтобы видеть свет). Поэтому мы видим, что Рождество связано не только с литургическими драмами-сценами и «вертепом» святого Франциска, ярмарками-базарами, салютом и «пирамидами», но и с символикой свечи. Это не всегда прослеживается в другие особые дни (Пасхальное триденствие, вечерня Пасхи, Пятидесятница и в

воскресенья после Троицы до начала года-Адвента, в характерные службы и дни - «Rogationtide» «Ember days», «Rorate mass»).

Первоначально христиане отмечали только Пейсах (имея 40 часов поста до него) – Пасху страдания («крестную») в Пятницу и Воскресения в «День Господень». В чистом виде седер Пасхи не был взят, но есть традиции агап, когда евхаристия переносится на утро. Причащались христиане три раза в день (и читали «Отче наш» - пред-причастную молитву). После Константина новые практики расширились, введены кадило, облачения, воцерковляется солярный культ «Sol Invictus» 25 декабря. Этот день «Богоявления» не разделили на другие праздники армяне. Так складывалась христианская Рождественская традиция на Западе, откуда при Златоусте она попала на Восток. Затем на нее наслоились представления германцев, кельтов, славян. И только потом закреплялись интересные образы вроде «Йоласвейнары» - рождественских эльфов, Анти-Санта Клауса (Ганса Траппа, близкого персонажу Скруджу, великанши Грилы и Йольского великана). Были и совсем необычные герои – Черный Пит (волхв-негр), Кнехт Руперт, звончары – люди в костюмах зверей, великаны (чье шествие проводят в Бельгии). И важным блоком праздника было застолье, часто с пирогом, свиной (или индейкой, которая перешла, вероятно, из Дня благодарения). Существовали не только отдельные блюда на Рождество, но и вообще пищевые обычаи. В США ребенок ищет на елке огурец (соленый или игрушечный) и получает награду, так как найти его на елке сложно.

Вероятно, ель имеет параллели с майским деревом и «райским деревом», так как его украшают игрушки шары-яблоки (райские). Болгары ищут в буханке хлеба монету на Новый год. По символическим цветам одежд нищенствующих монахов Прованское блюдо из инжира, орехов, изюма и миндаля названо «Четверо нищих». Испанцы на 12 ударах часов съедают 12 виноградин и загадывают 12 желаний. Эти пищевые традиции объяснимы историей, как для сохранения продуктов - солили огурцы и варили яйца, а потом закапывали на Пост и искали их, катали (как Пасхальный символ, их популяризировал Фаберже, сегодня популярен «Kinder surprise»). Иного порядка – хлестание и обливание на Пасху, связанное с весенними традициями (кроликами, корзинками еды для освящения, куличами и творогом-«пасхой»). Можно сказать, что традиции Рождества в рамках всех описанных праздников очень важны.

Литература

1. Собрание древних литургий восточных и западных. Анафора евхаристическая молитва. – М., «ДАРЪ», 2007. – 1024 с.
2. Деяния Вселенских Соборов. Комплект в 2-х томах. - Сергиев Посад., Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2008. - 2414 с.
3. Missale Romanum Ex Decreto Sacrosancti Concilii tridentini restitutum. Venetiis, ex Typographia Balleoniana., 1736. – 688 p.
4. Типикон. М., Издательство Московской Патриархии, 2011. – 1200 с.
5. Богослужебные указания на 2017 год. Для священно-церковнослужителей. – М., Издательство

Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2016. – 1024 с.

6. Pontificale Romanum. Typis Polyglottis Vaticanis, Vatican City. 1961. – 140 p.

7. Гапанюк А.Е. Баптисмарная вечерня. Гражданское общество и его взаимоотношения с государством. Материалы международной заочной научно-практической конференции. 2018. С. 59-62.

8. Rituale Romanum. Giunta. 1620. – 301 p.

9. Требник. - М., Издательство францисканцев, 2000. - 128 с.

10. Breviarium romanum ex decreto sacrosancti Concilii tridentini restitutum. Ratisbonæ: F. Pustet., 1888, - 1028 p.

11. Ceremoniale Episcoporum jussu Clementis VIII. Pont. Max. nunc denuo Innocentii X. Papae. Nabu Press., 2011. – 376 p.

12. Ланцева А.М. Культ святого Вацлава: Чешская идентичность и христианская универсальность. Вестник славянских культур. 2014. № 3 (33). С. 59-67.

The traditions of Christmas and a comparative analysis of the hymnography of the liturgical year of the Byzantine and Roman rites

Gapanyuk A.E.

RPU of St. John the Theologian

The article is devoted to the study of the problem of Christmas traditions. This issue is generally associated with the study of religious rituals. It stands at the junction of cultural studies and religious studies. At present, there is no complete description and comparative analysis of the Christian traditions of the liturgical year. The

description given in this paper fills this gap in the material. The article provides an overview of the main holidays of the Western tradition. A comparison is also made of the ritual of special days of the liturgical year with their own specific liturgical features. The article also notes the characteristic features of the liturgical traditions of Christmas in Europe.

Keywords: worship, Byzantine rite, Roman rite, liturgical year, Christmas, traditions

References

1. A collection of ancient eastern and western liturgies. Anaphora is the Eucharistic prayer. - M., "DAR", 2007. - 1024 p.
2. Acts of Ecumenical Councils. Set in 2 volumes. - Sergiev Posad., Holy Trinity St. Sergius Lavra, 2008. -- 2414 p.
3. Missale Romanum Ex Decreto Sacrosancti Concilii tridentini restitutum. Venetiis, ex Typographia Balleoniana., 1736. - 688 p.
4. Typicon. M., Publishing House of the Moscow Patriarchate, 2011. -- 1200 p.
5. Liturgical directions for 2017. For the clergy. - M., Publishing House of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 2016. - 1024 p.
6. Pontificale Romanum. Typis Polyglottis Vaticanis, Vatican City. 1961. - 140 p.
7. Gapanyuk A.E. Baptismal Vespers. Civil society and its relationship with the state. Materials of the international correspondence scientific-practical conference. 2018.S. 59-62.
8. Rituale Romanum. Giunta. 1620. - 301 p.
9. Trebник. - М., Franciscan Publishing House, 2000. - 128 p.
10. Breviarium romanum ex decreto sacrosancti Concilii tridentini restitutum. Ratisbonæ: F. Pustet., 1888, - 1028 p.
11. Ceremoniale Episcoporum jussu Clementis VIII. Pont. Max nunc denuo Innocentii X. Papae. Nabu Press., 2011. -- 376 p.
12. Lantseva A.M. The cult of St. Wenceslas: Czech identity and Christian universality. Bulletin of Slavic cultures. 2014. No. 3 (33). S. 59-67.

Взаимосвязь между религией и эволюцией через философские взгляды Канта, Гегеля и Вебер: критический обзор

Далал Бенбутриф

Целью статьи является критический обзор взглядов трех известных философов на отношения и конфликты между религией и развитием: Кант, Гегель и Вебер. В частности, в этой статье будет разъяснено, что религия является конфликтом или возможностью для развития человека и общества, сосредоточив внимание на исламской религии.

Ключевые слова: Религия; Развитие; Кант; Гегель; Вебер; ислам.

Introduction

Religion and Development relation is one of the most arguable phrases amongst philosophers. The major reason for the difficulty of this contest is that religion is something spiritual, but development is secular. Religion debates about human connections with the God and the world after the death, whereas, development is a means of making the human life improved, comfier and more legitimate. The main objective of this article is having a critical review on the famous philosophers' viewpoints of Kant, Hegel and Weber, on religion and development interactions and challenges, as lots of current philosophers and thinkers are referred theirs ideas and research to these three famous philosophers; some confirm theories of Kant, Hegel and Weber on relation and conflict of religion and development, some challenge these ideas and try to restore them, specifically, the Weber's discussion and conclusion on the contrast of Islam and development.

Kant Religious Theory

Kant, like many innovative theorists, considered religion through the structure of the rational theologies of Hume, Leibniz, and Wolff. These

rational theologies intensely limited modern philosophy's capability to consider the formless field of religion beyond the doctrinal declarations of certain traditions; once philosophy recognized itself with pure reason, the discipline came to decrease religious thought to a body of dogmatic propositions that could be suitably reflected only from the supposedly universal a priori perspective of philosophy. Religions, to the extent that they propose a theoretical framework for their followers, could be seen just as a rival to, an exoteric form of, or inconsequential for a universal a priori philosophy. Kant's philosophy of religion demonstrates the lack of characterizing religion as a popularization or deflection of reason. Two questions face any critical conflict with Kant's philosophy of religion that help concentrate criticism on the fundamental problem of Kant's framing of religion. First, his collection of writings is too massive to be understood strongly and thoroughly. Second, modern readers cannot split their understandings from the complex history of the critical philosophy's reception, a problem shown by the sentiment implicit (and rarely explicit) in neo-Kantian works of 19th century, which certifies that it is not satisfactory to claim upon the necessity of going back to Kant. All depends upon the path in which we go back to him, and there are several paths of going back [1]. What may look primarily like an unusual move—looking first to interpretive schools of Kantianism instead of Kant himself—confirms fitting as this study's interest lies with the frequently accepted limits that Kant drew around how researchers can frame religion as an object of philosophical criticism. Advances that

begin from the practical philosophy, usually highlight the critical philosophy's consequences for religion. For many, Kant's philosophy easily destroyed traditional religious dogmas.

Though problematic, Kant's philosophy of religion has been massively influential. Its

fundamental application stems from its guarantee to create peaceful co-existence between distinct theoretical frames:

Many think Kant opened the knot of the relation between science and religion, rather than untying it, for his solution was to split them more sharply and entirely. Until now, as science is concerned, his influence lay in a novel and far more strict negation of the claims of knowledge in matters of religion. He displayed the mistakes in the traditional opinions for the being of God, for the presence of the soul, and for its freedom [2].

The assumption is instinctive: both philosophy and religion function best when kept separate, each free to present its unique impacts to human culture. Although, clearly interested in limiting reason to make room for faith, Kant stated philosophy as the only practical theory through which to understand experience. Many modern philosophers, theologians, and sociologists have problematized Kant's philosophy of religion while others have supported its spirit. By quickly surveying post Kantian theory of religion in Hegel, will demonstrate Kant's significance to modern philosophy of religion and the persistence of the dilemma found in the letter of his philosophy of religion.

Hegel, Philosophical reason, and Consummate Religion

Researchers normally view Hegel, in comparison to Kant, as presenting a more clearly “religious” philosophy. Löwith went so far as to describe Hegel as an absolutely Christian philosopher: With his understanding of Christianity as a complete and at the same time an entity, linked historically with the world and the state, Hegel is the last Christian philosopher before the disruption between philosophy and Christianity. This crack was seen and made final from two contradictory directions by Feuerbach and Kierkegaard [3]. This claim is not exceptional, but it is odd for highlighting continuity so strongly between Hegel and earlier “Christian” philosophy, rather than follow academic philosophical theology. While Hegel developed a strong philosophy of religion, it organizes within hypotheses that problematize religion, much like Kant’s philosophy of religion.

The interpretive challenges of Hegel’s huge and technical collection of writings can be restricted by concentrating on the rising attention; he gave to religious thought throughout his career. While Hegel rejected religion in his earliest works, he later developed a different philosophy of religion as he figured out the full significance of religion for the articulation of a separate philosophical science. This later point of view earns attention, especially as it offers insight into how Hegelianism has been broadly perceived as a problematic substitute to the Kantian philosophy of religion:

Kant is assumed the terminator of metaphysics, while Hegel is viewed as the philosopher who gave back to metaphysics the rights that Kant had rejected it. Hegel just completed

Kant’s work. The principle that faith is knowledge, the hostility to Holy Scripture carefully hidden under the attendance of respect, the rejection of the very possibility of any other involvement in truth than that which science offers; all these adequately testify to the goal that Hegel had set for himself [4].

Hegel’s alternative to Kantian philosophy of religion earns full attention, but here emphasis will be narrowed to demonstrating that he repeated the Kantian mistake of affording no true voice to religious theory independent of philosophical comment.

Hegel considers Christianity as a vital symptom that provides determinate form to the abstraction religion. In spite of this role, he pays not much attention to the real elements of Christian practice, even as he considers them an important phase of human mindfulness. Hegel never explains what philosophy adds to religious consciousness; he declares only that:

In religion the fact has been shown as far as its content is concerned; but it is another issue for this subject to be present in the form of the concept, of thinking, of the concept in uncertain form. Hence, the philosophical design of the Christian religion adds nothing to the belief unless one accept that philosophy alone is fit to understanding and planning what religion is about. The dialectical development of philosophy through religion needs a noteworthy difference through which philosophy could be determined and become more conscious of its own character and restrictions: an only formal difference means that religion assumed by philosophy, becomes outdated when

philosophy appears and religion demonstrates unable of delivering a mutually determining other for philosophy.

Neither the Kantian nor Hegelian understanding of religious theory permits a definite theoretical interpretation of experience that does not eventually decrease to philosophy. As Kant and Hegel are defining representatives of the restrictions of modern philosophy, their philosophies of religion show a pervasive issue within modern scholarship on religion that cannot be simply avoided, even after it has been defined; following Kant's presentation of religion as a promoted formulation of moral principles, various disciplines have similarly approached religion as something to be rationalized and understood through philosophical norms. The philosophy of religion, as a discipline that takes not religion as its object, but the confluence of cultural forces involved in questions linked to several ways of being mindful, needs the assistance of several viewpoints in order to arrive at an agreeable definition of religion. So long as philosophy adopts religion as an object yet leaves religious theory as an incomprehensible quantity with no legal independence, philosophy would be incapable to close its explanations; once philosophy admits the separate viability of religious thought, it must declare that its interpretations can never be closed.

Of at least equal effect has been Kant's attempt to evaluate religion as necessarily based on morality, although there is similarly considerable conflict about the accuracy and the consequences of Kant's status. A general opinion is that Kant effectively reduces religion to

morality without remainder. Thus, Kant's work acts as an essential step in releasing humanity from the control of authoritarian and ritualistic religion. Other opinions look at Kant's consideration of religion as non-reductive and therefore corresponding religion a scale and value distinctive from morality. However, the term morality will not be recognized from ethics. Philosophers have taken various distinctions between the two at different times (like Kant and Hegel). But the term moral represents practice or habit, and it is a translation of the Greek philosophy, which implies roughly the same thing, and is the origin of the term ethics. In current non-technical use, the two terms are similar, although ethics has a little more flavor of theory and has been linked to the prescribed practice of several careers. In any case, this application will presume that morality is a set of habits that form how we think about, and how we must live. The word religion is much challenged. Religion is a system of faith and practice that agreeing a binding relation to human being. This does not yet provide a particular principle of religion, since the notions of divinity are so diverse, and human interactions with divinity are formulated so variously that no such principle is visible even within Western thinking. Possibly, it is best to realize religion as a term for a group of belief/practice mixes with a family closeness to each other, but no set of essential and enough situations tying them together.

We must define another currently important Kant's idea. He stated that it is difficult to realize the spirit of humanity without careful study of the ability of faith. Kant stresses the

ontological level of mentioned ability (religiosity) within the human being soul. The proof for this statement looks to be the general historical process. In spite of all the historical theoretical and realistic efforts to show the failure of religious consciousness and worldview and ultimately to destroy it, the fact of religion still survives and performs an important act in the moral instruction and preservation of morality. Additionally, after all, the Kant's highlighting on the problems of religion and their irreconcilability to church-religion worth attention in general. Hegel's theoretical version of connection between morality and religion provides following related ideas:

The difference between the positive and subjective religion; consideration of phenomenon of the traditional religion; the difference between morality and ethical life, which allow historical study of the connection between morality and religion.

Weber, religious theory
Weber: Religion and Development

Religion is a widespread and universal organization which is greatly rooted in human beings. It is not only a strict organization but also applies a huge impact upon all other organizations. Several sociologists and anthropologists were enchanted by the spiritual side of religion. Weber so was no exception. What Weber was involved in the sociology of religion was not religion on daily life, on political, governmental, economic and moral actions in different historical circumstances that he attempted to recognize and eases to order. His research declares that religion which

is founded on cultural demands of human has now added new aspects to human life and human development. Weber indicated that the protestant institution and its ethics have performed an essential role in the development of their economy. This concept of weber has been brilliantly described in his extremely admired book, "Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism" (1905). His research declares that how far religion can affect the economic behavior of its followers. Weber's major worried was to what extent religious theory of the world of existence have affected the economic behavior of many societies and specifically the western civilization. Weber declares that Calvinist sect of protestant Christian religion has greatest impacts on the development of capitalism. Corresponding to him, it was the thoughts and beliefs world view of human civilizations that led the way their supporters acted, even in the economic sphere. Religion imposes specific principles of behavior. It's in agreement with these principles that supporters direct or orient their actions.

Weber considered the world religions as cultural phenomena or cultural objects that began under specific historical circumstances and developed into particular kinds of structures that consist of respective dogma, law, attitudes, and traditions. Religious dogma took on a rationalist structure that was to put an end to idolatry and legend. Weber was not of the view that religion was only a type of opium for the masses but regarded it as something that improved discipline the masses from brutality and anarchy. Religion offered the people a sense of meaning. For

Weber there is a rationality in the shape of religion in contrast to magic and mythology.

Weber: Islam and Development

In Weber's viewpoint the character of a people's religion and religious organizations is historically one of the most significant issues in defining its political outlook, whether it develops a liberal tradition or not [5]. He declared that in the Islamic zones of the Middle East, many of the fundamentals of capitalism were absent. In the particular case of Islam, the emphasis was on the political military and economic nature of Islamic civilization as a patrimonial type of domination with prebendal feudalism as its foundation. In attitudinal words, Islam appeared to Weber in an entirely hedonistic spirit, particularly about women, comforts and land. Therefore, he achieved the conclusion that Islam contrasted with Puritanism. A picture of the Weberian structure of Islam might be attempted from two wide viewpoints: Islamic ethic, and patrimonialism of later Islam:

Islamic ethic: Weber indicates that rational law, independent cities and political solidity were entirely missing in Islam. However, he does not look to connect the absence of capitalism in Islam to the lack of the requirements identified by him. On the opposite, he lists two elements in charge for avoiding Islam from evolving naturally. The monotheistic Islam of Mekka was unsuccessful to develop into an ascetic worldly religion as its major carrier was a warrior band. The subject of the religious idea was altered into a set of values similar to the everyday needs of this warrior band. The spiritual aspect of Islam as

a belief approach with stress on salvation was transformed into the secular quest for everyday benefits. The outcome was that Islam became a religion of accommodation instead of transformation. Next, the original message of monotheism was exposed to change under the effect of Sufism, which organized for the emotional and orgiastic requirements of the masses. As a result, Islam was dragged in two contradictory directions by these two groups. The warrior group dragged Islam in the direction of a military ethic; and the Sufis in that of spiritual flight. Both the paths of Islam, demonstrating a bifurcated Islamic ethic failed to produce, as Weber will have us believe, the prerequisites congruent with the rise of rational capitalism.

Islamic autocracy: The second viewpoint of the Weberian concept of Islam is gained by detecting the stress put on the political and economic structure of such later dynasties as the Abbasid, Mamluk and Ottoman, and this construction falls under Weber's overall reflection of patrimonial bureaucracies. This sort of financial and political formation depended on the occupation of new properties which were then used to maintain central bureaucracy. The political formation hinged on a complicated balance of social forces characterized by the King, the military, the ulama and the mass. Numerous dynastic coups made political balance precarious, but amazingly the fundamental form of society was left intact. The main political paradox of the political structure of Monarchism in Weber's view was the king's overall reliance on the military, which all too often proved unreliable. The king took the power and kept his monopoly of power by reducing the development of

independent organizations and groups within the patrimonial society. Also, potentially independent social parties were selected or incorporated into the military. The lawyers, the ulama mostly, the businessmen, were all state officials and emerged out of the imperial household. Therefore, a society organized unsuccessful to develop the independent organizations, which Weber saw in Europe facilitating the growth of capitalism.

Weber also stated this political structure failed to develop a rational and formal law as the perfect sacred law was subservient to the state and to political expediency. Likewise, cities in Islamic society never developed beyond a military camp and a place of government business. These cities similarly did not deliver an appropriate environment for the development of independent burghers and businessmen. Totally, the political system emphasized such values as imitation and denial of innovation. Hence, it was not attitude or ethic of Islam that influenced against the creation of prerequisites for capitalism; the inhibiting factor was the political status of the merchant class versus the dominant military-bureaucratic classes in Islamic civilizations [6].

Discussion

Weberian Islam: A Critique

The first thing for critiquing the Weberian structure of Islam is that he did not make any real effort to clarify the interfertility between these two viewpoints. The Islamic ethic is built from a survey of 17th, Islam in Mecca and Medina. The evaluation of autocracy was correlated with the development of a military bureaucracy under the Umayyad dynasty and its

fulfilment under the Ottoman dynasty. One possible reason for the failure to link these two separately strong views is that, as Turner indicates, Weber thought that a religion was permanently stamped by its early history, mostly by its original carriers [7], but evidentially this is a mistake. All religions of the world undertook changes as carrier and time changed. Next, the build of Islamic ethic is objectively wrong on two matters. In the first place, for reasons of his perfunctory approach, Weber marked over urban and commercial features of the early as well as later Islamic civilization. As Prof. Montgomery Watt has demonstrated, Islam appeared in a fundamentally commercial and urban environment of Mecca and flourished in the oasis settlement of Medina [8]. Much of the theological basis of the teachings of Islam is taken up with the troubles of commercialism and the very terminology of the Quran is plentiful with commercial notions. Most Islamicists would agree that the Mohammed prophet's holiness (Mohammed) is completely adapted to urban life [9].

A summary of Islamic economy recommends at least three ideas: respect for private property, advertising of a free market of exchange of goods and services and decreasing the rich and poor gaps. There appears to be three tactics for gradually reaching these goals. First, Islam stresses the work ethic, devotion to one's calling and enjoying the fruits of one's labor. Like Weber's 'Protestant ethic' (1904), Islam demands for hard work in order to get a living and take care of one's family, instead of sacrificing the world or surviving on handouts, donations and charity. But unlike the Protestant ethic,

Islam does not certainly take material success in this world as a sign of God's approval of what one is doing. Furthermore, much as Islam stresses hard work, it is opposed to materialism, opportunistic profiteering and apparently unending pursuit of wealth and an obsession with this. Second, while favoring attainment of property and open market economy, Islam forbids the process of dishonestly earning money quickly and easily, or unnecessary collection such as gambling, hoarding and dealing in interest. Islamic banks deal in profit and loss sharing rather than interest, something thought to be quite possible [10], and in which there is a growing interest among Muslim and non-Muslim economists alike. Third, since sources of unnecessary gathering of wealth are rejected by Quranic prevention, distribution of wealth is facilitated by Islamic folkways (such as voluntary acts of charity, kindness and hospitality), as well as through explicit Quranic commandments of inheritance (4:7, 11) and the poor tax or zakat. Therefore, juxtaposed against relevant facts of Islamic economic life it shows that the Islamic society undoubtedly fulfilled at least one of the Weberian prerequisites, that is, "commercialization of economic life".

In the second place, Weber's claim that the warrior ethic had a destructive transformative effect on the character of Islam is minimally tenable, and at the same time, factually an exaggeration. Indeed, the warrior group was one of the parts of the converts to Islam; and, as H. Gibb categorizes and recognizes three such social groups in terms of their commitment of Islam [11]. The first is the honest converts who agreed totally

with the spirit of Islam and who showed absolute duty to the Prophet. The second group included the businessmen of Mecca for whom Islam did not restrict their economic freedom; and they indicated commitment to the utilitarian objectives of Islam. The third group was characterized by the Bedouin warriors whose observance to Islam was brought about either by the promise of booty or by military threat.

The second part of the Weberian construct of Islam is, as Professor Turner mentioned, open to criticism on several grounds [7]. Weber failed to make allowance for the persistent disagreement between the virtuous and their rulers. Weber was also incapable to identify the social solidarity of Islamic cities which focused on the law schools and criminal groups. But such criticisms on matters of detail aside the core of the Weberian thesis that autocracy stunted the development of Islam along capitalist lines holds an undeniable ground, and which is also demonstrated by current research.

Conclusion

Numerous main theoretical ideas of Kant and Hegel, which can be utilized productively in the modern explanation of the problem of connection between morality and religion, can be subsequently indicated. Kant's assumption of religion as a link between the perfect morality and everyday life of human becomes applicable at present. It is highlighted that religion, alongside the law, most suitably apply the idea of moral perfection in the world. Presently, due to a shortage of morality and the constant search for the methods to conserve, develop and strength it, the Kant's assumption of

religion as a way between morality and the world is worth to be considered. The contrast between positive and subjective religion stresses the need of a reflexive approach to the idea of religion. By this receipt, Hegel expresses his theoretical attachment to Kant's positions, continuing his critique of nonreflexive exterior liturgical religiosity. The initial Hegel's model of folk religion is one of the most popular statements in the history of philosophy for theoretical basics of national self-identity.

Generally, Max Weber was not interested in Islam as a religion. His emphasis was on the Islam that was opposing to capitalism. He did not deliver full-blown study outputs on Islam; and his commentaries on Islam look to be a kind of sociological buddy for his assessment of the Protestant ethic. He left his study on Islam unfinished. However, Islam seems to be essentially vital to his overall effort against the sociology of religion.

Religion and development relationship through philosophical perspectives of Kant, Hegel and Weber; A critical review

Dalal Benboutrif,
Ural Federal University

The aim of the paper is critical reviewing three famous philosophers' perspectives about relations and conflicts between religion and development: Kant, Hegel and Weber. In particular, this paper is going to clarify that religion is a conflict or an opportunity for the development of human and society, by focusing on the Islamic religion.

Keywords: Religion; Development; Kant; Hegel; Weber; Islam

References

1. George J. Stokes. Going back to Kant. *Mind/George J. Stokes.* – 1884. –Vol 10. N°,34. – Pp. 274–281.
2. Edward S. Ames. The Religion of Immanuel Kant/ Edward S. Ames//the *Journal of Religion.* – 1925. – Vol 5. N°, 2. – Pp. 172-177.
3. Karl L. From Hegel to Nietzsche/ Karl L, Garland. – 1964. – p. 49.
4. Lev S. Athens and Jerusalem/Lev S// *Philosophy and religion,* Ohio University Press. – 1966. – P.131.
5. David B. Max Weber and the Theory of Modern Politics/ David B, London, Allen and Unwin. – 1974. – Pp. 185-86.
6. Sami Z. "Economic and Political Activism in Islam"/Sami Z// *Economy and Society.* – 1972. – Vol.1.
7. Bryan S. Turner. Weber and Islam/Bryan S Turner// *Henley and Boston,* London. – 1974.
8. W. Montgomery Walt. Muhammad at Mecca/ W. Montgomery Walt, Oxford. – 1962.
9. G. E. Von Grunebaum. Classical Islam/ G. E. Von Grunebaum, London. – 1970.
10. R. R. Andersen. Politics and Change in the Middle East/ R.R.Andersen. [et al.]. New York. – 1990.
11. H. A. R. Gibb. Studies on the Civilization of Islam/ H.A.R. Gibb, London. –1962.

Специфика социального единения в учении С.И. Гессена о социальном праве

Загирняк М.Ю.

Сергей Иосифович Гессен (1887-1950) в 20-30 годы XX века сформировал учение о социальном праве. Социальное право – это этап правового развития, синтезирующий идеи либерализма и социализма. Согласно учению Гессена государство утрачивает монополию на правовые регламентации. Любые социальные общности и институты продуцируют собственные правовые предписания. Роль государства – координировать множество правопорядков таким образом, чтобы сохранялось единство социума. Эта позиция даёт возможность рассматривать процесс социального единения как правовой феномен. Именно эта точка зрения позволяет Гессену критически рассматривать соборность как правовой концепт. Философ предпочитает применять понятие солидарности. Принципиальная возможность сравнения соборности и солидарности позволяет сделать вывод о сходствах и параллелях в развитии европейской социально-философской проблематики и философской мысли русского зарубежья.

Ключевые слова: соборность, солидарность, социальное право, государство, социум, свобода, культура.

Статья подготовлена в рамках реализации проекта РФФИ № 19-011-00927 «Концепт соборности в философии русского зарубежья: сравнительно-исторический анализ».

1. Постановка проблемы

Первые десятилетия XX века – время возникновения и развития социологии права. Новая плоскость изучения формирования права связана прежде всего с учениями Э. Дюркгейма и О. Эрлиха. Э. Дюркгейм отмечал зависимость развития права от специфики социальных взаимодействий [1, с. 90]. О. Эрлих предложил рассматривать право как феномен развития и усложнения социальных отношений: регламент любого социального образования уже представляет собой право [2, с. 93-94]. Уравнивание правовых и социальных феноменов привело к изменению представлений о развитии права, в частности – к переосмыслению роли государства в этом процессе. Процесс формирования права представляет собой корреляцию множества правопорядков, созданными социальными общностями и институтами. Поэтому государство утрачивает монополию на формировании права. Отвечая на вопрос, каким образом правопорядки образуют не совокупность различных регламентационных пространств, а единство, философы пытаются в сфере права решить проблему формирования и развития социальной целостности. В этой связи решение о статусе и функциональности государства в

процессе формирования права становится одним из важнейших вопросов.

В философии русского зарубежья первой половины XX века социология права оказала значительное влияние на формирование в 20-30 годы XX века учений С.И. Гессена, Г.Д. Гурвича и позже, в 40-50 годы XX века учения Б.П. Вышеславцева (Вышеславцев сформировал отношение к соборности под влиянием Г.Д. Гурвича [3, с. 177-178]). Обосновывая право как систему правопорядков, порождённых социальными общностями и институтами, они применяли концепт соборность на плоскости социально-правовых учений. Они рассматривали соборность как правовой концепт, связанный с качеством организации социального порядка [4, с. 48, 50; 5, с. 441-442]. Соборность – это инструмент сохранения социального единства, общества как целостности. Однако алгоритм формирования соборности каждый из названных философов русского зарубежья представлял по-разному. Гессен в собственном учении о социальном праве отводит государству новую роль, непосредственно связанную с формированием социального единства. Гессен полагает, что формирование социального единства – это вопрос из сферы права. Социологическое расширение понимания права он использует для трактовки социальных институтов и общностей как способов претворения права в условиях определённой культуры. Анализ специфики государства позволяет выявить принципы формирования солидарности.

Следует заметить, что Гессен не применяет концепт соборности в

собственном учении о социальном праве. Однако он рассматривает это понятие в сфере социально-правового развития и считает возможным его применение для характеристики социального единства. Поэтому я посчитал возможным на основании представлений Гессена 1) о специфике государства в его учении о социальном праве и анализа его точки зрения по поводу 2) формирования социального единства, (в том числе – критических замечаний Гессена о соборности) реконструировать его понятие соборности.

2. Функциональность государства в учении Гессена о социальном праве

Гессен – известный неокантианец русского зарубежья, который в собственном творчестве развил идеи Г. Риккерта. Гессен в цикле статей «Проблема правового социализма (эволюция либерализма)» [6] (в дальнейшем Гессен переработал этот цикл статей для отдельного издания, которое увидело свет лишь в 1999 году: [7]; в течение статьи я буду ссылаться именно на это издание) применил аксиологию Риккерта для анализа общественного прогресса (см. об этом подробнее: [8]). Прогресс представляет собой улучшение воплощения вневременных ценностей (*целей-заданий* в терминологии Гессена), а история культуры – то история совершенствования в воплощении ценностей (*предание* в терминологии Гессена [7, с. 154-157]). Ценности с исторической действительностью Гессен связывает через творчество отдельного человека. Обосновать отдельного человека как главного элемента культурного развития

С.И. Гессену позволяет этика долга (см. исследование об этике долга И. Канта: [9]). Человек может стать свободным только в том случае, если участвует в формировании культурного содержания [10, с. 320]. Воплощение вневременных ценностей в исторической действительности происходит в творчестве множества индивидов. Каждый индивид реализует собственную свободу творчества, благодаря чему утверждает себя в статусе свободной личности [7, с. 212]. В связи с этим эффективность культурного развития зависит от того, насколько обеспечена возможность каждого индивида заявить о себе как о свободной личности, какие в обществе созданы условия для творческой самоактуализации каждого индивида? Принципы социальной справедливости Гессена кладёт в основу социокультурного развития. Право определяет, каким образом регламентировать взаимодействия людей, чтобы их активность привела к максимально эффективному развитию общества и культуры. Поэтому принцип формирования правовых регламентаций – важнейший вопрос философии права для Гессена.

В соответствии с концепцией отечественного философа в эволюции права можно выделить три этапа: 1) либеральный, для которого главной ценностью является личная свобода [7, с. 164-165]; 2) социалистический, главная ценность которого – равенство [7, с. 296-297]; 3) этап социального права, на котором сочетаются ценности свободы и равенства благодаря новому обоснованию социального порядка: как аспекты сохранения и развития социальной целостности [11, с.

372]. Социальное право – это множество сосуществующих правовых рядков, формируемых социальными общностями и институтами. С точки зрения Гессена реализация социального права означает, что правовые регламентации принципиально могут формировать любые социальные общности и институты. Эта точка зрения приводит к переосмыслению роли государства. Государство как организация, формирующая правовые регламентации, не отличается по статусу от других институтов в обществе. Поэтому с точки зрения Гессена необходимо пересмотреть функциональность государства.

Всё многообразие европейских философско-правовых учений Гессен идентифицирует как способы обоснования права, которые относятся к какому-либо одному из трёх этапов эволюции права [12, с. 424-425]. К уровню социального права он относит учения, в которых обосновывается утрата монополии государства как производителя социального порядка: солидаризм Л. Дюги, синдикализм в трактовке Г. Лягарделля, фабианство (гильдейский социализм) Дж. Коула (Дж. Коул пишет о том, что современное государство – это координирующая организация между социальными общностями (associations) и институтами (institutions) [13, р. 88]; Г. Лягарделль предлагает воплощать социальную справедливость через синдикаты, вне парламентской деятельности, а в результате производства собственных регламентаций и алгоритмов для социальных взаимодействий [14, с. 124-125]). В социологии права Дюги государство утрачивает монополию на производство правовых регламентаций

именно потому, что эту функцию могут выполнять и другие социальные институты и общности [15, р. 19-21].

Общество представляет собой совокупность институтов и общностей, которые продуцируют правопорядки (Схема 1). Модель общества Гессена, в котором действует социальное право, выглядит как система множеств – правопорядков, объём которых зависит от количества входящих в него индивидов. Множества могут находиться в любых отношениях – пересечении, подчинении, либо полной разобщённости, поскольку все они – равны по статусу. И отдельный человек, который является или хочет быть участником этих социальных образований, должен исполнять заведённые ими нормы права. Возникает вопрос, каким образом человек идентифицирует себя как социального субъекта. Подчиняясь некоторым правопорядкам, имеет ли он возможность осмыслить собственное свободное творчество как участие едином социокультурном процессе? Или, если посмотреть на

этот вопрос с другой стороны: не приведёт ли юридический плюрализм к раздроблению общества и, соответственно, раздроблению культуры на множество социокультурных единиц, в условиях которых по-разному трактуется свобода воли?

Чтобы избежать такой ситуации, Гессен наделяет государство новой функцией – *координацией множества правопорядков* [7, с. 394]. Трактовки свободы воли и на основе этого идеи справедливости в правопорядках союзов расширяют спектр возможностей для свободных поступков. А государство координирует правопорядки таким образом, чтобы сохранять единство общества и культуры. Подобно Ж.-Ж. Руссо [16, с. 160-161], Гессен рассматривает государство как институт, который формирует и сохраняет социальное целое [7, с. 393]. И так же, след за Руссо, Гессен связывает формирование социальной целостности с общей волей.

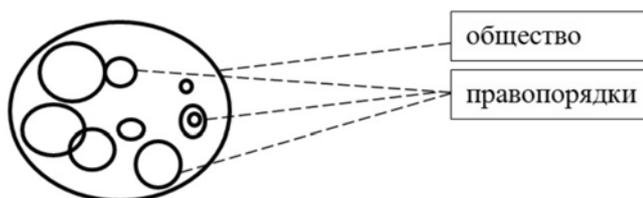

Схема 1. Множество правопорядков, которые не скоординированы государством

Гессен считал, что государство необходимо для контроля над множеством правопорядков как представитель всего общества в целом [7, с. 388, 394]. Результат координации множества правопорядков выражается в общей воле. Государство гармонизирует отношения ин-

дивидов и социальных групп и институтов [7, с. 395], чем созидает единство общества [7, с. 399-400]. Любой правопорядок – это открытая система, которая позволяет актуализировать интересы индивида, предлагает направление творческой самореализации, но не опре-

деляет его сущность. В этом заключается *сверхправовое начало личности* [7, с. 190, 381] – невозможность её полного определения социальными функциями. Каждый индивид ищет регламенты взаимодействия с другими людьми таким образом, чтобы наилучшим образом реализовать свободу воли. В процессе самоактуализации он выбирает такое сочетание правовых порядков, которое предлагает эффективные алгоритмы и инфраструктуру.

Каждый правовой порядок имеет смысл только как сфера реализации индивида, который осуществляет социальное развитие (схема 2) [7, с. 394]. Именно сверхправовое начало личности исключает редуцирование личности к набору функций и делает возможным появление новых институтов и общностей.

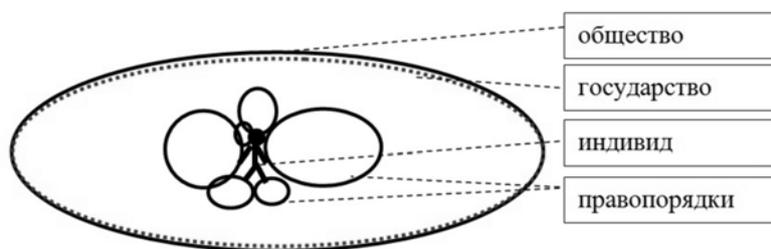

Схема 2. Правовые порядки, координированные государством

Таким образом все правовые порядки необходимы для творческой самоактуализации каждого человека. Чем полнее правовые порядки могут позволить каждому отдельному человеку актуализироваться в статусе свободных личностей, тем эффективнее развивается культура в целом. Правовые порядки должны послужить и основой для выработки алгоритмов взаимодействия индивидов: в условиях каждого правового порядка предполагается алгоритм взаимодействия индивидов. Соучастие отдельных индивидов в формировании культурного содержания зависит от идентификации каждого человека с обществом и культурой. Почему общество не распадается на множество автономных правовых порядков? Гессен считает, что сохранение единства общества возможно благодаря *солидарности*.

3. Государство как инструмент социального единения в учении Гессена о социальном праве

Гессен применяет понятие солидарности для анализа процесса социального единения. Философ считает, что государство создаёт рамки возникновения и развития социальных общностей и институтов. Философ не рассматривает единство как качественно новое образование, отличное от множества составляющих его социальных общностей и институтов. Социальное единство – это сфера сосуществования множества правовых порядков, которые координирует государство (поэтому Г.Д. Гурвич обвинил Гессена в этатизме [17, с. 516]). Государство сохраняет целостность социума и обеспечивает корреляцию каждого отдельного человека с обществом и культурой в целом, а не с отдельной её

частью. Каждый индивид, осуществляя свободу воли, привносит новое содержание в культуру в целом как таковую. Целостная культура служит полем взаимодействия индивидов, сферой реализации. И эффективность культурного развития зависит от слаженности индивидов в процессе реализации свободы. Сформированная в условиях, предложенных государством, солидарность обеспечивает социокультурное единство.

Именно система плюрализма позволяет каждому отдельному человеку максимально эффективно творчески актуализироваться. Каждый индивид, вступая в социальные общности и институты, составляет собственную уникальную комбинацию социальных описаний собственной личности, которые позволяют ему максимально эффективно реализовать собственную свободу. Количество «аффилиаций» одного человека и интенсивность актуализации собственной свободы через предлагаемые ими алгоритмы определяет каждый человек самостоятельно. Но ни одна комбинация порядков не может претендовать на создание условий для полного выражения свободы отдельного человека [7, с. 369]. Свобода остаётся неисчерпаемым заданием созидания собственной личности для каждого отдельного индивида в течение жизни [18, с. 73-74]. Поэтому количество социальных общностей и институтов, порядки которых соблюдает отдельный человек, может варьироваться, как и может меняться значение каждого из них в осуществлении свободы личности [7, с. 369] (см. подробнее об этом: [19]).

Сохранить идентификацию как соучастнику социокультурного развития индивиду позволяет солидарность. Государство обеспечивает каждому индивиду возможность взаимодействия с любым другим индивидом. Коммуникация и совместная деятельность предполагает следование регламентациям, которые устанавливают социальные общности и институты. Поэтому потенциально возможно ограничение во взаимодействии индивидов, если нормы одного порядка (которому следует один индивид) противостоят нормам другого порядка (которому подчиняется другой индивид). Государство не допускает такой ситуации – предлагает обязательный формат для любого порядка. Выполнение этого комплекса условий приводит к сосуществованию порядков, их скоординированности. Поэтому государство сохраняет принципиальную возможность взаимодействия любых индивидов данного социума [20, с. 81]. Это позволяет каждого индивида рассматривать как соучастника творчества культурного содержания и даёт возможность сформировать мировоззрение – скоррелировать собственную свободу и социокультурное развитие в целом [10, с. 320].

Гессен отказывается от применения концепта соборности. Соборность для Гессена – это синоним интеграции, использование понятия в качестве инструмента социального развития, с минимизацией религиозно-философской функциональности (или даже её переносом в сферу права). Гессен в статье «О социальном праве» обращает внимание на использование в качестве правового концепта соборности у Гурвича

[12, с. 428]. Предпринятая Гессеном критика модели социального права Гурвича позволяет мне выявить, каким образом Гессен характеризовал соборность. Соборность – это единение социума, но правовыми средствами недостижимое [12, с. 424-425]. Достижение соборности предполагает единение такого уровня, чтобы не ущемить свободу отдельного человека, не поставить под вопрос эффективность культурного развития – как выражения свободы множества отдельных индивидов, как становления их в качестве личностей.

Гессен в собственном учении о социальном праве показывает, что принципиально возможно сопоставление соборности и солидарности как правовых концептов, позволяющих проанализировать процесс социального единения. Обнаружение функционального сходства солидарности и соборности может послужить основой для будущего сравнительного исследования этих концептов. Обоснование сходств (и, возможно, синонимичности), позволит рассматривать проблемы европейской социальной философии сквозь призму концептов отечественной религиозно-философской мысли, и наоборот: позволяет рассмотреть концепты и идеи отечественной философской традиции как понятийные и идеологические вариации континентальной философии.

4. Выводы

Произведённое в социологии права расширение понятия правовой регламентации до уровня любой социальной регламентации, установленной социальной общностью или социальным институтом,

создали возможность для переосмысления социальных процессов. В философии русского зарубежья сформировалась тенденция реактуализации традиционных религиозно-философских понятий, характеризующих социум, в рамках философско-правовой проблематики. В этом исследовании я проанализировал, каким образом Гессен в собственном учении о социальном праве раскрывает понятие соборности.

Философ переосмыслил процесс формирования социального единства как процесс, связанный с формированием социального правопорядка. Государство обеспечивает единство социума, потому что координирует их и тем самым определяет формат правовых регламентаций. Правопорядок, вводимый социальной общностью или социальным институтом, не должен вступать в конфликт с актуальной системой правопорядков социума. Все индивиды актуализируют себя в рамках социальных правопорядков, поэтому конфликтующие правопорядки привели бы к неизбежному расколу общества и утере единства культуры.

Гессен считает соборность неудачным термином, поскольку позволяет рассматривать участников общества как составные элементы единого целого, уменьшает значение свободы личности каждого человека в развитии культуры. Однако он считает возможным применение термина для обоснования процесса социального единения не только в условиях отечественной исследовательской традиции русской религиозной философии. Как показал Гессен в статьях 20-х-30-х годов про-

шлого века соборность сопоставима с солидарностью. Принципиально Гессен считал возможным рассматривать соборность как понятие в сфере философии права. Соборность – это инструмент социального единения, уровень развития общественного порядка. Изучение принципиальных сходств соборности и солидарности как инструментов правового развития создаст возможность корреляции этих понятий и применения в различных социокультурных условиях.

Это обстоятельство открывает возможности для проведения дальнейших сравнительных исследований с целью выявления параллелей в развитии европейской и отечественной философских традиций. В перспективе данные исследования позволяют актуализировать идеи русской философской традиции в свете проблематики континентальной философии и определить уникальность решений отечественной философской мысли.

Литература

1. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. 352 с.
2. Эрлих О. Основоположения социологии права / пер. с нем. М.В. Антонова; под ред. В.Н. Графского, Ю.Н. Гревцова. – СПб: ООО Университетский издательский консорциум, 2011. 704 с.
3. Вышеславцев Б. П. Кризис индустриальной культуры // Вышеславцев Б. П. Сочинения. – М.: Раритет, 1995. С. 181-434.
4. Гурвич Г.Д. Идея социального права // Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избранные сочинения. СПб.: Издательство юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. С. 41–213.
5. Алексеев Н. Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 386–624.
6. Гессен С. И. Проблема правового социализма (эволюция либерализма) // Современные записки. 1924. Кн. 22. С. 257–293; 1925. Кн. 23. С. 313–342; 1926. Кн. 27. С. 382–430; 1926. Кн. 28. С. 299–345; 1926. Кн. 29. С. 308–342; 1926. Кн. 30. С. 380–409; 1927. Кн. 31. С. 328–358.
7. Гессен С. И. Правовое государство и социализм // Избранные сочинения. М. : Российская политическая энциклопедия (Росспэн), 1999. С. 147–542.
8. Dmitrieva N. A. Back to Kant, or Forward to Enlightenment: The Particularities and Issues of Russian Neo-Kantianism // Russian Studies in Philosophy. 2016. 54:5. P. 378–394.
9. Зильбер А. С. Знают людей, не зная человека: структура полемики в политической аргументации Канта // Кантовский сборник. № 3 (57). С. 28-47. DOI: 10.5922/0207-6918-2016-3-3
10. Гессен С. И. Мировоззрение и идеология // Современные записки. 1935. Кн. 57. С. 316–329.
11. Гессен С. И. Правда демократии // Современные записки. 1935 Кн. 58. С. 361–377.
12. Гессен С. И. Идея социального права // Современные записки. 1932. Кн. 49. С. 421–435.
13. Cole G.D.H. Social Theory. – London: Methuen & Co. Ltd, 1920. 220 p.

14. Лягарделль Г. Революционный синдикализм. СПб: Шиповник, 1906. 127 с.

15. Duguit L. Objective Law. II // Columbia Law Review. Vol. 21, No. 1, Jan., 1921. P. 17-34.

16. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М.: Наука, 1969. С. 151-256.

17. Гурвич Г.Д. Собственность и социализм (По поводу социалистической конструкции С.И. Гессена) // Современные записки. 1929. Кн. 38. С. 508—520.

18. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-Пресс, 1995. 448 с.

19. Загирняк М.Ю. Солидарность как инструмент институционализации свободы в философии С.И. Гессена // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. №47. С. 121-128. DOI: 10.17223/1998863X/47/13

20. Гессен С. И. Современная демократия / пер. с пол. Н. В. Данилкиной // Кантовский сборник. 2012. № 1 (39). С. 75—84.

Specificity of social unity in Sergius Hessen's doctrine of social law
Zagirnyak M.Yu.

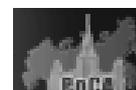
Immanuel Kant Baltic Federal University
Sergius Hessen (1887-1950) in the 20-30 years of the XX century formed the doctrine of social law. Social law is a stage of legal development synthesizing the ideas of liberalism and socialism. According to the doctrine of Hessen, the state loses its monopoly on legal regulations. Any social communities and institutions produce their own legal requirements. The role of the state is to coordinate many law and order so that unity of society is maintained. This position makes it possible to consider the process of social unity as a legal phenomenon. It is this point of view that allows Hessen to critically consider sobornost' as a legal concept. The philosopher prefers to apply the concept of

solidarity. The fundamental possibility of comparing sobornost' and solidarity allows us to draw a conclusion about the similarities and parallels in the development of European socio-philosophical problems and the philosophical thought of the Russian Abroad.

Keywords: sobornost', solidarity, social law, state, society, freedom, culture.

References

1. Durkheim E. Sociology. Her subject, method, mission / Transl. with Fr., compilation, afterword and notes by A. B. Hoffmann. - M.: Canon, 1995. 352 s.
2. Erlich O. Foundations of the sociology of law / trans. with him. M.V. Antonova; under the editorship of V.N. Count, Yu.N. Grevtsova. - St. Petersburg: University Publishing Consortium LLC, 2011. 704 p.
3. Vysheslavtsev B.P. Crisis of industrial culture // Vysheslavtsev B.P. Works. - M.: Rarity, 1995. P. 181-434.
4. Gurvich G.D. The idea of social law // Gurvich G.D. Philosophy and Sociology of Law: Selected Works. SPb.: Publishing House of the Law Faculty of St. Petersburg. state University, 2004. S. 41–213.
5. Alekseev N. N. The current state of the science of the state and its immediate tasks // Alekseev N. N. Russian people and the state. M., 1998. S. 386-624.
6. Hessen S. I. The problem of legal socialism (evolution of liberalism) // Modern notes. 1924. Book. 22. S. 257-293; 1925. Book. 23. S. 313–342; 1926. Book. 27. S. 382-430; 1926. Book. 28. S. 299-345; 1926. Book. 29. S. 308–342; 1926. Book. 30. S. 380-409; 1927. Book. 31. S. 328-358.
7. Hessen S. I. The rule of law and socialism // Selected Works. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1999. P. 147-542.
8. Dmitrieva N. A. Back to Kant, or Forward to Enlightenment: The Particularities and Issues of Russian Neo-Kantianism // Russian Studies in Philosophy. 2016. 54: 5. P. 378–394.
9. Zilber A. S. Know people without knowing man: the structure of polemics in Kant's political argument // Kant collection. No. 3 (57). S. 28-47. DOI: 10.5922 / 0207-6918-2016-3-3
10. Hessen S. I. Worldview and ideology // Modern notes. 1935. Book. 57. P. 316-329.
11. Hessen S. I. Truth of democracy // Modern notes. 1935. 58. S. 361–377.
12. Hessen S. I. The idea of social law // Modern notes. 1932. Book. 49. P. 421-435.

13. Cole G. D.H. Social Theory. - London: Methuen & Co. Ltd, 1920.220 p.
14. Lagardell G. Revolutionary syndicalism. St. Petersburg: Rosehip, 1906. 127 p.
15. Duguit L. Objective Law. II // Columbia Law Review. Vol. 21, No. 1, Jan., 1921. P. 17-34.
16. Russo J.-J. On the social contract // Russo J.-J. Treatises. - M.: Nauka, 1969.S. 151-256.
17. Gurvich G.D. Property and socialism (Regarding the socialist construction of S.I. Hessen) // Modern notes. 1929. Book. 38. S. 508-520.
18. Hessen S. I. Fundamentals of pedagogy. Introduction to applied philosophy. M.: School-Press, 1995.448 s.
19. Zagirnyak M.Yu. Solidarity as a tool for the institutionalization of freedom in philosophy Hesse // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2019.No. 47. S. 121-128. DOI: 10.17223 / 1998863X / 47/13
20. Hessen S. I. Modern democracy / trans. with the floor. N.V. Danilkina // Kantovsky collection. 2012. No. 1 (39). S. 75-84.

Влияние деятельности НПО на положение женщины в обществе в Индонезии на о. Бали в период всемирной глобализации

Ни Ваяан Радита Нови Пуспитасари

В данной работе мы попытаемся исследовать проблему положения женщины в обществе в Индонезии на о. Бали в период всемирной глобализации, основываясь на значении и роли в обществе неправительственных организаций для женщин (НПО). Для этой работы нам необходимо будет выявить и изучить негативные стороны культурной самобытности балийских женщин, которые могут оказывать влияние на их положение в обществе. Необходимо будет показать связь между культурными особенностями женщин о. Бали и неравенством полов в исследуемом регионе. Балийское общество придерживается патриархальной системы в семье, а это, в свою очередь, определяет основы социума и напрямую влияет на жизнь женщин. Гендерные ограничения, которые складываются в семье, преследуют женщину и за пределами дома, и не дают ей развиваться в других сферах жизни общества. Некоторые высокообразованные женщины, участвующие в выборах в качестве законных представителей в органы власти, боятся дискриминации и позиции быть ниже мужчин, а также потерять свою культурную самобытность. Для анализа культуры Бали, сформировавшейся под влиянием патриархата, будет использована теория рефлексивной солидарности. Эмпирически и аналитически мы исследуем научную литературу, используем концептуальный подход по отношению к НПО и положению женщин в балийском обществе.

Ключевые слова: неравенство полов, НПО, культурная самобытность, аутентичность и солидарность

1. Introduction

The notion of gender equality has been echoed by the establishment of Indonesian Constitutional Law No. 10/2008, concerning the representative quotas of 30 percent of Women Legislative Candidates in the electoral period (DPR, 2008). Objectively, Balinese women who want to reach the national quotas need to face the obstacle of gender barriers. According to the Women Research Institute, the women's representation in parliamentary and regional head elections were low in 2014 (Paat, 2015). It is strengthened by the statement of NGO's Bali Sruthi, that only 7,3 percent of women could become representative of legislative candidates in 2014 (Putri, 2019). This phenomenon correlates with the background of Hinduism and the system of patrilineal as a cultural identity. According to Putra (2011), the culture of patriarchy is strongly applied in the public role where women are treated as lower-class citizens (Putra, 2011; Geertz, 1975; Jha, 2004).

Cultural unfairness has been marginalized in the scope of individual and groups of women (Arta, 2016). As a result, Balinese women are hardly permeating gender barriers to develop themselves in another social

discourse. Some of the educated-women, who tries to become representative of women legislative candidates, convey the uncertainty of losing their cultural identity and the discrimination by being 'the second position after men' (Gultom, 2017). Thus, the non-government organizations (NGOs) have the role to help, guide and protect the right of women in order to provide supporting power against gender inequality.

This paper aims at exploring gender inequality in the scope of the patriarch system by scrutinizing the role of Women's NGOs and their position in the society. It will divide into three parts: Firstly, it will discuss the theoretical framework on reflective solidarity as the basis for analyzing Balinese women as predominantly-sided to the patriarchy system. Secondly, it will analyze the historical background of gender inequality in Balinese society. Thirdly, it will reflect on the concept of NGOs and how their role as an institutional platform to direct Balinese women in the society. In terms on the scope and limitation of the paper, this study will focus on three regencies in Bali: Denpasar (as lowland region), Karangasem (as mountain area), and Singaraja (as coastal area).

Through the framework of feminism, the theory of reflective solidarity by Jodi Dean become the model of analyzing contextualization of women in Balinese culture. Thus, this article tries to discuss the loss of cultural identity of Balinese women between tradition and modern values and the role of NGOs by maintaining their solidarity to help and protect Balinese women over gender inequalities.

2. Theoretical framework: conventional solidarity and reflective solidarity

Some scholars have done debates over gender discrimination have been done by some scholars. Discrimination over women happen mostly in a society where the system of patrilineal is applicable. One of the scholars who work on this topic comes from Jodi Dean's *Solidarity of Strangers*. She starts with the expression of gender solidarity is centered in affirmation, inclusion and recognition. According to her, the concept of solidarity 'involves a set of shared expectations that constitute a context of meaning central to a group's self-understanding' (Dean, 1996). As a result, she diversifies two kinds of solidarity – the conventional solidarity and reflective solidarity.

Conventional solidarity is constructed by the common interest and concerns that originates from shared traditions and values unifying a group or community. Conventional solidarity divides into the inward-oriented type and outward-oriented type (we-ness). The inward-oriented type belongs to the members who express their claims and concerns to each other, and the outward-oriented type focusing on the common struggle that expands the circle of addressees to demonstrate their claims in the scale of a larger society.

The birth of solidarity created from the disagreement, that conventional solidarity starts with nonconformity of potential disruption; but the connection of disagreements establishes reflective solidarity. Dean tries to build a concept of 'we' from the basis of conflicts and disagreements. Following her argument, she describes reflective solidarity as "a

mutual expectation of a responsible orientation to a relationship” (Dean, 1996). In this statement, the *mutual expectation* has a different meaning of “we” that base on the different notion of “I’s”; where *responsibility* “stresses our accountability for exclusion” that has its own criteria and range. On the other hand, the perspective of reflective solidarity refers to the term ‘we’ is always dependent on ‘they’ with their different established values. According to Uttal, “their ‘we’ did not rely on the exclusion of some ‘outside other.’ The ‘we’ used by them is communicative and internally established, referring to the relationship among the various women” (Dean, 1996). Identity is a central issue in the feminist realm, whereby she acknowledges the understanding of the members for being an entity of a group. Language become a significant aspect in forming the term ‘we’ with raising a query in order to establish identical values (or a form of communication) among the members of the feminist groups. Beside the interconnection of utterance, “solidarity is always connected with action” (Dean, 1996). As a result, reflective solidarity defines as “the exclusion of exclusion” which means as connected lines that shared the same struggle against the party who disparage and intimidate them. Overall, the notion of conventional solidarity explains that “our appeal is based on our common interest, concern and struggles. Thus, reflective solidarity focuses on the diversity of every individual who shared the same struggle against the party who denigrate them. Therefore, to scrutinize the theoretical framework on conventional and reflective solidarity into Balinese women and its

NGOs need to be done by analyzing their position in the society.

3. The historical background: gender inequality in balinese society

The cultural background of Balinese society is based on Hinduism and patrilinealism. According to the issue of gender inequality, the historical background of local Balinese kingdoms was influencing the position of women in the society. The existence of local kingdoms was established since 10 AD, where the power structure of Balinese society was based on the local kingdoms. Balinese local kingdoms, are known as *Puri*, became the symbol of sanctity and the center of local government (Munandar, 2005). Clifford Geertz in his book of “Negara: The Theatre State in Nineteenth-Century Bali” states that:

“The State – arbitrary, cruel, rigidly hierarchical, but in essence superfluous – was seen to rise above the “patriarchal communism” of village society, feeding upon it, now and then damaging it, but never really penetrating it. The village, the *desa*, was a self-contained, cosmologically based organic unit, shut in upon itself and growing out of the soil of indigenous Balinese culture... The state created the village as the village created the state” (Geertz, 1980).

In the quotation of Geertz, the state was referring as the concept of *puri* – in which it applied the hierarchical system and caste system (in Hindu terminology) in the society. Then, feminist movement entered Bali around 1950s, where Indonesia got its independence in 1945. It was supported by the creation of woman’s organization that dominated by the

female aristocrats as educated women. This group of women came from the patron's wives, bureaucrats, and civil servants' wives (Putra, 2003). From the article of "Gender Issue in Politic and The Effort to increase Women's Representation in the Political Arena", Sukiada (2014) described the creation of Young Minister's for Women's Affairs was supported by the policy of Broad Guidelines of State Policy in 1988, which outlined that: 1) Women should have the equal rights, obligations and chances with men in the National Development; 2) To increase the role of women in the society starts from the family; 3) The dual role of women in the family and society needs to be harmonious; 4) Recognition and dignity on women's role need to be protected; and 5) The right of acquiring the level of education is needed for women to have the chance of finding a good job (Sukiada cited in Mahyuni, 2014). Through these policies, the government gave their attention to the role of Indonesian women in general. However, the application of these policies never yielded positively. In society, informal and formal institutions, had the perspective that women were in the second position after men. The topic of gender became a benchmark of national development where the formal institutions started to conduct workshops referring to the topic of the gender issue. They integrated gender issue into an overall government's programs and policies and applied an advocacy strategy to search for the root cause of gender problems in the society (Fakih, 1997). Therefore, the role of PKK was significant in solving the problems of women's discrimination, especially in the family issue.

4. The representation of ngos and its role in balinese women

Oppression over women are frequently arises in the Balinese society. The existence of a robust patriarchal system divides the concept of gender as men (*purusa*) and women (*pradana*). It follows the system of *Purusa*, in which patriarchy is the core of the system. Therefore, there are some values that needs to be followed by the Balinese family, such as: (1) the offspring is recorded from the father's lineage (*purusa*); (2) a woman from the Balinese family who get married to a Balinese man, will be released from her family with the abolishment from her rights and obligations; (3) male offspring are important in the Balinese family, whereby he become the successor to maintain and preserve the religious values in the family (Eiseman, 2009). According to Rahayu, the social status of Balinese women follows the traditional culture by dealing with domestic work, preparing the ritual offerings, and child care (Luh Riniti Rahayu, personal communication, July 11, 2015). Through these aspects, the lack of socialization into the society causes inability to have self-development and low self-esteem. As a result, women are having a narrow position in the politic of the household. Thus, NGOs in Bali have been developed in the period of reformation, especially in Karangasem, Singaraja and Denpasar.

4.1. The Representation of NGO: Study Case in Karangasem

According to the geographical context, Regency of Karangasem locates in the northern part of Bali with mountainous landscapes. Public access such as roads and public

transportation has been difficult to access, where the society lives mostly in remote areas. The strong cultural background is still applicable in the society, with the homogeneity of the people and the absence of external factors - such as modernism, globalization, and feminism – results close-minded society. Through these factors, the Women Crisis Center (WCC) as an NGO in Karangasem faces difficulties in approaching the society. They encountered some opposition from the people that this institution would bring conflicts into their lives. Therefore, as the leader of WCC, Ni Nyoman Suparni (2015) cooperated with the village chief by introducing her institution to the society. This NGO is established in 2007 with the aim to give advocacy, assistance, and solution for social problems in Karangasem. Another approach is by giving persuasive understanding to the people, analyze the problem, and provide the cause and effect when they decide by having decision-making. There are some cases of gender inequality in Karangasem villages, named as:

- One of the cases came from sexual harassment in one of Karangasem villages. The family members of the victim were secretive and did not want to reveal the case to the institution, because the consequence of being open would be discrimination from the villagers and judgement to the woman who is in the wrong position. This case also became an ignominy to the woman's family. In this case, the role of WCC is to give protection and shelter for the victims and their family to publish this case into the society with the result that it will not happen again.

- Other case came from the 'child marriages' from the underage children. According to Suparni, child marriages are common in Karangasem families, in which young girls who have their first menstruation could marry with the opposite sex (Nyoman Suparni, personal communication, July 22, 2015). It is supported by the uneducated family members who are applying old traditional perspective in their family. It is also happening in the case of domestic violence, whereby women are oppressed by Balinese customary law. The patrilineal system becomes the hindrance of applying gender equality in the society. In these cases, the need to understand the psychology of the locals are required in order to use the appropriate advocacy, especially in the case of domestic violence. WCC also recommends the revisioning of local law into National law to the provincial authority, that gender equality could be achieved.

Most of the cases of WCC are being collided with the customary law, especially in Bunutan, Dayan and Kubu. Only 200 children could gain their education in Junior High School, where most of them are uneducated or have a less educational background (Nyoman Suparni, personal communication, July 22, 2015). Another factor comes from the existence of *puri* (as the local power), in which it obstructs the development of the feminist movement in Karangasem society. *Puri* is strongly supporting the representation of Balinese customary law and tradition, where the rights of women to vote and make policy on their villages are vacant (Nyoman Suparni, personal communication, July 22, 2015).

Through these years, WCC has gained the trust of the society. There is only one shelter in Bali that is funded by this NGO, where the government could not afford making shelters for the victims (Nyoman Suparni, personal communication, July 22, 2015). Three rooms are available, in which WCC provide high operational costs to accommodate the victims. Most of the victims were staying in their houses, in which the disturbance from their neighbors will give a negative impact to the individual by asking regularly on how and why the tragedy happened. Therefore, the aim of the shelter is by giving personal space to the victim for her recovery. The complete facilities and infrastructure of WCC gives privilege for them by receiving funds periodically from the local government. On the other side, WCC are still facing the resistance by the society because of the lack of understanding in the role and aim of the institution.

4.2. The Representation of NGO: Study Case in Singaraja

Singaraja has been known as the former capital city of Bali in the period of Dutch colonization (1849 – 1953) (Ricklefs, 2001). Modernization was introduced by the Dutch and the role of women had been significantly played in the historical event of Puputan Jagaraga, where one of the heroic women of Singaraja (Jero Jempiring) joined the battle against the Dutch (NusaBali, 2016). The role of women has a significant position in the society that was influenced by the historical background of Singaraja (Antonius Sanjaya Kyabeni, personal communication, June 19, 2015). Although the feminist movement had been developed in the history of

Singaraja, but discrimination over women is existing until the present time.

Gema Nusantara, as one of the NGO in Singaraja, is dealing with gender issue by assisting and solving the problem of inequality. As the leader of Gema Nusantara, Antonius Sanjaya Kyabeni (2015) states domestic violence regularly appeared in the grassroots. As victims, Balinese women have the attitude of *ewuh pakewuh* (a local culture that is instilled as a sense of shy, awkwardness, and respectful toward others) for not reporting the violence into the institution (Wati, 2014). Discrimination is being received from the society, where most of the people acknowledge the fault comes from the women as being not able to keep their family intact. Other cases come from the sexual harassment. According to Ni Luh Putu Nilawati as the Director of Legal Aid Foundation in Bali, cases of violence have been happened regularly in Singaraja (KBKNews, 2016). Most of the performer comes from members of the internal family, close relatives, and neighbors. She notes the cause of gender violence is the lack of people's understanding by the definition of violence itself. The less-educated society and economic disparity increases gender inequality among the people. Therefore, she states "socialization over the definition of violence needs to be done, whereby violence is a crime that violates the law" (KBKNews, 2016).

The effort to change women's paradigm in the social sphere needs to be done by the inner circle of the family and the supporting institutions, whereby education is one significant factor to increase women's respectability in the society (Antonius

Sanjaya Kyabeni, personal communication, June 19, 2015). For gaining enough educational background, the people will respect gender equality through the distribution of inheritance (Ni Putu Aniek Sumartini, personal communication, June 24, 2015). Although discrimination over women have dominantly appeared in the social sphere, but changes over gender inequality occurred in the political arena. It comes from the 30% quotas in the parliamentary representation of women, where Balinese women are having struggles in order to reach it. According to Sumartini, the Commission of General Election give opportunities for women to have representative rights to lead the people (Ni Putu Aniek Sumartini, personal communication, June 24, 2015). In 2014, Tutik Wardani was the only woman's candidate for the nomination of being Regent of Singaraja. In her career, she built Kerta Husada Hospital for giving help to the underprivileged people and to form self-image for being a decent candidate of a Regent (Ni Putu Aniek Sumartini, personal communication, June 24, 2015). Her program was directed to the social matters and community services, in which it was needed due to the people of Singaraja. However, she lost the local election against her opponent's Putu Agus Suradnyana. The people had chosen him because the paradigm of a female leaderships is biased, weak, and relying too much on confidantes (Ni Putu Aniek Sumartini, personal communication, June 24, 2015). Therefore, the involvement of women in politics causes alteration in their cultural identity. In the reference of Kyabeni, the aim of Gema Nusantara

is to criticize and make changes to the local traditions through seminars, workshops, and educational trainings on gender issues to the Singaraja society (Antonius Sanjaya Kyabeni, personal communication, June 19, 2015). By giving social educational background, Kyabeni expected the discrimination over Balinese women would change and they could position themselves as equal as the Balinese men in the society.

4.3. The Representation of NGO: Study Case in Denpasar

As the capital city of Bali, Denpasar has been known as the center of government, area of social and political development, and touristic areas. However, the appearance on gender inequality happened in several cases in Denpasar. Some cases on woman's discrimination came from the non-governmental Bali Legal Aid Foundation and Bali Sruti. From an interview with the head of the foundation, Yastini (2015) claimed several cases would appear in each month, such as domestic violence and violation over woman's right in the local tradition. There were three cases of conflict in marriages in June 2015. First, a non-Balinese woman got married to Balinese man who has two sons. The problem appeared when his wife was expelled from the male's house and the male family will have to assume the responsibility as the mother in caring for the son. Second, a Balinese widower who has a three-year-old son, was forced to give the son to the male's family in order to follow the tradition of *purusa*. Third, a Balinese woman who positioned herself to be the second wife of a man, whereby the first wife could not give a son to the family. Therefore, the

second wife gave birth to a son and his name should be the combination of the husband and his first wife. After eight months of giving birth, the second wife was forced to withdraw from their house (Ni Luh Gede Yastini, personal communication, May 15, 2015). By these three cases, most of the victims were women who were deprived of their rights as a woman and a mother. They came to the foundation to seek help and justice. Yastini stated that the role of local leaders and religious leaders are significant in solving the problem of gender inequality. However, most of the leaders viewed these cases as a domestic problem in which they could not intervene (Ni Luh Gede Yastini, personal communication, May 15, 2015). Thus, Bali Legal Aid Foundation is using traditional approaches for the society to accept the terminology of feminism. They try to change the perspective of women being in the second position in the society by giving mediation in the notion of loving others, *asah asih asuh* (educate, love, and fostering), and mutual respect. This institution is directed to the movement of awareness and workshop for gender equality in Denpasar (Ni Luh Sukawati, personal communication, July 08, 2015). NGO of Bali Sruti also giving mediation through policy advocacies and try to change women's paradigm in the Balinese family. According to Rahayu (2015), woman's role in Balinese society is by accomplishing domestic duties, *menyama braya* (respecting other's freedom), and contributing to household income (Jha, 2004; Agung, 2017). She stated the institution is providing social training in order to show on how to manage equal rights for male and female individuals. Other

institutions come from the governmental organization such as P2TP2 Bali and BP3A, focusing themselves on the issue of gender inequality and child abuse. By the enactment of Protection Law No. 23/2002 and Domestic Violence Law No. 23/2004, these two organizations aim to give security through socialization in the society. In the level of policy, the Regional Working Unit need to make policy-planning referring to gender-responsiveness (Ni Luh Sukawati, personal communication, July 08, 2015). In addressing cases on gender, P2TP2 is mediating and advocating the regulation of gender equality to the society.

5. Conclusion

This article examined the role of NGOs in the framework of gender inequality in the scope of Balinese society, where cultural background and customary law based on the patrilineal system. By viewing at the historical background, Hinduism has been the core of the people, in which the existence of local kingdoms became the symbol of sanctity of the state. Puri, as the concept of the state, used the device of 'patriarchal communism' for controlling the village society as clientelism. In this concept, local kingdoms influenced the system on the Balinese society, especially the structure of the family. From the family perspective, women had economic values in the concept of matchmaking – where the father would bargain her values to the male's family. Modernization, the feminist movement, and other laws influenced how society perceives women. Nevertheless, the existence of the patriarchal system is strongly applied in the concept of *purusa*. This concept

focuses on the importance of male offspring as the successor of Balinese family considering the right of inheritance. The role of women in the system of *purusa* become the second position in the society, by dealing with domestic work and child care. Discrimination over women also increases in which the role of NGOs has been developed since 1998.

Communities such as Karangasem, Singaraja and Denpasar significantly benefited from the existence of NGOs in Bali. The notion of conventional solidarity has been seen in the work of the NGOs by providing reformation in the social structure. They contribute support on the victims by helping, accompanying and defending the oppressed groups towards their rights. Moreover, NGOs shared common beliefs and goals to decrease the number of discriminations over Balinese women. For example, the Women Crisis Center (WCC) in Karangasem gives advocacy, solution and assistance to the victims by giving shelters. The representation of NGOs in Singaraja and Denpasar have the same aims with WCC in Karangasem, whereby Gema Nusantara Bali Legal Aid Foundation and Bali Sruti give mediation to the society by using workshops, seminars and mentors for providing social trainings referring to gender equality. Moreover, in the scope of reflective solidarity, Balinese women try to defend their rights as an individual becomes an exclusion of their groups. In this notion, reflective solidarity creates a picture of universality within the real identities of every individual, such as Tutik Wardani. She nominated herself to be the Regent of Singaraja, who challenge the traditional values of a

woman. The changes over her role in the society create a dynamic process over cultural identity over Balinese women. The concept of "Balinese women become the second position after men" is changing due to her role as a politician and a local leader. Therefore, education becomes a significant factor for Balinese women to change their status in the society.

Acknowledgment

This work has been greatly helped by the supervision of Elena Trubina for her valuable suggestions to increase the quality of the article. I would also be thankful for the help of the Department of Social Philosophy, Ural Federal University, for their willingness to help me throughout the process of this paper.

The impact of Women NGO activity on the value of the Balinese women in the scope of the globalizing world

Ni Wayan Radita Novi Puspitasari

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

This paper attempts to explore the value of Balinese women in the scope of the globalizing world, where the focus is laid about the role of Women NGO's and their position in the society. Such a work would require us to consider comprehensively the negative factors besetting and conditioning the cultural identity of Balinese women in the society, and then, to relate it interrogatively to their consistencies in perception of gender injustices. The patriarchal system has significant role in maintaining the structure of the society in which it influences the life of Balinese women. As a result, local women hardly permeate the gender barriers to develop themselves in another social discourse. Some of the educated-women, who tries to become representative of women's legislative candidates, convey the uncertainty of losing their cultural identity and the discrimination by being 'the second position after men'. The concept of reflective solidarity will be a model of analyzing the contextualization of Balinese culture as predominantly-sided to the system of patriarchy. Using the descriptive-analytical

paradigm will be applied to investigate academic literature and conceptual approach in relation to NGO and the position of women in the Balinese society.

Keywords: gender inequality, NGO, cultural identity, authenticity and solidarity

References

1. Agung, D. A. G., Kanto, S. & Wisadirana, D. (2017). Menyama Braya as Social Capital of Hindu and Muslim Community: A Case Study in Bali – Indonesia. *International Journal of West Asian Studies*, 9(1), 159-166.
<http://dx.doi.org/10.22583/ijwas.2017.09.01.12>
2. Agung, A.A. G. P. (2010). *Bali's Early Days: Widow Sacrifice, Slavery and Opium*. Denpasar: Saritaksu Editions.
3. Agung, A.A. G. P. (2003). *Perubahan Sosial dan Pertentangan Kasta di Bali Utara [Social Change and Caste Conflict in North Bali]*. Yogyakarta: Tarawang Press.
4. Akpınar, C. (2012). Career barriers for women executives and the Glass Ceiling Syndrome: the case study comparison between French and Turkish women executives. 2nd International Conference on Leadership, Technology and Innovation Management, Istanbul, Turkey.
5. Ardika, I W., Parimmartha, I G. & Wirawan, A. A. B. (2013). *Sejarah Bali Dari Prasejarah Hingga Modern [History of Bali from Pre-history to Modern Time]*. Denpasar: Udayana University Press.
6. Arta, M. R. (2016). Cultural Criticism of Balinese Women upon Balinese Tradition: A Study of Feminist Literature. *Journal of Education and Social Science*, 5(3), 59-63. Retrieved from: https://www.jesoc.com/wp-content/uploads/2017/03/KLiCELS5_062_c b545zD8Xz.pdf.
7. Cotter, D. A., Hermsen, J. M., Ovadia, S. & Vanneman, R. (2001). The Glass Ceiling Effect. *Social Forces*, 80(2), 655-681. Retrieved from: <https://www.jstor.org/stable/2675593>.
8. Dean, J. (1996). *Solidarity of Strangers: Feminism after Identity Politics*. Los Angeles: University of California Press.
9. DiStefano, M. & Ruger, J. P. (2015). Reflective Solidarity as to Provincial Globalism and Shared Health Governance. *Diametros* 46, 151-158. <http://dx.doi.org/diam.46.2015.845>.
10. DPR. (2019). *Undang – undang Republik Indonesia Nomor 10 Tahun 2008 [Law of the Republic of Indonesia Number 10 of 2008]*. Retrieved from: http://www.dpr.go.id/dokjdi/document/uu/ UU_2008_10.pdf.
11. Eiseman, F. B. (2009). *Bali: Sekala and Niskala: Essays on Religion, Ritual, and Art*. Vermont: Tuttle Publishing.
12. Fakhri, M. (1997). *Analisis Gender dan Tranformasi Sosial [Gender Analysis and Social Transformation]*. Yogyakarta :Pustaka Pelajar.
13. Fakhri, M (2004). *Masyarakat Sipil untuk Transformasi sosial; pergolakan ideologi LSM Indonesia [Civil Society for Social Transformation; The ideological upheaval of Indonesian's NGO]*. Yogyakarta: Pustaka Pelajar.
14. Geertz, H. & Geertz, C. (1975). *Kinship in Bali*. Chicago: The University of Chicago Press.
15. Geertz, C. (1980). *Negara: The Theatre State in Nineteenth-Century Bali*. New Jersey: Princeton University Press.
16. Gultom, E. (2017). Development of Women Position in the Patrilineal Inheritance of Indonesian Society. *Jurnal Dinamika Hukum*, 17(2), 195-202. Retrieved from: <https://www.researchgate.net/publication/320460928>.
17. Jha, N. (2004). Gender and Decision Making in Balinese Agriculture. *Journal of American Ethnologist*, 31(4), 552-572. Retrieved from: <https://www.jstor.org/stable/4098868>.
18. KBKNews. (2016). *Angka Kekerasan Anak dan Perempuan di Bali Meningkat [The Increasing Rate of Abusement for Children and Women in Bali]*. Retrieved from: <http://www.kbknews.id/2016/11/28/angka-kekerasan-anak-dan-perempuan-bali-meningkat/>
19. Macarie, F. C. & Moldovan, O. (2014). The Glass Ceiling in the Public Sector: A Case Study Regarding Romanian Elected and Appointed Officials. *Managerial Challenges of the Contemporary Society*, 7(2), 10-17. Retrieved from: <https://www.researchgate.net/publication/281290281>.
20. Mahyuni, I. A. P. (2014). *Ranah Kajian Budaya dan Historiografi [The Realm of Cultural Studies and Historiography]*. Denpasar: Pustaka Larasan.
21. Munandar, A. A. (2005). *Istana Dewa Pulau Dewata: Makna Puri Bali Abad ke-14 – 19 [Palaces of The Gods in Gods Island: The Meaning of Puri Bali in 14th – 19th Century]*. Depok: Komunitas Bambu.
22. NUSABALI. (2016). *Tonjolan Kisah Heroic Patih Jelantik dan Jero Jempiring [Highlight the Story of Patih Jelantik and Jero*

- Jempiring. Retrieved from: <https://www.nusabali.com/berita/3839/tonjolk-an-kisah-heroik-patih-jelantik-dan-jero-jempiring>.
23. Paat, Y. (2015). Peran Perempuan di Ranah Politik Formal Masih Minim [The Role of Women in the Political Sphere is Low]. Women Research Institute: Promoting women leadership and inclusive, gender-based, and sustainable natural resource governance. Retrieved from: <https://www.wri.or.id/media-wri/liputan-media/2015/674-peran-perempuan-di-ranah-politik-formal-masih-mini.html#.XJYu8S2B2gQ>.
 24. Putri, D. (2019). Perempuan Bali yang Tak Siap Nyaleg 'Diburu' Untuk Penuhi Kuota Partai [Balinese Women who do not prepared to be elected as Legislative Candidates were being 'hunted' to fulfill the party's quotas]. IDN Times Bali. Retrieved from: <https://bali.idntimes.com/news/bali/diantari-putri/perempuan-bali-yang-tak-siap-nyaleg-diburu-untuk-penuhi-kuota-partai-1/full>.
 25. Putra, I N. D. (2011). A literary mirror: Balinese reflections on modernity and identity in the twentieth century. Leiden: KITLV.
 26. Ricklefs, M. C. (2001). A History of Modern Indonesia since c. 1200. Hampshire: Palgrave Macmillan.
 27. Vickers, A. (1989). Bali: A Paradise Created. Jakarta: Periplus Edition.
 28. Vickers, A. (2012). Bali Tempoe Doeloe [Bali in The Past]. Depok: Komunitas Bambu.
 29. Wati, R. (2014). The Effect of Cultural Ewuh Pakewuh Bureaucracy Toward Significance Accounting Fraudulency in the Government: The Perception of Government Internal Control Apparatus Sragen Area Inspectorate. Elsevier: SSRN.

Чувственное восприятие судебного процесса

Семенович А.В.

В статье обосновывается актуальность чувственного восприятия для современных социокультурных практик на примере анализа судебного процесса. Традиционно судебный процесс воспринимается в качестве исключительно рациональной, утилитарной процедуры, направленной на решение практических материально-правовых задач. Такое понимание судебного процесса является узкоспециальным и ограничивается акцентированием внимания на его локальных качествах. Между тем, помимо локальных в судебном процессе присутствуют комплексные качества, которые присущи ему как разновидности общефилософской категории «процесс»: текучесть, длительность, изменчивость, становление, возможность, относительность, множественность, непредсказуемость, незавершенность. Акцентирование внимания на комплексных качествах судебного процесса открывает возможности для его более широкого неутилитарного рассмотрения и чувственного восприятия. Комплексные чувственно-воспринимаемые качества судебного процесса представляют собой не умоглядную абстракцию, но обнаруживают свое буквальное выражение в нормах законов, определяющих порядок его ведения. В ходе проводимого в рамках данной статьи анализа законов, регулирующих порядок ведения судебного процесса, выявляется, что чувственно-воспринимаемые качества судебного процесса проявляются в реализации требований о размещении в залах судебных заседаний символов государственной власти, в исполнении судьями обязанности заседать в мантиях, в совершении участниками судебного разбирательства предписанных регламентом ритуальных действий, в оценке доказательств судом исходя из «внутреннего убеждения» и «совести», в реализации принципа состязательности сторон. Выявленные чувственно-воспринимаемые качества судебного процесса требуют своего осмысления по средством эстетической теории. Такой вывод согласуется с тенденциями развития современной эстетической теории, определяющими необходимость участия эстетики в разрешении вопросов в самых разных сферах человеческой деятельности, одной из которых является судебный процесс. **Ключевые слова:** судебный процесс, чувственное восприятие, ритуал, игра, состязательность, эстетика.

При описании современной социокультурной реальности часто используются такие характеристики как рациональность, утилитарность, прагматизм. Такой подход является очевидным следствием возникновения зависимости современного человека от техники и так называемой «второй природы», что, в свою очередь, ограничивает область чувственного восприятия. Современную реальность принято измерять, но не чувствовать. Рациональность стала основным принципом осмысления бытия, существования человека, культуры, искусства. Такая тенденция наглядно выражается в использовании современными культурологами и эстетиками при осмыслении процессов, происходящих в культуре и искусстве, классификации, разработанной для описания типов научной рациональности (классика, неклассика, постнеклассика). В частности, подобная классификация применяется В. В. Бычковым для описания состояния современной эстетической теории [12]. Известно также утверждение Т. Адорно о том, что эстетический опыт не является автономным и неразрывно связан с социальной сферой, с существующими в социальной сфере идеологиями, «...искусство, хотя и не приемлет общества в крайне резкой форме, обладает социально-общественной природой» [7, с. 495].

Возможно, в силу обозначенной тенденции, нередко при описании

соотношения между культурой и социумом делается акцент на преимуществе социального над культурным. В этом смысле можно сказать, что культура стала восприниматься как «служанка общества», которая не ведет за собой социум, задавая вектор развития его интересов, а обслуживает уже сложившиеся утилитарно-повседневные потребности современного общества. В такой ситуации попытки рассмотреть и осмыслить социокультурную реальность через чувственно-эмоциональный опыт могут показаться бесперспективными.

Тем не менее, наши наблюдения показывают, что рациональность современных социокультурных практик в действительности является достаточно относительной, а их содержание и значение не могут быть осмыслены без участия чувственного восприятия. В целях обоснования данного вывода предлагаем обратить внимание на такую актуальную для современности социокультурную практику, как судебный процесс, который традиционно воспринимается в качестве исключительно рациональной, утилитарной процедуры, направленной на решение практических материально-правовых задач (признание прав на имущество, исполнение денежных обязательств, решение вопроса о виновности в преступлении).

В юридической теории под «судебным процессом», как правило, понимается «порядок рассмотрения дел в суде или административных органах, судопроизводство; судебное дело» [8, с. 696]. Такое понимание судебного процесса является узко-специальным и ограничивается акцентированием внимания на

его самых простых локальных качествах.

Между тем, латинское «processus», от которого происходит слово «процесс» означает «продвижение». Соответственно, под процессом следует понимать не статичный и неизменный порядок, но порядок, обеспечивающий движение, переход из одного состояния в другое. Приведенная трактовка соответствует пониманию категории «процесс», сложившемуся в современном философском дискурсе, - «совокупность необратимых, взаимосвязанных, длительных изменений, как спонтанных, так и управляемых, как самоорганизованных, так и организуемых, результатом которых является некое новшество или нововведение (новые морфологические формы организмов, новые разновидности, социальные, научные, культурные и пр. инновации)» [19, с. 378]. При таком понимании актуальными становятся не узкоспециальные локальные качества судебного процесса, но комплексные, которые присущи ему, как и любому иному процессу: текучесть, длительность, изменчивость, становление, возможность, относительность, множественность, непредсказуемость, незавершенность.

Выявление наличия у судебного процесса комплексных качеств имеет существенное значение, т. к. тем самым определяется возможность его более широкого и не утилитарного рассмотрения. Американский философ М. Бердсли определил, что чувственно-воспринимаемыми являются именно комплексные качества, на основе которых формируется эстетический объект [23, р. 83]. Осмысление выявленных

комплексных качеств судебного процесса предполагает актуализацию чувственного эстетического восприятия. С. А. Лишаев справедливо отмечает: «Поворот от завершенности к незавершенности, от подражания данному к экспериментированию и перформативности имеет прямое отношение к трансформации человеческой чувствительности, к основательной ее перенастройке. В ситуации отсутствия Целого (Цели, Смысла) и экзистенциальной потребности в индивидуальном – на свой страх и риск – ее поиске, растет чувствительность новоевропейского человека к предметам восприятия, переживание которых позволяет прочувствовать тот или иной модус возможности. С ростом такого рода чувствительности формируется экзистенциальный и культурный запрос на эстетику существования (или, иначе, эстетику возможности)» [18].

Комплексные чувственно-воспринимаемые качества судебного процесса представляют собой не умозрительную абстракцию, но обнаруживают свое буквальное выражение в нормах законов, определяющих порядок его ведения.

Прежде всего необходимо обратить внимание на наличие в законах, определяющих порядок проведения судебного процесса комплекса норм, устанавливающих обязательность определенных символов и ритуалов. Так, в статье 34 Федерального конституционного закона от 31.12.1996г. №1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» определены символы государственной власти, наличие которых является обязательным в судах: Государственный флаг РФ и изображение Государственного

герба РФ [1]. Этой же нормой закона установлена обязанность судей заседать в мантиях либо иметь другой отличительный знак своей должности. Аналогичные положения закреплены в статье 21 Закона РФ от 26.06.1992г. №3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [2].

Очевидно, что ни флаг, ни герб, ни мантия не обеспечивают наличия у судьи необходимого уровня знаний, профессионального опыта, морально-нравственных качеств. Соответственно, данные символы носят неутилитарный характер, а их значение может быть осмыслено не рационально, а только посредством чувственного восприятия. Г. Б. Власова отмечает: «Эстетическое чувство (в широком смысле этого слова) является одним из методов осуществления всех подлинных функций суда. В его символической стороне тесно переплетаются метафизика и антропология конкретной исторической эпохи. Такая символика всегда очень точно и понятно фиксирует обоснование права на суд в данной культуре» [14, с. 69]. Следовательно, использование в судебном процессе таких символов, как флаг, герб, мантия, имеет своей целью вызвать у присутствующих в зале суда чувство уверенности в наличии у судьи, рассматривающего дело, права на осуществление судебной власти от имени государства, а также чувства уверенности в его справедливости и беспристрастности.

Помимо обязательности использования определенной символики, нормы законов, регулирующих порядок проведения судебного процесса, предписывают и необходимость выполнения специфических

ритуальных действий. Описание таких ритуальных действий приведено в статье 158 Гражданского процессуального кодекса РФ [4], в статье 257 Уголовно-процессуального кодекса РФ [6], в статье 154 Арбитражного процессуального кодекса РФ [3], в статье 144 Кодекса административного судопроизводства РФ [5], которые устанавливают: обязательность для всех присутствующих в зале суда вставать при входе судей в зал судебного заседания и выслушивать стоя объявление решения суда; обязательность для всех участников судебного процесса обращаться к судьям со словами: «Уважаемый суд!» и давать свои показания и объяснения стоя.

Необходимость исполнения описанных действий в ходе судебного процесса не может быть объяснена с рациональной точки зрения. Смысл и значение таких действий могут быть осмыслены только посредством чувственного восприятия. Характер действий, предписываемых приведенными нормами закона, безусловно предполагает формирование у всех присутствующих в зале судебного заседания чувства уважения к суду, неоспоримости авторитета и сакральности судебной власти. Кроме того, совокупность таких ритуальных действий позволяет участникам судебного процесса максимально абстрагироваться от всего внешнего и второстепенного по отношению к судебному разбирательству, ощутить свою вовлеченность и нахождение внутри специфического замкнутого пространства, в котором значение и смысл имеют только те действия и высказывания, которые опосредо-

ваны определенными нормами закона. В результате, как отмечает В. В. Богомазова, сама возможность участников судебного процесса убедить суд в своей правоте оказывается зависима от ритуализации используемых ими стратегий и тактик ведения дела в суде [10].

Комплексные чувственно-воспринимаемые качества судебного процесса находят свое выражение и в такой, казалось бы рациональной процедуре, как оценка доказательств судом. Согласно положениям статьи 67 Гражданского процессуального кодекса РФ [4], статьи 71 Арбитражного процессуального кодекса РФ [3], статьи 84 Кодекса административного судопроизводства РФ [5] суд оценивает доказательства «по своему внутреннему убеждению», а положения статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса РФ в качестве критерия оценки доказательств определяют еще и «совесть»: «Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью» [6]. При этом ни понятие «внутреннее убеждение», ни понятие «совесть» не определены нормами закона. Соответственно, определение содержания данных понятий находится за пределами закона в плоскости философского дискурса и субъективных культурно-мировоззренческих установок отдельно взятого судьи, присяжного заседателя, участника судебного процесса. Таким образом, закон прямо определяет, что оценка доказательств по судебному делу основывается не

только на построении формально-логических умозаключений, определении причинно-следственных связей, но и на таких нерациональных и субъективных категориях как «внутреннее убеждение» и «совесть».

Очевидным выражением чувственно-эмоциональной составляющей судебного процесса также является определение законом состязательности сторон в качестве основного принципа осуществления правосудия. Необходимость следования такому принципу определена в статье 12 Гражданского процессуального кодекса РФ [4], в статье 9 Арбитражного процессуального кодекса РФ [3], в статье 15 Уголовно-процессуального кодекса РФ [6], в статье 14 Кодекса административного судопроизводства РФ [5].

Между тем, как отмечал И. Хейзинга, «кто говорит **состязание**, говорит **игра**» [22, с. 57]. Философ определил: «Возможность родства между игрою и правом делается для нас очевидной, как только мы замечаем, что правовая практика - другими словами, судопроизводство, независимо от того, какие идеалы положены в основание права, - носит в высшей степени состязательный характер» [22, с. 56]. Следовательно, законодательное определение состязательности в качестве основного принципа судебного процесса является признанием того, что судебный процесс представляет собой специфическую форму игры, т. е. неутилитарной нерациональной деятельности. В. В. Бычков определяет: «Игра является одной из самых древнейших форм эстетической деятельности. Игра неутилитарна по своей природе и соверша-

ется ради неё самой. Принципиально непродуктивный и иррациональный характер игры издревле сделал её основой сакральных и культовых действий и искусства, наделил таинственными, магическими смыслами, связал с мифом и мистерией» [13, с. 172]. Таким образом, рассмотрение закрепленного законом принципа состязательности сторон судебного процесса в контексте философско-эстетического осмысления феномена игры приводит нас к неожиданному, но очевидному выводу о том, что судебный процесс является формой эстетической деятельности.

Справедливость такого вывода становится еще более очевидной в случае, если обратить внимание на то, что действующее законодательство не определяет установление объективной истины по делу в качестве задачи судебного процесса. Нормы закона, определяющие задачи судебного процесса, содержатся в статье 2 Гражданского процессуального кодекса РФ [4], в статье 2 Арбитражного процессуального кодекса РФ [3], в статье 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ [6], в статье 3 Кодекса административного судопроизводства РФ [5]. Среди определяемых ими задач судебного процесса обозначены такие как: «правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дел», «защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов», «справедливое публичное судебное разбирательство». Однако, ни в одной из названных норм не определено в качестве задачи судебного процесса установление объективной истины по делу. Причины отсутствия постановки законом такой задачи, скорее всего

следует искать в сфере гносеологии и этики, а также в специфике влияния, оказываемого на юридическую практику характерным для современности постнеклассическим типом мышления, одним из принципов которого является признание невозможности познания объективной истины. Однако, для нас наиболее актуальными являются не причины, а следствия отсутствия законодательного определения для судебного процесса такой задачи как установление объективной истины.

Отсутствие признания обязательности установления объективной истины в судебном процессе в некотором смысле снижает уровень моральной ответственности за итог судебного разбирательства, но открывает возможности плюрального, поливариантного, процессуального, игрового отношения к исследуемым судом обстоятельствам и фактам. Именно такой подход усматривается в ряде работ современных ученых-правоведов. Так, В. З. Гуцин констатирует: «Принцип состязательности в гражданском судопроизводстве в последние годы получил свое дальнейшее законодательное развитие, а положение об обязанности суда установить истину в каждом деле прямо в нормах закона перестало упоминаться. Это обстоятельство некоторые судьи и теоретики восприняли как полное переложение на стороны забот о собирании и представлении доказательств и освобождении суда от поисков истины» [16, с. 108]. К. В. Бубон отмечает: «Деятельность сторон гражданского процесса в сфере доказывания имеет целью вовсе не установление «истины», а утверждение собственной версии (собственной позиции по фактическим

обстоятельствам дела) в качестве основы для будущего судебного акта» [11, с. 14].

При таком подходе становится очевидной актуальность отношения восприятия обстоятельств рассматриваемого судом дела. Как говорит М. Фуко «Отношение восприятия становится основанием для юридического изречения истины. Вот что оно делает возможным. Свидетельство складывается вокруг опыта видения» [21, с. 90]. Между тем, опыт видения всегда субъективен, относителен и как правило является одним из возможных вариантов восприятия, что наглядно продемонстрировал Э. Гуссерль на примере анализа восприятия такой достаточно простой вещи как игральная кость: «... в явлении одной и той же находящейся вблизи вещи выступает то одна, то другая ее сторона, меняются визуальные перспективы, а также, - что можно наблюдать при соответствующей направленности внимания, - тактильные, акустические и прочие способы явления» [15, с. 107]. Восприятие же более сложных вещей, действий или их совокупности, с чем имеет дело судебный процесс, предполагает наличие значительно большего количества визуальных, тактильных, акустических и прочих перспектив. Такие перспективы, как правило, выходят за рамки юридического дискурса и обнаруживают в себе политические, религиозные, коммуникативные, игровые аспекты, обозначая тем самым комплексный характер феномена судебного процесса. Таким образом, представляется необходимым признать, что в ходе судебного процесса происходит не установление объективной истины,

а «юридическое изречение истины», которое, в свою очередь, основано на чувственном восприятии отдельных перспектив рассматриваемого судом дела.

Представленные примеры являются далеко не полным анализом всех возможных вариантов выражения комплексных чувственно-воспринимаемых качеств судебного процесса. Детальное рассмотрение любого отдельно взятого судебного процесса может выявить множество иных чувственно-воспринимаемых качеств судебного процесса. Тем не менее, уже из проведенного анализа видно, что рациональность судебного процесса является относительной. Помимо рациональной составляющей существенное значение для понимания судебного процесса и ориентации в нем имеет его чувственное восприятие, для осмысления которого и использования в практической деятельности необходимо руководствоваться не столько юридической, сколько эстетической теорией. Такой вывод может показаться слишком дерзким, т. к. более привычным является рассмотрение эстетики в рамках сферы искусства, к каковой судебный процесс относить не принято.

Между тем, необходимо вспомнить, что термин «Эстетика» происходит от греческого слова «Aestetikos», буквальным значением которого является «чувственный», «чувственно воспринимаемый». Следовательно, выявленные нами чувственно-воспринимаемые элементы судебного процесса могут выступать основой для его эстетического осмысления. Наш вывод о возможности эстетического осмысления судебного процесса согласуется со взглядами целого ряда

современных исследователей эстетики. Так, А. Е. Радеев в своей диссертации «Философская аналитика эстетического опыта: исторические и теоретические аспекты» справедливо отмечает, что рассмотрение эстетического опыта исключительно в связи с искусством является ошибочным и определяет эстетический опыт как «чувственный опыт формы многообразного» [20]. А. Берлеант в своих работах доказывает, что искусство является только одним из элементов эстетического поля, включающего в себя всю область чувственного [24]. Т. Бинкли, утверждает: «Эстетика имеет дело с эстетическим опытом, а не с искусством. Все, от музыки до математики может быть рассмотрено эстетически» [9, с. 315]. Г. У. Гумбрехт показывает, что сфера эстетического опыта значительно шире сферы искусства, эстетический опыт имеет отношение ко всему миру повседневного [25]. П. Шлаг определяет, что понятие эстетического не должно ограничиваться ни областью искусства, ни вопросами красоты, и обосновывает актуальность рассмотрения с эстетической точки зрения права и юридической деятельности, к которой относится и судебный процесс [26]. Необходимо также вспомнить Р. Ингардена, указавшего на недопустимость отождествления произведения искусства с эстетическим предметом [17, с.124].

Таким образом, в современных условиях эстетика не может ограничиваться сферой красоты и искусства и должна участвовать в разрешении вопросов в самых разных сферах человеческой деятельности, в том числе и в сфере судебного процесса.

Актуализация чувственного восприятия судебного процесса не означает, что рациональность является необязательной или излишней. Напротив, актуализация чувственного восприятия открывает новые варианты для реализации стратегий рациональности при условии их сочетания с возможностями чувственного восприятия.

Литература

1. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996г. №1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/. Дата обращения: 07.12.2019г.
2. Закон РФ от 26.06.1992г. №3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ Дата обращения: 07.12.2019г.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/. Дата обращения: 07.12.2019г.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/. Дата обращения: 07.12.2019г.
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/. Дата обращения: 07.12.2019г.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/. Дата обращения: 07.12.2019г.
7. Адорно Т. Эстетическая теория. пер. с нем. А. В. Дранова М.: Республика, 2001. - 527 с.
8. Барихин А. Б. Большая юридическая энциклопедия. М.: Книжный мир, 2010. – 960 с.
9. Бинкли Т. Против эстетики // Американская философия искусства: основные концепции второй половины XX века - антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм. Антология. пер. с англ. / Под. Ред. Б. Дземидока и Б. Орловой. Екатеринбург: «Деловая книга». 1997. С. 289 — 318.
10. Богомазова В. В. Ритуальность как способ реализации категории чуждости в судебном дискурсе. Вестник Волгоградского Государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2014. №3. С. 100 — 104.
11. Бубон К. В. К вопросу о правовой категории «истина» в гражданском и уголовном процессе и ее месте в ряду правовых ценностей // Адвокат. 2012. №5. С. 10 — 20.
12. Бычков В. В. Постнеклассическая эстетика: К вопросу о формировании современного эстетического знания // Интелпрос №1. 2008. Электронный ресурс:

http://www.intelros.ru/readroom/fg/fg_1/5388-postneklassicheskaya-yeestetika-k-voprosu-o-formirovanii-sovremennogo-yeesteticheskogo-znaniya.html (дата обращения — 07.12.2019г.).

13. Бычков В. В. Эстетика М.: КНОРУС. 2012. 528 с.

14. Власова Г. Б. Символы и ритуалы как культурные характеристики судебного процесса / Философия права. 2007. №2. С. 69 — 73.

15. Гуссерль Э. Картезианские размышления / Пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Наука. 2001. 315 с.

16. Гущин В. З. Принцип объективной истины в гражданском судопроизводстве / Современное право. 2011. №10. С. 107 — 112.

17. Ингарден Р. Исследования по эстетике. пер. с польского А. Ермилова и Б. Федорова — М.: Издательство Иностранной литературы, 1962. - 570 с.

18. Лишаев С. А. Пространство и время в эстетическом опыте: от созерцания прекрасных форм к эстетике становления. Электронный ресурс: <https://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/460013/> (дата обращения: 07.12.2019г.).

19. Огурцов А. П. Процесс / Новая философская энциклопедия: в 4-х т., предс. научно-ред. совета В. С. Степин, М.: Мысль, 2010. - Т. 3. - С. 378-379.

20. Радеев А. Е. Философская аналитика эстетического опыта: исторические и теоретические аспекты. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук, СПб, 2017. Электронный ресурс: <http://www.disser.spbu.ru>. (дата обращения — 03.05.2019г.).

21. Фуко М. Лекции о воле к знанию с приложением «Знание

Эдипа»: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1970 — 1971 учебном году / Пер. с фр. А. В. Дьяков. СПб.: Наука. 2016. 351 с.

22. Хейзинга Йохан. Homo ludens. Человек играющий / Сост. предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; Коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха. 2011. 416с.

23. Beardsley M. C. Aesthetics: Problems in Philosophy of Criticism. New York, 1958. 604 p.

24. Berleant A. The Aesthetic Field: A Phenomenology of Aesthetic Experience. Springfield: Charles S. Thomas, 1970. 199 p.

25. Gumbrecht H. U. Aesthetic Experience in Everyday Worlds: Reclaiming an Unredeemed Utopian Motif // New Literary History. 2006. Vol. 37. №2. P. 299-318.

26. Schlag P. The Aesthetics of American Law. / Harvard Law Review. 2002. pp. 1047—1118p. Электронный ресурс: <http://lawweb.colorado.edu/profiles/pubpdfs/schlag/aesthetics.pdf> (дата обращения: 07.12.2019г.).

**Sensual perception of the trial
Semenovich A.V.**

Vladimir state University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov (VISU)

The article substantiates the relevance of sensual perception for modern socio-cultural practices on the example of the analysis of the trial. Traditionally, the trial is perceived as an extremely rational, utilitarian procedure aimed at solving practical material and legal problems. This understanding of the trial is narrowly specialized and is limited to focusing on its local qualities. Meanwhile, in addition to local in the trial there are complex qualities that are inherent in it as a kind of General philosophical category "process": fluidity, duration, variability, formation, possibility, relativity, multiplicity, unpredictability, incompleteness. Focusing on the complex qualities of the judicial process opens up

opportunities for its wider non-utilitarian consideration and sensual perception. Complex sensual -perceived qualities of the trial are not a speculative abstraction, but find their literal expression in the rules of the laws that determine the order of its conduct. In the course of the analysis of the laws regulating the procedure of conducting the judicial process conducted within the framework of this article, it is revealed that the sensually perceived qualities of the judicial process are manifested: in the implementation of the requirements for the placement in the courtrooms of symbols of state power, in the performance of judges' duties to sit in robes, in the commission of ritual actions prescribed by the rules by the court, in the evaluation of evidence by the court on the basis of "internal conviction" and "conscience", in the implementation of the principle of adversarial proceedings. The article analyzes the laws governing the conduct of the trial. The result of this analysis revealed that the sensually perceived qualities of the judicial process appear: in the implementation of the requirements for the placement of symbols of state power in the courtrooms, in the performance of the judges duties to sit in robes, in commission of participants of judicial proceedings of the ritual actions prescribed by regulations, in the evaluation of evidence by the court on the basis of "inner conviction" and "conscience", in the implementation of the principle of adversarial parties. Revealed sensually perceived quality of the judicial process require understanding through aesthetic theory. This conclusion is consistent with the trends in the development of modern aesthetic theory, determining the need for the participation of aesthetics in the resolution of issues in various spheres of human activity, one of which is the trial.

Keywords: trial, sensual perception, ritual, play, competitiveness, aesthetics.

References

1. Federal constitutional law of December 31, 1996 No. 1-FKZ "On the Judicial System of the Russian Federation" // Reference Legal System "Consultant Plus". Electronic resource: http://www.consultant.ru/document/cons_d oc_LAW_12834/. Date of appeal: 12/07/2019
2. The law of the Russian Federation of June 26, 1992 No. 3132-1 "On the status of judges in the Russian Federation" // Reference legal system "Consultant Plus". Electronic resource: http://www.consultant.ru/document/cons_d oc_LAW_648/ Date of access: 12/07/2019.
3. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation // Reference Legal System "Consultant Plus". Electronic resource: http://www.consultant.ru/document/cons_d oc_LAW_37800/. Date of appeal: 12/07/2019
4. Civil Procedure Code of the Russian Federation // Reference legal system "Consultant Plus". Electronic resource: http://www.consultant.ru/document/cons_d oc_LAW_39570/. Date of appeal: 12/07/2019
5. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation // Reference Legal System "Consultant Plus". Electronic resource: http://www.consultant.ru/document/cons_d oc_LAW_176147/. Date of appeal: 12/07/2019
6. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Reference Legal System "Consultant Plus". Electronic resource: http://www.consultant.ru/document/cons_d oc_LAW_34481/. Date of appeal: 12/07/2019
7. Adorno T. Aesthetic theory. trans. with him. A.V. Dranova M. : Republic, 2001. -- 527 p.
8. Barikhin A. B. Big Legal Encyclopedia. M. : Book world, 2010. -- 960 p.
9. Binkley T. Against aesthetics // American Philosophy of Art: the basic concepts of the second half of the twentieth century - anti-essentialism, perceptualism, institutionalism. Anthology. trans. from English / Under. Ed. B. Dzmidok and B. Orlova. Yekaterinburg: "Business Book". 1997. S. 289 - 318.
10. Bogomazova V.V. Rituality as a way to implement the category of alienity in judicial discourse. Bulletin of Volgograd State University. Ser. 2, Linguistics. 2014. No3. S. 100 - 104.
11. Bubon K. V. On the issue of the legal category "truth" in the civil and criminal process and its place in the series of legal values // Lawyer. 2012. No5. S. 10 - 20.
12. Bychkov VV Post-non-classical aesthetics: On the question of the formation of modern aesthetic knowledge // Intelros No. 1. 2008. Electronic resource: http://www.intelros.ru/readroom/fg/fg_1/5388-postneklassicheskaya-yestetika-k-voprosu-o-formirovanii-sovremennogo-yesteticheskogo-znaniya.html (accessed December 7, 2019.)

13. Bychkov VV *Aesthetics* M.: KNORUS. 2012. 528 s.
14. Vlasova G. B. Symbols and rituals as cultural characteristics of the judicial process / *Philosophy of Law*. 2007. No2. S. 69 - 73.
15. Husserl E. *Cartesian reflections* / Per. with him. D.V. Sklyadneva. SPb.: Science. 2001. 315 s.
16. Gushchin V. Z. The principle of objective truth in civil proceedings / *Modern Law*. 2011. No. 10. S. 107 - 112.
17. Ingarden R. *Research on aesthetics*. trans. from Polish A. Ermilov and B. Fedorov - M.: Publishing House of Foreign Literature, 1962. - 570 p.
18. Lishaev S. A. Space and time in aesthetic experience: from the contemplation of beautiful forms to the aesthetics of formation. Electronic resource: <https://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/460013/> (accessed: 12/07/2019).
19. Ogurtsov A. P. *Process* / New philosophical encyclopedia: in 4 volumes, pres. scientific ed. Council V.S. Stepin, Moscow: Thought, 2010. -- T. 3. - S. 378-379.
20. Radeev AE *Philosophical analytics of aesthetic experience: historical and theoretical aspects*. The dissertation for the degree of Doctor of Philosophy, St. Petersburg, 2017. Electronic resource: <http://www.disser.spbu.ru>. (date of treatment - 05/05/2019).
21. Foucault M. *Lectures on the will to knowledge with the appendix "Knowledge of Oedipus": The course of lectures delivered at the College de France in the academic year 1970–1971* / Transl. with fr. A.V. Dyakov. SPb.: Science. 2016. 351 s.
22. Heyzinga Johan. *Homo ludens. Man playing* / Comp. foreword and per. with niderl. D.V. Silvestrova; Commentary, pointer D. E. Kharitonovich. SPb.: Ivan Limbach Publishing House. 2011. 416s.
23. Beardsley M. C. *Aesthetics: Problems in Philosophy of Criticism*. New York, 1958. 604 p.
24. Berleant A. *The Aesthetic Field: A Phenomenology of Aesthetic Experience*. Springfield: Charles C. Thomas, 1970. 199 p.
25. Gumbrecht H. U. *Aesthetic Experience in Everyday Worlds: Reclaiming an Unredeemed Utopian Motif* // *New Literary History*. 2006. Vol. 37. No. 2. P. 299-318.
26. Schlag P. *The Aesthetics of American Law*. / *Harvard Law Review*. 2002. pp. 1047-1118p. Electronic resource: <http://lawweb.colorado.edu/profiles/pubpdfs/schlag/aesthetics.pdf> (accessed: 12/07/2019).

Понятие о личности в философско-художественном наследии российского мыслителя Г.С. Сковороды (1722-1794)

Сизинцев П.В.

Статья посвящена анализу философско-художественного наследия российского мыслителя Г.С. Сковороды с философским осмыслением всех элементов его трудов и творений (с учетом привлеченных источников, рассматриваемых тенденций мышления, оценки применяемых идей, критического разбора его идей с точки зрения позитивизма, эмпиризма, рационализма, пантеизма). Автором проведен историко-критический обзор понятия значимости личности в философской системе Г.С. Сковороды.

Ключевые слова: Личность, эмпиризм, абсолютизм, рационализм, пантеизм, историко-критический подход, гносеология, бытие, нравственность, идеализм.

Статья посвящена изучению идеи духовного сердца как основы личности и понятия личностного бытия в русском богословии религиозного философа Г.С. Сковороды. Его идеи базируются на святоотеческой и духовно-академической традициях, оставаясь наиболее значимыми в религиозно-философской и антропологической мысли XVIII века России, отражая в себе особенности применения личностной терминологии. Последняя исследуется как основа формирования понятий о личности и целостности человека. В наследии российского мыслителя идея человека, который стремится достигнуть духовной жизни, реального бытия в Истине проходит красной нитью. Его антропологические воззрения были близки библейским представлениям о человеке, у которого центр бытия сосредоточен в «духовном сердце». В его творчестве чувствуется влияние немецких мистических идей с обращениями к «Духу Божию» и к «Божественной силе, погребенной в человеке», а также некоторая склонность к античным и пантеистическим взглядам. В то же время, его аргументация рассуждений почти всегда отталкивалась от священного Писания и Предания.

Он окончил Киевскую Коллегию, изучив идеи Платона, Аристотеля, Эпикура, Сенеки. Взгляды философа определялись религиозным восприятием мира и человека, но грани между теологией и собственной мыслью в его трудах были достаточно размыты. По мысли Григория Савича, человек, для того, чтобы он был в силах познать самого себя, должен быть способен узреть в самом себе Бога. Ибо «познать себя и уразуметь Бога – один труд», так как Христос учил, что *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17., 21.). Поскольку каждый человек, сотворен по образу Божию, носителем которого является его душа. Линия рассуждений дискурса указывает на мысль об единстве человека в его природе, индивидуальности и целостности, как базовом личностном атрибуте, на что и указывал мыслитель – «Истинный человек – один во всех нас и в каждом цельный»¹. Задача человека – искать высшее призвание себя и обрести его в духовном бытии. Он создан Богом для взыскания истины. Структура сознания человека, описываемая учением Г.С. Сковороды, состоит из уровней души, духа, духовного сердца. Она нацелена на поиск идеалов и стремления человека к совершенству в творчестве, в личностном общении его с Богом.

Именно поэтому с учением Г.С. Сковороды (1722-1794), одного из духовных предтеч русского философа Владимира Соловьева, связы-

вают зарождение русской философии, которая выходит за рамки западноевропейской рационалистической традиции. Своим образом мышления и жизни он явил России образец ученого аскета-странника, «умом чистым и духом несмущенным в сокровищах вечного»², практиковавшего приемы личного возрастания в виде философии сердца. В своем личностном бытии он не разделял жизнь и философствование. И как Сократ применял философскую рефлекссию в античном мире, также и Сковорода проявил себя как подлинный религиозный философ в мысли России. Он утверждал личное, как истинное качество, присущее каждому сотворенному Богом человеку, которое идет от Бога, выражаясь в наличии человека «внутреннего». Того, о котором писали апостолы в своих посланиях и на проявления, которого святоотеческая традиция указывает как на ум и сердце в их духовном единстве. Характер этого единения, «степень их духовного совершенства и просвещенности благодатью определяет состояние внутреннего человека»³.

Поэтому, «человек, который есть начало и конец всего, всякой мысли и философствования, — это вовсе не физический или эмпирический человек, а человек внутренний, вечный, бессмертный и божественный»⁴. Состоится или нет Божественное призвание «внутреннего человека», зависит от волевых ка-

¹ См. Сковорода Г.С., Сочинения: В 2 томах. — Киев: Издательство АН УССР, 1961.

² Ковалинский М.И., Жизнь Григория Сковороды // Сковорода Г.С. - Соч. В 2 т. Т. 2. - М.: Издательство Мысль, 1973. - С. 378.

³ Вадим (Леонов), прот. Основы православной антропологии. — М.: Издательство Московской патриархии РПЦ, 2013. - С. 87.

⁴ Яковенко Б.В., История русской философии. — М: Издательство Республика, 2003. - С. 34.

честв и разумных поступков его носителя – внешнего, телесного человека.

В соответствии с этими мыслями образ жизни Г.С. Сковороды представлял собой «интересный метафизический эксперимент, и его философия есть логическая запись этого эксперимента»¹. По мнению Григория Савича, сама по себе человеческая воля – слепа, так же, как и разум человека сам по себе бессилён, но в духовном управлении они могут прийти к состоянию изначально данному в раю единству с Божеством. Просто воля и разум должны быть управляемы духовной уникальной сущностью, ядром, стрержнем для того, чтобы эти свойства души, совершенствуясь, соединились с Богом. Фактически, речь идёт о личностной функции управления природой в человеке, но выраженной при этом в косвенных понятиях в силу отсутствия в то время самого термина «личность». В то же время, это соответствовало идеям блж. Августина, который предложил концепцию человека как разумно-свободного субъекта. Но свобода не только дар Бога. *К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу* (Гал. 5., 3.), апостол указывает как жить в её условиях и понимать её содержание. Человек обладает волей и состоянием свободы, однако если он не умеет ею пользоваться, то и воля, и свобода оборачивается

своеволием поступков, своевластием желаний и анархией страстей. «Воля, которая действует в сердце человека, бывает трояка: от диавола, от человека и от Бога»², и очевидно, что Г.С. Сковорода описывает своевластие человека как следствие греховной воли. В этих случаях, учит мыслитель, почти на каждом шагу своего бытия в условиях свободы человек становится рабом своих капризных хотений и ненасытности произволеней души, устремляющейся к порочным намерениям. Внешне это справедливо, но требует религиозно-философского уточнения в том, что сама по себе свобода в православии не является источником бедствий для человека. Это личное свойство Бога и дар Его человеку, который невозможно отнять. И «поскольку в этом и состоит отличительное свойство свободы, чтобы желаемое избирать свободно, то виновник для тебя настоящих зол», - писал Григорий Нисский, - «не Бог, устроивший естество независимое, но неразумие» человека³. В дальнейшем Г.С. Сковорода приходит к выводу о том, что свобода, чреватая узами, и воля, растрачивающая себя на вольничание, есть, не только источник душевного нестроения человека, но и основа для укоренения зла на земле. *Ибо «хотя человек и свободен, и свободу имеет по природе, однако же имеет и противодействующее движение тела».*

Свобода есть возможность осуществить личный выбор человеку и

¹ Эрн В.Ф., Г. Сковорода. Жизнь и учение // Эрн В.Ф. Борьба за Логос. - М.: Издательство АСТ, Харвест, 2000. - С. 491.

² Антоний Великий, прп. Добротолюбие: в 5 Т. // Наставления о жизни во Христе, 66 / Т. 1. - М.: Издательство Паломник, 1998. - С. 48.

³ Григорий Нисский, свт. Большое огласительное слово. Гл. 5. - Киев.: Издательский центр Пролог, 2003. - С. 76.

чем более свободное желание человека склоняется к исполнению воли Бога, отождествляясь с ней, тем более он свободен личностно. Интуитивно чувствуя благодать свободы, человек понимает её метафизическую сущность как неиссякаемое благо для себя. Ибо «человек сотворен по образу Божества, а Божие естество по природе имеет способность свободного выбора и хотения, и, следовательно, человек, как образ Его по природе имеет способность свободного выбора и хотения¹. В дальнейших размышлениях, Г.С. Сковорода приходит к утверждению того, что природа способна раздвоиться, имея в самой себе стремления и к Богу, и к греху и тогда, воля (как греховная свобода) становится для человека чем-то опасным, чудовищным, ибо в отдельные моменты жизни воля к злу может оказаться у человека сильнее воли к благу.

Бог одаряет сотворенного Им человека духовным сердцем и творческими способностями, давая ему свободу в создании собственного эмпирического «Я». В учении Г.С. Сковороды удобопреклонность человеческого естества к греху, также присущая душевно-телесной структуре человека, как и наличие «внутреннего человека», находящего *удовольствие в Законе Божиим* (Рим. 7., 22.), создает духовное пространство, в котором «царство Божие и царство зла... в каждом человеке создают вечную борьбу» и осуществляется процесс спасения человека². Чтобы прийти к пониманию

себя как внутреннего человека, необходимо пройти трудный путь «страданий и борений». Религиозное изложение антропологического подхода Г.С. Сковороды указывает, что этот путь сопряжен с определенным отказом от рациональных инструментов познания сотворенного Богом мира. При истолковании мыслителем широко использовались аллегории и символические знаки. Место эмпирического познания, таким образом, по его соображениям должно быть заполнено миром образно-символического, где символика должна быть «сродной» внутренней жизни и вечному смыслу бытия. Подобного рода многозначную и многоуровневую по смыслам символику, Сковорода усматривает в Библии. В своем известном труде, интерпретировавшем философские идеи Плутарха в соответствии со своим собственным учением, он рассуждал «о тишине сердца». Дальнейшую проблему различий понимания «благого сердца» как центра личного духа в стоицизме и христианстве, он отразил в притче «Благодарный Еродий» (1787). Осуществленная в единстве и целостности «Благая природа и высшая красота есть благое сердце. Сердце благое есть то же, что приснотекущий источник, источающий чистые мысли»³. Очевидно, что сердце в понимании мыслителя объединяет свойства, красоты, природы, блага и вечного источника нравственно чистых идей. Полагая подлинный смысл жизни в самосовершенствовании, в духовном

¹ Иоанн Дамаскин., прп. Точное изложение Православной веры. / 3 книга. // XIV глава. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2003.

² См. Философия: Учебник для вузов // Учение Г.С. Сковороды. — М.: Издательство Норма, 2005.

³ Сковорода Г.С., Сочинения: в 2 т. - Т. 2. - М.: Издательство Мысль, 1973. - С. 115.

единстве с Богом, он считал возможным, вести речь о правильном образе жизни, формирующем личностные качества, закаляющие душу человека и его мысли. Этому способствовало любомудрие, направляющее действия человека, чтобы оживотворить сам его дух, привнести благо в душу и ее центр - сердце, очистить мышление. В мировоззрении Г.С. Сковороды наличествуют «три мира». Один, бесконечный - макрокосм. Другой, человеческий - микрокосм. И третий, символический - Библия. Ибо ее особенность открывает «в нашем грубом разуме второй разум, тонкий, созерцательный, глядящий чистым и светлым оком. Библия - вечно зеленое дерево, и плоды его - тайно образующие символы»¹. Через текст Писания человеческая мысль в его выводах «превращается в око Бога всевышнего», а сам библейский символизм называется «следами Бога, ступая по которым, человек приходит к познанию себя как человека внутреннего», где «истинный человек и Бог есть тожде»².

При этом он понимал в контексте под «истинным» человеком его духовное сердце, в котором существует *внутренний, сокровенный сердца человек* (1 Пет. 3., 4.). И считал, что, познавая себя, человек в первую очередь познает свое сердце. «Глава в человеке всему — сердце человеческое. Оно-то есть самый точный в человеке человек, а прочее все околица»³. Ибо сердце, есть духовное начало и «невидимая

натура», которая определяет в человеке «главность». Оно, сердце, и «есть точный человек, истинный человек, ибо посмотри на человека и познай его, потому что человек — это огромный мир»⁴. Только в акте самопознания человек обнаруживает свое истинное место и предназначение в мире и, таким образом, раскрывает для себя целесообразность и истинное содержание мироустройства. Большой мир чужд и враждебен человеку лишь постольку, поскольку человек остается чужд и неясен самому себе. Большой мир — макрокосм — может быть понят и принят только через человека, через микрокосм. По сути дела, под «невидимой натурой» мыслитель понимает совокупность его личных или говоря современным языком, личностных качеств человека. «Главность» человека в этом контексте и составляет его личность, а прямая аналогия «сердце — точный, истинный человек» - приводит к выводу о понятии «сердце человека» как истоке его самосознания. Мыслитель в своей концепции человека ставит его в центр бытия мира, показывая человека в качестве венца всей живой природы. Разделяя его на две части - внутреннюю и внешнюю, он именовал внутреннюю часть человеческой целостности - небесной, а внешнюю — земной; первую — духовной, вторую — душевной; высшую — творческой, низшую — созданной. В его понятии человеку свойственно личное стремление к совершенству,

¹ Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. - М.: Издательство Политиздат, 1991. - С. 219.

² Яковенко Б.В., История русской философии. - М: Издательство Республика, 2003. - С. 34.

³ Барабаш Ю.Я., «Знаю человека». Григорий Сковорода: Поэзия. Философия. Жизнь. - М.: Издательство Художественная литература, 1989. - С. 178.

⁴ Там же. - С. 172.

потребность в творчестве, желание самопознания и духовной свободы – все эти качества составляют личностную основу любого человека.

Таким образом перед нами сущностное и понятийное разделение целостности человека, его бытийного существа на вне-природную и природную части. Принцип условного рассечения указывает на предлагаемый к пониманию человека подход, ибо идеи целостности, центра управления душой и понятия самости, являются основополагающими в его рассуждениях и понимании человека. В соответствии с этим разделением в одном и том же человеке Г.С. Сковорода видел два разума, две воли, два закона, две жизни, проявляя тем самым в своих данных богословских сентенциях идею двойственности человека. Эту двойственность он выражал, утверждая, что эмпирическое, внешне видимое в человеке содержит в себе личностное, скрытое, невидимое, также априорно присущее человеку в его цельности бытия. Г.С. Сковорода распространял учение о двух натурах не только на человека, но и на окружающий его мир, считая, что во всем мире скрыты также две природы – телесная и Божественная и возводя двойственность в принцип природного бытия. Этот универсальный принцип приписывается трём разным уровням бытия, ибо мыслитель считал, что «нужно везде видеть двое», так как во всем есть «материя» и есть «форма», есть временное и вечное, телесное и духовное, внешнее и внутреннее, ложное и истинное, земное и небесное. Эти два начала, различимые в каждой данности бытия вселенной, «где все рожденное обитает», не

только противостоят, но и взаимодействуют друг с другом.

Философская интуиция о двойственности внутреннего состояния человека имеет глубокий духовный смысл и современное продолжение, если иметь ввиду её библейским истоком дихотомию человеческого естества «душа – тело» в христианской традиции. И дело в данном случае не только в символическом следовании мысли за двойной природой человека и попыток отыскать аналогичную двойственность как в духовных состояниях, так и в окружающем человека мире. Суть в том, что двойственность, или выявленный дуализм как принцип бытия и система взглядов, допускающая в любой области два независимых и несводимых друг к другу начала, применительно к бытию, является онтологической основой диалога, который является основой общения человека и важнейшим атрибутом его личностного бытия. Понятие личности является в своих истоках и генезисе ключевым достижением христианской мысли, но само по себе оно рассматривалось различно в греческом и латинском христианстве. В Восточной Церкви понятия о человеке в философско-антропологическом и метафизическом понимании основывались на троическом богословии творений Каппадокийской школы. Пример подлинной личности там видели в отношениях между Божественными Лицами Пресвятой Троицы. Это имело прямое отношение к антропологической сущности человека, ибо человек, по православному вероучению, был сотворен по образу Божию. Соответственно, его личностные качества, как метафизи-

зическая основа были присущи изначально человеку – самосознание, свобода, любовь, творчество и лишь проявлялись в отношениях между людьми, в молитвенных и литургических отношениях с Богом.

Иная ситуация складывалась в Западной Церкви православия. На представления о личностных свойствах человека там оказали взгляды блж. Августина, предложившего по аналогии с Лицами Бога Пресвятой Троицы тройственность свойств в человеке – ум, память и волю. Способности «знать, быть, хотеть» олицетворяли для этого мыслителя образ Пресвятой Троицы в человеке как образ Божий. Принципиальным отличием западного взгляда на человека от христианского Востока было то, что образ Божий на Востоке являл себя не в человеческих отношениях, а в способностях человека, как выражение его природы. Личность имела своим онтологическим проявлением таланты.

Рассматриваемая проблематика обусловлена тем, что сегодня все более остро ощущается необходимость обширного и точного ответа на вопрос о понимании личности и личностного бытия человека. И обширное наследие в этом контексте российского религиозного философа Г.С. Сковороды дает благодатный материал для исследования истоков личностных идей в русской философской мысли. Мыслитель создал философское учение о духовном сердце в составе «внутреннего человека», при этом разделяя понятия физическое, телесное сердце и сердце вечное. Само

стремление к Богу, благу и совершенству, идеалам земного бытия, обуславливается чистотой духовного сердца, как проявлением нахождения в душе образа Божия. Именно соблюдение нравственных заповедей рождает духовное совершенство и целостность его личностных проявлений, создавая гармонию тела, души и духа. В таком внутреннем преображении и проявляется «истинный человек», его подлинная личность, а «внешняя наружность человека есть носимая им маска»¹. Главной онтологической особенностью этой мировоззренческой системы являлась способность бытия человека влиять путем проникновения себя в «свой центр» и «сердечную бездну» и последующего акта самопознания на бытие в целом всей вселенной. Этот процесс самопознания имеет мистический, хотя и позитивный в своём целеполагании характер, базирующийся на уверенности человека в возможности прямого обращения к Богу как проявлению скрытой в мире духовности с последующим преобразованием собственной жизни. Человек обнаруживает, познавая своё сердце, истинное личное место в жизни и предназначение его бытия в мире и, видит целесообразность и истинный смысл собственного существования. Смысл этот состоит в актуализации человеческих способностей, как земного, так и духовного плана. Соответственно, духовные способности развиваются оптимизмом самопознания, приводящим к «обрете-

¹ Сковорода Г.С., Сочинения: в 2 т. - Т. 1. - М.: Издательство Мысль, 1973. - С. 142.

нию Божественной силы», и трансцендентного опыта личной молитвы.

Литература

1. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. - М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
2. Сковорода Г.С., Сочинения: в 2 т. - Т. 1. М.: Мысль, 1973. – 511 с.
3. Сковорода Г.С., Сочинения: в 2 т. - Т. 2. М.: Мысль, 1973. – 486 с.
4. Сковорода Г.С., Сочинения: в 2 томах. — Киев: АН УССР, 1961. – 428 с.
5. Барабаш Ю.Я., «Знаю человека». Григорий Сковорода: Поэзия. Философия. Жизнь. – М.: Художественная литература, 1989. – 339 с.
6. Вадим (Леонов), прот. Основы православной антропологии. – М.: Московская патриархия РПЦ, 2013. – 456 с.
7. Ковалинский М.И., Жизнь Григория Сковороды // Сковорода Г.С. – Сочинения: в 2 т. Т. 2. - М.: Мысль, 1973. – 486 с.
8. Философия: Учебник для вузов // Учение Г.С. Сковороды. — М.: Норма, 2005. – 673 с.
9. Эрн В.Ф., Г. Сковорода. Жизнь и учение // Эрн В.Ф. Борьба за Логос. - М.: АСТ, Харвест, 2000. – 592 с.
10. Яковенко Б.В., История русской философии. – М.: Республика, 2003. – 510 с.

Title of the article: The concept of personality in the philosophical and artistic heritage of the Russian thinker G.S. Skovoroda (1722-1794)

Sizintsev P.V.

МРПАА

The article is devoted to analysis of philosophical and artistic heritage of the Russian philosopher G.S. Skovoroda philosophical understanding of all the elements of his works and creations (attraction of the sources of trends in thinking, evaluation, applied ideas, critical analysis of his ideas from the standpoint of positivism, empiricism, rationalism, and pantheism). The author conducted a historical and critical review of the concept of the importance of personality in the philosophical system of G.S. Skovoroda.

Keywords: Personality, empiricism, absolutism, rationalism, pantheism, the historical-critical methodology, epistemology, existence, morality, idealism.

References

1. Losev A.F. Philosophy. Mythology. The culture. - M.: Politizdat, 1991. -- 525 p.
2. Skovoroda G.S., Works: in 2 vols. -- T. 1. M.: Thought, 1973. - 511 p.
3. Skovoroda G.S., Works: in 2 vols. -- T. 2. M.: Thought, 1973. - 486 p.
4. Skovoroda G.S., Works: in 2 volumes. - Kiev: AN USSR, 1961. -- 428 p.
5. Barabash Yu.Ya., "I know a person". Grigory Skovoroda: Poetry. Philosophy. A life. - M.: Fiction, 1989. - 339 p.
6. Vadim (Leonov), Prot. Fundamentals of Orthodox anthropology. - M.: Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 2013. -- 456 p.
7. Kovalinsky MI, Life of Gregory Frying Pan // Frying pan G.S. - Works: in 2 vols. T. 2. - M.: Thought, 1973. - 486 p.
8. Philosophy: Textbook for universities // Teaching G.S. Pans. - M.: Norma, 2005. -- 673 p.
9. Ern V.F., G. Skovoroda. Life and doctrine // Ern V.F. The fight for the Logos. - M.: AST, Harvest, 2000. -- 592 p.
10. Yakovenko BV, History of Russian philosophy. - M: Republic, 2003. -- 510 p.

Близость ценностных ориентаций супругов в брачной паре и факторы ее определяющие

Карпова В.М., Марушкина Д.В.

На основе данных одновременного опроса супружеских пар в статье приводится анализ степени схождения ценностных ориентаций супругов в брачной паре. Отмечается наличие значимых отличий в мнениях супругов и проводится исследования факторов, оказывающих влияние на степень близости взглядов. Результаты представленного анализа говорят о значимом влиянии возраста супружеской пары, то есть принадлежности к более молодому или старшему поколению на степень близости их представлений о ценности семьи и семейно-детного образа жизни. Близость социально-демографических характеристик супругов также оказывает положительное влияние на степень соответствия их ценностных ориентаций, однако влияние этих факторов оказалось меньшим по сравнению с принадлежностью к различным поколениям.

Ключевые слова: ценностные ориентации, ценность семьи, семейно-детный образ жизни, супружеская пара.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №18-011-01037

В современном обществе все чаще возникает практика разводов супругов. Многие авторы отмечают, что развод – это объективно существующее явление нашего общества¹, что подтверждается статистическими данными. Так, например, в России по данным Росстата в 2017 году было зафиксировано 611436 разводов, то есть на одну тысячу человек приходится 4,2 развода. Конечно, это не самое большое количество разводов, которое существовало в России (самое большое количество разводов за период с 1950 по 2017 гг. было отмечено в 2002 году, оно составило 5,9 единиц на тысячу человек), и, если смотреть статистику разводов в течение с 2000 по 2017 год, то это окажется чуть ли не самое маленькое число, однако если сравнивать с 1950 годом (0,5 единиц развода на 1000 человек), то разница будет очевидна². Стоит отметить, что причинами разводов зачастую становятся как раз недопонимание в семье, конфликты между супругами и измены. На основе данных опроса, проведенного Всероссийским цен-

¹ Воронина Т.Д. Развод как социальный феномен в современной России: причины // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2011. – №1 (13). – С. 21-31.

² Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения 21.01.19).

тром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), можно увидеть, что измена как причина для развода выделяется у 14% опрошенных, эгоизм – у 13%, несовпадение характеров – у 12%, бытовые проблемы – у 7%. Также данные показывают интересную закономерность: в целом если рассматривать феномен разводов, то сегодня большинство россиян считают разводы вполне допустимыми¹, что является плачевным фактором².

Статистика, исследования, житейская практика каждого человека позволяет рассматривать сегодня развод как распространенное, «нормальное» явление, которому не приходится удивляться³. Зачастую причинами разводов становятся несовпадение характеров, подразумевающее под собой различие мнений супругов в том, как строить, организовывать семейную жизнь. Поэтому на данный момент важным направлением в социологии семьи становится изучение сходств и различий мнений супругов.

Очевидным фактом является то обстоятельство, что все люди по-разному смотрят на жизнь и по-разному воспринимают происходящее вокруг. Как можно заметить, в повседневной жизни людям зачастую сложно найти общий язык как раз в следствии того, что они имеют различное мировоззрение. В семейной жизни без этого также не обойтись, поскольку каждый из супругов уже

обладает своим определенным комплексом ценностей, норм и взглядов, сформированным в нем в процессе социализации до вступления в брак. Такое несовпадение ценностных ориентаций, самой системы ценностей может приводить к глубинной дестабилизации брачного союза⁴, в связи с невозможностью разрешения ценностного конфликта единственно взаимодействием на уровне соглашений и переговоров. В связи с этим становится актуальной и важной тематика исследования факторов, способствующих снижению числа семейных конфликтов, а также помогающих разрешению уже сложившихся дисфункциональных паттернов взаимодействия⁵.

Исследования семейных конфликтов, возникающих между супругами и происходящих в связи с различием ценностных ориентаций и установок супругов, показывают, что основания провоцирующие разногласия и споры между супругами могут быть весьма разнообразны. Среди наиболее очевидных факторов, которые могут оказывать значимое влияние на взгляды супругов в брачной паре, можно отметить: опыт социализации, то есть семью, в которой каждый из супругов родился и вырос. Она играет самую главную роль в формировании ценностных установок, поскольку является агентом первичной социализа-

¹ Синельников А.Б. Ссубъективные причины развода: данные исследования. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017;23(3):116-139.

² Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115312> (дата обращения 21.01.19).

³ там же. – С. 23.

⁴ Трофимова Ю.В. Динамика ценностно-смысловых составляющих образа мира супругов в процессе становления семейных отношений : автореферат дис. ... кандидата психологических наук : 19.00.01 / Барнаул. гос. пед. ун-т. - Барнаул, 2002.

⁵ Варга А.Я., Дробкина Т.С. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. – СПб.: 2001

ции личности. Более того, родительская семья и ценности родителей могут оказывать влияние на взгляды супругов уже и во взрослом возрасте. Здесь примером может служить та часто распространенная практика, когда родители пытаются повлиять на своего уже взрослого ребенка, который находится в браке, при помощи различных советов.

Похожее, но зачастую меньшее влияние могут оказывать на индивидуума его **близкое окружение в лице знакомых, друзей, коллег, преподавателей** и так далее, которые являются агентами вторичной (внеfamilial) социализации. В течение нашей жизни мы сталкиваемся с большим количеством разного рода людей, кто-то становится для нас близким, кто-то нет, но в любом случае, мысли этих людей, жизненные позиции, взгляды, оставляют след на нашем мировоззрении.

Религия также оказывает влияние на формирование некоего взгляда на жизнь у людей, в том числе и на семейные отношения. Но, конечно, при условии, что супруги придерживаются какого-либо вероисповедания, то есть важен сам факт религиозности человека и ее степени.

Национальность и этничность супругов напрямую влияет на их взгляды, поскольку исходя именно из данных факторов люди рождаются и воспитываются в той или иной культуре, с детства впитывая в себя все тонкости и нюансы своей национальной и этнической принадлежности. Широко известно, что в

разных культурах могут быть совершенно противоположные взгляды даже на простые быденные вещи, в том числе и на семейный образ жизни.

Исследования динамики ценностных ориентаций супругов в брачной паре показывают, что в более благополучных парах ценностные ориентации со временем сближаются за счет сохранения ценностей, разделявшихся изначально и за счет эффекта «заражения» ценностями супруга, в тех сферах, где изначально взгляды супругов не совпадали. В то время как различие, удаление ценностных ориентаций в большей степени свойственно дисфункциональным, в целом менее благополучным семьям¹. Таким образом целью исследования должно быть, как собственно близость или удаленность взглядов супругов, так и факторы, способствующие сближению их ценностных установок. Знания о таких закономерностях может послужить основой для формирования логики и методологии, в том числе и социальной работы с неблагополучными семьями, направленной в первую очередь на их стабилизацию и сохранение.

Близость супругов в данной работе подразумевает под собой как духовный, так и физический аспект, поскольку, находясь во взаимосвязи, они составляют одну из частей психологического благополучия семьи, которое в свою очередь обеспечивает стабильность семьи, ее адаптивность к изменяющимся условиям существования и удовле-

¹ Крапивка И.А. Ценностные ориентации в семейной жизни // Теория и практика общественного развития. 2010. №4. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-v-semeynoy-zhizni> (дата обращения: 02.10.2019).

творенность членов семьи внутри-семейным взаимодействием и отношениями¹.

Специфическими факторами, которые способны оказать наибольшее влияние на сходство или сближение взглядов партнеров в паре, с нашей точки зрения, могут выступить следующие позиции:

- **Длительность брака.** Широко известно, что чем дольше люди контактируют, взаимодействуют, живут друг с другом, тем крепче становятся их отношения, поскольку приобретаются различные общие области феноменов, которые соединяют людей невидимой связью. Длительная совместная супружеская жизнь меняет даже психологию человека, его восприятие действительности и то, как он смотрит на окружающий мир, причем меняются даже незначительные вещи в человеке.

- **Наличие одного или нескольких детей.** Как мы уже говорили ранее, появление ребенка в семье – это специфический момент в жизни супругов, провоцирующий кризисную ситуацию в семье. Однако преодоление и разрешение этого семейного кризиса приводит к сплочению и укреплению семьи. Поскольку ребенку нужно уделять много внимания и времени, причем как со стороны матери, так и отца, то между супругами происходит некое сближение на фоне заботы о своем чаде.

¹ Хитрина И.Ю. Внутрисемейное взаимодействие в психологически благополучной семье : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. психолог. наук (19.00.05) / Хитрина И.Ю. ; Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб. : 2008. [Электронный ресурс] // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15870638> (дата обращения 28.02.2019).

- **Уровень образования** также имеет свое влияние на близость взглядов партнеров. Когда люди имеют одинаковое образование, то между ними возникает меньше недопонимания и разногласий, поскольку их мировоззрение и мышление было сформировано в относительно равных условиях. Это доказывают как зарубежные², так и отечественные исследования. Так, например, Зиченко Д.И. и Лукьянова А.Л. на основании проведенного исследования, утверждают, что в России чаще встречаются семьи, в которых оба супруга имеют одинаковый уровень образования³. Кроме этого, они говорят о том, что для таких партнеров характерен более низкий уровень разводов, что свидетельствует об удовлетворенности супругов браком.

- **Возраст.** В данном аспекте рассматривается скорее не отдельно возраст каждого из супругов, а возраст пары в целом, то есть среднее значение возраста мужа и жены. С нашей точки зрения, чем больше данный возраст, тем ближе взгляды супругов. Кроме этого, важен также факт близости возраста супругов, то есть если они из одной возрастной категории, то им легче найти общий язык, прийти к единому мнению, поскольку они смотрят на жизнь с одного и того же ракурса, который сформировался в зависимости от количества прожитых лет.

² Mare R. Five Decades of Educational Assortative Mating // *American Sociological Review*. – 1991. – №56. – Pp. 15-32.

³ Зиченко Д.И., Лукьянова А.Л. Ассортативность браков по образованию и неравенство доходов // *Экономический журнал ВШЭ*. – 2018. – №2. – С. 176.

• **Интимные отношения.** «Многие современные супруги считают полноценную сексуальную жизнь одним из условий прочного и счастливого брака»¹, с данным высказыванием сложно поспорить, поскольку действительно интимная жизнь играет одну из важнейших ролей в семейных отношениях, но кроме этого она в современном обществе довольно значима и в добрачный период отношений. В семейных отношениях, регулярная, активная, разнообразная сексуальная жизнь приводит к оптимальной суммации эротических ощущений, оргазму и полному психосексуальному удовлетворению супругов², что в свою очередь предполагает гармоничные отношения между мужем и женой. Данное обстоятельство однозначно влияет на близость между супругами, формируя положительный психоэмоциональный фон, способствующий их сближению во многих позициях и взглядах на жизнь.

Оценка степени влияния данных факторов на близость взглядов и ценностных ориентаций супругов явилась основной целью представленного исследования. В ходе него был произведен анализ взглядов супругов в брачной паре, а именно анализ тех факторов, которые могут влиять на близость, схожесть супругов во мнениях на различные аспекты жизни, в том числе и на семью.

В качестве базы данных для анализа были использованы данные, которые представляли собой ре-

зультаты парного опроса, проводившегося на кафедре «Социологии семьи и демографии» МГУ им. М.В. Ломоносова в 2018 году в рамках проекта «Межрегиональное исследование жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 – 2020гг.)». Опрос проходил в г. Москве и других регионах Российской Федерации (Московская, Тверская, Владимирская область) в форме личного интервью обоим супругам, а также интернет-опроса.

Выборка составила 662 человека (331 пара). Сбор данных производился среди брачных пар в возрасте от 18 лет до 71 года. Стоит отметить, что в итоге выборка оказалась достаточно молодой, ее средний возраст составил приблизительно 31 год. Доля состоящих в зарегистрированном браке пар составила 47,4%, соответственно тех, кто еще официально не зарегистрировал свои отношения оказалось 52,6%. Среди респондентов у 33,3% мужчин и 34,5% женщин имелись дети. Разница в значениях между ответами мужчин и женщин обусловлена тем, что как одни, так другие, могли иметь детей ранее, то есть до тех отношений, во время которых они находились в момент опроса.

Важно отметить, что в данном исследовании в качестве единицы анализа рассматривается не отдельный индивид, а именно семейная пара, представляющая собой

¹ Белогай К.Н. Психологические задачи брака и факторы стабильности супружеских отношений // Вестник КемГУ. – 2010. – №3. – С. 23.

² Там же С. 21-26.

единое целое¹. Сделанное замечание особенно важно поскольку, исследуя близость взглядов супругов в брачной паре, ключевым моментом является то, как пара смотрит на те или иные вещи и какие в паре есть различия во мнениях между мужем и женой, являются ли эти отличия на самом деле значимыми.

Для анализа был использован блок вопросов о жизненных ценностях респондентов, состоявший из списка 15 ценностей, которые респондентам необходимо было проанализировать по степени важности лично для них. В качестве факторов близости взглядов супругов были использованы следующие характеристики супружеской пары:

- Возраст супругов (средний возраст пары, сведенный в три возрастные группы);
- Длительность брака (не более года, 2-5 лет, свыше 5 лет);
- Образование супругов (оба супруга с высшим образованием, у одного из супругов есть высшее, оба без высшего);
- Степень религиозности супругов (оба религиозные, только один религиозный, оба не религиозные);
- Количество детей в семье (бездетные, 1 ребенок, 2 детей, 3 и более детей).

Методология анализа включала в себя расчет абсолютной разницы рангов в ответах мужей и жен. Которые впоследствии сравнивались среди пар с различными значени-

ями выделенных социально-демографических факторов. Статистический анализ был проведен при помощи t-критерия Стьюдента, а также однофакторного дисперсионного анализа с последующим парным сравнением ответов респондентов разных групп с использованием поправки Бонферрони на множественные сравнения.

В следующей таблице приведены значения средних рангов для каждой из ценностей, включенных в анкету, в зависимости от пола респондента, а также указана средняя величина абсолютной разницы рангов.

Наиболее важными для большинства участников исследования (таблица 1) являются ценности здоровья и семьи (средний ранг 3,39 и 4,14 соответственно). Полученные результаты хорошо соотносятся с данными многочисленных опросов общественного мнения, где здоровье и семья называются как наиболее важные аспекты жизни². Обращает на себя внимание тот факт, что все остальные ценности отстают от двух наиболее важных как минимум на 2-3 места, причем впоследствии между оставшимися ценностями не наблюдается больше столь значительных отличий в средних рангах. Другими словами, можно утверждать, что в жизни людей есть два наиболее существенных сферы: здоровье и семья, в то время как все остальное выступает лишь фоном, второстепенным окружением двух главных драйверов.

¹ Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). – М.: 1998

² Например: Жизненные приоритеты россиян: семья, деньги или творчество? Пресс-выпуск ВЦИОМ №3391 | 07 Июня 2017.

<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1618>; Что такое счастье? Результаты опроса ФОМ: «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 7 октября 2018 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14129>

Таблица 1

Близость взглядов супругов на разные стороны жизни. (Средние значения абсолютной разницы между ответами мужей и жен, средний ранг по всей выборке и в зависимости от пола)

Сторона жизни	Средний ранг по выборке	Пол		Средняя абсолютная разница
		Мужской	Женский	
Здоровье	3,39	3,51	3,26	2,86
Семья, дети, заботливые близкие	4,14	4,32	3,97	3,48
Душевное благополучие, согласие с собой, забота о спасении души	6,68	7,34	6,02	4,59
Свобода и самостоятельность в жизни	6,75	6,35	7,15	4,39
Интересная работа	7,03	7,00	7,06	3,93
Возможность занятий по душе, духовного развития, творчества	7,31	7,46	7,16	3,71
Материальное благополучие, заработок, достаток	7,35	6,99	7,72	3,98
Возможность путешествовать, ездить без ограничений	7,73	7,90	7,57	4,47
Верные и надежные друзья, общение	8,11	8,06	8,15	3,84
Спокойная, безопасная жизнь	8,12	8,54	7,71	4,16
Уважение, благодарность других людей	9,21	9,22	9,21	3,54
Физическая сила	10,19	9,92	10,46	4,20
Веселая, полная удовольствия и приключений жизнь	10,61	10,46	10,77	3,93
Высокий статус, положение в обществе, карьера	11,54	11,16	11,92	3,27
Деньги в неограниченном количестве	11,82	11,78	11,86	3,05

Примечание: жирным шрифтом выделены статистически значимые отличия в ответах мужчин и женщин.

Источник данных: результаты расчетов на основе данных «Межрегионального исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 – 2020гг.)».

Сравнение ответов мужчин и женщин выявило, что в то время как для мужчин более актуальны «свобода и самостоятельность в жизни», «материальное благополучие» и «высокий статус, положение в обществе, карьера», женщины чаще на более высокие места ставят такие ценности как «душевное благополучие, согласие с собой, забота о спасении души» и «спокойная, безопасная жизнь».

Важно отметить, что даже в случае достаточно близких средних значений рангов среди мужчин и женщин анализ абсолютной разницы показы-

вает наличие существенных различий во мнениях, составляющую до 3-4 мест в ранжировании. В данном случае именно благодаря расчету средней абсолютной разницы рангов результаты иллюстрируют степень близости мнений супругов независимо от того, для кого из них конкретная ценность более важна.

Только при оценке важности здоровья супруги продемонстрировали достаточно большое совпадение мнений (минимальная средняя абсолютная разница), в то время как ценность семьи и заботливых близких уже достаточно сильно отличается между супругами (средняя разница

рангов 3,48). Аналогично результатам t-теста проведенного для сравнения ответов мужчин и женщин, ответы мужей и жен в паре наиболее отличаются в оценке ценности «душевного благополучия», «возможности путешествовать» и «свободы и самостоятельности в жизни».

Анализ взаимосвязи степени близости взглядов супругов в зависимости от социально-демографических характеристик супружеской пары, выявил, что единственной стороной жизни, на которую бы оказывали влияние все выбранные нами факторы оказалась «семья, дети, заботливые близкие» (Рисунок 1 и рисунок 2). Взаимосвязи факторов с другими самыми важными сторонами жизни такими как «здоровье», «душевное благополучие, согласие с собой, забота о спасении души» и «самостоятельность в жизни» и выявлено не было.

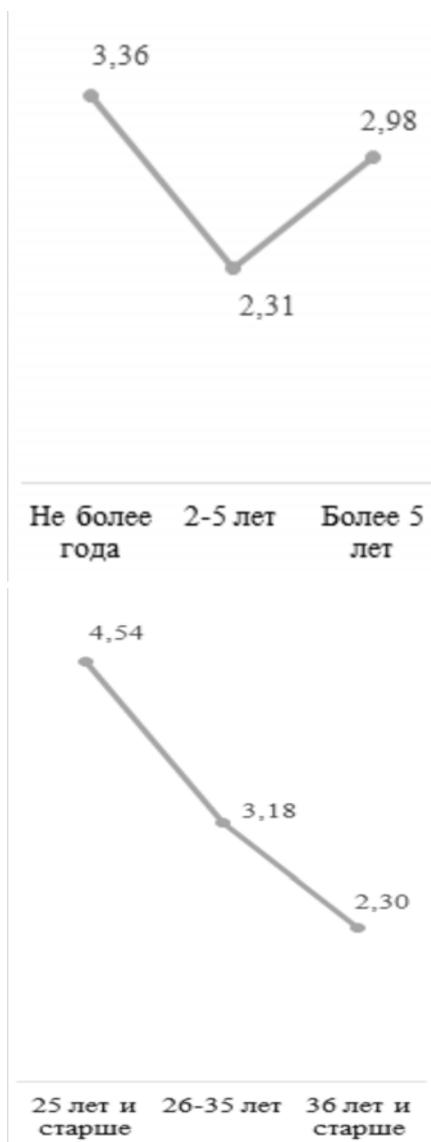
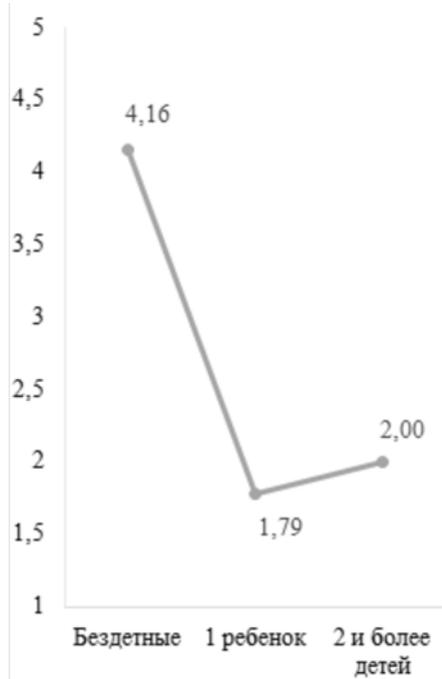

Рисунок 1. Близость взглядов супругов относительно места семьи в системе жизненных ценностей в зависимости от «числа детей», «длительности брака» и «возраста пары», средние значения
 Источник данных: результаты расчетов на основе данных «Межрегионального исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 – 2020гг.)».

Однофакторный дисперсионный анализ показал, что существует статистически значимые различия в степени близости взглядов супругов в зависимости от числа имеющих детей ($F(2, 297)=15,75, p < 0,001$), причем отличия наблюдаются между бездетными семьями и теми, у кого есть хотя бы один ребенок. Наличие двух детей не приводит к статистически значимому изменению в близости взглядов. Наиболее близки взгляды однопородных родителей, а наиболее далеки – бездетных супругов.

При рассмотрении влияния фактора «длительно брака» также было установлено наличие статистически значимых отличий ($F(2, 322)=10,24, p < 0,001$), причем максимальная близость мнений мужа и жены проявляется при нахождении их в брачных отношениях свыше пяти лет.

Что касается «возраста пары», то при изучении влияния данного аспекта на взгляды супругов, было замечено усиление близости взглядов супругов по мере того, как они становились старше (брака) также было установлено наличие статистически значимых отличий ($F(2, 315)=13,29, p < 0,001$). То есть, минимальная разница в мнениях супругов наблюдалась в парах среднего возраста которых был от тридцати шести лет и старше, а максимальная – до двадцати пяти лет.

Взгляды супругов в зависимости от их религиозности (Рисунок 2) являются наименее близкими, если один из супругов придерживается религиозной ориентации, а другой нет ($F(2, 319)=10,41, p < 0,001$). Максимальная близость прослеживается в том случае, когда оба супруга религиозные. Данный факт соответствует утверждению, что религия оказывает одно из самых сильных

влияний на формирование ценностных установок индивидов. Если один из супругов имеет религиозный взгляд на жизнь, а другой нет, то естественным образом это порождает некоторые различия во взглядах и установках.

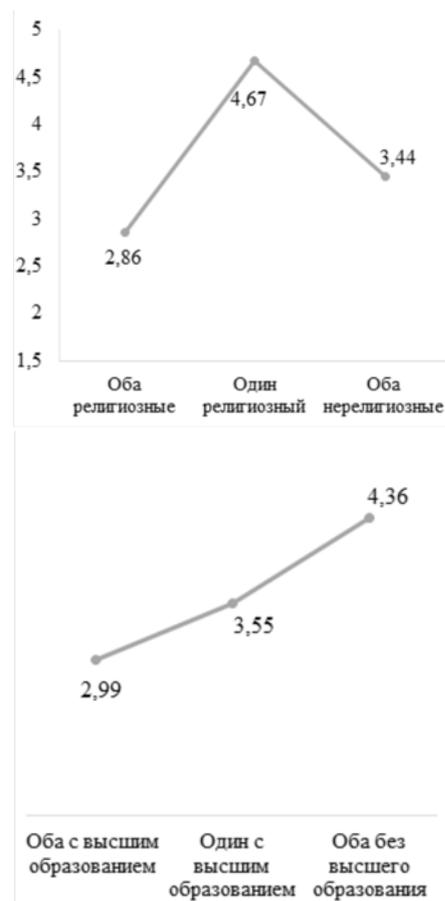

Рисунок 2. Близость взглядов супругов относительно места семьи в системе жизненных ценностей в зависимости от «религии» и «образования», средние значения

Источник данных: результаты расчетов на основе данных «Межрегионального исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 – 2020гг.)».

Что касается «образования», то тут также прослеживаются статистически значимые отличия в степени близости взглядов супругов ($F(2, 319)=4,88, p = 0,008$). Попарные сравнения показывают, что при наличии у обоих супругов высшего образования близость во взглядах максимальная, а наибольшее расхождение взглядов отмечается у пар, в которых оба супруга не имеют высшего образования.

Одной из гипотез исследования было предположение о доминирующем влиянии возраста респондентов на другие характеристики, что могло привести к тому, что наблюдаемые отличия были обусловлены именно принадлежностью к различным возрастным группам, различным поколениям, а не влиянием других характеристик пары. Для проверки наличия такой взаимосвязи был проведен двухфакторный дисперсионный анализ, где исследовалось взаимодействие переменной средней возраст супругов и других рассматриваемых характеристик пары. Результаты анализа показали, что независимо от возраста супругов влияние и религиозности, уровня образования, наличия и числа детей в семье, а также длительности брака остается практически неизменным (все F-статистики для интеракции показателей оказались статистически незначимыми). Таким образом мы можем утверждать, что влияние выделенных характеристик пары на степень близости взглядов между супругами не зависит от возраста супругов. Однако в целом более старшие поколения характеризуются большей близостью взглядов, чем более молодые.

Тем не менее, несмотря на отсутствие статистически значимого взаимодействия можно отметить, что влияние возраста пары на степень близости их взглядов более сильное, чем влияние других характеристик. Так при исследовании двухфакторных моделей только в случае рассмотрения религиозности были сохранены отличия между супружескими парами, где оба супруга религиозные и теми, где только один из супругов религиозен. В остальных случаях влияние фактора возраст пары оказывалось более сильным и объясняло большую долю межгрупповой дисперсии.

Рассматриваемая проблематика является крайне важной и значимой в современном обществе, поскольку позволяет понять многие процессы и явления, которые происходят в сфере семьи и демографии. Однако на данный момент она находится только на начальной стадии изучения в рамках социологической науки.

Важнейшим аспектом изучения взглядов супругов в брачной паре является то, какие имеют мнения супруги о семье в целом, как жизненной категории, какие ценности для них значимы, какие представления существуют по поводу того, как устраивать свою семейную жизнь. Особенно ценно, когда в той или иной паре супруги имеют схожие мнения, а значит, имеют минимальное количество точек их столкновения, которые могут привести к отрицательным последствиям для семьи как для малой группы.

Обнаруженное влияние возраста пары на близость взглядов в ней и отсутствие взаимосвязи данного параметра с длительностью брака является важным для дальнейшего

исследования, так как может быть интерпретировано как в целом большая близость ценностных ориентаций, сплоченность более старших поколений, при достаточно высокой разобщенности и неоднородности во взглядах более молодых людей. Исследование этой гипотезы в рамках анализа ответов супругов особенно ценно, так как позволяет выявить общую тенденцию более молодых супружеских пар к меньшему совпадению во взглядах, большей вариативности. Будет ли она преодолена или придет к нарастанию кризиса брачно-семейных отношений и ослаблению единства супружеских пар могут показать дальнейшие исследования в данном направлении.

Взаимопонимание, взаимоуважение, любовь – те идеалы семейного образа жизни, к которым должна стремиться любая супружеская пара. Бесспорно, их достичь не так просто, как кажется на первый взгляд, поскольку тяжело в современном мире найти себе «подходящего» человека, что обусловлено множеством барьеров, в том числе: уникальностью личностного склада человека; давлением социума, который побуждает личность к преждевременному поиску потенциального брачного партнера; неэффективными стратегиями поведения, используемыми в период поиска партнера; семьей, которая может создавать обстоятельства, препятствующие браку и т.д.¹ Но все же основополагающим барьером являются те ценности и представления человека, формируемые в нем в процессе социализации, в котором

главным его агентам выступает родительская семья, тесно связанная с любым человеком на протяжении всей его жизни.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что за то состояние, в котором находится современный институт семьи и брака, ответственна, как это не иронично звучит, сама «семья». Зародившееся либеральное сознание в XVII веке, весьма масштабно охватило людей, которые потеряли впоследствии традиционные семейные ценности. Потерялась и, так называемая, самоценность семейного образа жизни. Как мы можем видеть, большинство людей стремятся к холостяцкому существованию, с минимумом ответственности за других людей и максимумом концентрации внимания на собственной персоне.

Однако, не будем забывать того факта, что все-таки семья способствует удовлетворению многих потребностей человека, она ему жизненно необходима, поэтому можно выразить надежду на то, что существующий в обществе институциональный кризис семьи и брака будет преодолен. И это подтверждают полученные в ходе исследования результаты. Семья для современных людей, несмотря на существующий институциональный кризис, пока еще играет важную роль в их жизни, являясь одной из самых важных ее составляющих. Тем не менее те же полученные результаты подтвердили негативное проявление изменений традиционных семейных ценностей, постепенное ослабление ценности семьи и разобщение супругов в более молодых поколениях.

¹ Елизаров А.Н. Психологическое консультирование семьи. – М., 2004.

Что касается самого значимого аспекта данной работы – факторов сходства взглядов супругов в брачной паре, то в целом было выявлено, что наибольшее влияние на близость взглядов партнеров относительно семейных ценностей имеют средний возраст супругов, число детей в семье, схожесть религиозных взглядов супругов и их уровень образования, а также длительность брачного союза.

Таким образом, были выявлены социально-демографические характеристики семьи, которые действительно взаимосвязаны со степенью близости взглядов супругов и их ценностными ориентациями. Однако некоторые из полученных зависимостей носили неоднозначный характер, а также использованная методология исследования не позволяет выделить причинно-следственные связи, а лишь указывает на наличие взаимосвязи между показателями. Это дает широкое поле для дальнейших исследований и научных поисков, поскольку, обладая точной информацией о том, что способно изменить мнения людей, возможно разработать научно обоснованную стратегию работы с семьей по ее укреплению, эмоциональному сближению супругов и сохранению семьи и как малой группы, и как социального института в дальнейшем.

Литература

1. Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). – М.: 1998.
2. Белогай К.Н. Психологические задачи брака и факторы стабильности супружеских отношений

// Вестник КемГУ. – 2010. – №3. – С. 23.

3. Варга А.Я., Драбкина Т.С. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. – СПб.: 2001.

4. Воронина Т.Д. Развод как социальный феномен в современной России: причины // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2011. – №1 (13). – С. 21-31.

5. Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115312> (дата обращения 21.01.19).

6. Елизаров А.Н. Психологическое консультирование семьи. – М., 2004.

7. Жизненные приоритеты россиян: семья, деньги или творчество? Пресс-выпуск ВЦИОМ №3391 | 07 Июня 2017. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1618>

8. Зинченко Д.И., Лукьянова А.Л. Ассортативность браков по образованию и неравенство доходов // Экономический журнал ВШЭ. – 2018. – №2. – С. 176.

9. Крапивка И.А. Ценностные ориентации в семейной жизни // Теория и практика общественного развития. 2010. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsenno-stnye-orientatsii-v-semeynoy-zhizni> (дата обращения: 02.10.2019).

10. Синельников А.Б. Ссубъективные причины развода: данные исследования. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017;23(3):116-139.

11. Трофимова Ю.В. Динамика ценностно-смысловых составляю-

щих образа мира супругов в процессе становления семейных отношений: автореферат дис. ... кандидата психологических наук : 19.00.01 / Барнаул. гос. пед. ун-т. - Барнаул, 2002.

12. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения 21.01.19).

13. Хитрина И.Ю. Внутрисемейное взаимодействие в психологически благополучной семье : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. психолог. наук (19.00.05) / Хитрина И.Ю. ; Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб. : 2008. [Электронный ресурс] // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15870638> (дата обращения 28.02.2019).

14. Что такое счастье? Результаты опроса ФОМ: «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 7 октября 2018 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14129>

15. Mare R. Five Decades of Educational Assortative Mating // *American Sociological Review*. – 1991. – №56. – Pp. 15-32.

The proximity of the value orientations of spouses in a married couple and its determining factors

Karpova W.M., Marushkina D.V.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Based on data from a simultaneous survey of married couples, the article analyzes the degree of similarity of the spouses' value orientations in a married couple. Significant differences in the opinions of spouses are revealed and investigation of factors that influence the degree of closeness of views are carried out. The results of the analysis presented indicate a significant influence of the married couple mean age that is, belonging to a younger or older generation

on the degree of closeness of their family values and ideas about family-child lifestyle. The proximity of the socio-demographic characteristics of the spouses also has a positive effect on the degree to which their value orientations match, but the influence of these factors turned out to be less in comparison with belonging to different generations.

Key words: value orientations, family value, family-child lifestyle, married couple.

References

1. Antonov A.I. *Microsociology of the family (methodology for the study of structures and processes)*. - M.: 1998.
2. Belogay K.N. Psychological problems of marriage and stability factors of marital relations // *Bulletin of KemSU*. - 2010. - No. 3. - S. 23.
3. Varga A.Ya., Drabkina T.S. *Systemic family psychotherapy. Short lecture course*. - SPb.: 2001.
4. Voronina T.D. Divorce as a social phenomenon in modern Russia: reasons // *Tomsk State University Journal. Tom. state un-that. Philosophy. Sociology. Political science*. - 2011. - No. 1 (13). - S. 21-31.
5. All-Russian Center for the Study of Public Opinion. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115312> (accessed 01/21/19).
6. Elizarov A.N. *Family psychological counseling*. - M., 2004.
7. Life priorities of Russians: family, money or creativity? VTsIOM Press Release No. 3391 | June 07, 2017. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1618>
8. Zinchenko D.I., Lukyanova A.L. Assortivity of marriages by education and income inequality // *HSE Economic Journal*. - 2018. - No. 2. - S. 176.
9. Krapivka I.A. Value orientations in family life // *Theory and practice of social development*. 2010. No4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-v-semeynoy-zhizni> (accessed: 02.10.2019).
10. Sinelnikov A.B. Subjective reasons for divorce: research data. *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. 2017; 23 (3): 116-139.
11. Trofimova Yu.V. Dynamics of value-semantic components of the image of the world of spouses in the process of formation of family relations: abstract ... candidate of psychological sciences: 19.00.01 / Barnaul. state ped un-t - Barnaul, 2002.
12. Federal State Statistics Service. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat>

- _main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (accessed 01/21/19).
13. Khitrina I.Yu. Intrafamily interaction in a psychologically prosperous family: abstract. dis. for a job. scientist step. Cand. psychologist. Sciences (19.00.05) / Khitrina I.Yu. ; St. Petersburg State University. - SPb. : 2008. [Electronic resource] // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15870638> (accessed February 28, 2019).
 14. What is happiness? FOM survey results: "FOMnibus" - a survey of citizens of the Russian Federation from 18 years and older. October 7, 2018 53 subjects of the Russian Federation, 104 settlements, 1,500 respondents. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14129>
 15. Mare R. Five Decades of Educational Assortative Mating // American Sociological Review. - 1991. - No. 56. - Pp. 15-32.

Понятие жизненного цикла семьи и особенности его типологизации в работах отечественных ученых с привлечением исследовательских данных

Ляликова С.В.

В статье раскрывается понятие жизненного цикла семьи сквозь призму концепций отечественных ученых, а также описываются основные демографические события, положенные в основу широкого спектра типологий, дифференцирующих семейный цикл жизни полных семей жизни на фазы и стадии от момента создания до распада. Фокус статьи не ограничивается анализом теоретических аспектов изучаемой темы. Эмпирические данные знакомят читателя с важнейшими событиями, произошедшими в жизни респондентов. На основе полученных данных доказано, что семейные события, связанные со сменой статусных характеристик индивидов, играют значительную роль в жизни мужчин и женщин и отличаются у представителей, находящихся на разных этапах функционирования семьи.

Ключевые слова: семья, жизненный цикл семьи, линии жизни, стадии семейного цикла, фамилистическая школа.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №18-011-01037

¹ См. об этом: Антонов А.И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур в контексте социальных изме-

Кризисное состояние института семьи, связанное в институциональном аспекте со снижением посреднической роли семьи в контексте взаимодействия общества и личности, заставляет говорить о крахе фамилистической цивилизации,¹ основанной на традициях семейно-детного образа жизни, и требует качественным образом подходить к изучению особенностей становления и функционирования семейного цикла жизни с целью прогнозирования его дальнейшего развития и выявления ключевых особенностей, свойственных индивидам, находящимся на разных стадиях жизненного цикла семьи. Начиная изучение жизненного цикла семьи с зарубежных исследователей, практически сразу знакомимся с работами американского ученого П. Глика, который ввел в научный оборот термин «жизненный цикл семьи» в 1940-х годах П. Глик определил жизненный цикл семьи как понятие, «использующееся в отношении последовательности критических этапов, через которые проходит типичная семья ... таких,

нений и социального неравенства // Интернет-журнал Семья и демографические исследования. М.: РИСИ. 2014. URL: (Дата обращения: 10.09.2019)

как брак; рождение детей; дети, покидающие дом; период после ухода детей ... и окончательный распад брака после смерти одного из супругов»¹.

Что касается советской истории, то следует упомянуть Н.И. Воробьева, автора одной из первых демографических статей, посвященных анализу экономико-демографических связей вне и внутри семьи, анализу состава семьи и ее жизненного цикла, на основе переписных и статистических данных отметившего еще в 1925 г., что «перепись регистрирует семьи, находящиеся на разных периодах жизни»². Позднее, после восстановления в России статуса социологии³, многие исследователи обратили внимание на проблемы семьи и ее жизненного цикла, а также актуальность их исследования.

Существует множество дефиниций семьи, в наиболее известном из них, принадлежащем А.Г. Харчеву, под семьей понимается «исторически конкретная система взаимоотношений между родителями и детьми как малой группы, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения»⁴. Данное определение поддерживает социально-

психологическое единство и включает в себя критерий воспроизводства населения. Фамилистический подход задает более четкие рамки для содержательной трактовки семьи «основанной на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества-родительства-родства»⁵. Прочие фрагментарные и осколочные формы представители кризисной парадигмы определяют как семейные группировки, к которым относятся неполные семьи с детьми, супружеские пары, сожительствующие пары с детьми и др. Разнообразие семейных структур ставит перед исследователем задачу по классификации обширного числа разнообразных сочетаний семей с учетом их трансформации во времени. При введении параметра продолжительности семьи, брака, а также сопутствующих семейных событий, оказывающих влияние на структуру и состав семьи, следует переходить на новый уровень анализа, связанный с жизненным циклом семьи. Отмечается, что каждому этапу развития семьи соответствуют определенные условия существования и конкретная численность лиц, входящих в ее состав. Ленинградский исследователь А.В. Баранов писал, что человек за свою жизнь успевает прожить в трех семьях: первичной (родительская семья), вторичной (семья, созданная непосредственно индивидом) и третичной семье, или, иначе говоря,

¹Glick P.C. Updating the life cycle of the family. *Journal of Marriage and the Family*, Vol.39, 1977. P.5.

² Воробьев Н.И. Семья в Нерехте // *Вестник статистики*, 1925. №1-3.

³ См.подробнее: Осипов Г.В. Возрождение социологии в России. Как это было на самом

деле. *Социологические исследования*, № 6, 2008. С.5.

⁴ Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. Москва, 1979. С.75.

⁵ Антонов А.И., Медков В.М. *Социология семьи*. М.: Изд-во МГУ: «Братья Карич», 1996. С.66.

структуре, которая сохранилась после отделения детей при условии создания ими собственных семей¹.

В научной литературе существует широкий спектр концепций, исследующих особенности жизненного цикла семьи с учетом различных социально-демографических характеристик, в том числе возрастных особенностей ребенка. Однако, при использовании концепции жизненного цикла возможно сохранение единства объекта исследования (семьи), при исключении сосредоточенности на индивидуально-возрастных характеристиках членов семьи. Жизненный путь в зарубежной литературе «обычно соотносится с переплетением возрастнотраекторированных траекторий, таких, как карьера и семейная жизнь, подчиненных изменяющимся условиям и мнениям о будущем, а также с короткими периодами жизненных переходов, начиная от поступления в школу и кончая выходом на пенсию»². В рамках фамилистического подхода все неспецифические для семейного цикла аспекты образа жизни (т.е. внесемейные), но так или иначе связанные с периодом развития и функционирования семьи, не подлежат анализу. Не относятся к семейному циклу индивидуально-возрастные регулярности, неверно отождествление индивидуального цикла жизни с семейным, даже в случае, если он учитывает семейную фазу бытия.

В работе «Семья – объект демографии» А.Г. Волков рассматривает жизненный цикл семьи как «последовательность существенных в социальном и демографическом отношениях состояний, в которых находится семья с момента ее образования до того, как она прекратит свое существование»³. Среди значимых событий в социальном и демографическом плане автор указывает заключение брака, рождение детей, вступление в брак выросших детей, а также отделение или не отделение новообразовавшейся семьи от родительской. Н.М. Римашевская определяет жизненный цикл семьи как «последовательность ее состояний в демографическом и социальном отношении на непрерывной временной оси с момента образования до момента прекращения существования»⁴.

Стоит отметить, что изучение жизненного цикла личности «сопряжено с рядом семейных характеристик»⁵, которые зачастую включаются исследователями в жизненный цикл семьи. Однако, в случае определения жизненного цикла в качестве периодически сменяющихся друг друга демографических событий, применительно к личности данный подход оказывается некорректным. Это обусловлено тем, что человек проживает жизнь от момента рождения до смерти только один раз, соответственно большинство демографических событий случа-

¹ См. об этом: Баранов А.В. Городская семья и личность. Социальные исследования. Вып. 7. М. 1971. С.75-84.

² Ежов О.Н. Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии. Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Том VIII. № 3. С. 23.

³ Волков А.Г. Семья - объект демографии. Москва.: Мысль. 1986. С.226.

⁴ Римашевская Н.М. Человек и реформы: секреты выживания. М.: РИЦ ИСЭПН, 2003. С.171.

⁵ Васильева Э.К. Семья и ее функции. (демографо-статистический анализ). М.: Статистика, 1975. – С. 112–126.

ются единожды (рождение первенца и вступление в первый брак являются уникальными событиями). Иначе обстоят дела с супружеской парой, которая обзаводится детьми, после взросления и отделения которых (от родительской семьи) супружеская пара прародителей переходит на следующую стадию жизненного цикла, а «дети» начинают жизненный цикл заново, повторяя определенную последовательность демографических событий, обращенную уже к новому поколению. Причем стадии способны накладываться друг на друга, например, в родительской семье может продолжаться деторождение, в то время как старшие дети сами вступают в брак и создают собственные семьи или даже ожидают первенца.

В населении в каждый момент времени множество семей находятся на разных этапах жизненного цикла, сменяя очередность демографических событий. Именно непрерывность смены поколений позволяет рассматривать семью как динамическую систему, а не статистическую единицу¹. Как отмечает Н.М. Римашевская цикличность развития семьи определяется фактом воспроизведения детьми паттернов поведения своих родителей. Автор обращает внимание на два момента: 1) начало семейного цикла стартует еще в родительских семьях; 2) последовательность семейных и демографических событий – относительна, т.к. лишь в общем виде повторяет череду важных для развития семьи событий².

Именно поэтому жизненный цикл распадается на фазы, связанные со значимыми для семьи событиями.

Однако в научной литературе нет единого подхода, строго определяющего число стадий, совокупность которых составляла бы жизненный цикл семьи. В зависимости от исследовательских задач и парадигмы, которой придерживается исследователь, можно выделить от двух до двадцати стадий жизненного цикла. При демографическом подходе к анализу стадий жизненного цикла семьи принято выделять фазу, предшествующую рождению ребенка; этапы роста (в том числе подфазы, связанные с очередностью рождений) и сокращения семьи (включая подфазы отделения детей от родительской семьи), а также ее старения. Я. Щепанский выделяет три этапа развития супружеской пары (при наличии детей): период, предшествующий рождению ребенка; фазу его воспитания и момент отделения детей от родительской семьи³. В.Б. Голофаст описывает в своих работах: период «ухаживания»; время, проведенное в браке; репродуктивный период; фазу взаимной социализации родителей и детей; эмансипацию взрослых детей; и наконец, завершающую стадию цикла - период «доживания» и распада супружеской пары⁴. Феноменологический подход к изучению семейного цикла фиксирует внимание на преемственности, повторяемости шаблонов (образцов, паттернов) обыденных интер-

¹ Волков А.Г. Семья - объект демографии. Москва.: Мысль. 1986. С.227.

² Римашевская Н.М. Человек и реформы: секреты выживания. М.: РИЦ ИСЭПН, 2003. С.171.

³ Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс. 1969. С.140.

⁴ Голофаст В.Б. О взаимосвязи подходов в изучении семьи. Социологические проблемы семьи и молодежи. Л.: Наука. 1972. С.72.

претаций при смене семейных поколений. Другими словами, это то, что называют семейными традициями, где разного рода семейные ритуалы, дополнены также стереотипами, преданиями, былинами, мифами и т.п.

Попытка привнести в структуру жизненного цикла семьи экономические характеристики была сделана Э.К. Васильевой, которая ввела в качестве стадий жизненного цикла семьи момент начала трудовой деятельности одного из детей; полное освобождение родительской семьи от иждивенчества детей; а также выделила фазу совместного проживания работающих детей в родительской семье, вплоть до момента создания ими собственной семьи. Впрочем, данная классификация оказалась достаточно размытой, так как в ней отсутствовала четкая граница, определяющая момент отделения взрослых детей от родительской семьи.

В рамках демографического подхода к изучению жизненного цикла семьи в работе «Моделирование формирования семейной структуры населения» И.А. Герасимовой выделяются следующие стадии развития нуклеарной семьи:

- фаза роста – период с момента образования супружеской пары до рождения последнего ребенка;
- фаза стабильности – период, следующий за последним рождением до момента отделения от семьи взрослого ребенка;

- фаза «зрелости» - отделение от родительской семьи всех взрослых детей;

- фаза «затухания» - семья представляет собой одинокую супружескую пару¹.

Выше представленную типологию И.А. Герасимова предлагает дополнить еще тремя периодами, связанными с временным отрезком между заключением брака и рождением первенца, а также периодом до и после смерти одного из супругов. Очень схожую типологию стадий жизненного цикла с концепцией Эвелины Дюваль² представили в своих работах А.Н. Волкова и Т.Н. Трапезникова³:

1. Формирующаяся семья (брак менее 5 лет, детей нет);
2. Деторождающая семья (старшему ребенку менее 3-х лет);
3. Семья с детьми дошкольного возраста;
4. Семья с детьми – школьного возраста;
5. Семья с детьми-подростками;
6. Семья, «отправляющая детей в жизнь»;
7. Супруги зрелого возраста;
8. Стареющая семья, от момента ухода супругов на пенсию до смерти одного из них.

Иную основу для построения классификации жизненного цикла предложил В.А. Сысенко, который делил браки по продолжительности семейной жизни, таким образом сформировалась четырехступенчатая классификация: «юные семьи»

¹См.подробнее: Герасимова И.А. «Моделирование формирования семейной структуры населения». Экономика и математические методы. Т. IX вып.5., 1973. 878 с.

² См.об этом: Duvall E.M. Family development (2nd ed.). Philadelphia: Lippincott, 1962. P.9.

³ Волкова А. Н. Трапезникова Т.М. Методические приемы диагностики супружеских затруднений // Вопросы психологии. 1985. № 5. С. 110-116.

(от 0 до 4 лет); «молодые семьи» (от 5 до 9 лет); семьи среднего возраста (от 10 до 19 лет) и «зрелые семьи» (или пожилые) (прожившие вместе более 20 лет). Однако данная классификация учитывает всего один фактор – стаж брака, игнорируя прочие показатели, как например то, что делает из супружеской пары семью, а именно рождение детей.

Жизненный цикл семьи, основанный на принципе отношения супругов к родительству, представил отечественный фамилист А.И. Антонов¹, который выделил следующие стадии семейного цикла:

1. Предродительство – период после заключения брака до рождения первенца (завершается примерно к 1,2 года от момента заключения брака).

2. Репродуктивное родительство – фаза от момента рождения первенца до рождения последнего ребенка (завершается к 7,0 годам состояния в браке);

3. Социализационное родительство – связано с воспитанием рожденных детей и охватывает период от рождения первенца до момента высвобождения из семьи последнего ребенка (длится в среднем не более 25 лет от момента заключения брака);

4. Прародительство (стадия «пустого гнезда») – период доживания супружеской пары, после отделения всех детей из родительской семьи, заканчивается смертью одного или обоих супругов, заканчивается к 40 годам совместной жизни пары.

Все вышесказанное относилось к «нормальному», или «полному циклу» семьи, однако, современные тенденции развития общественных институтов, появление новых форм семейных конфигураций заставляют исследователей задуматься о критериях «нормальности»², и включить в свои концепции все большее число вариаций семейного цикла, отличающихся от стандартного набора последовательно сменяющихся друг друга демографических событий сопровождающих индивида от рождения до смерти. Жизненный цикл семьи, сформированный по различным основаниям, может насчитывать от двух до 20 и более фаз развития. Однако большинство подходов к исследованию жизненного цикла не учитывает «случайные» семейные события, такие как смерть близких, длительные разлуки, хронические болезни, разводы, расставания и т.д.)

Жизненный цикл семьи может быть сконструирован не только в качестве универсальной компоненты, но и стать приемлемой концепцией для всех социальных актеров, расположенных на разных стадиях функционирования семьи. Среди современных социологов, принадлежащих русской школе фамилизма бытует содержательный подход к интерпретации жизненного цикла семьи, который анализируется не как совокупность отдельных единиц (индивидов), а как единая система взаимосвязанных элементов, основным объектом внимания исследователей становится семья как малая группа. В противовес фа-

¹ Антонов А.И. Микросоциология семьи. М.: Инфра – М, 2018. С. 159.

² Carter B., McGoldrick M. The expanded family life cycle: individual, family, and social perspectives - 3rd ed. USA: PEARSON, 2005. p.1.

милистическому подходу представители модернистской парадигмы считают, что не существует единого жизненного цикла для всех семей. Частная семейная жизнь расположена в приватной сфере, исследователи считают, что она не может определяться общественными нормами и идеалами, а остается прерогативой участников семейных отношений как «индивидуализированной социальной группы»¹.

Модернисты считают невозможным определение крайних стадий жизненного цикла с описанием ролевых моделей, так как нормы выступают продуктом согласия группы, пока она существует. В слу-

чае же ее распада возникает необходимость, заставляющая нас обращаться к формальным предписаниям. В ответ на этот аргумент фамилисты отвечают концепцией неполноты жизненного цикла, которая может быть вызвана всевозможными депривациями, разлуками, смертью кого-либо из членов семьи и другими событиями, которые выходят за пределы устоявшейся концепции жизненного цикла с определенной чередой последовательно сменяющих друг друга событий. На схеме (см.рис.1) представлена примерная схема жизненного цикла семьи, развивающейся в рамках полного семейного цикла.

Рисунок 1 Примерная схема жизненного цикла семьи (построена по разработкам профессора А.И. Антонова)

Линия жизни как основа социального-демографического исследования семьи

Ключевым источником данных о семье, наиболее достоверно представляющим генеральную совокупность населения по численности, составу семей и прочим, интересу-

ющим исследователя характеристикам, являются переписи населения. Американский демограф П. Глик, который на протяжении сорока лет занимался разработкой переписей населения в Америке, сделал огромный вклад в развитие

¹ Дюжиков С.А., Борцов Ю.С. Жизненный цикл семьи: основные подходы к классифи-

кации и проблемы содержательного наполнения // Гуманитарий Юга России. 2018. №3. С. 108.

науки¹. В рамках исследования жизненного цикла семьи его интересовал возраст супругов в зависимости различных семейных событий, среди которых учитывался возраст вступления в первый брак у мужчин и женщин, возраст родителей при рождении первого и последнего ребенка, возраст родителей при вступлении в брак первого и последнего из детей, средний возраст смерти замужних мужчин и женщин, а также учитывался возраст родителей при достижении ребенком школьного (6 лет) и подросткового возраста (13 лет), отдельно рассматривался выход на пенсию главы семьи. Подобные расчеты позволили определить примерную длину каждой фазы жизненного цикла семьи и выявить ключевые тенденции, характеризующие особенности функционирования семьи в исторической ретроспективе. На основании анализа пяти возрастных когорт американских женщин, рожденных в 1880-х, 1900-х, 1940-х и 1950-х годах были обнаружены следующие тенденции (за исследуемый 80 летний период): увеличение возраста вступления в брак, а также увеличение продолжительности заключительной фазы совместного дожития супругов, после отделения последнего ребенка из семьи и др.² Проблемы брака и развода были раскрыты П. Гликом в совместной монографии с А.Нортон, где ученые отмечают увеличение числа

неполных семей в структуре американской семьи, в том отмечается увеличившаяся доля незамужних женщин с младенцами на фоне высокого уровня разводимости. Демографы заключают, что в дальнейшей перспективе развитии института семьи, доля неполных семей либо останется на том же уровне, либо будет расти³, последний из прогнозов мы можем наблюдать сегодня на примере ряда развитых и развивающихся стран.

Изучение жизненных циклов, указывает Н.М. Римашевская, возможно двумя способами: посредством связи с возрастом, либо параллельно с анализом последовательных изменений, происходящих в семье. В первом случае принято говорить о методах – поперечного анализа (условного поколения), во втором – о продольном анализе (или иначе методе реального поколения). Очевидно, как указывает исследователь, использовать методы когортного построения, фиксирующие трансформации не связанные напрямую с жизненным циклом семьи, а объясняющиеся особенностями протекания демографических процессов. Ограничения первого подхода связаны с наличием излишних данных о переходных этапах, что затрудняет анализ. Второй - оказывается достаточно трудоемким, в связи с чем аналогов подобным исследованиям в отечественной практике очень немного.

¹ См. подробнее: Glick P.C. The family cycle. *American Sociological Review*, 12, 1947. PP. 164-174.; Glick P.C. The life cycle of the family. *Marriage and Family Living*, 17, 1955. PP.3-9.; Glick P.C. Updating the life cycle of the family. *Journal of Marriage and the Family*, 39, 1977. PP.5-13.

² Glick P.C. Updating the life cycle of the family. *Journal of Marriage and the Family*, 39, 1977. PP.5-13.

³ Glick P.C., Norton A.J. *Marrying, divorcing and living together in the United States today*. Population References Bureau Bulletin. No. 32. Washington, DC., 1979. PP. 3-41.

Как было указано выше, жизненный цикл рассматривается как период последовательного развития семей и может быть изучен, согласно Н.М. Римашевской, в контексте трех линий развития: демографической, экономической и социально-профессиональной¹.

- Демографическая линия связана с созданием семьи и анализом последовательных событий, определяющих линию ее развития: создание семьи, рождение детей, смерти членов семьи и др. Индикаторами измерения данной линии является состав семьи, половозрастные характеристики респондентов). Направленность демографического развития характеризуется преимущественно особенностями репродуктивного поведения;

- Социально- профессиональная линия (социальная) демонстрирует положение индивида в обществе, в том числе уровень свободы и доступа к благам среди мужчин и женщин; определяется уровнем занятости членов семьи, и их интенсивности в производственной сфере;

- Экономическая линия показывает уровень материального благосостояния, а также жилищных условий, в том числе метраж на каждого члена семьи. Исследуются показатели дохода, в зависимости от числа иждивенцев на работающего члена семьи. Отдельно можно внести в данную категорию потенциальное здоровье семьи и динамику потребительских возможностей домохозяйств.

В рамках «Исследования жизненных ценностей и семейно-детских ориентаций супружеских пар - 2018», проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ методом анкетного опроса с применением техники одновременного опроса мужчин и женщин, состоящих в зарегистрированных (46,7%) или незарегистрированных отношениях (53,3%), в Москве и МО было отобрано 672 рабочих документа. Средний возраст участников опроса – 31,2 года (мужчины – 32,3 года, женщины – 30,0 лет). Семьи респондентов состоят в среднем из 2,85 человек (к сравнению, по данным переписи - 2010 средний размер домохозяйства в г. Москва – 2,6, что в целом тождественно среднему размеру домохозяйств в РФ, где 28,5% состоят из двух человек, 22,5% - из трех, 23,3% - из четырех и более человек). Респонденты оказались выходцами из двухдетных семей, около 40% опрошенных имеют собственных детей, среди тех, у кого есть дети 46,9% являются однодетными. Доля многодетности в общем объеме выборки составляет 5,6% (по данным переписи доля семей с тремя и более детьми от числа всех домохозяйств – 7,0%, среди городского населения – 4,8%)².

В ходе исследования было решено выяснить насколько значимыми оказываются для респондентов события наиболее часто соотносящиеся в концепциях развития семьи с фазами жизненного цикла. Для решения поставленной задачи в исследовании была применена

¹ См. подробнее: Римашевская Н.М. Жизненный цикл семьи // Демография и социология. Вып. 10. Бедность: взгляд ученых на проблему. М., 1994. С. 122.

² Об итогах Всероссийской переписи населения 2010. Федеральная служба государственной статистики. 2010. URL: <https://clck.ru/GBn3n> (Дата обращения 11.09.2019)

адаптированная для анкетного опроса методика «линии жизни», в ходе реализации которой респондентам было предложено указать пять главных событий в их жизни (варианты ответа не были регламентированы, был задан открытый вопрос). После обработки полученной информации схожие по смыслу варианты были объединены более чем в тридцать групп, отражающих различные значимые для участников опроса события. Прежде, чем перейти к описанию полученных результатов разумным будет напомнить, что ключевыми демографическими и семейными событиями, упомянутыми в большинстве типологий жизненного цикла семьи (в том числе среди тех, что были рассмотрены в начале статьи) становятся семейные события, связанные со сменой статуса мужчины и женщины, изменением состава семьи и другими демографическими событиями: вступление в брак, рождение детей, смерть одного из супругов и др. Однако авторские типологии, фокусирующие свое внимание на исследовании жизненного цикла семьи, зачастую не описывают принципы отбора конкретных событий, включенных в типологию, с точки зрения их значимости для участников семейных отношений, зачастую используя события, оказывающиеся наиболее удобными для сбора статистической информации и интерпретации полученных результатов.

Как показало исследование (см. табл.1), наиболее значимыми событиями для участников опроса стали: обучение в ВУЗе (45,7%), рождение ребенка (43,8%), встреча спутника жизни (будущего супруга(у) или вторую половинку (для

сожительствующих пар)), на четвертом месте расположился брак (в том числе заключенный между близкими респонденту людьми). Интересно, что лидирующие события практически в равной степени оказываются важными для мужчин и женщин. Полученная иерархия жизненных событий представлена в основном теми, что связаны с созданием семьи и рождением детей; получением образования (среднего общего или высшего, в эти две группы были отнесены также события, связанные с окончанием школы и поступлением в ВУЗы детей респондентов, или их близких родственников (сестер, братьев и др.)), а также «началом самостоятельной жизни» (переезд от родителей, получение финансовой независимости и прочее). Еще несколько категорий представлены значимыми датами, личными достижениями, важными знакомствами и др. Наличествуют также и негативные категории, связанные с семейными трагедиями, смертями, автокатастрофами. Многие из указанных респондентами событий в различных интерпретациях присутствуют в разработанных учеными-исследователями типологиях фаз жизненного цикла семьи.

Рассмотрим результаты корреляции вопроса о значимых жизненных событиях с переменной «стадии жизненного цикла» респондентов, которая была сформирована на основании семейного положения опрошенных (зарегистрированный брак или сожительство) и критерию детности (в т.ч. наличие несовершеннолетних детей). Согласно полученным результатам, для респондентов, практикующих добрачное

сожителство, следовательно расположенных на досемейной стадии жизненного цикла, важнейшим событием оказывается встреча спутника жизни (57,0%). На втором месте оказалось обучение в ВУЗе. Примерно каждый четвертый указал событие, связанное с рождением ребенка. В связи с тем, что из

анализа были изъяты сожители с детьми, представители досемейной фазы, указывающие в качестве значимого события, рождение ребенка, отмечают его в качестве события, произошедшего с близкими людьми, например, рождение крестника, сестры или брата, племянника и др.

Таблица 1

Важнейшие события в жизни респондентов в зависимости от пола

(Ответ на вопрос: «Назовите, пожалуйста, пять самых важных событий в вашей жизни»), в (%)

№	Событие	Муж	Жен	Всего
1	Обучение и выбор ВУЗа	41,7	49,7	45,7
2	Рождение ребенка (в т.ч. у близких)	42,9	44,6	43,8
3	Встреча спутника жизни	39,3	38,7	39,0
4	Брак (в т.ч. близких)	32,7	39,6	36,2
5	Работа	25,0	26,2	25,6
6	Обучение в школе	22,9	25,0	24,0
7	Путешествие	19,9	27,1	23,5
8	Даты	22,6	18,2	20,4
9	Переезд	16,4	19,0	17,7
10	Покупка	17,6	17,6	17,6
11	Событие	15,5	18,2	16,8
12	Досуг	10,1	7,1	8,6
13	Смерть	5,4	10,1	7,7
14	Армия	12,8	0,0	6,4
15	Знакомство	5,4	7,1	6,3
16	Самостоятельная жизнь	6,0	6,5	6,3
17	Достижения	7,1	4,5	5,8
18	Болезнь (в т.ч. близких)	6,0	5,1	5,5
19	Воспоминания	5,1	3,3	4,2
20	Развод	3,6	4,8	4,2
21	Саморазвитие	4,2	3,6	3,9
23	Другое	24,9	19,5	22,0
24	Нет ответа	5,1	3,9	4,5

Рисунок 2 позволяет оценить значимость отдельных событий при переходе участников семейных отношений от стадии к стадии. Для респондентов, находящихся на досемейной фазе, высока роль «встречи спутника жизни» (причем в данную категорию были объединены ответы «встретил будущую жену/мужа», «нынешнего партнера» и др). С продвижением по линии жизни на каждую последующую фазу семейного цикла, ценность

данного (лидирующего ранее) события перекрывается значимостью брака - нового события, обуславливающего смену ролевых взаимодействий между партнерами. На стадии репродуктивного родительства, обнаруживается, что значимость брака перекрывается еще более ценным и актуальным событием для респондентов, находящихся на данной стадии, коим является рождением ребенка. Стоит отметить, что данное событие имеет

наивысшую степень единодушия (89,6% опрошенных, имеющие несовершеннолетних детей указали

его в качестве значимого события, поставив его на первое место).

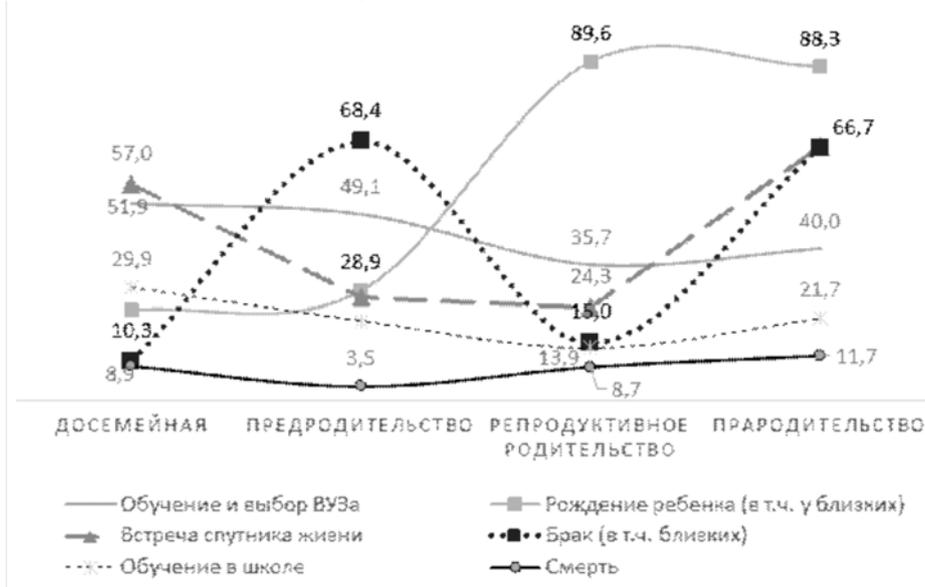

Рисунок 2. Значимость ключевых событий на разных стадиях семейного цикла жизни (Построено на основании ответов на вопрос: «Назовите пять самых главных событий в вашей жизни»), в (%)

Стоит отметить, что стадия прародительства концентрирует в себе все значимые события, связанные со сменой ролевого статуса мужчин и женщин, и оказывающиеся лидерами на досемейной, предродительской и репродуктивной фазах семейного цикла. Так на прародительской стадии достаточно высоко ценится: встреча спутника жизни, официальная регистрация брака и рождение детей, более 65% опрошенных, отмечают каждую из указанных категорий в качестве приоритетных. В отличие от событий, связанных с встречей спутника жизни и регистрацией брака, рождение ребенка не теряет своей значимости после того, как произошло в жизни респондентов, оставаясь ве-

дущей категорией на репродуктивной и прародительской стадиях семейного цикла жизни (89,6% и 88,3% соответственно).

В числе запоминающихся жизненных событий для респондентов остается важным опыт взаимодействия с образовательными организациями (школами и высшими учебными заведениями). Стоит отметить, что на досемейной стадии жизненного цикла категория «Обучение и выбор ВУЗа» сформирована преимущественно ответами об окончании высших учебных заведений конкретными респондентами (или получение ими высшего образования в момент исследования). По мере продвижения по семейному жизненному циклу к стадии «пустого гнезда» указанное событие меняет

свое содержание и связывается уже с поступлением или окончанием высших учебных заведений детьми респондентов. В случае, если речь идет о себе, то представители прародительской стадии указывают на получение докторской или кандидатской степеней. Стоит заметить, что школьные воспоминания остаются значимым для участников опроса на протяжении всей линии жизни, среди представителей досемейной стадии таковых около трети, на стадии прародительства - порядка 20%.

Демографическая линия развития и функционирования семьи предполагает ее изучение с момента создания до распада, с учетом особенностей последовательного перехода от стадии к стадии, иначе говоря череды семейных событий, характер которых определяет полноту или неполноту семейного цикла, а также ключевые векторы его развития. Среди основных событий выделяются: заключение (регистрация брака), рождение первенца, отделение первого и последнего ребенка от родительской семьи, создание репродуктивной (супружеской) семьи как следующего этапа циклического развития семьи ориентационной. Дифференциация жизненного цикла семьи на фазы определяется учеными через семейно-демографические события, которые являются определяющими на пути к эффективной реализации специфических и неспецифических функций семьи. Соотнеся приоритетные ценности респондентов, выраженные значимыми событиями в их жизни, с множеством типологий стадий жизненного цикла семьи, было получено эмпирическое под-

тверждение теоретическим конструктам, предложенным различными российскими и зарубежными исследователями. Доказано, что семейные события, связанные со сменой статусных характеристик индивидов (зарегистрированный, незарегистрированный брак), рождение детей и последующее отделение их от родительской семьи, а также особая связь с образовательными учреждениями (см. типологии, акцентирующие внимание на наличии в семье детей дошкольного и школьного возрастов и др.) играют значительную роль в жизни мужчин и женщин, находящихся на разных этапах функционирования семьи, в том числе на субъективном, психологическом уровне.

Дифференциация семейного жизненного цикла на фазы позволяет исследователям четко охарактеризовать особенности семей, находящихся на разных этапах своего развития. Определение стадий, основанно на допущении о прохождении среднестатистической семьей на протяжении ее семейной карьеры схожих трансформаций даже при наличии уникальных особенностей отдельный из них (различного рода депривации и иные отклонения от линии развития). Согласно современным подходам, методология линий жизни может являться как самостоятельным подходом в изучении функционирования и развития семьи, выступая иллюстрацией к концепциям жизненного пути, так и входить в состав циклического исследования семей на протяжении жизненного цикла. В первом случае внимание исследователя концентрируется на изучении индивидуальных особенностей ис-

пытуемых. В рамках второго подхода внимание уделяется месту семьи в жизни индивида и их взаимному влиянию друг на друга, где сам индивид рассматривается в качестве исполнителя определенных семейных ролей. Представители фамилистической школы как правило придерживаются последнего подхода, описывающего развитие индивидуально-возрастных особенностей личности в качестве вторичного элемента. Именно двухсторонняя взаимобусловленность семьи и личности делает релевантной методологию комплексного исследования линии жизни в контексте теорий развития жизненного цикла семьи.

Литература

1. Антонов А.И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур в контексте социальных изменений и социального неравенства // Интернет-журнал Семья и демографические исследования. М.: РИСИ. 2014. URL: (Дата обращения: 10.09.2019)
2. Антонов А.И. Микросоциология семьи. М.: Инфра – М, 2018.
3. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ: «Братья Карич», 1996.
4. Баранов А.В. Городская семья и личность. Социальные исследования. Вып.7. М. 1971.
5. Васильева Э.К. Семья и ее функции. (демографо-статистический анализ). М.: Статистика, 1975.
6. Волков А.Г. Семья - объект демографии. М.: Мысль. 1986.
7. Волков А.Г. Семья - объект демографии. М.: Мысль. 1986.
8. Волкова А. Н. Трапезникова Т.М. Методические приемы диагностики супружеских затруднений // Вопросы психологии. 1985. № 5. С. 110-116.
9. Воробьев Н.И. Семья в Нерехте // Вестник статистики, 1925. №1-3.
10. Герасимова И.А. «Моделирование формирования семейной структуры населения». Экономика и математические методы. Т. IX вып.5, 1973.
11. Голофаст В.Б. О взаимосвязи подходов в изучении семьи. Социологические проблемы семьи и молодежи. Л.: Наука. 1972.
12. Дюжиков С.А., Борцов Ю.С. Жизненный цикл семьи: основные подходы к классификации и проблемы содержательного наполнения // Гуманитарий Юга России. 2018. №3.
13. Ежов О.Н. Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии. Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII. № 3.
14. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010. Федеральная служба госстатистики. 2010. URL: <https://clck.ru/GBn3n> (Дата обращения 11.09.2019)
15. Осипов Г.В. Возрождение социологии в России. Как это было на самом деле. Социологические исследования, № 6, 2008.
16. Римашевская Н.М. Жизненный цикл семьи // Демография и социология. Вып. 10. Бедность: взгляд ученых на проблему. М., 1994.
17. Римашевская Н.М. Человек и реформы: секреты выживания. М.: РИЦ ИСЭПН, 2003.
18. Римашевская Н.М. Человек и реформы: секреты выживания. М.: РИЦ ИСЭПН, 2003.
19. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. Москва, 1979.

20. Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс. 1969.

21. Carter B., McGoldrick M. The expanded family life cycle: individual, family, and social perspectives - 3rd ed. USA: PEARSON, 2005. p.1.

22. Duvall E.M. Family development (2nd ed.). Philadelphia: Lippincott, 1962.

23. Glick P.C. The family cycle. American Sociological Review, 12, 1947.

24. Glick P.C. The life cycle of the family. Marriage and Family Living. 17, 1955.

25. Glick P.C. Updating the life cycle of the family. Journal of Marriage and the Family, Vol.39, 1977.

26. Glick P.C. Updating the life cycle of the family. Journal of Marriage and the Family. 39, 1977.

27. Glick P.C., Norton A.J. Marrying, divorcing and living together in the United States today. Population References Bureau Bulletin. No. 32. Washington, DC., 1979.

Concept of the family life cycle and the features of its typologization in the works of domestic scientists with the use of research data

Lyalikova S.V.

Moscow State University M.V. Lomonosov

The article reveals the concept of the family life cycle in the concepts of domestic scientists. The main demographic events are described, which are the basis of many typologies that differentiate the family life cycle of complete families of life at the stage (from the moment of creation to decay). The focus of the article is not limited to the analysis of the theoretical aspects of the topic under study. Empirical data acquaints the reader with the most important events that occurred in the lives of respondents. Based on the data obtained, it is proved that family events associated with a change in the status characteristics of individuals play a significant role in the lives of men and women and differ among representatives of different stages of the functioning of the family.

Keywords: family, family life cycle, life lines, stages of the family cycle, familistic school.

References

1. Antonov A.I. The institutional crisis of the family and family-demographic structures in the context of social change and social inequality // Internet magazine Family and demographic research. M.: RISI. 2014. URL: (Date accessed: 09/10/2019)
2. Antonov A.I. Microsociology of the family. M.: Infra - M, 2018.
3. Antonov A.I., Medkov V.M. Sociology of the family. M.: Moscow State University Publishing House: "The Karich Brothers", 1996.
4. Baranov A.V. City family and personality. Social studies. Issue 7. M. 1971.
5. Vasilieva E.K. Family and its functions. (demographic and statistical analysis). M.: Statistics, 1975.
6. Volkov A.G. Family is an object of demography. M.: Thought. 1986.
7. Volkov A.G. Family is an object of demography. M.: Thought. 1986.
8. Volkova A. N. Trapeznikova T. M. Methodological methods for the diagnosis of marital difficulties // Psychology Issues. 1985. No. 5. S. 110-116.
9. Vorobyov N.I. Family in Nerekht // Bulletin of statistics, 1925. No. 1-3.
10. Gerasimova I.A. "Modeling the formation of the family structure of the population." Economics and mathematical methods. T. IX issue 5, 1973.
11. Golofast V.B. On the relationship of approaches in the study of the family. Sociological problems of family and youth. L.: Science. 1972.
12. Dyuzhikov S.A., Bortsov Yu.S. Family life cycle: basic approaches to classification and problems of content filling // Humanitarian of the South of Russia. 2018. No3.
13. Yezhov O.N. The paradigm of life in foreign sociology. Journal of Sociology and Social Anthropology. 2005. Volume VIII. No. 3.
14. On the results of the All-Russian Population Census 2010. Federal State Statistics Service. 2010. URL: <https://clck.ru/GBn3n> (Date accessed 09/11/2019)
15. Osipov G.V. The revival of sociology in Russia. How it really was. Sociological Studies, No. 6, 2008.
16. Rimashevskaya N.M. Family Life Cycle // Demography and Sociology. Vol. 10. Poverty: the view of scientists on the problem. M., 1994.
17. Rimashevskaya N.M. Man and reform: the secrets of survival. M.: RIC ISEPN, 2003.

18. Rimashevskaya N.M. Man and reform: the secrets of survival. M.: RIC ISEPN, 2003.
19. Kharchev A.G. Marriage and family in the USSR. Moscow, 1979.
20. Schepansky I. Elementary concepts of sociology. M.: Progress. 1969.
21. Carter B., McGoldrick M. The expanded family life cycle: individual, family, and social perspectives - 3rd ed. USA: PEARSON, 2005.p.1.
22. Duvall E.M. Family development (2nd ed.). Philadelphia: Lippincott, 1962.
23. Glick P.C. The family cycle. American Sociological Review, 12, 1947.
24. Glick P.C. The life cycle of the family. Marriage and Family Living. 17, 1955.
25. Glick P.C. Updating the life cycle of the family. Journal of Marriage and the Family, Vol. 39, 1977.
26. Glick P.C. Updating the life cycle of the family. Journal of Marriage and the Family. 39, 1977.
27. Glick P.C., Norton A.J. Marrying, divorcing and living together in the United States today. Population References Bureau Bulletin. No. 32. Washington, DC., 1979.

Патриотическая самоидентификация в системе гражданских ориентаций молодежи

Маленков В. В., Печеркина И. Ф.

В статье рассматривается взаимосвязь патриотической идентичности с гражданскими и другими ценностными ориентациями, а также установками на поведение и действие, в том числе в гражданско-политическом пространстве общества. Авторы рассматривают данное понятие в соотношении с другими, отражающими гражданско-политическую реальность. Эмпирической базой статьи являются данные двух анкетных опросов, проведенных в 2011 и 2019 гг. Объектом социологических исследований выступают студенты, характеризующиеся как представители раннего постсоветского поколения (студенты 2011 года) и чистого постсоветского поколения (студенты 2019 года). По результатам исследования зафиксированы существенные изменения в трактовке патриотизма. В 2011 году доминирует эмоциональный компонент, а в 2019 году акценты сместились в сторону деятельностного отношения к патриотизму. По результатам исследования 2019 года четко прослеживается взаимосвязь между патриотическими и мировоззренческими установками, а также влияние патриотических идентификаций на гражданскую активность.

Ключевые слова: патриотизм, гражданские ориентации, гражданская активность, факторы гражданской активности, студенческая молодежь

Расширение возможностей и форм гражданского участия молодежи представляет собой задачу, не теряющую своей научной и практической актуальности на протяжении последних десятилетий. В этом связи важным для изучения является вопрос о факторах, влияющих на гражданские установки молодежи и обеспечивающих ее активность как граждан, готовых брать на себя ответственность за происходящее в обществе.

Многочисленные опросы молодежи по всей стране фиксируют рост патриотических настроений [1, 2, 3, 7, 18]. Исследователи разных областей пытаются осмыслить этот тренд, давая подчас прямо противоположные оценки – от откровенно политизированных до чрезвычайно критичных, когда рост патриотических настроений трактуется и как «маркер нравственного оздоровления нации», и как «результат пропаганды», порождающий ура-патриотизм, «слепой патриотизм» [29, 30]. Л. Д. Гудков характеризует сложившуюся после 2014 года в России властную конструкцию и проводимую ею политику как «патриотическую мобилизацию» [5], выстроенную по тому же принципу, что и в советское время – и сейчас, и тогда

патриотизм в такой ипостаси представлял из себя «номенклатурный конструкт» [26].

Однако не вызывает сомнения глубокая связь идей патриотизма с гражданственностью как характеристикой субъекта-актора. То, что патриотизм является важнейшей компонентой гражданственности отмечается многими отечественными и зарубежными исследователями [10, 11, 13]. При этом обычно подчеркивается важность патриотического воспитания в формировании активной гражданской позиции [23, 27, 28].

Как отмечает А.Г. Левинсон, «в российском обществе существует на правах неформального и само собой разумеющегося дискурс, в котором понятие гражданственности целиком исчерпывается категорией «патриотизм», а синонимом к слову «гражданин» является слово «патриот» (соответственно антонимами являются слова «диссидент» и «предатель»)» [10, С. 4].

Лубский А. В., напротив, отмечает, что «государственному патриотизму сегодня в России не достает гражданственности, связывающей патриотизм со стремлением людей быть полезными обществу, их активным участием в делах государства, солидарной защитой социальных интересов, гражданских прав и свобод» [12, С. 47].

Кравченко Н. Ю. предлагает трехкомпонентную модель гражданской идентичности, включающую «Я-рациональное», «Я-психическое», «Я-телесное» [9]. Патриотизм она относит к сфере психиче-

ского, чувственного, а гражданственность, гражданскую субъектность как способность быть частью нации, общественной организационной структуры, сообщества к «Я-телесному». В рамках данной модели патриотизм рассматривается как, с одной стороны, «чувство, влияющее на формирование гражданской идентичности» [9, С. 85], с другой, как «сложное социокультурное явление, его можно рассматривать как компонент гражданской идентичности и как независимое явление, если гражданская идентичность не может быть обнаружена» [9, С. 85].

Цель нашей статьи – установить взаимозависимость между патриотической самоидентификацией молодежи как социальной установкой и ее гражданской активностью, показать, что идентификация себя как патриота во многом формирует гражданскую позицию и гражданские поведенческие стратегии индивида, стимулирует участие человека в жизни общества¹.

Патриотическая идентичность, в нашем понимании, является важнейшей частью гражданско-политической субъектности современного человека, живущего в сложной глобально-национальной политической реальности. Мы выделяем четыре вида идентичности, которые непосредственно связаны с патриотической: локальная идентичность, гражданская идентичность, национальная идентичность, государственная идентичность. Их выделение достаточно условно, поскольку они так или иначе взаимодействуют между собой, накладываются одна

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-0111-00632 «Гражданско-политические

ориентации постсоветского поколения: модели и типы».

на другую. Важно, что они все встроены в той или иной степени в пространственно-временной порядок, имеют пространственно-временные символические репрезентации.

Патриотизм далеко не всегда определяется гражданством. Это касается не только донационального периода, локальные идентичности достаточно актуальны в современном национальном и глобализированном обществе. Основой такого типа патриотической идентичности является отождествление социального субъекта с микрообществом, территорией. Важно понимать в какой степени локальная идентичность в тот или иной момент времени соотносится с другими идентичностями (гражданской, национальной, государственной). В сбалансированном состоянии локальная идентичность представляет из себя то, что можно назвать локальной гражданственностью [15, 21], тесно связанной с локальным патриотизмом, обусловленным привязанностью к месту проживания, рождения («малой родине»). Абсолютизация данной идентичности ведет иногда к отрицанию более масштабных объектов отождествления.

Второй аспект характеризует в какой степени патриотическая идентичность связана с осознанием гражданской субъектности, актуализацией «Я-гражданин концепции» на фоне иных социальных идентичностей. Патриотизм может быть оторван от гражданской субъектности как формы проявления активности, деятельной сущности в публичном пространстве общества. Такая патриотическая идентичность характеризуется как пассивная, не связанная с участием в достижении

«общего блага». Таким образом, точкой пересечения патриотической идентичности и гражданской субъектности является отношение к «общему делу», «общему благу», позицией актора в пространстве дихотомии «общественный интерес vs личный интерес» (коммунитаризм – индивидуализм).

Государство как объект патриотической идентичности выступает как «значимый другой». Конструирование моделей идентификации связано с обширным набором противопоставлений, имеющихся в арсенале социальных наук, базовым из которых является представление государства и общества как антагонистов. В результате государственная идентичность всегда связана с границами вмешательства в общественную и личную жизнь. В этом контексте можно различать авторитарную модель патриотической идентичности и демократическую.

Отождествление с нацией как макрообщностью фактически построено на противопоставлении всему локальному. В свою очередь национальная идентичность тесно переплетается с гражданской и государственной, и в зависимости от степени влияния их комбинируется в национально-гражданскую либо национально-государственную [6, 14]. В первом случае патриотическая идентичность устроена горизонтально, во втором – в той или иной степени вертикально. В основе первого критический, конструктивный патриотизм, тогда как базой вертикальной идентичности является слепой патриотизм [29, 30]. Если слепой патриотизм часто является результирующей гегемонии, то критический формируется в пространстве разнообразия. Известно,

что современные технологии власти позволяют достаточно успешно имитировать любые идеологии, встраивая их в любые политические системы.

Все перечисленные формы, с которыми может взаимодействовать патриотическая идентичность и сама патриотическая идентичность функционируют в некотором пространственно-временном контексте. В зависимости от размещения ключевых объектов, гражданства, общности, государства в пространстве-времени образуются разные модели патриотической идентификации. Так, акцент на прошлом зачастую комбинируется со стабильностью, которая часто связывается с лояльностью власти. Акцент на будущем связывается либо с тоталитаризмом, либо с демократией.

В статье используются материалы исследования студенческой молодежи Тюменской области 2019 г. В опросе принимали участие студенты 5 ведущих вузов Тюменской области и 2 филиалов. Размер выборочной совокупности составил 1880 человек, охватывающей студентов различных специальностей всех курсов, включая бакалавриат и магистратуру. Социальный срез лиц, участвовавших в опросе, достаточно полно отражает структуру студенческой (вузовской) молодежи Тюменской области. Кроме того, данные сопоставляются с исследованием молодежи 2011 года, где подвыборка студенческой молодежи составила 431 человек [17, 22].

В исследовании мы опирались на поколенческий подход [8, 25], имея в виду, что студентов и 2011 года, и 2019 года можно отнести к постсоветскому поколению. Однако

первые родились в период с 1989 по 1994 год, то вторые в 1997-2002 г.г. В соответствии с предложенной нами ранее классификации, студентов 2011 года можно отнести к раннему постсоветскому поколению, тогда как студенты в 2019 году относятся к чистому постсоветскому поколению (поколению стабильности) [4].

Материалы социологического исследования в Тюменской области показывают, что большинство студентов (76%) с той или иной степенью определенности могут назвать себя патриотами, однако 17% себя таковыми не считают. Сопоставимые данные показывают результаты исследований федеральных центров изучения общественного мнения. Например, ФОМ за июнь 2019 г. опубликовал данные всероссийского опроса: «Считают себя патриотами 73% (в 2018 году – 77%) россиян, не считают себя таковыми – 21% (в 2018 году – 18%)» [20]. Согласно данным исследования ВЦИОМ, в 2018 году патриотические настроения россиян заметно окрепли по сравнению с 2016 годом (с 80% до 92%), достигнув максимума за последние 18 лет [24]. Сравнивая данные исследования тюменских студентов в 2019 году с результатами 2011 года, можно сказать, что существенных изменений в соотношении патриотов/не патриотов не произошло, однако уменьшилась доля студентов, твердо относящих себя к этой позиции (табл. 1).

Более существенные изменения произошли в трактовке патриотизма. В 2011 году доминирует эмоциональный компонент – молодые люди в основном подчеркивали при-

вязанность к языку, традициям, малой Родине, «общность настоящего и будущего». Такие коннотации характерны для традиционалистского подхода, аффективной формы патриотизма по типологии А.Н. Малинкина [16]. В 2019 году акценты сместились в сторону деятельностного отношения к патриотизму – служение, чувство долга, осознание своих гражданских обязанностей, стремление к развитию своей страны – такое прочтение патриотизма характерно уже более, чем для трети современных студентов. Актуализация деятельностного компонента позволяет осторожно говорить о формировании более осознанной (рациональной), конструктивной патриотической модели.

Таблица 1.
Распределение ответов на вопрос «Можете ли Вы назвать себя патриотом?», студенческая молодежь Тюменской области, 2019 и 2011 г.г.

	2019 г.	2011 г.
Да, определенно могу	27	37
Могу, но лишь отчасти	49	35
Нет, не могу	17	20
Затрудняюсь ответить	8	9
	100	100

Понимание сути патриотизма отличается в разных по патриотической самоидентификации группах (рис. 1). Студенты, которые не считают себя патриотами, иначе воспринимают и понятие «патриотизм». Почти каждый пятый из них (17%) отметили, что это «устаревшее понятие, не имеющее отношение к современной жизни». Для них меньшее значение имеет как эмоци-

ональная составляющая патриотизма (привязанность к малой родине, традициям, языку, ощущение причастности к настоящему и прошлому страны), так и рациональная (осознание своих прав и обязанностей, чувство долга). Две подгруппы, причисляющие себя к патриотам (пусть с разной степенью уверенности), практически одинаково трактуют и понятие патриотизм (рис. 1).

Рассмотрим влияние патриотической самоидентификации на эмоциональные и поведенческие компоненты гражданственности.

1. Самооценка себя как патриота максимально значимо коррелирует с отношением к своему региону (коэффициент корреляции Спирмана 0,475 при ошибке менее 0,0001).

Установившийся в общественном мнении студентов стереотип и образ Тюменской области в 2019 г. определялся на основе вопроса «Какие чувства Вы испытываете по отношению к своему региону?». Большинство студентов (более 70%) высказывает позитивное отношение к месту своего настоящего проживания, 39% студентов «гордятся и рады, что живут здесь». Однако, не может не настораживать, что 11% студентов высказали желание уехать из страны. Это отличает студенческую молодежь от других социальных и молодежных групп региона, миграционные настроения в которых значительно ниже (не превышают 4%)¹.

¹ По этому показателю студенты существенно отличаются от других социальных групп. Доля желающих уехать в другой ре-

гион, в другую страну, за все годы проведения мониторинга в Тюменском области колеблется в пределах ошибки выборки (менее 3%) [19]

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Что такое патриотизм с Вашей точки зрения?», в % от числа опрошенных (респондент мог выбрать несколько вариантов ответа)

Средние показатели по исследованию отражают настроения подгруппы «колеблющихся» студентов, которые смогли назвать себя патриотами лишь отчасти. Отношение к региону полярных по патриотической самоидентификации подгрупп прямо противоположно (табл. 2). Если среди «патриотов» 70% безусловно удовлетворены, что живут в нашем регионе, то в подгруппе

студентов, которые не считают себя патриотами таковых лишь 10%. Кроме того, в последней трети студентов (32%) хотели бы уехать из России.

Таким образом, существует тесная взаимосвязь между патриотической самоидентификацией, отношением к своему региону и миграционными настроениями. Мы полагаем, что патриотическая

идентификация является ключевым фактором в этом ряду. Патриотизм как ценностная позиция индивида детерминирует его отношение к миру, восприятие действительности и проявляется в выборе соответствующей модели по-

ведения. Если патриотизм выражается в поступках, свидетельствующих о его готовности разделить судьбу Родины, то полученные данные являются эмпирической иллюстрацией данного утверждения.

Таблица 2.

Отношение к региону в зависимости от патриотической идентификации, %

Варианты ответа	Можете ли Вы назвать себя патриотом?			В целом по выборке
	Да, определенно могу	Могу, но лишь отчасти	Нет, не могу	
Горжусь и рад, что живу здесь	70	35	10	39
В целом доволен, что живу здесь, но многое не устраивает	21	40	26	32
Не испытываю особых чувств по этому поводу	4	12	25	13
Не нравится жить здесь, но привык, не собираюсь уезжать	0	1	2	1
Хотел бы уехать в другой регион России	2	3	3	3
Хотел бы вообще уехать из России	2	8	32	11
Нет ответа	1	1	3	1
Итого	100	100	100	100

2. Корреляционный анализ показал связь между самоидентификацией себя как патриота и установкой «молодежь может многое изменить» (коэффициент корреляции Спирмана 0,258 при ошибке менее 0,0001). Студенты с более определенной патриотической ориентацией обладают большей уверенностью, что своей деятельностью могут влиять на ситуацию в обществе.

Отношение к своей стране, региону проживания (локальный патриотизм) – важнейший показатель, определяющий потенциал молодежи к гражданскому участию. Одним из условий, формирующим готовность к гражданскому участию является осознание своей роли в общественной жизни и понимание

того, что своей деятельностью человек может влиять на принятие социально-значимых решений. В 2019 году значимо большая доля студентов считает, что «активно участвуя в жизни своего города/ села, молодежь может многое изменить». С разной степенью определенности в 2019 году с этим утверждением согласились 86% респондентов, тогда как в 2011 году «полностью согласных + скорее согласных» было лишь 59%.

Уверенность в том, что своей деятельностью молодежь может изменить социум к лучшему коррелирует с включенностью студентов в разные формы гражданской активности: со членством в различных общественных организациях, желанием

заниматься общественной деятельностью, готовностью к защите своих прав и открытому выражению своего мнения. То есть, активная гражданская позиция безусловно «превращает личность в субъекта общественных отношений».

данская позиция безусловно «превращает личность в субъекта общественных отношений».

Таблица 3.
Патриотическая самоидентификация и оценка своих возможностей повлиять на ситуацию в обществе, %

	Согласны ли вы со следующим утверждением: «Активно участвуя в жизни своего города (села) можно многое изменить»		
	«Оптимисты» - Полностью согласны с утверждением	Не определившиеся	«Пессимисты» - С утверждением не согласны и скорее не согласны. Считают, что от молодежи ничего не зависит
Численность подгруппы, чел	711	910	251
% от выборки	38%	48%	13%
Могут назвать себя патриотами (с разной степенью определенности), %	85	73	56
Могут назвать себя патриотами без колебаний Ответ «определенно, могу», %	40	19	16
Локальный патриотизм «гордятся и рады, что живут здесь», %	54	32	21
Хотели бы уехать из России, %	7	10	28
Распределение ответов на вопрос «Что такое патриотизм с Вашей точки зрения?», %			
Привязанность к родной земле, языку, традициям	51	50	37
Привязанность к отчужденному дому (своей малой родине)	26	21	20
Гордость за принадлежность к государству	40	39	32
Чувство долга, осознание своих гражданских обязанностей	40	34	26
Готовность жертвовать личными интересами ради интересов Отечества	20	17	18
Готовность к защите Отечества от внешних угроз	31	29	25
Стремление к развитию своей страны, города	40	40	30
Гордость за спортивные достижения России	8	9	8
Ощущение причастности, интерес к прошлому, настоящему и будущему своей родины	30	32	27
Национальное достоинство	11	12	8
Патриотизм – это устаревшее понятие	4	4	13

Кроме того, мировоззренческие установки в отношении ценности патриотизма существенно различаются в подгруппах, выделенных по признаку разной степени уверенности в своих возможностях изменить ситуацию в обществе. Оптимистично настроенная в отношении своих возможностей молодежь, помимо того, что для нее более характерна патриотическая ориентация, демонстрирует гражданское понимание патриотизма как «осознание своих гражданских обязанностей», «стремление к развитию своей страны», «готовность к защите Отечества». «Оптимистам» в меньшей степени присущи миграционные настроения, она чаще удовлетворена местом жительства (табл. 3).

Практически противоположными характеристиками обладает под-

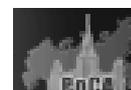
группа студентов с пессимистическим настроением в отношении общественных инициатив. В этой подгруппе в два раза меньше тех, кто смог отнести себя к патриотам 40% по сравнению с 85% в подгруппе оптимистов. 27% из них считает, что «патриотизм – это устаревшее понятие», у них сильны миграционные настроения (40% из них хотели бы уехать из России).

3. Патриотическая ориентация значимо влияет на гражданскую активность и гражданские практики (табл. 4). Студенты, имеющие патриотические установки, чаще принимают участие в общественных и гражданских мероприятиях, являются членами общественных организаций и объединений, готовы принять на себя активную роль организатора гражданских акций.

Таблица 4.

Влияние патриотической самоидентификации на гражданскую активность, %

	«Патриоты»	Могут назвать себя патриотами лишь отчасти	Не считают себя патриотами
Численность подгруппы, чел	501	918	311
% от выборки	27	49	17
Членство в общественных организациях, % от подгруппы			
Являются членами общественных организаций	25	21	14
В том числе являются участниками:			
Самоуправления по месту жительства, учебы или работы	11	8	5
Молодежных и политических организаций	5	5	2
Волонтерских организаций	8	8	4
Имеют опыт участия в волонтерской деятельности, % от подгруппы			
Принимали участие хотя бы один раз	71	65	54
Готовность выразить свою позицию по актуальной проблеме, % от подгруппы			
Не готов к открытому выражению своей позиции	34	41	45
Выскажусь в Интернете	22	20	19
Обращусь в органы власти (напишу письмо, пойду на прием и т.п.)	19	14	8
Готов подписать обращение к властным и общественным структурам	27	25	20
Приму участие в гражданских акциях: митингах, пикетах, забастовках	17	17	18
Готов участвовать в организации гражданской акции	16	13	10
Я буду отстаивать свою позицию любым, даже незаконным способом	4	4	9

Студентов, «определенно считающих себя патриотами», в отличие от противоположной группы («не считающих себя патриотами»), привлекают патриотические (29% против 3%) и социальные проекты (28% против 13%), встречи с ветеранами,

интересными людьми старшего поколения (37% и 8%), добровольческая деятельность (социальная помощь людям с ограниченными возможностями (30% - 14%) и волонтерская деятельность (35% - 17%).

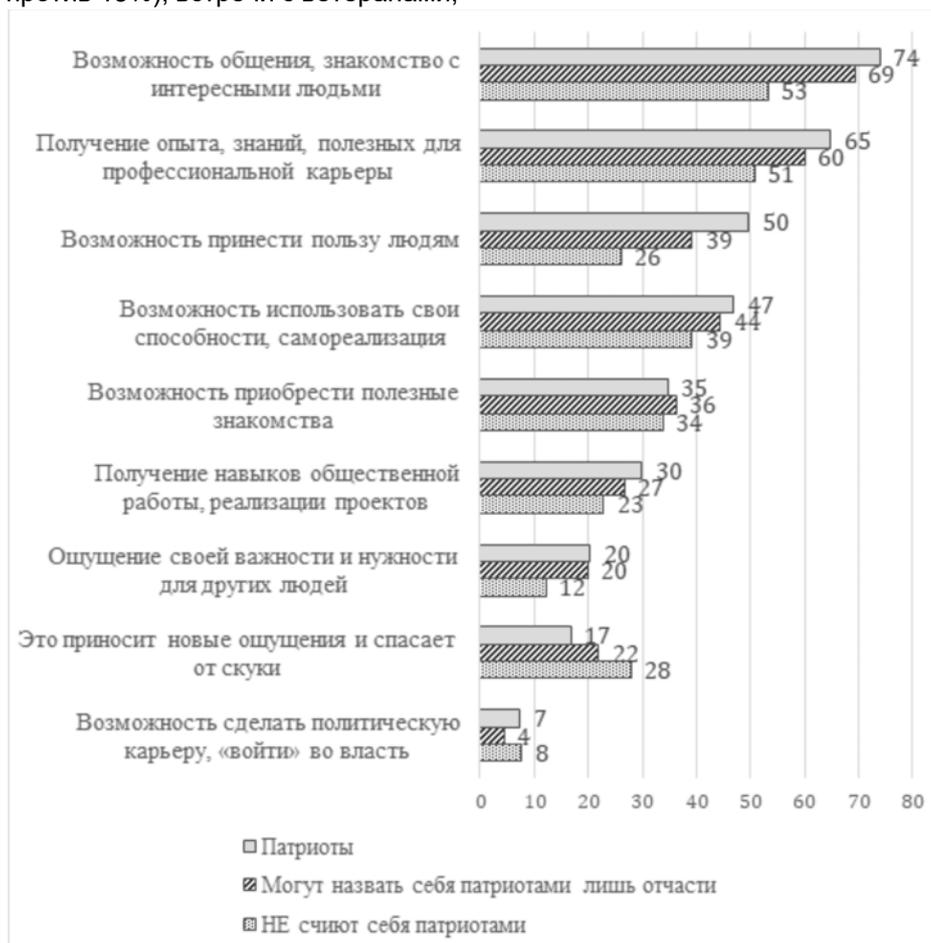

Рис. 2. Мотивы участия в общественных организациях и социальных мероприятиях в зависимости от патриотической самоидентификации, % от подгруппы

Интересна мотивация студентов, участвующих в социальных молодежных практиках. И здесь тоже респондентов можно разделить по их патриотической идентификации. В тройку лидеров мотивации участия

в социальных практиках у «патриотов» входит «возможность принести пользу людям» (50% от подгруппы), то в группе «Не патриотов» это шестая в рейтинге мотивов позиция,

которая уступает даже такому мотиву как «это приносит новые ощущения, спасает от скуки» (рис. 2).

Таким образом, исследование показало, что в количественном измерении патриотическая идентичность студентов в Тюмени практически не отличается от россиян в целом, что подтверждается сравнением с данными общенациональных опросов. Сравнение данных об установках студентов 2011 и 2019 года исследования показало, что существенных изменений в соотношении патриотов/не патриотов не произошло, однако уменьшилась доля тех, кто твердо относит себя к патриотам. Более существенные изменения произошли в трактовке патриотизма. В 2011 году доминирует эмоциональный компонент, а в 2019 году акценты сместились в сторону деятельностного отношения к патриотизму, что может свидетельствовать о формировании более осознанной, конструктивной патриотической модели. По результатам исследования 2019 года четко прослеживается взаимосвязь между патриотическими и мировоззренческими установками, а также влияние патриотических идентификаций на гражданскую активность.

Литература

1. Айвазян А. А., Боронина Л. Н., Вишневский Ю. Р. Гражданская культура молодежи свердловской области: тенденции, проблемы, перспективы / А. А. Айвазян, Л. Н. Боронина, Ю. Р. Вишневский, Л. Д. Забокрицкая, Д. Ю. Нархов, Т. А. Орешкина, Д. С. Попов, О. Б. Франц, М. В. Ячменева. – Екатеринбург, 2017. – 224 с.
2. Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю. Гражданская идентичность молодежи Свердловской области // Социум и власть. 2018. №1(69). С. 31-39.
3. Волков Ю. Г., Лубский А. В., Бинева Н. К. Патриотизм, гражданственность и солидарность в региональных сообществах на Юге России: коллективная монография / Ю. Г. Волков, А. В. Лубский, Н. К. Бинева, В. О. Вагина, А. В. Верещагина, В. П. Войтенко, А. Н. Дьяченко, В. В. Ковалев, Е. Ю. Колесникова, О. М. Шевченко. – Ростов-на-Дону, 2018. – 412 с.
4. Гаврилюк В. В., Маленков В. В. Векторы развития России в сознании жителей российской провинции // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2016. №3. С. 65-69.
5. Гудков Л. Д. Патриотическая мобилизация и ее следствия // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. №1-2(126). С. 81-123.
6. Евгеньева Т. В., Селезнева А. В. Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2017. №4(87). С. 48-64.
7. Иванов В. Н., Назаров М. М., Кублицкая Е. А. Политические ценности российского общества (результаты сравнительного проекта) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. №3. С. 470-480.
8. Кравченко А. И. Кризис поколений? Или наших представлений? // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. Т. 12. №3(167). С. 61-71.

9. Кравченко Н. Ю. Трехкомпонентная модель формирования гражданской идентичности: возможности и ограничения // Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология. 2016. №3(35). С. 82-90.
10. Левинсон А. Г. Гражданственность и гражданские смыслы: социологические очерки. Москва: МШГП, 2014. – 40 с.
11. Лубский А. В. Гражданский патриотизм: о совместимости патриотизма и гражданственности // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 23. №1.
12. Лубский А. В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. №2. С. 47-66.
13. Магарил С.А. Смыслы патриотизма – исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. №1. С. 142-151.
14. Маленков В. В. Векторы будущего в темпоральной конструкции российской нации и их отражение в сознании молодежи // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2. №4. С. 64-75.
15. Маленков В. В. Локальная гражданственность как фактор городского развития // Теория и практика общественного развития. 2013. №12.
16. Малинкин А. Н. Понятие патриотизма: эссе по социологии знания // Социологический журнал. 1999. №1-2. С. 27-59.
17. Молодежь в социальном пространстве региона: коллективная монография / Науч. ред. Г. Ф. Ромашкина. Сост. колл.: Ковальчук А.И., Лугачев П.В., Манокина Т.В., Печеркина И.Ф., Тарасова А.Н. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. – 236 с.
18. Нарбут Н. П., Троцук И. В. Патриотические настроения: дилемма «родина или государство» // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2018. №1(66). С. 31-38.
19. Новая индустриализация: возможности, ограничения и противоречия социокультурного пространства. Монография / Научные редакторы: В.А. Давыденко, Г.Ф. Ромашкина. – Тюмень: Тюменская областная Дума, 2018. – 226 с.
20. Патриотизм. Сколько в стране патриотов? Должен ли каждый быть патриотом? И каковы критерии патриотизма? // Данные ФОМнибус от 09.06.2019. – Режим доступа: <https://fom.ru/TSennosti/14222>. Дата обращения: 17.08.2019
21. Полюшкевич О. А. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Управленческое консультирование. 2017. №11(107). С. 80-94
22. Ромашкина Г. Ф., Печеркина И. Ф. Гражданская активность молодежи тюменского региона // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 8. С. 144-151.
23. Ткачева Н. А., Белоножко Л. Н. Влияние духовно-нравственных ценностей молодежи на формирование гражданской культуры российского общества. – Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. № 17(2). С. 225-234.
24. Что значит быть патриотом? // Пресс-выпуск ВЦИОМ №3685 от

09.06.2018. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9156>. Дата обращения: 17.08.2019.

25. Шестопап Е. Б. Политическая социализация и ресоциализация в современной России // *Полития*. 2005. №4. С. 48-69

26. Щербинин А. И. Патриотизм как номенклатурный конструкт // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2016. №3 (35). С. 264-271.

27. Brubaker R. 2004. In the Name of the Nation: Reflections on Nationalism and Patriotism. – *Citizenship Studies*. Vol. 8. №2. P. 115-127.

28. Kahne J. 2006. Patriotism Good for Democracy? A Study of High School Seniors' Patriotic Commitments. – *Phi Delta Kappan*. April. Vol. 87. №8. P. 600-607.

29. Livi S., Leone L., Falgares G., Lombardo F. 2014. Values, ideological attitudes and patriotism. – *Personality and Individual Differences*. №64. P. 141–146.

30. Schatz R.T., Staub E., Lavine H. 1999. On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism. – *Political Psychology*. Vol. 20. №1. P. 151-174.

Patriotic self-identification in the system of civic orientations of youth

Malenkov V. V., Pecherina I.F.

Tyumen State University

The article considers the relationship of patriotic identity with civic and other value orientations, as well as attitudes to behavior and action, including in the civil-political space of society. The authors consider this concept in relation to others, reflecting the civil-political reality. The empirical base of the article is the data of two questionnaires conducted in 2011 and 2019. The object of sociological research is students characterized as representatives of the

early post-Soviet generation (students of 2011) and the pure post-Soviet generation (students of 2019). According to the results of the study, significant changes were recorded in the interpretation of patriotism. In 2011, the emotional component dominates, and in 2019, the emphasis shifted towards an active attitude towards patriotism. According to the results of the 2019 study, the relationship between patriotic and ideological attitudes, as well as the influence of patriotic identifications on civic activity, is clearly traced.

Keywords: patriotism, civic attitudes, civic activism, civic activism factors, students

References

1. Ayzazyan A. A., Boronina L. N., Vishnevsky Yu. R. Civil culture of youth of the Sverdlovsk region: trends, problems, prospects / A. A. Ayzazyan, L. N. Boronina, Yu. R. Vishnevsky, L. D. Zabokritskaya, D. Yu. Narkhov, T. A. Oreshkina, D. S. Popov, O. B. Franz, M. V. Yachmeneva. - Yekaterinburg, 2017. -- 224 p.
2. Vishnevsky Yu. R., Narkhov D. Yu. Civil identity of youth of the Sverdlovsk region // *Socium and Power*. 2018. No1 (69). S. 31-39.
3. Volkov Yu. G., Lubsky A. V., Bineeva N. K. Patriotism, citizenship and solidarity in regional communities in the South of Russia: a collective monograph / Yu. G. Volkov, A. V. Lubsky, N. K. Bineeva, V.O. Vagin, A.V. Vereshchagin, V.P. Voitenko, A.N. Dyachenko, V.V. Kovalev, E. Yu. Kolesnikova, O.M. Shevchenko. - Rostov-on-Don, 2018. -- 412 p.
4. Gavrilyuk VV, Malenkov VV. Vectors of development of Russia in the minds of the inhabitants of the Russian province // *News of higher educational institutions. Sociology. Economy. Politics*. 2016. No3. S. 65-69.
5. Gudkov L. D. Patriotic mobilization and its consequences // *Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions*. 2018. No. 1-2 (126). S. 81-123.
6. Evgenieva T. V., Selezneva A. V. Transformation of the national-state identity of Russian youth in the post-Soviet period: value bases and symbolic representations // *Politics: Analysis. Chronicle Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)*. 2017. No4 (87). S. 48-64.
7. Ivanov V. N., Nazarov M. M., Kublitskaya E. A. Political values of Russian society (results of a comparative project) // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of*

- Russia. Series: Sociology. 2018. Vol. 18. No. 3. S. 470-480.
8. Kravchenko A. I. The crisis of generations? Or our ideas? // Proceedings of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences. 2017. V. 12. No. 3 (167). S. 61-71.
 9. Kravchenko N. Yu. Three-component model of the formation of civic identity: opportunities and limitations // Bulletin of Tomsk University. Philosophy. Sociology. Political science. 2016. No3 (35). S. 82-90.
 10. Levinson A. G. Citizenship and civil meanings: sociological essays. Moscow: MSHGP, 2014. -- 40 p.
 11. Lubsky A. V. Civil patriotism: on the compatibility of patriotism and citizenship // Humanitarian of the South of Russia. 2017. Vol. 23. No. 1.
 12. Lubsky A. V. Patriotism and citizenship in Russian society, or how to overcome the deficit of citizenship in Russian patriotism // Humanitarian of the South of Russia. 2019. Vol. 8. No. 2. S. 47-66.
 13. Magaril S.A. The meanings of patriotism - historical transformations // Sociological studies. 2016. No1. S. 142-151.
 14. Malenkov VV Vectors of the future in the temporal structure of the Russian nation and their reflection in the minds of youth // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2016. Vol. 2. No. 4. S. 64-75.
 15. Malenkov VV Local citizenship as a factor in urban development // Theory and practice of social development. 2013. No. 12.
 16. Malinkin A. N. The concept of patriotism: an essay on the sociology of knowledge // Sociological Journal. 1999. No. 1-2. S. 27-59.
 17. Youth in the social space of the region: a collective monograph / Scientific. ed. G.F. Romashkina. Comp. Coll. : Kovalchuk A.I., Lugachev P.V., Manokina T.V., Pecherkina I.F., Tarasova A.N. - Tyumen: Publishing House of the Tyumen State University, 2012. - 236 p.
 18. Narbut N. P., Trotsuk I. V. Patriotic moods: the dilemma "homeland or state" // SEARCH: Politics. Social Studies. Art. Sociology. The culture. 2018. No1 (66). S. 31-38.
 19. New industrialization: opportunities, limitations and contradictions of the socio-cultural space. Monograph / Scientific editors: V.A. Davydenko, G.F. Romashkina. - Tyumen: Tyumen Regional Duma, 2018. - 226 p.
 20. Patriotism. How many patriots are there in the country? Should everyone be a patriot? And what are the criteria for patriotism? // FOMnibus data from 06/09/2019. - Access mode: <https://fom.ru/TSennosti/14222>. Date of appeal: 08/17/2019
 21. Polyushkevich O. A. The symbolic construction of territorial identity (on the example of the toponymics of Irkutsk) // Management Consulting. 2017. No. 11 (107). S. 80-94
 22. Romashkina G. F., Pecherkina I. F. Civil activity of youth of the Tyumen region // Bulletin of the Tyumen State University. 2012. No. 8. S. 144-151.
 23. Tkacheva N. A., Belonozhko L. N. Influence of spiritual and moral values of youth on the formation of civic culture of Russian society. - Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2017. No. 17 (2). S. 225-234.
 24. What does it mean to be a patriot? // Press release of VTsIOM No. 3685 of 06/09/2018. - Access mode: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9156>. Date of appeal: 08/17/2019.
 25. Shestopal Ye. B. Political socialization and resocialization in modern Russia // Politika. 2005. No4. S. 48-69
 26. Scherbinin A. I. Patriotism as a nomenclature construct // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2016. No3 (35). S. 264-271.
 27. Brubaker R. 2004. In the Name of the Nation: Reflections on Nationalism and Patriotism. - Citizenship Studies. Vol. 8. No. 2. P. 115-127.
 28. Kahne J. 2006. Patriotism Good for Democracy? A Study of High School Seniors' Patriotic Commitments. - Phi Delta Kappan. April Vol. 87. No. 8. P. 600-607.
 29. Livi S., Leone L., Falgares G., Lombardo F. 2014. Values, ideological attitudes and patriotism. - Personality and Individual Differences. Number 64. P. 141-146.
 30. Schatz R.T., Staub E., Lavine H. 1999. On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism. - Political Psychology. Vol. 20. No. 1. P. 151-174.

Виртуальные университеты будущего

Малых С.В.

В статье приводятся результаты качественного эмпирического исследования оценки и перспектив развития университетов в виртуальном пространстве. Виртуальные университеты – университеты будущего. Выделяются основные сферы развития виртуального образования и форматы реализации их. **Ключевые слова:** университеты будущего, виртуальные университеты, качество образования, мобильность, доступность, лояльность

В последнее десятилетие в значительной степени выросла конкуренция в научно-образовательной области. При этом данная конкуренция охватывает как национальные образовательные системы в целом, так и отдельные научно-образовательные центры. Правительства многих стран стремятся повысить качество системы высшего образования в стране.

Создание виртуальных университетов позволяет выйти на новый уровень во многих областях жизни:

- сконцентрировать высококачественные технические и кадровые ресурсы;
- сосредоточить усилия виртуального университета на насущных потребностях рынка труда или системы образования;
- использовать и развивать существующую инфраструктуру Интернет-технологий;
- поддерживать развитие электронного обучения в традиционных образовательных организациях;
- обеспечивать преимущества национальным программам электронного обучения перед зарубежными;
- экспортировать образовательные программы электронного обучения в другие страны на национальных языках, что может возместить часть расходов на создание этих программ [1].

В России работает Университет Национальной технологической инициативы «20.35» для подготовки специалистов для цифровой экономики. Университет Национальной технологической инициативы «20.35» является виртуальным, функционирует в рамках сетевого взаимодействия российских вузов: ИТМО, СПбПУ Петра Великого, МФТИ, НГУ, ТГУ, ДВФУ, а также бизнес структур. Для каждого обучающегося предполагается формирование цифрового профиля компетенций в рамках образования в течение всей жизни (1 млрд цифровых профилей компетенций). Но он еще не столь популярен и известен среди населения.

При этом виртуальные университеты обеспечивают большую мобильность и качество обучения, дают больше возможностей для расширения спектра компетенций и перспектив личного роста (об этом более подробно изложено в других работах автора [2,3,4,5]), а также благодаря виртуальному обучению усиливаются механизмы и инструменты воздействия корпоративной культуры и социальной ответственности университетов перед обществом [6,7].

Полагаю, что в будущем нас ожидает расширение спектра различных виртуальных университетов и реализуемых ими образовательных программ, возможностям привлечения большего количества обучающихся, а также с тем фактом, что виртуальные университеты ограничены лишь культурными и языковыми барьерами, такие университеты не нуждаются в аудиториях и зданиях, а благодаря современным инструментам электронного обуче-

ния виртуальные университеты относительно несложно и недорого могут осуществлять реализацию своих курсов в сети Интернет.

С целью изучения активности развития виртуального университета, в 2019 году мы провели качественное исследование, нацеленное на изучение потребности и актуальности виртуального высшего образования, пожизненного виртуального образования и так далее среди руководителей образовательных учреждений, представителей органов власти и бизнеса, участвующих в различных программах обучения и переобучения себя и своих сотрудников (проректора вузов, высшие руководители в министерствах, руководители крупного и среднего бизнеса (банки, нефтяные и газовые компании, ресурсодобывающие, высокотехнологичные компании) и др. Всего в экспертном интервью приняло участие 22 человека, в 6 фокус-группах приняло участие 56 человек.

Около 80% экспертов говорят о том, что за виртуальными университетами – будущее образования. Причем из основных достоинств выделяют разные критерии: часть из них указывает на «доступность» виртуального пространства (32%), часть на мобильность (возможность быть там, где хочешь, а не там где надо, чтобы учиться) (27%), третья группа указывает на «лояльность» (возможность пройти курс повторно, пересдать и т.д.) (22%) и четвертая часть указывает на «качество», так как виртуальные курсы готовят лучшие специалисты, профессионалы своего дела (19%).

Оставшаяся часть 20% настаивают на традиционных формах обучения, предполагающего личный

контакт и готовность тет-а-тет решать поставленные вопросы.

Доступность – это фактор, стирающий границы между участниками образовательного пространства. В современном глобализирующемся мире – это ресурс и точка роста как для человека и его семьи, так и для организации и общества в целом.

Благодаря виртуальным стратегиям обучения – оно перестаёт быть элитной привилегией (по семейному или финансовому ресурсу), а становится общедоступным способом улучшения качества своей жизни. Вне зависимости от места проживания и уровня жизни – каждый может быть супер-профессионалом, благодаря обучению в виртуальном вузе (А.А., управляющий менеджер Альфа-банк в регионах, 42 года).

Виртуальное обучение – делает доступным возможность повышения квалификации, расширения компетенций, развития хобби и навыков, которые не всегда могут быть связаны с вашей непосредственной профессией, но в целом могут расширять интеллектуальные, эмоциональные, психологические, аналитические или какие-то другие способности и навыки, что в конечном счете повышает ваш рейтинг как сотрудника, так как вы становитесь более эффективны и развивает ваши личные качества, что делает вас незаменимым не просто профессионалом, но и человеком (Л.Ю., руководитель высшего звена региональной нефтяной компании, 49 лет).

Мобильность также выступает чертой современности. Это условие личного и социального продвижения. Нахождение в жестких рамках

«надо», присутствия на работе, наличия именно определенной корочки диплома, становится элементом прошлого. И со временем совсем отживет. Мобильность – это черта специалиста будущего.

Меня всегда останавливало то, что получая образование, получая навыки, ты вынужден ограничивать себя в других сферах – в возможности присутствия на рабочем месте или на отдыхе, с кем и когда ты общаешься. Виртуальное образование в этом плане становится палочкой выручалочкой, так как позволяет не менять своих планов, при этом узнавать то, что надо. Более того, применять полученную информацию сразу на практике (Л.О., руководитель программ корпоративного обучения ОАО Сбербанк, 37 лет).

Виртуальное образование обладает мобильностью, оно е ограничивает время, пространство, людей, как это делает классическое образование. Оно наоборот – благодаря мобильности расширяет и твои возможности и возможности педагогов донести наиболее доступно и открыто то, что важно понимать (С.В., руководитель регионального отделения газовой компании, 41 год).

Лояльность виртуального обучения прослеживается в возможностях неоднократного повторения и закрепления курсов, возможности возвращаться к тому или иному материалу, без административных, стрессовых и иных затрат.

Лояльность в виртуальном обучении – ключ к успеху. Я сам несколько раз проходил один и тот же курс, так как в первый раз не успел выполнить задания, во второй раз – не смог адаптировать

материал к своему делу и пришлось изучать – где мой промах. Но именно это позволило мне досконально разобраться в вопросе и увеличить прибыль в два раза за несколько месяцев, что я не мог сделать за несколько лет. Лояльность в виртуальном обучении стала для меня толчком к росту и развитию моего бизнеса (Н.Е., управляющий речного пароходства, 52 года).

Лояльность к студентам получающим виртуальное обучение не граничит с пофигизмом, а наоборот – с желанием создания максимальных условий для реализации потенциала студента в процессе обучения и реального применения полученных навыков в его деятельности. Лояльность – это показатель заинтересованность в успехах студентов (М.М., руководитель дистанционных программ обучения ДВФУ).

«Качество» как показатель и критерий полученных знаний в процессе обучения является внешним условием оценки данных программ. Крупные компании не старались бы обучать своих сотрудников через виртуальные программы, если бы они не давали реального эффекта в качестве работы.

Наша компания убедилась в качестве полученных знаний в виртуальном обучении тех университетов, с которыми мы сотрудничаем. Улучшились показатели работы, повысился мотивационный уровень сотрудников. Это косвенные показатели высокого качества виртуального обучения. Поэтому, мы планируем расширение сферы виртуального обучения разного персонала (О.П., руководитель

проектной строительной компании, 59 лет).

Виртуальное обучение не столь распространено, поэтому университеты пытаются закрепить данные виды услуг – стараются предлагать максимально качественные образовательные услуги. Это в итоге сказывается на удовлетворенности работодателей, чьи сотрудники прошли обучение, переобучение или повышение квалификации в таких университетах по виртуальным программам обучения (Р.Р., руководитель отдела корпоративных программ обучения, ТГУ, 53 года).

По мнению респондентов необходимо осуществлять массовое просвещение граждан в области достоинств виртуального обучения, делать его не элитной прерогативой, а массовой возможностью. Тогда и получаемые услуги и эффекты будут в разы выше и сказываться на показателях экономики и в целом развития регионов.

Традиционное образование, получаемое в специальных аудиториях, в отведенном месте – уйдет в прошлое. Будущее нашего мира – в виртуальном обучении (М.С., руководитель страховой компании, 52 года).

Будущее общества нашими экспертами видится в виртуальном пространстве, в соединении реального и виртуального миров, что уже сегодня называют временем поствиртуальности. Виртуальным университетам там отводится основная роль в процессе социализации и адаптации людей к новым условиям жизни.

Литература

1. Гриншкун В.В., Краснова Г.А. Виртуальные университеты:

факторы успеха и перспективы развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2018. – Т. 15. № 1. – С. 7-17

2. Мальных С.В. «Справедливое образование»: современные реалии отечественных университетов // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира. Сборник материалов. М.: Аспект-ПРЕСС, 2018. – С. 1233-1234.

3. Мальных С.В. Академическая мобильность как ресурс интернационализации университетов // Социология. 2018. – № 3. – С. 222-226.

4. Мальных С.В. Стратегии продвижения университета в виртуальном пространстве // Социология. 2019. – № 1. – С. 70-78

5. Мальных С.В., Полюшкевич О.А. Основы продвижения университета: учеб. пособие. Иркутск. Изд-во ИГУ, 2018. – 121 с.

6. Полюшкевич О. А. Корпоративная солидарность университета // Alma mater (Вестник высшей школы). 2016. – № 12. – С. 68-72.

7. Полюшкевич О. А. Социальная ответственность университетов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2012. – № 11. – С. 26-29.

Virtual Universities of the Future

Malykh S.V.

Irkutsk State University

The article presents the results of a qualitative empirical study of assessment and prospects for the development of universities in the virtual space. Virtual universities are universities of the future. The main areas of development of virtual education and formats for their implementation are highlighted.

Keywords: universities of the future, virtual universities, quality of education, mobility, accessibility, loyalty

References

1. Grinshkun V.V., Krasnova G.A. Virtual universities: success factors and development prospects // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Informatization of Education. 2018. - T. 15. No. 1. - S. 7-17
2. Malykh S.V. "Fair education": modern realities of domestic universities // Social injustice in the sociological dimension: challenges of the modern world. Collection of materials. M.: Aspect-PRESS, 2018. -- S. 1233-1234.
3. Malykh S.V. Academic mobility as a resource for the internationalization of universities // Sociology. 2018. - No. 3. - S. 222-226.
4. Malykh S.V. Strategies for promoting a university in virtual space // Sociology. 2019. - No. 1. - S. 70-78
5. Malykh SV, Polyushkevich OA Fundamentals of university promotion: textbook. allowance. Irkutsk ISU Publishing House, 2018. -- 121 p.
6. Polyushkevich O. A. Corporate solidarity of the university // Alma mater (Bulletin of higher education). 2016. - No. 12. - S. 68-72.
7. Polyushkevich O. A. Social responsibility of universities // Alma mater (Bulletin of higher education). 2012. - No. 11. - S. 26-29.

Исследование образа одиночества в эмпирических исследованиях

Младенов В.И.

Статья посвящена обсуждению содержания образа одиночества, конструируемого эмпирическими науками, такими как социология, демография, юриспруденция, и психология. Как показывает автор, эмпирические научные исследования сконцентрированы на разработке стандартных для этих наук образов одиночества, среди которых выделяются одномерные, социологические, демографические, юридические, психологические образы и многомерные, интеракционистские и когнитивистские и системные образы, в рамках которых исследователи пытаются синтезировать различные подходы к объяснению факторов, характеристик и признаков одиночества, которые претендуют на характеристику сущности одиночества. При этом, как доказывает автор, если в рамках эмпирических наук создаются образы социальных совокупностей, обеспечивающих условия для развития чувства одиночества, то создать верифицированный образ одиночества, переживаемой каждой личностью эмпирические ученые пока не в состоянии.

Ключевые слова: Образы одиночества, научные концепции одиночества, социологический образ одиночества, демографический образ одиночества, юридический образ одиночества, психологический образ одиночества, интеракционистский образ одиночества, когнитивистский образ одиночества.

Ведение

Понятие «одиноким» многозначно, так как оно направлено на объяснение весьма разнородных аспектов реальности и поэтому используется очень широко, как в науке, так и в разговорном языке. В современной науке представлен широкий круг рассуждений о том, что есть одиночество. Как правило, задачей теоретических исследований является анализ сущности одиночества, определение его слагаемых и выявление взаимосвязей между ними. При этом, различные авторы по-разному рисуют образы одиночества [11]. Среди них есть те, которые преподносят одиночество, как аспект клинических состояний, связанных с патологической реакцией человека на окружающий мир, другие рассматривают его как специфический вид переживаний, третьи считают социальным феноменом, являющимся причиной одного из универсальных состояний человеческого сознания. Это диктует необходимость критического анализа специфики эмпирического исследования, куда входят методики социологического, юридического, психологического, интеракционистского, системного, когнитивного, подхода к проблеме одиночества.

Степень исследованности темы.

Современные социологические, психологические, юридические концепциями анализируют сущность

одиночества, определяя его слагаемые и выявляя связи между ними. Социологический подход представлен трудами З. Баумана, К. Боумена, Э. Дюркгейма, Н. Е. Покровского, Д. Рисмена, П. Слейтера. С точки зрения юридической науки одиночество изучается В. А. Безвербным, А. Джорджановой, С. Г. Кареповой, В. Ф. Лелюхом, П. Манчевой, О. В. Сорокиным. Психологические представления об одиночестве сформированы работами Д. Зилбурга, Л. Пепло, Д. Перлмана, Д. Рассела, К. Роджерса, Г. Салливана, В. Серма, З. Фрейда, Ф. Фромм-Рейхман, Дж. Ховарта, К. Хорни. Однако при наличии разнообразных публикаций, посвященных сущности одиночества, оценки их носят противоречивый характер, что является основанием вывода об отсутствии целостности в знаниях об одиночестве.

Результаты

Разработка концепции одиночества в эмпирических науках находится на начальной стадии, так как каждая из таких эмпирических дисциплин, как социология, демография, юриспруденция, культурология и психология, концентрируется на использовании стандартных для этих дисциплин образов одиночества. Как правило, эмпирические подходы к исследованию одиночества продуцируют два идеализированных образа одиночества, в которых сосредотачиваются характеристики одиноких людей, признаваемых стандартными в рамках того или иного вида знания. Во-первых, одномерный образ рассматривает одиночество в качестве цельного явления, для которого характерны только общие мотивы переживания

одиночества, и не принимаются во внимание, индивидуальные аспекты переживания этого чувства. Во-вторых, многомерный образ, напротив, рассматривает одиночество в качестве многогранного явления, что свидетельствует о сложных диалектических переплетающихся связях и отношениях, прежде всего связи филогенеза и онтогенеза одиночества.

Одномерный образ создается в рамках социологического, юридического, психологического подходов. Социологический и юридический образ одиночества конструируется, исходя из данных внешних параметров социального поведения. В то же время, анализ этих данных не учитывает того, что физическое и юридическое состояние изолированности человека не может быть приравнено одиночеству. Образ одиночества в рамках психологической науки сводится к описанию субъективных обстоятельств, понимаемых как внутриличностные факторы, влияющие на формирование этого чувства. Вместе с этим необходимо указать на наличие разных и антиномичных образов одиночества в психологии. Одни из них связываются с клинической практикой лечения патологий, другие основаны на описаниях людей, которые, не будучи пациентами психиатрических клиник, выбирают одиночество, в качестве образа жизни.

Многомерный образ одиночества создается в рамках интерактивного, системного и когнитивного подходов, стремящихся к синтезу положений социологических и психологических концепций, с точки зрения которых, внутренние переживания самым непосредственным

связаны внешним опытом. Представители этих подходов не противопоставляют друг другу различные образы одиночества, напротив, они стремятся к их синтезу. В интеракционизме, конструируется образ, в котором одиночество выступает как продукт совместного, интерактивного внешнего и внутреннего влияния. Образ одиночества, сформулированный в рамках системного подхода, представляет элемент многоуровневой системы взаимодействия живых организмов от клеточного уровня до межнационального. Когнитивный подход, конструирует образ одиночества как психического состояния, возникающего в результате переживания чувства распада личности и утраты гармоничного взаимодействия человека с внешним миром. Таким образом, эмпирические научные дисциплины создают образ одиночества, в рамках которого представляют разные наборы социальных и личностных признаков, которые претендующих на характеристику сущности одиночества.

Обсуждение результатов

Это диктует необходимость критического анализа специфики эмпирического исследования, куда входят методики социологического, юридического, психологического, интеракционистского, системного, когнитивного, подхода к проблеме одиночества. Социологические исследования одиночества основываются на методологическом подходе, который дает оценку данного явления в качестве социального и типического явления, свойственного для большинства населения [10]. Основной проблемой, вокруг которой выстраивается в социологии обсуждение вопроса об одиночестве,

представляется соотнесение параметров индивидуализма и социального взаимодействия, противопоставление которых, по мнению социологов, объясняет возникновение одиночества. При этом, считается, что люди, отличающиеся своей внешней активностью и обращенностью во «внешний мир», обособляются от внутреннего «Я», приобретая синдром обеспокоенности и неудовлетворенную потребность во внешнем внимании [3]. Например, Э. Дюркгейм считал, что одиночество закономерно возникает в самой гуще современного общества. По его мнению, ведущим фактором возникновения одиночества, является высочайшая степень интегрированности общества, в котором каждый человек зависим от социальных связей, будь они личными или обезличенными. В то же время, человек пытается стать независимым, разрушить указанные социальные связи для того, чтобы защититься от общества, которые связано с влиянием таких явлений, как конкуренция, законопослушность, эгоизм, эмпатия [4].

Современные представители социологического подхода, такие как К. Боумен, Д. Рисмен, П. Слейтер [22] считают, что одиночество представляет внутренний аспект самочувствия человека, отторгаемого современными, урбанистическими потоками городской цивилизации. Общепринятым здесь считается мнение о том, что источником этого одиночества является ослабление социальных связей и увеличение личностной мобильности. Это превращает людей в «одинокую толпу», образ которой символизирует социологическое понимание одиночества [2, с. 95].

Таким образом, социологи конструируют образ одиночества, причиной которого, является воздействие на личность внешних социальных процессов, приводящих к его социальному обособлению. При этом само одиночество оценивается, как объективно существующее социальное явление, описываемое статистическими показателями, характеризующими развитие общества. Одиночество, по мнению социологов, проявляется как реакция индивида на специфические социальные условия, заставляющие его замкнуться в себе и избегать контактов с другими людьми [5].

Это отношение к одиночеству, выраженное в трудах представителей социологической науки, отражается в таком социологическом методе, как демографический, в рамках которого под понятием «одиночество» имеется в виду социальная позиция, основанная на отрицательном отношении человека к браку, что фиксируется статистическими данными [13]. Демография разрабатывает достаточно образ одиночества, рисуемого как статический показатель численности тех, кто не участвует в брачных отношениях и поэтому, может характеризоваться как одинокий, то есть не состоящий в браке. Данный образ используется в демографической политике, так как имеет существенное функциональное значение, связанное с тем, что одиночество является одним из ведущих факторов, отрицательно влияющих на воспроизводство населения. Однако важно отметить, что статистический критерий, отражающий количество людей, не состоящих в браке, вряд ли может считаться достаточным, для того, чтобы считать этих людей

одинокими. Например, лицо может не состоять в юридическом браке, но поддерживать отношения, которые, являются фактическим браком [9].

Однако сведение проблематики одиночества к перечислению проблем социального института семьи является существенным упрощением проблемы, так как значительная часть этой проблематики касается не внешних условий проживания человека, а его внутренних, духовных переживаний. Безусловно распространение идеологии одиночества как предпочтительной модели образа жизни может представлять известную угрозу для функционирования института семьи, но основная проблема заключается все-таки в том, что семья изменилась качественно, и с одной стороны, ее отсутствие не может служить достоверным показателем одиночества, а ее наличие не может выступать достаточным фактором преодоления одиночества [17].

В частности, в современный период времени в силу ряда причин возрастает роль правового регулирования взаимоотношений отдельной личности и общества, и поэтому, сегодня одним из наиболее значимых аспектов одиночества, является правовая сторона его проявления и регуляции, которая привлекает внимание представителей юридического подхода. Несмотря на то, что правовое регулирование одиночества носит опосредованный характер, юридический подход позволяет рассматривать систему регуляторов поведения человека, считающегося одиноким в правовом смысле [6]. При этом, социологический и юридический образ одиноче-

ства конструируются, исходя из данных внешних параметров социального поведения, таких как безбрачие и одинокий образ жизни. В то же время, эти анализ этих данных не учитывает того, что физическое и юридическое состояние изолированности человека не может быть приравнено одиночеству [12]. Социологический, также как и юридический образ одиночества отличается высокой степенью редукции и не подразделяет типы поведения одиноких людей, которые могут быть полностью погружены в себя, переживая одиночество, как абсолютную и целостную полноту замкнутого на себе изолированного сознания, а могут переживать локальные ощущения и переживания чувства одиночества, находясь в условиях интенсивного социального взаимодействия. Таким образом, подавляющее большинство описываемых в социологии и юридической науке людей, испытывают чувство одиночества, одновременно находясь в мире людей, взаимодействуя с ними [8].

Это чувство глубоко психологично и недоступно для социологических и юридических исследований, поэтому, для проникновения в ситуацию одиночества, часто используют методы психологии. В процессе поиска причин одиночества психологи анализируют личностные факторы, способствующие его возникновению. В центре внимания психологов оказывается изучение одинокой жизни как показателя психологического самочувствия индивидов [7].

Психологический образ одиночества рисует это чувство как глубоко личностное переживание, связан-

ное происхождение с индивидуальным сознанием человека. Специфика же человеческого сознания состоит в его многообразии, причиной чего являются многообразные образы психологические одиночества. Психологические образы одиночества конструировались в исследованиях таких авторов, как Д. Зилбург [25], Г. Салливан [23], Ф. Фромм-Рейхман [19]. Однако все они ориентировались на тот образ, который был создан в творчестве З. Фрейда, который считал, что причиной одиночества являются детские страхи, рожденные боязнью темноты и «океаническим чувством», вызывающим ощущение бексочности [16].

Ученики З. Фрейда также связывали одиночество с пережитым в детстве ощущением небытия, и доказывают, что маленькие дети подверженные эгоцентризму, предрасположены к одиночеству, так как в дальнейшем будут переживать пессимистические чувства в отношении возможности межличностных отношений. В своем большинстве психологи конструируют такие образы одиночества, в котором оно выступает в роли патологии. Например, основываясь на результатах психологического анализа пациентов, считающихся одинокими, Д. Рассел, Л. Пепло, и К. Кутрона [21] пришли к выводу, что одиночество представляет собой состояние личности, подверженной депрессии, обеспокоенности и другим формам психологического расстройства. Их объединяет вера в то, что фактором, способствующим возникновению одиночества, являются внутриличностные особенности в развитии самосознания человека. Причинами

одиночества они считают впечатления ребенка, пережитые им в раннем детстве [15].

Образ субстанционального одиночества, которое изначально присуще человеку, как самопознающему существу рисует Дж. Вилберф, К. Джонсон, Г. Кристенсен, Э. Маклин, К. Роджерс, Дж. Ховарт, К. Хорни, Е. Хэвенс [20] которые утверждают, что самосознание человека делает его рабом своей субъективности. Замкнутость человека в пределах своего тела рождает стремление преодолеть эти границы и либо вобрать в себя Другого, либо выйти за рамки телесной клетки. Однако полностью преодолеть изоляцию не дано никому, поэтому человек обречен ощущать одиночество. Эти авторы полагают, что одиночество является атрибутивной характеристикой жизни современного человека, подверженного влиянию следующих факторов: самопожертвование, дефекты, связанные с наследственностью, здоровье, характер или способности, увлеченность какой-либо идеей, например религиозной аскезой, желание славы, творческий успех и т.д. и как следствие принесение в жертву своей личной жизни, а также отсутствие адекватной возможности тесного, личностного взаимодействия с другими людьми и в результате отрицательное отношение к идее связанности с другим человеком, в том числе отрицательное отношение к браку [26].

Таким образом, образ одиночества в рамках психологической науки сводится к описанию субъективных обстоятельств, понимаемых как внутриличностные факторы, влияющие на формирование этого

чувства. Сюда входит влияние внутриспсихологических конфликтов, собственного умственного или физического нездоровья, сексуальных расстройств. Вместе с этим необходимо указать на наличие разных и антиномичных образов одиночества в психологии. Одни из них связываются с клинической практикой лечения патологий, другие основаны на описаниях людей, которые, не будучи пациентами психиатрических клиник, выбирают одиночество, в качестве образа жизни [14].

Таким образом, социологический и психологический подходы раскрывают два разных образа одиночества, в одном из которых одиночество представлено только, только как результат воздействия внешних сил, а в другом, только как аспект внутреннего духовного переживания. Эта ограниченность была подвернута критике со стороны подходов, стремящихся к синтезу положений социологических и психологических концепций, таких как интеракционизм и когнитивный подход, с точки зрения которых внутренние переживания самым непосредственным связаны внешним опытом. Представители этих подходов не противопоставляют друг другу различные образы одиночества, напротив, они стремятся к их синтезу, предполагая, что один и тот же человек может переживать чувство одиночества, как в течение кратких, так и длительных периодов. При этом краткое переживание одиночества считается нормальным состоянием, а длительный, сопровождаемый интенсивными переживаниями, психопатологическим. В целом отношение к переживанию одиночества со стоны данных подходов основывается на убеждении о том, что

человек нуждается в периодах уединения, к которому сам стремится. При этом уединение не считается панацеей, так как оно должно быть уравновешено за счет общения, недостаток которого определяется ими в как одиночество [1].

В интеракционизме, представителем которого является Р. Вейс, постулируется, что причиной одиночества не может быть признан ни фактор внешнего влияния, ни фактор личности, действующие по отдельности. Р. Вейс конструирует образ, в котором одиночество выступает как интерактивный продукт совместного, внешнего и внутреннего влияния. Этот образ содержит описание специфически понимаемых отношений привязанности, которые считаются участвующим в них человеком недостаточными для полноценного взаимодействия, удовлетворяющего базовые социальные потребности личности. Конструируя данный образ одиночества, Р. Вейс описал два типа такого, как он полагал неполноценного социального взаимодействия, имевших различные причины и последствия. Один из типов одиночества, именуемый им «эмоциональное одиночество», представляет результат отсутствия любовной или супружеской привязанности. Другой тип одиночества именуется им термином «социальное одиночество» и означает реакцию человека на отсутствие значимых социальных связей и чувства общности [24].

В том и в другом случаях, человек, переживая состояние разрыва социальных связей, начинал чувствовать тоску, беспокойство, тревогу, пустоту, которые Вейс называл одиночеством. Образ Вейса рисует одиночество, как нормальную

реакцию человека на внутренние, личностные и внешние, ситуативные воздействия [24]. Между внешними и внутренними факторами, как считал Вейс, возникает интеракция, результатом которой является возникновение одиночества. При этом среди причин предпочтение отдавалось внешним, ситуативным факторам, которые играют ключевую роль в возникновении одиночества. Однако образ одиночества, который рисует Вейс, это очень упрощенное представление описываемого явления, так как одиночество представлялась ему тяжелым заболеванием, приступы которого могут быть сняты с помощью специальных средств и снадобий.

Большое сходство с образом, который конструируется в интеракционизме, имеет образ одиночества, сформулированный в рамках системного подхода, представителями которого являются Дж. Янг, А. Герсон, Д. Перлман, Дж. Фландерс [18], которые представили одиночество, как элемент многоуровневой системы взаимодействия живых организмов от клеточного уровня до международного. В этой системе одиночество играет роль механизма обратной связи, позволяющего человеку стабилизировать устойчивый оптимальный процесс контактов.

Необходимо отметить, что системный образ одиночества, как правило, нацелен на обоснование закономерности возникновения одиночества в условиях современных социально-экономических процессов развития рыночных отношений как на массовом, так и на индивидуальном уровне. Согласно этой точке зрения, одиночество является следствием пауперизации значительных масс населения, а также

безработицы, преступности, которые влияют на снижение общественного уровня нравственности. В рамках системного объяснения одиночество предстает в образе инструмента отчуждения человека, с помощью которого человек стремится уйти от трудностей жизни [27].

Еще одной попыткой преодолеть ограниченность социологического и психологического подхода является когнитивный подход, представленный в трудах Л. Пепло, которая интерпретируя концепцию Р. Вейса, создала собственный образ одиночества, структурой которого стали такие слагаемые, как самосознание, стремление к установлению социальных контактов и установление уровня этих контактов [21]. Образ одиночества у Л. Пепло раскрывает картину, согласно которой одиночество, это состояние осознания человеком неполноценности своих социальных связей. Наряду с тем, что человек ощущающий свое одиночество продолжает взаимодействовать с другими людьми, он ощущает свою неполноценность, а низкая самооценка снижает частоту его контактов с внешним миром, в свою очередь снижение интенсивности взаимодействия с другими людьми негативно влияет на его самооценку, которая продолжает опускаться все ниже и ниже. Одиночество, согласно представителям когнитивного подхода представляет собой психическое состояние, возникающее в результате переживания чувства распада личности и утраты гармоничного взаимодействия человека с внешним миром. Из этого положения когнитивисты делают вывод о том, что сущностью

одиночества являются познавательные процессы, формирующие чувства и направляющие действия человека.

Выводы:

В целом, перечисленные подходы, создавая свои образы одиночества, представляют набор признаков, по которым можно определить одиночество, как явление многоаспектное и противоречивое. В зависимости от занимаемой исследователем точки зрения одиночество может пониматься как аспект биологической, социальной, этической, культурной и т.д. активности человека. При этом, каждая из научных дисциплин раскрывает «свой» образ одиночества, редуцируя его к возможностям своей методологии и отказываясь от попыток договориться об общих значениях терминов.

Созданный в результате эмпирических исследований образ одиночества рисует общую картину социального переживания чувства одиночества, что позволяет делать научные прогнозы и облегчает задачу идентификации индивидов, которые считают себя одиночками. Вместе с этим широкое распространение темы одиночества в науке не затрагивает вопроса о гуманистических ценностях современного человека и общества, взаимодействие которых носит не только внешний социальный, но и глубоко внутренний, духовный характер. Таким образом, эмпирические научные дисциплины создают образ одиночества, в рамках которого представляют разные наборы социальных и личностных признаков, которые претендующих на характеристику сущности одиночества. При этом

если в рамках эмпирических наук создаются образы социальных факторов, обеспечивающих условия для развития чувства «социального одиночества», то создать верифицированный образ одиночества, переживаемой каждой личностью эмпирические ученые пока не в состоянии.

Литература

1. Антонова Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131-143.
2. Бубер М. Проблема человека. Перспективы // Лабиринты одиночества. М., 1989. С. 95.
3. Бушуева Е. С. Социокультурная среда Забайкалья: специфика формирования: учебное пособие // Е. С. Бушуева, А. В. Жуков. Чита: ЗабГУ, 2012. 170 с.
4. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.
5. Жуков А. В. Формирование религиозно-мифологического мировоззрения и мифы о религиозности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 3 (60). С. 27-33.
6. Жуков А. В. Религиозность, субъективизм и конструирование концепций религиозной личности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 2 (59). С. 129-136.
7. Жуков А. В. Традиционная народная религиозность и проблема «двоеверия» // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 2 (69). С. 10-15.
8. Жуков А. В. Религиозное мифотворчество в обыденной религиозности населения Байкальского региона: автореферат дисс. докт. филос. Н: 09.00.14. Чита, 2011. 45 с.
9. Жуков А. В. Факторы рецепции мифологических образов Китая в менталитете населения Забайкалья // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014 № 1(104). С. 120-128.
10. Каштанова О. В. Феномен социального одиночества в современном российском обществе: дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.04. Нижний Новгород, 2014. 159 с.
11. Пузанова Ж. В. Одиночество: возможности эмпирического исследования // Вестник Российского университета Дружбы народов. 2008. № 4. С. 28-37.
12. Рогова Е. Е. Проблемная область одиночества в современном обществе // Общество, политика, экономика, право. 2010. № 1. С. 18-24.
13. Сафронова Т. Г. Особенности и тенденции брачности в России // Инициативы XXI в. 2010. № 3. С. 53-55.
14. Стебляк Е. А., Виноградченко А. И. Образы и символы одиночества в сознании подростков-сирот с интеллектуальной недостаточностью // Вестник Омского государственного педагогического университета. 2014. № 1(2). С. 148-152.
15. Социология: концепции, отраслевые теории и методика прикладного исследования: учебное пособие // В. Г. Зарубин (ред). СПб: Легион-М, 2013. Вып. 3. 511 с.
16. Фрейд З. Сновидения. Сексуальная жизнь человека. Избранные лекции. Алма-Ата: Наука КазССР, 1990. 191 с.

17. Шагивалеева Г. П. Культурологическое и психологическое понимание одиночества // Концепт. 2013. Спецвыпуск № 1. С. 1-11.

18. Flanders J. P.A general Systems approach to loneliness //Sourcebook of Current Theory, Research and Therapy. New York: John Wiley and Sons, A Wiley. Interscience Publication, 1982. 430 p.

19. Fromm-Reichmann F. Loneliness // Psychiatry. NY, 1959.N 22.Pp. 1-15.

20. Havens M. Women, work and wedlock: A note on female marital patterns in the United States// American Journal of Sociology 78 (January). P. 975-981.

21. Russell D , Peplau L. A., Cutrona C. E. The Revised UCLA Loneliness Scale: Concurrent and discriminate validity evidence. Journal of Personality and Social Psychology.1980. 39. Pp. 472.

22. Slater P. E. The pursuit of loneliness: monograph. Boston: Beacon Press, 1976. 316 p.

23. Sullivan H. S. The interpersonal theory of psychiatry: monograph. NY: Norton, 1953. 412 p.

24. Weiss R.S. Loneliness. The Experience of Emotional and Social Isolation: monograph. Cambridge: MIT Pres. 1973. 260 p.

25. Zilboorg G. Loneliness // Atlantic Monthly, January, 1938. P. 45-54.

26. Zhukov A., Beryukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. Impact of Social Myths on the Construction of German Identity in Russian Polyethnic Region // Indian Journal of Science and Technology. 2016. T. 9. № 42. С. 104239.

27. Zhukov A., Zhukova A. Methodological Features of Study and Development of «Ethnic Cultures» Images in China // IEJME:

Mathematics Education. 2016. T. 11. № 5. С. 1321-1330.

The study of the image of loneliness in empirical research

Mladenov V.I.

Trans-Baikal State University

The article is devoted to a discussion of the content of the image of loneliness constructed by empirical sciences such as sociology, demography, jurisprudence, and psychology. As the author shows, empirical research focuses on the development of standard images of loneliness for these sciences, among which one-dimensional, sociological, demographic, legal, psychological images and multidimensional, integrationist and cognitive-systemic images are used, within which researchers try to synthesize different approaches to explanation factors, characteristics and signs of loneliness, which claim to characterize the essence of loneliness. Moreover, as the author proves, if within the framework of empirical sciences images of social aggregates are created that provide conditions for the development of a feeling of loneliness, empirical scientists are not yet able to create a verified image of loneliness experienced by each person.

Key words: Images of loneliness, scientific concepts of loneliness, sociological image of loneliness, demographic image of loneliness, legal image of loneliness, psychological image of loneliness, interactionist image of loneliness, cognitiveistic image of loneliness.

References

1. Antonova N.V. The problem of personal identity in the interpretation of modern psychoanalysis, interactionism and cognitive psychology // Psychology Issues. 1996. No. 1. S. 131-143.
2. Buber M. The problem of man. Perspectives // Labyrinth of Solitude. M., 1989.S. 95.
3. Bushueva E. S. Socio-cultural environment of Transbaikalia: specifics of formation: a training manual // E. S. Bushueva, A. V. Zhukov. Chita: ZabSU, 2012.170 s.
4. Durkheim E. Suicide: a sociological study. M.: Thought, 1994.399 s.
5. Zhukov A. V. The formation of a religious-mythological worldview and myths of religiosity // Bulletin of Chita State University. 2010. No. 3 (60). S. 27-33.
6. Zhukov A. V. Religiosity, subjectivity and the construction of concepts of a religious

- person // Bulletin of Chita State University. 2010. No. 2 (59). S. 129-136.
7. Zhukov A. V. Traditional folk religiosity and the problem of "dual faith" // Bulletin of Chita State University. 2011. No 2 (69). S. 10-15.
 8. Zhukov A. V. Religious myth-making in the everyday religiosity of the population of the Baikal region: abstract of diss. Doct. Philos. H: 09.00.14. Chita, 2011.45 s.
 9. Zhukov A. V. Factors of reception of mythological images of China in the mentality of the population of Transbaikalia // Bulletin of the Transbaikalia State University. 2014 No. 1 (104). S. 120-128.
 10. Kashtanova O. V. The phenomenon of social loneliness in modern Russian society: Diss. ... cand. social Sciences: 22.00.04. Nizhny Novgorod, 2014.159 s.
 11. Puzanova J.V. Loneliness: the possibility of empirical research // Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. 2008. No. 4. P. 28-37.
 12. Rogova E. E. The problem area of loneliness in modern society // Society, Politics, Economics, Law. 2010. No. 1. S. 18-24.
 13. Safronova T. G. Features and trends of marriage in Russia // Initiatives of the XXI century. 2010. No. 3. P. 53-55.
 14. Steblyak E. A., Vinogradchenko A. I. Images and symbols of loneliness in the minds of orphans with intellectual disabilities // Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. 2014. No. 1 (2). S. 148-152.
 15. Sociology: concepts, industry theories and methods of applied research: a training manual // V. G. Zarubin (ed.). St. Petersburg: Legion-M, 2013. Issue. 3.511 s
 16. Freud, Z. Dreams. Sexual life of man. Selected lectures. Alma-Ata: Science of the Kazakh SSR, 1990.191 p.
 17. Shagivalieva G. R. Cultural and psychological understanding of loneliness // Concept. 2013. Special issue No. 1. P. 1-11.
 18. Flanders J. P. A. general Systems approach to loneliness // Sourcebook of Current Theory, Research and Therapy. New York: John Wiley and Sons, A Wiley. Interscience Publication, 1982. 430 p.
 19. Fromm-Reichmann F. Loneliness // Psychiatry. NY, 1959.N 22.Pp. 1-15.
 20. Havens M. Women, work and wedlock: A note on female marital patterns in the United States // American Journal of Sociology 78 (January). P. 975-981.
 21. Russell D, Peplau L. A., Cutrona C. E. The Revised UCLA Loneliness Scale: Concurrent and discriminate validity evidence. Journal of Personality and Social Psychology. 1980. 39. Pp. 472.
 22. Slater P. E. The pursuit of loneliness: monograph. Boston: Beacon Press, 1976.316 p.
 23. Sullivan H. S. The interpersonal theory of psychiatry: monograph. NY: Norton, 1953.412 p.
 24. Weiss R.S. Loneliness The Experience of Emotional and Social Isolation: monograph. Cambridge: MIT Pres. 1973. 260 p.
 25. Zilboorg G. Loneliness // Atlantic Monthly, January, 1938. P. 45-54.
 26. Zhukov A., Bernyukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. Impact of Social Myths on the Construction of German Identity in Russian Polyethnic Region // Indian Journal of Science and Technology. 2016.V. 9. No. 42. S. 104239.
 27. Zhukov A., Zhukova A. Methodological Features of Study and Development of "Ethnic Cultures" Images in China // IEJME: Mathematics Education. 2016.Vol. 11. No. 5. P. 1321-1330.

Роль самооценки в проявлении склонности к компьютерной зависимости

Орлова О.М., Башук Е.Н.

В исследовании изучается взаимосвязь симптомов неадекватной самооценки в проявлении склонности к компьютерной зависимости. Установлены достоверные различия юношей и девушек по проявлениям гейм-аддикции и интернет-коммуникации. Обнаружены корреляции компьютерной аддикции с неадекватным отношением к жизни, заниженной самооценкой, социальной изолированностью и социальной зависимостью, а также с личностными проблемами принятия решений.

Ключевые слова: компьютерная аддикция, самооценка, социальная дезадаптация, поведение студенческой молодежи

Компьютерная аддикция (или кибераддикция) является одной из ключевых проблем распространения цифровых технологий в жизни человека [1, 7]. В определенных обстоятельствах интерес к компьютерным играм, гаджетам, on-line-общению, а также увлеченность Интернетом могут перерасти в разные формы зависимости, при которых времяпровождение за компьютером, либо другими цифровыми устройствами виртуальной среды, превышает допустимые нормы. При этом может иметь место разрушающее воздействие на психику. Особо деструктивное значение это имеет для молодежи [3, 5]. Психологические аспекты данной проблемы касаются личностных и социальных причин аддикции. Одним из факторов предрасположенности к компьютерной зависимости является самооценка. Исследования показывают её ключевую роль в формировании склонности к зависимому поведению [2, 4]. Вместе с тем, роль отдельных симптомов неадекватной самооценки в предрасположенности к различным видам аддикции изучена недостаточно. Целью данной работы является изучение взаимосвязи склонности к различным формам компьютерной зависимости с отдельными составляющими

неадекватной самооценки на примере студентов гуманитарных направлений подготовки.

Исследование проводилось на студенческих группах. Использовались сравнительный анализ с применением U-критерия Манна-Уитни и корреляционный анализ по Спирмену. Для математического анализа использовалась статистическая программа SPSS 19.0.

Для диагностики склонности к зависимому поведению использовалась методика «Компьютерная аддикция». Эта методика разрабатывается нами для определения лиц подросткового и юношеского возраста с проявлениями зависимого поведения при взаимодействии с компьютером. Под компьютерной аддикцией (кибераддикцией) понимается зависимость от виртуальной среды, созданной с помощью компьютерных технологий [8]. Опросник состоит из 32 утверждений, которые относятся к 4 шкалам:

а) привязанность к Интернету – навязчивое желание просматривать различные сайты),

б) игровая зависимость (гейм-аддикция) – зависимость от компьютерных игр,

в) зависимость от сетевого общения – избыточные интернет-коммуникации в виртуальной среде,

г) гаджет-зависимость – навязчивое желание приобретать новинки цифровых устройств.

Отличие данной методики от аналогичных заключается в её компактности при достаточно широкой оценке различных видов киберзависимости (4 вида). Особенностью данной методики является структурированный список поведенческих признаков, выделенных экспертным

методом, каждый из которых является показателем склонности к зависимости. Осуществлены оценка валидности и внутренней согласованности шкал данного опросника. Сопоставлялись диагностические показатели методики «Компьютерная аддикция», а также тестов «Шкала Интернет-зависимости» А.Е. Жичкиной, «Опросник на Интернет-зависимость» К. Янг (в адаптации В. Буровой), «Тест для определения степени компьютерной зависимости» Т.А. Шишковец, «Опросник проблематичного использования Интернета» Р. Дэвиса (в адаптации Э. Губенко). Внутренняя согласованность оценивалась с использованием метода Кьюдера — Ричардсона [6]. Определены статистические нормы по тесту на основе шкалы процентиля. Психометрическая проверка показала высокую надежность и конструктивную валидность методики. Исследование эмпирической валидности продолжается.

Для диагностики самооценки использовался опросник «Симптомы неадекватной самооценки» А.В. Орлова [6]. Данная методика разрабатывалась, как исследовательская методика для оценки объективности лиц в их способности характеризовать себя и других людей. Опросник «Симптомы неадекватной самооценки» предназначен для определения выраженности показателей неадекватности респондентов в собственной самооценке или оценке других людей. К характеристикам неадекватной самооценки относятся: 1) неадекватное отношение к жизни, 2) неадекватно завышенное самомнение, 3) неадекватно заниженное самомнение, 4) предвзятость, 5) иррациональность

и проблемы принятия решения, 6) социальная желательность, 7) социальная изолированность, 8) социальная зависимость, 9) самопрезентация. Методика имеет хорошие показатели надежности и валидности.

В исследовании участвовали студенты 1-3 курсов, обучающиеся по экономическим, социальным, психологическим и филологическим направлениям подготовки в количестве 316 человек, в том числе 125 юношей и 191 девушка. Возраст – от 17 до 23 лет. Большинство студентов демонстрировали невысокие показатели как компьютерной зависимости в целом, так и отдельных её составляющих, на уровне от 0 до 3 баллов по шкалам опросника. Достоверных различий между студентами разных направлений подготовки не установлено. Можно предположить, что студенты разных профессиональных групп демонстрируют в целом более-менее одинаковую привязанность к компьютерной деятельности. Наибольший интерес у студентов вызывает поиск информации в сети Интернет, а также возможности сетевого общения. Симптомы гейм- и гаджет-зависимости выражены в меньшей степени.

Вместе с тем, установлены отличия юношей и девушек по некоторым формам компьютерной аддикции. Средние показатели невысокие (1,0 – 3,5 баллов), однако различия достоверны. Юноши демонстрируют достоверно ($p < 0,01$) большую склонность к гейм-аддикции, а девушки – привязанность к сетевому общению ($p < 0,05$). По проявлению привязанности к Интернету и гаджет-зависимости отличий не установлено. Также девушки достоверно больше времени, по их оценкам, проводят за компьютерами или

аналогичными устройствами. Вероятно, это связано с большей прилежностью девушек при выполнении домашних заданий на компьютере, подготовкой к занятиям и аттестации.

Основной задачей нашего исследования было изучение взаимосвязи различных форм компьютерной зависимости с выраженностью симптомов неадекватной самооценки. В результате корреляционного анализа установлено несколько достоверных связей ($p < 0,01$), указывающих на определенное значение некоторых деструктивных проявлений самооценки для развития кибераддикции.

Неадекватное отношение к жизни, то есть негативная оценка собственной жизни связана положительными корреляциями с гейм-аддикцией ($r = 0,37$), пристрастием к Интернету ($r = 0,32$), зависимостью от сетевого общения ($r = 0,30$). Это может говорить о том, что ощущение пустоты, бесполезности, беспомощности, невостребованности, настрой на неприятности, разочарование в своих возможностях способствуют развитию компьютерной аддикции. Аналогичные взаимосвязи установлены у данных форм киберзависимости с проявлением неадекватно заниженной самооценки, то есть неуверенностью в себе ($r = 0,30-0,41$).

Иррациональность и проблемы принятия решения, как неадекватное проявление самооценки, выражающееся в постоянных сомнениях, ощущении собственной неправоты, импульсивности в принятии решения, непоследовательности, коррелирует с привязанностью к Интернету ($r = 0,52$) и сетевому общению ($r = 0,43$). Возможно лица, имеющие сложности с принятием

решений ищут в виртуальной среде что-то, что способствует их ощущению определенности и собственной правоты.

Социальная изолированность (ощущение одиночества, отсутствие возможности или желания вступать в социальные контакты) и социальная зависимость (ориентация на мнение авторитетных личностей, слабых характерность, конформность) имеют достоверные корреляционные связи с привязанностью к Интернету (соответственно, $r=0,48$ и $r=0,35$) и игровой зависимостью (соответственно, $r=0,43$ и $r=0,31$). Возможно, в данном случае, виртуальная реальность компенсирует недостаток полноценных межличностных отношений.

Самопрезентация – то есть стремление представить себя в социальном окружении в выигрышном свете, намерение понравиться другим людям, скрывая недостатки, коррелирует с повышенным стремлением к сетевому общению ($r=0,32$) и гаджет-аддикцией ($r=0,30$). Вероятно, эти формы зависимости поддерживают общее стремление данных людей производить впечатление на других.

Не установлено достоверных корреляций кибераддикции со следующими проявлениями неадекватной самооценки:

— предвзятости – не критичным отношением к собственному мнению, ощущению собственной правоты без должных оснований,

— неадекватно завышенным самоощущением – чрезмерно высокой самооценкой, не соответствующей реальным возможностям и достижениям человека,

— социальной желательностью – демонстративной приверженностью социальным нормам, вероятно не соответствующей реальному поведению, выражающейся в чрезмерных требованиях долга и морализаторстве.

В целом, на основании проведенного исследования, можно заключить, что проявления компьютерной аддикции и неадекватной самооценки оказываются взаимосвязаны. Положительные достоверные коэффициенты корреляции показывают, что дезадаптированные лица, не приспособленные к результативному социальному поведению имеют повышенную склонность к компьютерной аддикции.

Литература

1. Белинская Е.П. Психология интернет-коммуникации. М.: МПСУ; Воронеж: МОДЕК, 2013. 192 с.
2. Гарева Н.А., Луковкина А.Ю., Жаурова А.А., Парин С.Б., Полевая С.А. Исследование характера связи между деятельностью в компьютерной виртуальной реальности и психофизиологическим профилем школьников и студентов // Экспериментальный метод в структуре психологического знания / Отв.ред. В.А.Барабанщиков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 471-477.
3. Интернет-зависимое поведение у подростков. Клиника, диагностика, профилактика / В.Л. Малыгин и др. М.: Арсенал образования, 2010. 136 с.
4. Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / Ред.-сост. А.Е. Войскунский. – М.: Акрополь, 2009. 279 с.

5. Ларионова С.Ю., Дегтерев А.С. Интернет-зависимость у студентов: вопросы профилактики // Психологическое образование в России. 2013, № 2. С. 232-239.

6. Орлов А. В. Связь самооценки студентов с их отношением к родителям // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики / Под ред. С. В. Петрушина. Казань: Изд-во «Отечество», 2009. С. 477-482.

7. Юрьева Л.Н., Болбот Т.Ю. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика. Днепропетровск: Пороги, 2006. 196 с.

8. Suler, J. Computer and cyberspace addiction // International Journal of Applied Psychoanalytic Studies. 2004, № 1. P. 359-362.

The role of self-esteem in the manifestation of a tendency to computer addiction

Orlova O.M., Bashuk E.N.

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The study examines the relationship of symptoms of inadequate self-esteem in the manifestation of a tendency to computer addiction. There are significant differences between boys and girls in the manifestations of game addiction and Internet communication. Correlations of computer addiction with inadequate attitude to life, low self-esteem, social isolation and social dependence, as well as with personal decision-making problems were found.

Keywords: computer addiction, self-esteem, social disadaptation, behavior of students

References

1. Belinskaya E.P. Psychology of Internet communication. M.: MPSU; Voronezh: MODEK, 2013. 192 p.
2. Gareva N.A., Lukovkina A.Yu., Zhaurova A.A., Parin S.B., Polevaya S.A. Investigation of the nature of the relationship between activities in computer virtual reality and the psychophysiological profile of schoolchildren and students // An experimental method in the structure of psychological knowledge / Ed. V.A. Drummers. M.: Publishing House "Institute of Psychology RAS", 2012. S. 471-477.
3. Internet-dependent behavior in adolescents. Clinic, diagnosis, prevention / V.L. Malygin et al. M.: Arsenal of Education, 2010. 136 s.
4. Internet addiction: the psychological nature and dynamics of development / Ed.-comp. A.E. Voyskunsky. - M.: Acropolis, 2009. 279 p.
5. Larionova S.Yu., Degterev A.S. Students' Internet addiction: prevention issues // Psychological education in Russia. 2013, No. 2. S. 232-239.
6. Orlov A. V. The relationship of students' self-esteem with their attitude to parents // Challenges of the era in the aspect of psychological and psychotherapeutic science and practice / Ed. S.V. Petrushina. Kazan: Publishing House "Fatherland", 2009. S. 477-482.
7. Yuryeva L.N., Bolbot T.Yu. Computer addiction: formation, diagnosis, correction and prevention. Dnepropetrovsk: Thresholds, 2006. 196 s.
8. Suler, J. Computer and cyberspace addiction // International Journal of Applied Psychoanalytic Studies. 2004, No. 1. P. 359-362.

К вопросу о состоянии государственно-конфессиональных отношений в Новокубанском районе Краснодарского края в начале 70-х гг. XX в.

Письменная Т.Г., Письменный Р.Г., Погорелов С.С.

В статье рассматриваются особенности государственно-конфессиональных отношений в Новокубанском районе Краснодарского края в начале 70-х гг. XX в. Автор анализирует причины активизации религиозной жизни, приводит статистические данные о количестве религиозных объединений, фактах крещений, венчаний. Важная роль уделяется содержанию религиозных воззрений верующих, рассматриваются основные методы противодействия распространению религиозных культов со стороны советской власти.

Ключевые слова: Новокубанский район, религия, государственно-конфессиональные отношения.

В последнее время наблюдается усиление интереса ученых к развитию религиозной жизни на Кубани, что во многом обусловлено переходом правительства страны к построению кооперационной модели государственно-конфессиональных отношений. Данный процесс сопровождается усилением роли социальных институтов в качестве «регуляторов» взаимодействия религии и власти. В этой связи актуальным представляется исследование исторической ретроспективы указанной проблемы, в частности, в советский период.

Особое значение, на наш взгляд, имеет изучение темы на микрорегиональном уровне, что позволяет детально рассматривать отдельные аспекты государственно-конфессиональных отношений, попытка чего и предпринимается в настоящей статье на основе содержания материалов МУ Архивного отдела Администрации Новокубанского района.

Следует отметить, что конфессиональная ситуация на указанной территории не являлась предметом специального исследования. Среди общих работ, косвенно затрагивавших тему, следует отметить труды Клычкова Ю.Ю., Клибанова А.И.,

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Краснодарского края. (Проект № 18-49-230020 р_а «Государственно-конфессиональные отношения на Кубани в конце XVIII – нач. XXI вв.»)

Зудина А.И., Заалова М., Гараджи В.И., Введенского А.И., Цуциева А.А. и др. [см.: 1 – 11].

По состоянию на 1 января 1972 г. в районе было учтено 7 религиозных организаций и групп, в которых активно действовали православные, баптистские религиозные объединения, а также группы иеговистов и адвентистов.

Наиболее крупной в районе по количеству обществ, числу верующих, экономической мощи являлась Православная Церковь. В районе имелось 3 церкви – в городе Новокубанске, станице Советской и станице Бесскорбной. Доходы этих церквей в 1971 г. составили 82612 руб., что на 39,8 % больше, чем в 1970 г. При этом 79,4 % всех поступлений составили средства от продажи свечей и других предметов культа, 15,8 % – от религиозных обрядов, 4,8% – от добровольных пожертвований. Отметим, что доход Новокубанского молитвенного дома увеличился в 1972 г. на 81 % по сравнению с 1971 г. [15, Л. 1].

Священники и председатели церковных органов утверждали, что рост доходов был связан с увеличением числа людей, посещающих церкви, и исполнением религиозных обрядов.

Основу религиозных православных обществ составляли их учредители, члены исполнительных, а также ревизионных органов, которых вместе с хористами насчитывалось 144 человека, в том числе: мужчин – 30 %, женщин – 70 %.

Второе место по количеству верующих после православных занимали Евангельские христиане-баптисты. В районе действовало одно зарегистрированное общество, в котором насчитывалось 76 лиц и одна

незарегистрированная группа баптистов-откольников, в которую, по предварительным данным, входило 20-30 человек. Численность протестантов, в основном, увеличивалась за счет молодежи 18-30 лет.

В 1971 г. отмечалась активная деятельность объединения «Свидетелей Иеговы», которое действовало, главным образом, в хуторе Красная Поляна и городе Новокубанске. Руководители «сектантов» были враждебно настроены к государственному режиму, часто нарушали законы о культах, проводили в своих нелегальных группах изучение литературы, поступающей из США [14, Л. 36]. Под ее влиянием верующие часто отказывались от участия в общественных мероприятиях. Так, в 1971 г. все иеговисты отказались участвовать в выборах в Верховный Совет РСФСР и местные Советы депутатов трудящихся. Иеговисты Высоцкий И. Ф. и Ильчук Р. А. отказались от военных сборов. Оба были осуждены народным судом к лишению свободы.

Не менее активно действовала группа адвентистов, проживающая на территории Вольненского сельского Совета. Адвентисты стояли на позиции непризнания советских законов о культах, призывали своих единоверцев уклоняться от исполнения гражданских обязанностей, запрещали посещать кино, смотреть телевизионные передачи.

Духовенство открыто призывало верующих молиться не только дома, но и в молитвенных домах. Так, в своих проповедях священник Новокубанского молитвенного дома Костенко Петр Григорьевич поучал: «Христиане получили свободу вероисповедания, – говорил он, – и всюду стали молиться. Но человеку

надо иметь для этого определенное место. Если гражданин захочет учиться, он идет в школу, если заболел – идет в больницу, судиться захочет – идет в суд. Так точно и для молитвы ему надо иметь место. Именно такое место – молитвенный дом. В молитвенном доме он получает душевное утешение. Охлаждение к посещению молитвенного дома есть признак того, что слабеет вера, пала любовь к Богу, пала потребность общения в молитве с людьми» [15, Л. 3].

Главной темой баптистских проповедей являлось спасение во Христе. Встречались случаи, когда фанатично настроенные духовные наставники требовали от верующих вести, так называемое, «Духовное пустынножителство», смысл которого сводился к следующему. В земной жизни верующий не может избежать контактов с неверующими, но верующий обязан всегда помнить, что его спасение не связано с реальными земными делами, что общение с окружающими людьми не должно отвлекать от главного, от Бога. Жить среди людей, в каком-то определенном производственном или ином коллективе, но считать это окружение «пустыней», жить среди людей, но быть наедине с Богом.

Так баптист-откольник Воробьев Я. Н., заявлял: «Братья и сестры, мы окружены армией сильных врагов. Да ниспошлет нам Бог подкрепление. Мы являемся армией божьих слуг и должны набраться терпения перед мечом преследований, гонений и притеснений».

Верующий Ермоленко В. А. на одном из молитвенных собраний заявил: «Считаю вредным чтение ве-

рующими всяких посторонних книжек, хождение в кино, клубы. Все это абсолютно не нужно, только мешает спасению души».

В начале 70-х гг. XX в. заметно активизировалось посещение церквей и молитвенных домов подростками и детьми, сопровождаемыми не родителями, а бабушками и тетушками. Массовый характер такие посещения приняли у баптистов-откольников, иеговистов и адвентистов. Проповедники требовали от родителей не только воспитывать детей в религиозном духе, но и систематически приводить их в молитвенные собрания. Так, баптист-откольник Михайличенко Н. И. призывал верующих: «Плачете ли вы о грехах дочерей и сыновей ваших? Если же вы не сеете слова божия в чистых безвинных маленьких сердечках, то вы снова распинаете Христа» [15, Л. 5].

Необходимо отметить, что проповеди духовенства всех конфессий, адресованные детям, молодежи и их родителям, имели успех. Так, в 1971 г. в церквях было крещено детей школьного возраста на 30 % больше, чем в 1970 г. Всего крещение приняли 18 школьников, в т. ч.: в станице Бесскорбной – 4, в станице Советской – 6, в городе Новокубанске – 8.

В общей сложности в 1971 г. в церквях района было окрещено 496 человек или 29 % от числа всех новорожденных, что превысило показатель 1970 г. на 4,4 %. В 1971 г. было зарегистрировано 54,3 % браков в торжественной обстановке, что на 13,5 % больше, чем в 1970 г. В то же время увеличилось и количество венчаний: всего 6 пар – на 4 больше, чем в 1970 г. [15, Л. 5].

Определенное влияние на снижение церковной обрядности имело внедрение новой гражданской обрядности. В 1971 г. было зарегистрировано в торжественной обстановке 68,4 % новорожденных. В то же время многие родители не хотели обходить «ни атеистов, ни «Боженку» и после торжественной регистрации несли детей крестить в церковь [15, Л. 5].

Среди мер, которые предпринимала советская власть для противодействия распространению религиозных взглядов, следует отметить внедрение в быт новых гражданских обрядов, усиление контроля над соблюдением законодательства о культурах, изучение содержания проповедей духовенства всех конфессий, форм и методов влияния церковного актива на детей и молодежь. В Новокубанском районе пресекалась организация кружков, школ по обучению детей религии, а в отношении организаторов представлялись материалы в райисполком для постановки вопроса перед прокуратурой района о привлечении виновных к уголовной ответственности.

Таким образом, в начале 70-х гг. XX в., несмотря на идеологический контроль, в районе отмечалась активизация религиозной жизни. Атеистическая пропаганда не имела значительного успеха, наблюдался рост доходов религиозных организаций, увеличение количества прихожан. Особенности государственно-конфессиональных отношений в Новокубанском районе, несомненно, требуют дальнейшего изучения.

Литература

1. Клычников, Ю. Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864 гг.) [Текст] /

Ю. Ю. Клычников, М. В. Клычникова. – Пятигорск : Пятигорское книжное изд-во, 2006. – 158 с.

2. Клибанов, А. И. Религиозное сектанство в прошлом и настоящем [Текст] / А. И. Клибанов. – М. : Просвещение, 1973. – 176 с.

3. Зудин, А. И. Старообрядчество : Очерки традиционной культуры казачеств России [Текст] / А. И. Зудин. – Москва–Краснодар, 2005. – Т. 2. – 157 с.

4. Заалов, М. Меннониты и их колонии на Кавказе [Текст] / М. Заалов // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис : [б/и], 1897. – Вып. 23. – С. 89–127.

5. Гараджа, В. И. Критика новых течений в протестантской теологии [Текст] / В. И. Гараджа. – М. : Знание, 1977. – 62 с.

6. Введенский, А. И. Церковь и государство : очерк взаимоотношений Церкви и государства в России 1918-1922 [Текст] / А. И. Введенский. – М. : Знание, 1923. – 245 с.

7. Цуциев, А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004) [Текст] / А. А. Цуциев. – М. : Просвещение, 2007.

8. Бабич, А. В. Православные приходы советской Кубани [Текст] / А. В. Бабич, С. Н. Рыбко // Дело мира и любви. Очерки истории и культуры православия на Кубани. – Краснодар, 2000. – С. 117–123.

9. Белозеров, В. С. Этническая карта Северного Кавказа [Текст] / В. С. Белозеров. – М. : Наука, 2005. – 126 с.

10. Бондарь, Н. И. Модель традиционной культуры кубанского казачества [Текст] / Н. И. Бондарь // Традиционная культура кубанского казачества. Избранные работы. – Краснодар : изд. Краснодарского

экспериментального центра развития образования, 1999. – С. 26–45.

11. Кабузан, В. М. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование [Текст] / В. М. Кабузан. – СПб. : Просвещение, 1996. – 185 с.

12 МУ Архивный отдел Администрации Новокубанского района Ф. 105. Оп. 183. Д. 113447. Лл. 43-47.

13. МУ Архивный отдел Администрации Новокубанского района Ф. 105. Оп. 183. Д. 113338. Л. 37.

14. МУ Архивный отдел Администрации Новокубанского района Ф. 105. Оп. 183. Д. 113321. Л. 36.

15. МУ Архивный отдел Администрации Новокубанского района Ф. 105. Оп. 182. Д. 989. Л. 1-8.

On the state of confessional relations in the Novokubansky district of the Krasnodar Territory in the early 70's. XX century

Pismennaya T.G., Pismenniy R.G.
KubSU

The article discusses the features of state-confessional relations in the Novokubansky district of the Krasnodar Territory in the early 70's. XX century The author analyzes the reasons for the intensification of religious life, provides statistical data on the number of religious associations, the facts of baptisms, weddings. An important role is given to the content of religious beliefs of believers, the main methods of counteracting the spread of religious cults by the Soviet government are considered.

Key words: Novokubansky district, religion, state-confessional relations.

References

1. Klychnikov, Yu. Yu. Entry of the North Caucasus into the cultural field of Russia (1777-1864) [Text] / Yu. Yu. Klychnikov, MV Klychnikova. - Pyatigorsk: Pyatigorsk Book Publishing House, 2006. - 158 p.
2. Klibanov, A. I. Religious sectarianism in the past and present [Text] / A. I. Klibanov. - M.: Education, 1973. - 176 p.

3. Zudin, A. I. Old Believers: Essays on the traditional culture of the Cossacks of Russia [Text] / A. I. Zudin. - Moscow – Krasnodar, 2005. - Т. 2. - 157 p.

4. Zaalov, M. Mennonites and their colonies in the Caucasus [Text] / M. Zaalov // Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus. - Tiflis: [used], 1897. - Issue. 23. - S. 89–127.

5. Garaja, V. I. Criticism of new trends in Protestant theology [Text] / V. I. Garaja. - M.: Knowledge, 1977. -- 62 p.

6. Vvedensky, A. I. Church and State: an outline of the relationship between the Church and the state in Russia 1918-1922 [Text] / A. I. Vvedensky. - M.: Knowledge, 1923. -- 245 p.

7. Tsutsiev, A. A. Atlas of the ethno-political history of the Caucasus (1774-2004) [Text] / A. A. Tsutsiev. - M.: Education, 2007.

8. Babich, A. V. Orthodox parishes of the Soviet Kuban [Text] / A. V. Babich, S. N. Rybko // The cause of peace and love. Essays on the history and culture of Orthodoxy in the Kuban. - Krasnodar, 2000. - S. 117–123.

9. Belozerov, V. S. Ethnic map of the North Caucasus [Text] / V. S. Belozerov. - M.: Nauka, 2005. -- 126 p.

10. Bondar, N. I. Model of the traditional culture of the Kuban Cossacks [Text] / N. I. Bondar // Traditional culture of the Kuban Cossacks. Selected works. - Krasnodar: ed. Krasnodar Experimental Center for the Development of Education, 1999. - P. 26–45.

11. Kabuzan, V. M. The population of the North Caucasus in the XIX - XX centuries. Ethnostatistical research [Text] / V. M. Kabuzan. - SPb. : Enlightenment, 1996. -- 185 p.

12. МУ Архивный отдел Администрации Новокубанского района Ф. 105. Оп. 183. Д. 113447. Лл. 43-47.

13. МУ Архивный отдел Администрации Новокубанского района Ф. 105. Оп. 183. Д. 113338. Л. 37.

14. МУ Архивный отдел Администрации Новокубанского района Ф. 105. Оп. 183. Д. 113321. Л. 36.

15. МУ Архивный отдел Администрации Новокубанского района Ф. 105. Оп. 182. Д. 989. Л. 1-8.

Протестное голосование как результат социальной напряженности

Терентьев А.Ю.

В статье рассматривается феномен протестного голосования как особая форма электорального поведения. На основе таксономии Р. Альвареса и др. анализируются пять различных типов электорального протеста: радикальный, тактический, порча бюллетеней, организованный, «Против всех». Показаны основные факторы и проявления протестного голосования как в зарубежных странах, так и в современной России. Обосновано, что протестное голосование в современном российском обществе отражает растущую неудовлетворенность социально-экономическим и политическим положением, и носит форму, прежде всего, тактического протеста.

Ключевые слова: протестное голосование, электоральное поведение, социальный протест

Введение

Протестное голосование привлекает растущее внимание представителей социальных и политических наук и, как считается, начинает играть все более важную роль во многих странах [12; 17]. Исследователи фиксируют примеры такого типа электорального поведения не только в странах с имитационной или несовершенной демократией [14], но и в обществах с развитыми политическими институтами, таких как США, Канада, Австрия, Дания, Бельгия, Норвегия, Швеция, Италия, Нидерланды и др. [7-9; 12; 13; 15; 16]. В России также наблюдается рост интереса к феномену протестного голосования как возможного электорального проявления экономической стагнации, растущей социальной напряженности и консервации политической системы (см., напр. [1; 2; 4]).

Несмотря на широкое освещение, протестное голосование как особый тип электорального поведения остается крайне противоречивым и малообъясненным явлением. На сегодняшний день отсутствует сколько-нибудь общепринятая трактовка протестного голосования, лежащих в его основе факторов, а также надежных способов его фиксации. В общем смысле, протестное голосование рассматривается как негативный тип

электорального поведения, при котором голосование определяется не столько содержательными политическими предпочтениями, сколько стремлением выразить недовольство существующим положением дел. Однако содержательное и формальное многообразие ситуаций, описываемых как протестное голосование, привело теоретиков к выводу о необходимости разработки таксономии, которая могла бы адекватно отразить различный смысл, который имеет протестное голосование в тех или иных ситуациях. Отталкиваясь от типологии, предложенной Р.Альваресом и др. [6], в статье рассмотрено содержание и факторы разных типов протестного голосования, а также возможность применения этой типологии к объяснению текущей социально-политической ситуации в России

Типы протестного голосования

Исследователи из Калифорнийского технологического института предложили таксономию протестного голосования, демонстрирующую, что за схожими паттернами электорального поведения могут лежать значительно различающиеся мотивы и стратегии избирателей [6]. Более конкретно, исследователи выделили пять типов протестного голосования.

1. «Радикальное протестное голосование» – голосование за партии (кандидатов), которые являются альтернативой традиционным крупным партиям и отличаются анти-истеблишментской, неортодоксальной, идеологически радикальной или даже фривольной повесткой.

2. «Тактическое протестное голосование» – голосование за менее

предпочтительную партию из тактических соображений. В данном случае, избиратели таким образом транслируют сигнал своей партии о своем недовольстве и разочаровании ее позицией по отдельным вопросам.

3. «Порча бюллетеней» (BNS voting) – вид протестного голосования, при котором избиратели осознанно портят бюллетень, оставляют его незаполненным, нарушают правила заполнения, делая его таким образом недействительным.

4. «Организованное протестное голосование» – скоординированные кампании, в ходе которых определенные политические силы, из-за лишения их права участия выборах или по иным политическим соображениям призывают своих сторонников голосовать протестным образом.

5. «Против всех» (NOTA) – официально санкционированное протестное голосование, то есть, отметка в бюллетене графы «Против всех», если таковая предусмотрена избирательным законодательством.

Протестное голосование в зарубежных странах и в России

Существующие данные позволяют понять причины, по которым в тех или иных обществах реализуются различные сценарии протестного голосования. Так, исследование Г. Поп-Элеше, посвященное протестному голосованию в посткоммунистических странах Европы, позволяет заключить, что радикальное протестное голосование является в наибольшей мере негативным, то есть, голосованием не за определенную повестку или идеологию, а

против сложившейся политической системы. Исследование, охватившее выборы в Албании, Болгарии, Чехии, Венгрии и других странах Восточной Европы, показало, что доля тех, кто голосует за неортодоксальные партии (не относящиеся к мейнстриму), была значительно выше среди избирателей, разочарованных в демократии [14]. То есть, протестное голосование в значительной мере является протестом не против конкретной политической силы, а против всего общественно-политического строя, отражая разочарованность политической системой как таковой. Показательно, что подобного рода протестное голосование росло по мере накопления негативного опыта жизни в новых социально-экономических условиях.

Однако радикальное протестное голосование не обязательно является реакцией на изменения общественно-политического строя. Разочарование существующей политической системой и ее неспособностью решать новые актуальные проблемы, такие как современный миграционный кризис, способствует протестному голосованию за радикальные, нетрадиционные альтернативы и в странах с развитой демократией. Примерами выступают голосование за право- и лево-радикальные популистские партии в Испании (Подemos, Гражданская партия), Великобритании (UKIP), Австралии (Единая Нация), Новой Зеландии (Новая Зеландия прежде всего), Франции (Национальное объединение), Италии (Движение пяти звезд) и других развитых странах в первом-втором десятилетиях XXI века. В этих случаях протестное голосование свидетельствует о рас-

тущем отчуждении общества от политической системы и традиционных политических сил [15].

Если в основе радикального протестного голосования лежит преимущественно негативная эмоциональная реакция и неприятие существующего статус-кво, то протест из тактических соображений отражает более рациональную логику электорального поведения и выполняет скорее «сигнальную» функцию. Теория британского экономиста Д. Майятта рассматривает протестное голосование с точки зрения теории рационального выбора, утверждая, что избиратели, являясь, в целом, сторонниками крупной, традиционной политической силы, могут тем не менее отдать свой голос за маргинальную партию в целях давления на свою партию и корректировки действующей политики [11]. Примеры тактического голосования исследователи находят, в частности, в опыте Великобритании, когда голосование консервативной части избирателей за Партию Независимости (UKIP) рассматривалось многими именно как сигнал Консервативной партии [6]. У такого голосования есть очевидная опасность для рационального актора, а именно – риск того, что к власти придет политическая сила, которая де-факто не отражает интересы избирателя и не является для него предпочтительной. Поэтому теория предполагает, что политическая система, реагируя на подобные сигналы, стремится к состоянию равновесия между желанием повлиять на свою партию и рисками прихода к власти нежелательных сил.

Намеренная порча бюллетеней рассматривается как самостоятель-

ная стратегия поведения избирателей, у которой, как считается, может быть несколько объяснений. Во-первых, она может объясняться законодательными или процедурными ограничениями, существующими в политической системе страны. Есть данные о том, что порча бюллетеней более часто используется в странах с обязательным участием в выборах [6]. Тем самым свой протест выражают избиратели, которые иначе предпочли бы неучастие в голосовании. Однако BNS-голосование характерно и для избирательных систем без обязательности голосования. Некоторые исследования показывают, что такой тип голосования может быть устойчивой стратегией, использующейся регулярно на разных выборах, которые свидетельствуют о наличии выраженных протестных мотивов, являющихся реакцией на социально-экономические проблемы и более распространены среди политически грамотных жителей городов [10]. Исследования показывают, что порча бюллетеней как протестная стратегия широко распространена в странах электоральной автократии или несовершенной демократии, для которых характерны ограничения политических прав и доминирование одной партии [6]. Такой тип голосования может означать рациональный выбор в ситуации, когда избиратель не видит устраивающей его альтернативы, и дает это понять политической системе.

Организованное протестное голосование существенно отличается от других видов голосования тем, что за ним, как правило, стоит какая-то серьезная политическая сила, ко-

торая способна мобилизовать значительное число сторонников, но не имеет возможности участвовать в выборах сама. При этом с технической точки зрения, такое голосование может осуществляться и посредством голосования за определенные (третьи) партии, и посредством порчи бюллетеней. Известные примеры организованного протестного голосования включают в себя выборы в Конституционное собрание Аргентины в 1957 году, президентские выборы в Перу в 2000 г., выборы судей в Боливии в 2011 г. Как отмечает Р. Альварес и другие [6], такого рода кампании достаточно редки, а их политическая эффективность невелика, поскольку преимущества для рационального избирателя в данном случае практически отсутствуют. Одновременно, такая стратегия отражает интересы прежде всего самой политической силы – организатора кампании, которая получает возможность записать каждый голос за указанного ей кандидата или испорченный бюллетень на свой счет.

Санкционированное голосование путем наличия графы в бюллетене «Против всех» дает избирателю возможность прямо указать на свое недовольство имеющимися альтернативами. Тем не менее, очень немногие избирательные системы допускают подобную форму голосования (Индия, Тайланд, Колумбия, некоторые штаты США). Отчасти поэтому информация о причинах и факторах такого типа протестного голосования очень ограничена. Тем не менее, считается, что голосование против всех является следствием не только протеста, но также низкого интереса избирателей [6].

В целом, современный мировой опыт изучения протестного голосования показывает многообразие не только тактик, но также социальных и политических причин, лежащих в его основе. Однако обобщая многочисленные исследования и теоретические объяснения, можно сделать вывод, что протестное голосование лишь в очень незначительной мере может рассматриваться как сугубо политтехнологический инструмент. Протестное голосование отражает неудовлетворенность избирателей социально-экономическим положением, динамикой общественно-политических процессов или качеством политического представительства. В каком-то смысле, любые выборы являются, прежде всего, референдумом о доверии действующей власти и о поддержке ее политике [18]. Однако было бы ошибкой считать любой проигрыш инкумбента проявлением протестного голосования. Последнее целесообразно рассматривать как специфический вариант отказа в поддержке действующей политической силы, при которой фактором электорального выбора является именно недовольство ей, а не рост предпочтительности электоральных альтернатив. В его основе могут лежать рациональные и отрефлексированные соображения и мотивы, либо же более эмоциональные и интуитивные реакции. Однако для политического истеблишмента она является, в первую очередь, прямым индикатором ошибок и проблем, которые совершает действующая власть, по мнению избирателей. Содержательно, эти проблемы могут носить различный характер: падение уровня жизни и рост безработицы,

проблемы межнациональных отношений, коррупция, отсутствие перспектив и каналов социальной мобильности, нарушения политических и социальных прав.

То, в какой форме воплощается недовольство граждан, зависит от особенностей конкретной избирательной системы и сложившейся структуры партийного представительства. В системах с развитыми институтами политического представительства, большинство избирателей могут выразить свое недовольство голосованием за альтернативные партии, в том числе радикальные, которые тем не менее участвуют в выборах. Однако даже если политическая система не предоставляет достаточные возможности для выражения недовольства, граждане находят альтернативные стратегии электорального поведения.

Современные дискуссии о природе и формах проявления протестного голосования могут быть продуктивно спроецированы и на современные политические реалии российского общества. В последние годы аналитики применяли понятие протестного голосования для объяснения результатов некоторых выборов, в частности, губернаторских выборов 2018 г., когда в ряде регионов РФ (Приморский край, Хабаровский край, Владимирская область, Республика Хакассия) избиратели явно продемонстрировали нежелание поддержать кандидатов от федеральной власти. Необходимо отметить, что само по себе голосование против инкумбента не является протестным голосованием и является нормальной практикой в демократических выборах. Тем не менее, трактовка таких голосований

именно как результатов протеста в российских выборах обоснована.

Электоральный авторитаризм, присущий российской политической системе, существенно ограничивает возможности избирателей выбирать между политическими силами в зависимости от собственных предпочтений и рассчитывать на полноценное представительство. По результатам опросов Левада-центра, четыре парламентские партии, которые образуют т.н. «системную оппозицию», устойчиво теряют поддержку населения, а их суммарный рейтинг опустился в 2019 г. до 51% [5]. Это является прямым свидетельством кризиса представительства, при котором интересы почти половины избирателей никак не представлены в органах власти.

В таких условиях, протестное голосование как стратегия электорального поведения становится все более востребованным. Описанная выше таксономия позволяет понять, какие стратегии и тактики выражения своего недовольства текущим положением де-факто присутствуют в современных российских реалиях. Мы полагаем, что основной тип протестного голосования, с которым сталкивается современная политическая система России – это тактическое голосование. Об этом говорят следующие обстоятельства. Во-первых, в действующей избирательной системе графа «Против всех» не предусмотрена, а значит, институциональные возможности для санкционированного протеста отсутствуют. Во-вторых, порча бюллетеней, насколько можно судить по электоральной статистике, также не представляет сколько-нибудь существенной доли в резуль-

татах голосования. Жесткий административный контроль над партийной системой ограничивает также возможности реализации стратегии радикального протестного голосования. Отчасти функцию неортодоксальной политической силы в России традиционно выполняет ЛДПР, однако самостоятельность этой политической силы носит ограниченный характер, а степень ее радикальности не стоит преувеличивать.

Несколько более сложной представляется ситуация с организованным протестным голосованием. Представители «несистемной оппозиции», лишённые возможности легального участия в выборах различного уровня, неоднократно пытались организовать кампании протестного голосования либо организованного неучастия. Однако эффективность этих кампаний оказывалась сравнительно невысокой и сложно поддающейся оценке, а противоречивые стратегии протестного голосования, продвигающиеся лидерами (например, конфликт стратегий бойкота, порчи бюллетеней и тактического голосования на выборах Президента в 2018 г. и выборах в Мосгордуму в 2019 г.) лишь усилили сложности консолидации протестных интенций избирателей.

Примером относительно успешной кампании подобного рода можно считать проект «Умное голосование», предложенный А.Навальным и Л.Волковым в ходе выборов в Мосгордуму в 2019 г. и тиражированный в других регионах. Сами организаторы оценили недавно успех своей стратегии в 145 электоральных побед на выборах в региональные представительные органы (из 778 мест) [3]. Такая оценка не может приниматься безоговорочно из-за

невозможности однозначно оценить вклад организованной кампании в победу протестного кандидата. Тем не менее, некоторые примеры, в частности, победа кандидата «Умного голосования» в ряде округов Москвы на выборах в Мосгордуму (особенно в 45-м округе) позволяют утверждать, что в России имеется достаточное число избирателей, готовых к участию в организованном электоральном протесте.

Основная же часть протестного голосования приходится на долю тактического. В отсутствие достаточных возможностей для голосования на основе фактических предпочтений, то есть, по содержательным соображениям, и роста протестных настроений, вызванных социально-экономическими и другими объективными процессами, избиратели предпочитают отдавать свой голос за кандидатов не из числа инкумбентов в качестве сигнала своего разочарования и недовольства политикой действующей власти. Число голосов, отданных в итоге за представителей КПРФ или ЛДПР значительно превышает их «честный» электоральный рейтинг, основанный на оценке соответствия политическим предпочтениям. На фоне стабильно высокого уровня поддержки В.Путина, это позволяет утверждать, что голосование за альтернативных кандидатов во многих случаях выполняет именно «сигнальную» функцию, информируя политический истеблишмент о недовольстве граждан и растущей социальной напряженности.

Заключение

Электоральный протест как проявление социальной напряженности и роста протестных настроений

не является сугубо российским феноменом и отражает общемировые процессы роста недоверия к элитам. Однако на сегодняшний день, при всей публичности и обсуждаемости этого явления, существует значительная неопределенность относительно академического понимания содержания и природы протестного голосования, а также способствующих ему факторов. В электоральных автократиях, к каковым следует отнести и Россию, протестное голосование начинает выступать в качестве важного индикатора социальной напряженности и неудовлетворенных политических потребностей. В этой связи представляются крайне актуальными эмпирические исследования, направленные на точное измерение и понимание конкретных механизмов и факторов протестного голосования в российском обществе.

Литература

1. Бурда М. Протестное голосование как форма политического участия в современной России (на примере Владимирской области) // PolitBook. 2019. №1. С.22-36.
2. Вайсберг А. Протестное голосование в российских регионах – случайность или новая политическая реальность? // Публичная политика. 2019. №S2. С.37-46.
3. Волков Л. Умное голосование: 2019, 2020, 2021. – 20.11.2019. – URL: <https://www.leonidvolkov.ru/p/316>.
4. Скиперских А.В. Протестное поведение в избирательной кампании 2016 г.: особенности липецкого кейса // Власть. 2017. №1. С.59-66
5. Суммарный рейтинг парламентских партий опустился до 51% / Левада-центр. – 14.08.2019. – URL:

<https://www.levada.ru/2019/08/14/su-mmarnyj-rejting-parlamentskih-partij-opustilsya-do-51>.

6. Alvarez R.M., Kiewiet D.R., Núñez L. A taxonomy of protest voting // *Annual Review of Political Science*. 2018. Vol. 21. P.135-154.

7. Bergh J. Protest voting in Austria, Denmark, and Norway // *Scandinavian Political Studies*. 2004. Vol.27. P.367-389.

8. Erlingsson G.O. Persson M. The Swedish Pirate Party and the 2009 European Parliament election: protest of issue voting? // *Politics*. 2011. Vol.31. P.121-128.

9. Hooghe M., Dassoneville R. A spiral of distrust: A panel study on the relation between political distrust and protest voting in Belgium // *Government and Opposition*. 2018. Vol. 53.1. P.104-130.

10. Martins R. The blank and the null: An examination of non-conventional voting choices. CeBER Working Papers. 2017. №6. P.1-26.

11. Myatt D.P. A theory of protest voting // *The Economic Journal*. 2017. Vol. 127. P.1527-2567.

12. Ouweneel P., Veenhoven R. Happy protest voters: The case of Rotterdam 1997-2009 // *Social Indicators Research*. 2016. Vol.126.2. P.739-756.

13. Passarelli G., Tuotro D. The Five Stars Movement: purely a matter of protest? The rise of a new party between political discontent and reasoning voting // *Party Politics*. 2018. Vol.24.2. P.129-140.

14. Pop-Eleches G. Throwing out the bums: protest voting and unorthodox parties after communism // *World Politics*. 2010. Vol. 62. P.221-260.

15. Southwell P.L., Everest M.J. The electoral consequences of

alienation: nonvoting and protest voting in the 1992 presidential race // *The Social Science Journal*. 1998. Vol. 35. P.43-51.

16. Schimpf C.H. Anticipated election result and protest voting: why and when Canadian voters signal discontent // *Canadian Journal of Political Science*. 2019. Doi: 10.1017/S0008423919000325.

17. Superti C. Vanguard of the discontents: Blank and null voting as sophisticated protest. *Midwest Political Science Association*, 2014. URL:

<https://pdfs.semanticscholar.org/a9bd/5317bafa22250b77f4d132d232f98993d31b.pdf>.

18. Tufte E. *Political Control of the Economy*. Princeton: Princeton University Press, 1978.

Protest voting as a result of social tensions

Terentev A.Yu.

Pacific National University

The article considers the phenomenon of protest voting as a special form of electoral behavior. On the basis of a taxonomy proposed by R. Alvarez et al., five types of electoral protest are analyzed: insurgent party, tactical, BNS, organized, and officially sanctioned (NOTA) voting. Key factors and manifestations of protest voting are identified across the globe and in contemporary Russia. It is concluded that in the Russian society increase in protest voting reflects the growing dissatisfaction with the current socioeconomic and political situation, and mainly takes the form of tactical voting.

Keywords: protest voting, electoral behavior, social protest

References

1. Burda M. Protest voting as a form of political participation in modern Russia (on the example of the Vladimir region) // *PolitBook*. 2019. №1. S.22-36.
2. Weisberg A. Protest Voting in Russian Regions - an Accident or a New Political Reality? // *Public policy*. 2019.No S2. S.37-46.
3. Volkov L. Smart voting: 2019, 2020, 2021. - 11/20/2019. - URL: <https://www.leonidvolkov.ru/p/316>.

4. Skiperskih A.V. Protest behavior in the 2016 election campaign: features of the Lipetsk case // *Power*. 2017. No1. S.59-66
5. The total rating of parliamentary parties dropped to 51% / Levada Center. - 08/14/2019. - URL: <https://www.levada.ru/2019/08/14/summarnyj-rejting-parlamentskih-partij-opustilsya-do-51>.
6. Alvarez R.M., Kiewiet D.R., Núñez L. A taxonomy of protest voting // *Annual Review of Political Science*. 2018. Vol. 21. P. 135-154.
7. Bergh J. Protest voting in Austria, Denmark, and Norway // *Scandinavian Political Studies*. 2004. Vol. 27. P.367-389.
8. Erlingsson G.O. Persson M. The Swedish Pirate Party and the 2009 Euro-pean Parliament election: protest of issue voting? // *Politics*. 2011. Vol.31. P.121-128.
9. Hooghe M., Dassoneville R. A spiral of distrust: A panel study on the relation between political distrust and protest voting in Belgium // *Government and Opposition*. 2018. Vol. 53.1. P.104-130.
10. Martins R. The blank and the null: An examination of non-conventional voting choices. CeBER Working Papers. 2017. No.6. P.1-26.
11. Myatt D.P. A theory of protest voting // *The Economic Journal*. 2017. Vol. 127. P. 1527-2567.
12. Ouweneel P., Veenhoven R. Happy protest voters: The case of Rotterdam 1997-2009 // *Social Indicators Research*. 2016. Vol. 126.2. P.739-756.
13. Passarelli G., Tuotro D. The Five Stars Movement: purely a matter of protest? The rise of a new party between political discontent and reasoning voting // *Party Politics*. 2018. Vol.24.2. P.129-140.
14. Pop-Eleches G. Throwing out the bums: protest voting and unortho-dox parties after communism // *World Politics*. 2010. Vol. 62. P.221-260.
15. Southwell P.L., Everest M.J. The electoral consequences of aliena-tion: nonvoting and protest voting in the 1992 presidential race // *The Social Science Journal*. 1998. Vol. 35. P. 43-51.
16. Schimpf C.H. Anticipated election result and protest voting: why and when Canadian voters signal discontent // *Canadian Journal of Political Science*. 2019. Doi: 10.1017 / S0008423919000325.
17. Superti C. Vanguard of the discontents: Blank and null voting as so-phisticated protest. Midwest Political Science Association, 2014. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/a9bd/5317bafa22250b77f4d132d232f98993d31b.pdf>.
18. Tufte E. *Political Control of the Economy*. Princeton: Princeton Uni-versity Press, 1978.

Трудоустройство выпускников высших учебных заведений как социальный процесс

Сулимова Е.А., Федорова О.А.

В статье рассматриваются особенности процесса трудоустройства выпускников высших учебных заведений.

В последнее время данный вопрос стоит довольно остро. Значительная часть выпускников, получив в руки долгожданный диплом, пребывает в замешательстве. Они не знают, что теперь делать дальше, какие действия предпринимать, а самое главное – они понятия не имеют, как искать работу по специальности.

Проблема трудоустройства выпускников высших учебных заведений несомненно является одной из самых актуальных на повестке дня. Дело в том, что, согласно статистике, более 75% выпускников испытывают сложности при поиске работы. Такие показатели совсем не выглядят многообещающими. Именно поэтому вузы делают все возможное, чтобы поспособствовать успешному трудоустройству своих выпускников, и из года в год совершенствуют систему, связанную с оказанием такой помощи студентам. Кроме того, статистика трудоустройства выпускников определенного вуза является одним из основных показателей его успешности и престижности, а также качества предоставляемых им знаний. Поэтому проблема трудоустройства выпускников волнует все высшие учебные заведения.

Ключевые слова: рынок труда, трудоустройство молодежи, уровень трудоустройства, высшие учебные заведения, выпускники высших учебных заведений.

Рынок труда является важной и неотъемлемой частью экономики. Для того чтобы подробнее разобраться в его сущности, вернемся к самым первым истокам, когда еще даже не существовали различные научные теории рынка труда, но его элементы уже присутствовали в отношениях между экономическими субъектами. Возникновение рынка труда началось тогда, когда крепостные крестьяне получили свободу, тем самым потеряв доступ к средствам производства (в частности, земельным наделам). Будучи независимыми и юридически свободными, но лишенными средств производства, они остались без средств к существованию. Поэтому им приходилось продавать свою способность к труду (рабочую силу).

В современной экономической литературе часто отождествляют такие понятия, как «рынок труда» и «рабочая сила». Связано это с тем, что по сей день ведутся дискуссии по поводу того, что же все-таки является товаром, объектом купли-продажи, - труд или рабочая сила. Однако Международная Организация Труда определила, что труд не может являться предметом купли-продажи.

Рассмотрим понятие рынка труда в узком и широком смысле. В узком смысле рынок труда — это

сфера рыночных отношений, где формируется механизм спроса и предложения на рабочую силу, цена труда, обеспечивается распределение и мобильность рабочей силы в зависимости от развития инфраструктуры. А в широком смысле рынок труда представляет собой систему общественных отношений, правовых норм, всего разнообразия социальных институтов и факторов, которые обеспечивают воспроизводство, обмен и использование рабочей силы [1, с. 27].

Размышляя о сущности рынка труда, нужно определить какая субстанция берется за основу – сфера, пространство, система отношений, либо механизм. Именно с этим и связано многообразие понятий рынка труда.

Рынок труда обладает некоторыми особенностями, которые непосредственно сказываются на его функционировании. Рассмотрим эти особенности [4, с. 27]:

- права собственности на товар (рабочую силу) не могут быть отделены от его владельца;
- длительный контакт и взаимодействие покупателя и продавца (т.е. после совершения сделки начинаются долгие отношения между покупателем и продавцом);
- на рынке труда имеют место не денежные элементы сделки (например, возможности карьерного роста, условия труда, атмосфера в коллективе и др.);
- наличие особых институтов и структур (например, система трудового законодательства, центры занятости, различные государственные программы в сфере труда и др.);
- все сделки индивидуальны и разнообразны. Это обусловлено

тем, что каждый человек (в данном случае – работник) по-своему особенен и имеет какие-то уникальные качества, и рабочие места тоже отличаются друг от друга, предъявляя к потенциальным сотрудникам свои особые требования.

Особой социальной группой, которая способна оказать существенное влияние на состояние рынка труда, является молодежь, получающая сегодня высшее образование. Молодые специалисты – высших учебных заведений, впервые ищущие работу, так же, как и молодежь без образования и специальности, традиционно входят в группу риска, являясь одним из наиболее проблематичных участников рынка труда [3, с. 4].

Проблема трудоустройства молодежи довольно ярко выражена в нашей стране, она является особенно актуальной в последнее время. К сожалению, на данный момент в стране наблюдается тенденция к увеличению количества выпускников высших учебных заведений, которые оказываются невостребованными на рынке труда. Появляется все больше и больше молодых людей с профессиональным образованием, которые не могут в постоянно изменяющихся условиях приспособиться к требованиям и нуждам рынка труда.

Особо часты случаи, когда выпускники устраиваются на работу не по выбранной ими специальности. Это говорит о том, что выбор университета и профиля подготовки, который, к слову, зачастую определяется всего лишь наличием свободных бюджетных мест при поступлении, однозначно не может гарантировать увлеченность и занятие этой профессией в будущем.

Достаточно низкий уровень трудоустройства выпускников вузов объясняется неравномерным соотношением спроса и предложения на рынке труда, слабым уровнем подготовки студентов, несоответствием качеств, умений, навыков и компетенций молодых специалистов требованиям и ожиданиям работодателей, а также рядом других социальных факторов. В настоящее время заметна тенденция к увеличению количества выпускников с высшим профессиональным образованием, ищущих работу и стоящих на учете в центрах занятости.

На самом деле, позиции молодежи на рынке труда довольно сложно оценить однозначно в связи с тем, что на данный момент существует большое количество исследований, посвященных этой теме, но их результаты все достаточно противоречивы. Так, например, согласно исследованию В.А. Карпец, П.В. Романова и А.Ю. Слепухина положение выпускников вузов на современном рынке труда расценивается как неблагоприятное. Происходит изменение ценностей, предпочтений и приоритетов личности, а также мотивации, влияющей на выбор профессии.

Однако по данным исследований других источников выявлены совершенно противоположные результаты. А именно был сделан вывод, что в стране есть все благоприятные и подходящие условия для реализации молодыми специалистами себя в выбранных ими сферах. Такие позитивные выводы и тенденции объясняются расширением возможностей за счет появления систем различных международных обменов и стажировок для студентов и выпускников вузов.

В целом, согласно информации Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, положение молодежи на рынке труда характеризуется экономической активностью и мобильностью [2, с. 28].

Выделяется два основных типа поведенческих стратегий выпускников вузов по отношению к трудоустройству:

- пассивная умеренно-приспособительная;
- активная позитивно-инструментальная.

Представители первого типа полностью полагаются на помощь государства в надежде, что оно предоставит им какие-либо льготы, либо создаст новые рабочие места на рынке труда. Обеспечение высокого материального положения является для них проблемой, они готовы жертвовать свободой, если государство предлагает им помощь. Для студентов же со вторым типом поведенческой стратегии свобода превыше всего, они нацелены исключительно на успех и достижение материального благосостояния. Основной своей проблемой они видят недостаточное количество возможностей для развития и самореализации, однако считают, что образование способно устранить эту проблему. Люди такого типа высокоморальны, и даже несмотря на всю важность успеха и карьерного роста в их жизни, они не готовы «перешагнуть» через свои принципы, используя нечестные и аморальные способы достижения целей.

Показатели трудоустроенности выпускников вузов в разных информационных источниках могут сильно отличаться, однако общие тенденции можно определить, про-

водя опросы выпускников-бакалавров. В ходе которых было выяснено, что большая часть респондентов смогла трудоустроиться только спустя год после окончания вуза. Чуть меньшее количество опрошенных устроилось на работу на 3 и 4 курсах. Также было установлено, что преобладающее большинство выпускников продолжает обучение на магистерских программах подготовки, осваивая вторую ступень системы высшего образования. Стоит отметить, что значительная часть таких студентов выбирает направление подготовки, отличное от изучаемого на бакалавриате.

В ходе проводимых опросов студентов было выявлено, что основной проблемой трудоустройства является то, что не всем дипломированным специалистам удается устроиться на работу по специальности. Такая ситуация может складываться по разным причинам. Кто-то умышленно, в связи с личными интересами, меняет сферу деятельности и углубляется в другое направление, а у кого-то так происходит по сложившимся обстоятельствам.

Часть опрошенных отмечали, что испытывают некоторые трудности в ходе рабочего процесса в связи с нехваткой определенных профессиональных компетенций. Стоит отметить, что этот вопрос довольно субъективный, потому что такая проблема может возникнуть из-за смены сферы деятельности, в основном у тех выпускников, которые проходили обучение по совершенно другому направлению.

Например, некоторым респондентам, обучающимся по направлению подготовки 38.03.02 «Менеджмент» не хватает более глубоких

знаний в IT-сфере, а также опыта работы с такими программами, как 1С, Bitrix24 и т.д. Также часть опрошенных испытывает трудности, связанные с планированием и тайм-менеджментом. Еще были названы следующие проблемы: несовершенство владения английским языком, недостаток навыков по автоматизации бизнес-процессов и др. В связи с тем, что определенная часть выпускников связала свою профессиональную карьеру с маркетингом, отдельным блоком среди ответов респондентов можно выделить проблемы, связанные с недостатком знаний в области маркетинга и рекламы. Также стоит сказать, что небольшая доля опрошенных отмечает полезность различных сертификатов о прохождении дополнительных программ и курсов повышения квалификации, которые помогают при трудоустройстве, создавая, по крайней мере, «видимость» обладания определенными навыками. Это скрашивает образ дипломированного специалиста в глазах работодателя.

Многие студенты после окончания вуза в буквальном смысле пребывают в растерянности. Получив заветный диплом в руки, а также полную свободу действий, они не знают где, и самое главное – как искать работу по специальности [5].

Исходя из проведенного анализа трудоустройства выпускников вузов, можно сделать вывод, что в целом в университетах созданы достаточно благоприятные условия для содействия дипломированным специалистам в поиске достойного места работы. Однако в ходе проведенного исследования были выявлены ряд недочетов, которые следовало бы попытаться устранить.

Основная работа с выпускниками по вопросам трудоустройства начинается на 4 курсе. Вероятно, что эффективнее бы было начинать такую работу уже на третьем году обучения. Так, у студентов появится больше времени на решение этого важного вопроса, это уменьшит тревогу и даст им хоть какую-то уверенность в дальнейшем трудоустройстве, а также, по крайней мере, моральное успокоение в том, что дело не стоит на месте, и процесс пошел. Это дало бы возможность совмещать работу и учебу, даже временная краткосрочная практика станет отличным опытом и поспособствует появлению новых компетенций, а также формированию базы контактов, которые могут оказаться полезны при построении карьеры в дальнейшем.

Также немаловажно привлечение студентов более ранних курсов к мероприятиям, связанным, например, с проведением лекций и мастер-классов от представителей компаний, сотрудничающих с вузом, чтобы студенты уже заранее имели хотя бы малейшее представление о том, через что им предстоит пройти, как действовать и что нужно предпринимать для успешного трудоустройства в дальнейшем. Такие мероприятия можно организовывать, например, приглашая спикеров в то время, когда у студентов проходят лекции или семинары, чтобы как можно большее количество молодых людей невольно становилось свидетелями подобных мастер-классов.

Кроме того, не стоит пренебрегать мнением самих выпускников, которые внесли свои предложения, основываясь на личном опыте и

трудностях, с которыми они столкнулись. Например, было предложено внести некоторые изменения в учебный план по направлению подготовки. Большое число предложений было связано с проведением занятий по выработке практических навыков работы с различными программами и программными обеспечениями, что на данный момент очень актуально в рамках цифровизации экономики. Ведь именно развитие данного перспективного направления позволит России решить вопрос глобальной конкурентоспособности и национальной безопасности.

Литература

1. Былков, В.Г. Рынок труда и развитие занятости населения + eПриложение. (Бакалавриат). Учебник: учебник / В.Г. Былков. — Москва: КноРус, 2019. — 287 с.
2. Кибанов, А.Я. Управление трудоустройством выпускников вузов на рынке труда: монография / А.Я. Кибанов, Ю.А. Дмитриева. — М.: ИНФРА-М, 2019. — 250 с.
3. Литвинюк, А.А. Российская молодежь на рынке труда: экономическая активность и проблемы трудоустройства в мегаполисе: монография / А.А. Литвинюк, В.Н. Бобкова. — Москва: Русайнс, 2020. — 229 с.
4. Рофе, А.И. Рынок труда: учебник / А.И. Рофе. — Москва: КноРус, 2020. — 259 с.
5. Проблемы трудоустройства студентов и выпускников ВУЗа [Электронный ресурс] / Научный форум. — 2019. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://nauchforum.ru/studconf/social/xxxix/13613> (дата обращения: 15.12.2019).

Employment of graduates of higher educational institutions as a social process

Sulimova E.A., Fedorova O.A.

Plekhanov Russian University of Economics

The article discusses the features of the employment process of graduates of higher educational institutions.

Recently, this issue has been quite acute. A significant part of the graduates, having received the long-awaited diploma, is confused. They do not know what to do next, what actions to take, and most importantly, they have no idea how to look for work in their specialty.

The problem of employment of graduates of higher educational institutions is undoubtedly one of the most pressing on the agenda. The fact is that, according to statistics, more than 75% of graduates have difficulty finding a job. Such indicators do not look promising at all. That is why universities are doing everything possible to contribute to the successful employment of their graduates, and from year to year improve the system associated with the provision of such assistance to students. In addition, statistics on the employment of graduates of a particular university is one of the main indicators of its success and prestige, as well as the quality of the knowledge it provides. Therefore, the problem of employment of graduates is of concern to all higher education institutions.

Key words: labor market, youth employment, level of employment, higher educational institutions, graduates of higher educational institutions.

References

1. Bylkov, V.G. Labor market and employment development + e-application. (Undergraduate). Textbook: textbook / V.G. Bykov. - Moscow: KnoRus, 2019. - 287 p.
2. Kibanov, A.Ya. Managing the employment of university graduates in the labor market: monograph / A.Ya. Kibanov, Yu.A. Dmitrieva. - M.: INFRA-M, 2019. - 250 p.
3. Litvinuk, A.A. Russian youth in the labor market: economic activity and employment problems in a megalopolis: monograph / A.A. Litvinuk, V.N. Bobkova. - Moscow: Rusyns, 2020. - 229 p.
4. Rofo, A.I. Labor market: textbook / A.I. Rofo. - Moscow: KnoRus, 2020. - 259 p.
5. Problems of employment of students and graduates of the university [Electronic resource] / Scientific forum. - 2019. - Electron. Dan. - Access mode: <https://nauchforum.ru/studconf/social/xxxix/13613> (accessed: 12/15/2019).

Авторы

Апполонов Алексей Валентинович - кандидат философских наук, доцент, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, alexeyapp@yandex.ru

Арчугова Анна Сергеевна - ассистент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук (КИЯ ФГСН) Российского университета дружбы народов, archugova-as@rudn.ru

Башук Елена Николаевна - старший преподаватель, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, bashuk@fsn.unn.ru

Бурмыкина Ирина Викторовна – доктор социологических наук, профессор, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П.Семенова-Тян-Шанского, ivburm@yandex.ru

Гапанюк Антон Евгеньевич - преподаватель, заместитель заведующего кафедрой, РПУ святого Иоанна Богослова, antony_e@pisem.net

Гарнага Анастасия Филипповна - старший преподаватель кафедры «Архитектура и урбанистика» Института архитектуры и дизайна, Тихоокеанский государственный университет, neklyudova.anastasiya.90@mail.ru

Гридина Вера Валерьевна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества, Самарский государственный технический университет, samavera@mail.ru

Гулина Дарина Сергеевна – аспирант факультета Высшая школа

современных социальных наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, darinka_good@mail.ru

Далал Бенбутриф - аспирант кафедры философии, этики и религии, Уральский федеральный университет, dallal_2010@live.fr

Евсина Татьяна Алексеевна -- старший преподаватель кафедры экономики и управления, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, филиал КузГТУ в г. Новокузнецке, evsinata@kuzstu-nf.ru

Жулева Мария Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, Тюмень. zhuleva_ms@mail.ru

Загирняк Михаил Юрьевич - кандидат философских наук, научный сотрудник Академии Кантианы, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, MZagirnyak@kantiana.ru

Зубец Алексей Николаевич – доктор экономических наук, кандидат технических наук, доцент, Директор института социально-экономических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ANZubets@fa.ru

Ибрагимов Радий Назибович – доктор философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», dison1@mail.ru

Карпова В.М. – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии семьи

и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. wmkarova@yandex.ru

Козырева Лариса Дмитриевна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий, Северо-Западный институт управления (СЗИУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), ldkozyreva@gmail.com

Кравченко Альберт Иванович - доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ. kravchenkoai@mail.ru

Куликов Сергей Павлович - к.с.н., заведующий кафедрой «Государственное управление и социальные технологии» ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», Milena.555@mail.ru

Ляликowa Софья Викторовна - тьютор кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. lyalikova@socio.msu.ru

Маленков Вячеслав Викторович - кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и бизнеса Тюменского государственного университета, vvmalencov@gmail.com

Малых Светлана Владимировна - доцент, кандидат исторических наук, кафедра русского языка и общего языкознания, Институт филологии иностранных языков и медиа коммуникаций Иркутского государственного университета, Россия, Иркутск. lana.malyx@bk.ru

Марушкина Д.В. - студентка социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (I курс магистратуры). marushkina.d@mail.ru

Младенов Василий Иванович - соискатель, начальник военной кафедры Забайкальского государственного университета, Mladenov.v@mail.ru

Ни Ваян Радита Нови Пуспитасари - аспирант, кафедра социальной философии, УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, dita_puspitasari88@hotmail.com

Новиков Сергей Вячеславович - к.э.н., доцент, заведующий кафедрой «Экономическая теория» ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», ncsrm@mail.ru

Орлова Ольга Михайловна - ассистент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, oom800@ya.ru

Осипов Егор Михайлович - доктор социологических наук, профессор, преподаватель кафедры социологии управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Панчук Наталья Николаевна - доцент, заведующий кафедрой «Архитектура и урбанистика» Института архитектуры и дизайна, Тихоокеанский государственный университет, ranch-03@inbox.ru

Печеркина Ирина Федоровна - кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и бизнеса Тюменского государственного университета, pecherki@mail.ru

Пикалова Оксана Серафимовна - младший научный сотрудник, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П.Семенова-Тян-Шанского, oks-14-02@bk.ru

Письменная Татьяна Геннадьевна - канд. ист. наук, доцент кафедры истории обществознания и педагогических технологий филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, pismennayat@mail.ru

Письменный Роман Геннадьевич - канд. физ-мат. наук, декан факультета, математики информатики биологии и технологии филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, rigozen@mail.ru

Погорелов Сергей Сергеевич - магистрант ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», pogorelov.s.s@mail.ru

Рязанцев Игорь Павлович - доктор экономических наук, профессор, декан факультета социальных наук, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, dekan-soc@mail.ru

Сазонов Андрей Александрович – к.э.н., доцент кафедры «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), sazonovamati@yandex.ru

Семенович Александр Владимирович - Аспирант, кафедра философии и религиоведения, Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ), a_semenovich76@mail.ru

Сизинцев Павел Васильевич - кандидат богословия, выпускник аспирантуры МПДА, sizinpash@yandex.ru

Сулимова Елена Александровна - кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры организационно-управленческих инноваций ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова», Sulimova.EA@rea.ru

Терентьев Алексей Юрьевич - аспирант, кафедра социологии, политологии и регионоведения, Тихоокеанский государственный университет, Kadet1992@ya.ru

Тимонина Татьяна Владимировна - кандидат технических наук, доцент, кафедра технологии твердых химических веществ, Самарский государственный технический университет, timonina@samgtu.ru

Тимчак Ксения Николаевна - соискатель факультета государственного управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, TimchakKN@sra.msu.ru

Узюмова Наталья Владимировна - аспирант Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет при Правительстве РФ, nataly@uzyumova.ru

Федорова Ольга Альбертовна - студентка факультета менеджмента ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова», itshelgaa@icloud.com

